РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

АПРѢЛЬ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го марта 1891 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената отъ 30-го ноября 1890 г., за № 7556, о порядкѣ представленія къ чинамъ, препровожденный изъ департамента народнаго просвѣщенія при отношеніи отъ 28-го ноября 1890 г., за № 20225.

По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло о порядкѣ представленія къ чинамъ. Приказали: На основаніи 294 ст., III т. св. зак. уст. о служ. прав. изд. 1876 г., при представленіяхъ о производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ, должны быть прилагаемы краткіе списки, составленные по формѣ, утвержденной 6-го іюня 1858 года (примѣч. къ 6 п. 294 ст. уст. о служ. прав.). Въ означенныхъ спискахъ о каждомъ представляемомъ къ производству лицѣ надлежитъ обозначать чинъ, въ которомъ состоитъ представляемый къ повышенію. Между тѣмъ, во многихъ краткихъ спискахъ начальствующія мѣста и лица означаютъ тѣ чины не при имени каждаго должностнаго лица, представляемаго къ производству, а надписываютъ ихъ надъ всѣми лицами, состоящими въ одинаковыхъ чинахъ. Подобное соединеніе въ краткихъ спискахъ многихъ лицъ подъ однимъ общимъ заголовкомъ о чинахъ, вызываетъ весьма частыя ошибки со стороны начальства въ размѣщеніи представляемыхъ къ производству, а слѣдовательно и награжденіи тѣхъ лицъ не надлежащими чинами. Въ видахъ устраненія ошибокъ при представленіяхъ и точнаго соблюденія формы, установленной закономъ для составленія краткихъ списковъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: предписать подлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ, во второй графѣ краткаго списка, при имени каждаго представляемаго къ производству, означать чинъ, въ которомъ лицо то состоитъ. Ноября 30-го дня 1890 года.

О семъ для руководства объявляется по округу. (Цирк. по Спб. учебному округу за 1891 г. № 2).

О выпискѣ учебными заведеніями изданій коммиссіи народныхъ чтеній непосредственно изъ самой коммиссіи.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 14-го декабря 1890 г., за № 19654, увѣдомилъ меня, что въ видахъ поддержанія дѣя-

тельности учрежденной по Высочайшему повелѣнію постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ по изданію тѣхъ сочиненій, которыя читались въ ея аудиторіяхъ и одобрены ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также оказанія содѣйствія коммиссіи распространеніемъ этихъ изданій въ начальныхъ училищахъ, циркулярами сего министерства отъ 3-го марта 1876 г. и 11-го августа 1882 г., за №№ 2784 и 9445, предложено начальствамъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе, чтобы означенныя изданія, помѣщенныя въ каталогѣ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ начальныхъ училищахъ, были пріобрѣтаемы для сихъ училищъ на счетъ 4.250 руб., отпускаемыхъ на нужды народнаго образованія на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ даннаго округа, удѣляя для сего изъ сказанной суммы отъ 150 до 200 руб. въ годъ.

Между тѣмъ, по заявленію предсѣдателя помянутой выше коммиссіи, по нѣкоторымъ губерніямъ за послѣднія пять лѣтъ или вовсе не выписывались изданія коммиссіи, или выписывались лишь по одному, по два или по три раза за все это время и не на ту сумму, которая указана выше.

Вслѣдствіе сего его сіятельство проситъ меня подтвердить директорамъ народныхъ училищъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа о выпискѣ ими изданій коммиссіи народныхъ чтеній непосредственно изъ самой коммиссіи, присовокупляя, что канцелярія коммиссіи находится въ С.-Петербургѣ, на углу Малой Итальянской улицы и Лиговки, домъ № 38/19, кв. № 33.

О семъ для надлежащаго исполненія объявляется по округу. (Цирк. по Спб. учебному округу за 1891 г. № 2).

Опредѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «*Ѳ. Бычковъ*. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изданіе 12-е (исправленное). Спб. 1890, стр. VI+592. Цѣна 1 руб. 35 коп.» — одобрить какъ весьма полезное учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ ариѳметики. Краткій систематическій курсъ. Составилъ *А. Кунцевичъ*, преподаватель Новгородскаго реальнаго училища. Новгородъ. 1890, стр. VI+185. Цѣна 75 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе при прохожденіи ариѳметики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Ариѳметика. *Франца Симашко*. Руководство для кадетскихъ корпусовъ. Изданіе 10-е. Спб. 1891, стр. 242. Цѣна 75 коп.»— одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

*) Ж. М. Н. Пр. мартъ 1891 г.

— Книгу: «Учебникъ минералогіи. Часть описательная. Физіологія минераловъ. Выпускъ I (съ 376 политипажами въ текстѣ). Адъюнкта горнаго института горнаго инженера *Г. Лебедева.* Спб. 1890. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

— Четыре «Таблицы для нагляднаго ознакомленія съ главными пріемами поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Изданіе книгопродавца *Фену* и $К^0$, иждивеніемъ Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Цѣна каждой таблицѣ 25 коп.»—рекомендовать для народныхъ школъ.

— Книгу: «Д-ра *Гордона.* Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ голоса и рѣчи и ихъ дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи. Съ 87 рисунками въ текстѣ. Вильна. 1890, стр. 288. Цѣна 1 руб. 75 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ общей географіи съ таблицами. Курсъ II класса. Африка, Австралія, Азія и Америка. Составилъ *Лыткинъ*, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи. Спб. 1890, стр. I+115. Цѣна 65 коп.»—допустить въ видѣ руководства для реальныхъ училищъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы составитель при II изданіи вполнѣ приспособилъ свой курсъ къ новымъ учебнымъ планамъ.

— Изданіе *П. Малицкаго,* преподавателя Тульской духовной семинаріи: «Руководство по исторіи русской церкви» въ трехъ выпускахъ: [Вып. I (988—1580). Тула. 1888, стр. 318+X. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.—Вып. II (Періодъ патріаршаго управленія въ русской церкви 1589—1700). М. 1889, стр. II+116. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.—Вып. III (Періодъ синодальнаго управленія въ русской церкви). М. 1890, стр. 96. Цѣна 50 коп. съ пересылкою]—рекомендовать для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Опытъ православнаго нравственнаго богословія. Составилъ *И. Пятницкій*, преподаватель Ставропольской духовной семинаріи. Ставрополь. 1890, стр. X+343+III. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 75 коп.»—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: «Горацій. Кіевъ. 1890»—одобрить какъ учебное пособіе для гимназій.

— Книги: 1) «Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи греческія и русскія для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій. Составилъ *Э. Черный*, преподаватель Московской 3-й гимназіи. Часть II. Спряженіе глаголовъ на μι и неправильныхъ. Москва. 1890, стр. 147. Цѣна 60 к.» и 2) «Греческо-русскій и Русско-греческій словарь къ «Начальной греческой хрестоматіи. Составилъ *Э. Черный.* Москва. 1890, стр. 130. Цѣна 65 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для III, IV и V классовъ гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Брошюру: «Scriptores Graeci cura *Volodimiri Crause* in usum

scholarum editi. Λυκοῦργος κατὰ Λειοκράτου. Oratio in usum scholarum recognita. MDCCCXC. Въ 8-ю д. л., стр. 42. Цѣна 15 к.» — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ.

— Книгу: «Σοφοκλέους Ἠλέκτρα. Трагедія *Софокла*. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Греческій текстъ. Часть II. Объясненіе къ тексту, съ введеніемъ, шестью рисунками и приложеніемъ размѣровъ лирическихъ партій трагедіи. Составилъ *Ив. Мир. Ивановъ*, преподаватель гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Спб. 1890, стр. 200. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій министерства.

— Книгу: Классическій французскій сборникъ для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ и мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Эдмондъ Бугонъ*, преподаватель французскаго языка 3 и 4 женскихъ гимназій, реальнаго реформатскаго училища и другихъ московскихъ учебныхъ заведеній. Проза (Recueil classique français à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique, par *Edmond Bouhon*. Prose). Москва. 1891, стр. 342+VIII. Цѣна 1 руб.»—допустить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*Александръ Еше*, преподаватель Московской 2-й гимназіи. Руководство къ изученію нѣмецкаго языка. Часть I, составленная примѣнительно къ послѣднимъ программамъ для реальныхъ училищъ и гимназій. Москва. 1890, стр. X+261. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ видѣ руководства къ изученію нѣмецкаго языка въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. II курсъ. Москва. 1890, стр. VIII+192. Цѣна 80 коп.» — одобрить какъ руководство для изученія нѣмецкаго языка во II и III классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Практическая краткая грамматика нѣмецкаго языка (этимологія и синтаксисъ). Для систематическаго повторенія грамматики въ среднихъ классахъ реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній съ практическимъ методомъ преподаванія новыхъ языковъ. Составилъ *О. Ѳ. Кюнъ*, преподаватель Виленскаго реальнаго училища. Рига. 1890, стр. 75» — допустить какъ руководство для изученія нѣмецкой грамматики въ среднихъ классахъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Нѣмецкая книга для чтенія со статьями для перевода. Составили учителя *А. Кинъ* и *Г. Цирклеръ*. Второе, исправленное изданіе. Лодзь. 1890, стр. VI+168+XX»—одобрить для употребленія въ тѣхъ начальныхъ училищахъ, гдѣ преподается нѣмецкій языкъ.

— Книжку: «Hermann und Dorothea von *Wolfang von Goethe*, mit Anmerkungen und fortlaufendem Wörterverzeichnis herausgegeben von *Max Fischer*, Sub-Inspector an der Practischen Akademie für Handelswissenschaften in Moscau. Москва. Въ печ. 8 д. л., стр. XVI + 95. Цѣна 50 коп.»—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при преподава-

ніи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки старшаго возраста сихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Нѣмецко-русскій лѣсной словарь А. Краузэ, профессора Ново-александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Рига. 1889. 8^0, стр. 413» — одобрить для библіотекъ среднихъ техническихъ училищъ всѣхъ типовъ, для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ, а также ремесленныхъ училищъ съ столярнымъ отдѣленіемъ.

— Книгу: «Какъ дѣлаютъ простую мебель. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ со столярнымъ ремесломъ, in-16^0. Съ 25 рисунками. Составилъ священникъ Іоаннъ *Анурьевъ*. Вологда. 1890» — одобрить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Журналъ: «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ училищъ.

— Книгу: «Вѣра православной восточной греко-россійской церкви по ея символическимъ книгамъ. Систематическій сборникъ извлеченій изъ опредѣленій соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, правилъ св. апостолъ и св. отцовъ, посланія патріарховъ православно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ, православнаго исповѣданія каѳолической и апостольской церкви восточной и катехизиса Филарета, митрополита московскаго *Сергѣя Никитскаго*. Тетрадь вторая: ученіе о нравственности. Москва. 1890, стр. 229+IX. Цѣна 70 коп., съ пересылкою 80 коп.»—допустить къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ не безполезную для отцовъ законоучителей при преподаваніи ими уроковъ о христіанской нравственности.

— Книгу: «Чарльсъ Диккенсъ. Барнаби Роджъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Полный переводъ съ англійскаго. Изданіе *В. И. Маракуева*. Москва: 1888—1889. Цѣна 2 руб. 50 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книгу: «Акваріумъ любителя. Подробное описаніе флоры и фауны акваріума, устройства акваріума, уходъ за нимъ и пр. *Н. Ѳ. Золотницкаго*. Съ 189 политипажами. Изданіе 2-е, значительно передѣланное и дополненное. Москва. 1890, стр. XVI+754. Цѣна 5 руб.»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

Книгу: «Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ Н. Горбовъ. Изд. 5-е. Москва. 1890. Въ 12-ю д. л., 176 стр. Цѣна 20 к.»— одобрить, какъ учебное пособіе, въ городскія и двукласныя сельскія училища и въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

---

*) Ж. М. Н. Пр. мартъ 1891 г.

— «Книгу *И. Плетневъ.* Учебникъ всеобщей географіи, составленный примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Спб. 1890. Въ 8-ю д. л., 158 стр. Цѣна 60 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— Книгу «Галилей, его жизнь и ученые труды. Сочиненіе *Н. Н. Маракуева,* преподавателя физики и математики. Изд. 2-е Москва. 1888. Въ 12-ю д. л., 160 стр. Цѣна 35 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— «Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Составилъ *Д. Тихомировъ.* Изданіе 26-е. Москва. 1890. Въ 16-ю д. л., 168 стр. Цѣна 20 коп.»,—одобрить какъ руководство по русскому языку для городскихъ и двухклассныхъ училищъ.

— Книгу «Русская грамматика въ диктовкахъ. Годъ второй. Составила *А. Матвѣева.* Спб. 1891. Въ 8-ю д. л., 240 стр. Цѣна 55 к.»—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно сдѣланнымъ ученымъ комитетомъ указаніямъ.

— Книгу «Святыя мѣста Земли Русской. Соловецкій монастырь. *С. Максимова.* Изданіе 4-е. Спб. 1890. Цѣна 10 коп. Изданіе Луковникова»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу «Соловецкая обитель. *А. Владимірової.* Изданіе коммиссіи народныхъ чтеній. Изд. 2-е. Спб. 1890. Цѣна 10 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу «Евангельскіе разсказы, съ картинами и картами въ текстѣ. Протоіерея *В. Пѣвцова.* Спб. 1890. Въ 8-ю д. л., 159 стр. Цѣна 50 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по Закону Божію въ народныхъ училищахъ, а равно и въ библіотеки этихъ училищъ.

— Книгу «Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Составила учительница *О. Е. Скворцова.* Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1891. Въ 8-ю д. л., XVI. 155 стр. Цѣна 40 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ.

— Составленныя учительницами *А. Глазуновой* и *Е. Разиной* книги: 1) «Задачи для постепенныхъ упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей. Второй курсъ». Спб. 1890. Въ 8-ю д. л., 66 стр. Цѣна 25 к. и 2) «Методическія указанія ко второму курсу задачъ для постепенныхъ упражненій, съ приложеніемъ статей къ первому курсу задачъ». Спб. 1890. Въ 8-ю д. л., 44+28 стр. Цѣна 40 к. — допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги эти были исправлены согласно указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу «*М. Вольперъ.* Практическая русская грамматика. Учебное руководство, примѣненное преимущественно къ употребленію въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти обучаются русскому языку по книгамъ того-же

автора «Русская рѣчь». Спб. 1890. Въ 8-ю д. л., 254 стр. Цѣна 75 к.»—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ и преимущественно въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ дѣти, при поступленіи, не владѣютъ русской разговорной рѣчью.

— Книгу «Записки по методикѣ элементарной ариѳметики. Руководство для учительскихъ семинарій, институтовъ, VIII класса женскихъ гимназій, учителей и учительницъ начальныхъ училищъ. Изд. 2-е (безъ перемѣны). Составилъ *Г. М. Вишневскій*. Казань. 1890. Въ 8-ю д. л., 151 стр. Цѣна 50 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для учительскихъ семинарій, институтовъ и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Составленный *Ѳ. Шпейеромъ* «Сборникъ 60 дѣтскихъ каноновъ (съ текстомъ) для семьи и школы. Пособіе къ развитію самостоятельности въ многоголосномъ пѣніи. Москва. 1890. Цѣна 50 к.»—одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Императрица Марія Өеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ.

(По рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ Смольнаго института).

Высочайшимъ указомъ отъ 12 ноября 1796 г. императрица Марія Өеодоровна назначалась главноначальствующей Общества благородныхъ дѣвицъ, перваго разсадника женскаго образованія въ Россіи. Это заведеніе сдѣлалось любимымъ дѣтищемъ государыни: заботясь вообще о развитіи образованія и воспитанія русскаго юношества, она съ особенной любовью и неослабѣвающимъ интересомъ слѣдила за ходомъ дѣла въ Смольномъ институтѣ. Уже первые шаги государыни были ознаменованы благодѣяніемъ: на другой-же день по подписаніи указа, т.-е. 13 ноября, императрица пожаловала обществу 15.000 рублей ассигнаціями и привлекла къ милостивымъ пожертвованіямъ великихъ княженъ, изъ которыхъ однѣ вносили по 5.000, другія по 3.000 р., такъ что въ общемъ составилась круглая сумма въ 40.000 рублей ежегодно. Эти пожертвованія послужили основаніемъ такъ-называемаго кассетнаго капитала, который къ году кончины императрицы, т.-е. къ 1828 г. равнялся 1.225.226 руб. Первоначально императрица сосредоточила все вниманіе на устройствѣ хозяйственной части, находившейся въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Долгъ Общества, вслѣдствіе отсутствія всякаго правильнаго контроля, простирался до 73.215 р. 68½ к. По ходатайству Маріи Өеодоровны, онъ уплаченъ изъ суммъ казначейства; сверхъ того, растрата въ 19.552 р. 69 к., сдѣланная экономомъ Боголюбовымъ, была покрыта изъ личныхъ доходовъ императрицы. Рядомъ указовъ было предписано, чтобы впредь контракты по продовольствію заключались непремѣнно съ вѣдома совѣта, по предварительномъ опубликованіи условій контракта въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Экономъ, кассиръ и казначей обязывались дѣлать издержки только съ разрѣшенія совѣта, сохраняя росписки

частныхъ лицъ и занося всѣ расходы въ шнуровую книгу. Введя, на сколько было возможно въ короткое время, строгую отчетность, императрица обратила свое вниманіе на содержаніе воспитанницъ. Входя въ мельчайшія подробности ежедневной жизни заведенія, она старалась удалить главнымъ образомъ условія, могущія вредно отозваться на здоровьѣ дѣтей; такъ, въ спальняхъ, въ лазаретахъ каменные полы были замѣнены деревянными, усилена вентиляція, исправлены матрацы, увеличено количество бѣлья,—все это почти подъ личнымъ надзоромъ самой государыни, при чемъ многое необходимое исправлялось и дополнялось на средства императрицы. Упорядочивъ, такимъ образомъ, матеріальную сторону, Марія Ѳеодоровна позаботилась о нѣкоторыхъ важныхъ измѣненіяхъ въ учебной и воспитательной части. Свое мнѣніе по этому вопросу императрица выразила въ собственноручномъ письмѣ *) къ совѣту, предоставляя изложенный планъ на обсужденіе его членовъ, причемъ писала имъ: «Каждое ваше размышленіе, указывающее на возможность лучшихъ результатовъ, будетъ принято съ чувствомъ искренней признательности». Согласно этому плану, предполагалось измѣнить, во-1-хъ, возрастъ, назначенный для пріема дѣтей, поступавшихъ до тѣхъ поръ въ заведеніе пяти лѣтъ отъ роду, затѣмъ сократить срокъ ихъ пребыванія въ институтѣ и, наконецъ, измѣнить нѣсколько преподаваніе. «Пятилѣтній ребенокъ—писала императрица—не можетъ воспользоваться никакой наукой, опасно, я скажу даже варварство требовать отъ этихъ маленькихъ существъ прилежанія въ тотъ нѣжный возрастъ, когда ихъ организмъ развивается преимущественно физически». Кромѣ этого совершенно вѣрнаго взгляда на физическое и умственное развитіе ребенка, еще болѣе важное соображеніе побуждало императрицу предложить эту перемѣну. Марія Ѳеодоровна не раздѣляла убѣжденія Екатерины II и Бецкаго въ необходимости абсолютнаго удаленія дѣтей изъ общества; въ царствованіе Екатерины II общество стояло на низкой ступени нравственнаго развитія и представляло странную смѣсь начинающейся цивилизаціи со старинной грубостью быта, производившую «культурную иллюзію», какъ говоритъ Бильбасовъ въ своей «Исторіи императрицы Екатерины II», свѣтскія манеры и европейскій лоскъ плохо маскировали невѣжество и при болѣе близкомъ знакомствѣ эта иллюзія пропадала. Бецкій и Екатерина задались, какъ извѣстно, мыслью составить изъ малолѣтнихъ дѣтей особенный міръ, воспитать его вдали отъ вліянія общества, по извѣстнымъ правиламъ и

*) Архивъ Смольнаго, письмо отъ 4 января 1797 г. на французскомъ языкѣ.

вкореняя въ ихъ сердца только доброе и прекрасное, создавая изъ нихъ «новую породу» людей, которыя сдѣлались-бы родоначальниками и воспитателями новаго поколѣнія, украшеннаго всѣми нравственными достоинствами.

Опытъ показалъ неосуществимость этихъ мечтаній: воспитанныя вдали отъ дѣйствительнаго міра, дѣвицы составляли себѣ совершенно превратное понятіе объ ожидавшей ихъ жизни; не приготовленныя къ ней, многія изъ нихъ дѣлались жертвами фантастическаго взгляда на вещи, не имѣя достаточно нравственныхъ и умственныхъ силъ для пересозданія окружающей ихъ среды.

Марія Θеодоровна не предъявляла невыполнимыхъ требованій къ молодымъ силамъ и высоко ставила значеніе семьи, дѣйствіе родительской любви, благотворно вліяющей особенно въ первые годы жизни ребенка и оставляющей нерѣдко глубокій слѣдъ на все послѣдующее его существованіе. «Оторванный отъ семьи *), пяти лѣтъ отъ роду, ребенокъ не можетъ сохранить никакого воспоминанія о своихъ родителяхъ—писала она—чуждый воспоминаній о родительскихъ ласкахъ, онъ, вмѣсто радости и удовольствія, будетъ чувствовать страхъ, а часто и отвращеніе при мысли о возвращеніи домой», въ общество, смягченію нравовъ котораго онъ, какъ образованный человѣкъ, обязанъ способствовать. Марія Θеодоровна предлагала принимать дѣтей не ранѣе 8 лѣтъ на благородную половину и 10 лѣтъ на мѣщанскую, оставляя первыхъ вмѣсто 12-ти лѣтъ—девять, а вторыхъ шесть лѣтъ въ заведеніи, находя такой срокъ совершенно достаточнымъ для полученія основательнаго образованія.

Программа учебныхъ предметовъ на мѣщанской половинѣ была значительно сокращена: умѣнье хорошо читать, писать и правильно выражаться на родномъ языкѣ, прочныя познанія по Закону Божію и первоначальныя познанія въ ариѳметикѣ—вотъ все, что требовалось въ «мѣщанской половинѣ»; при этомъ особенное вниманіе было обращено на обученіе всевозможнымъ рукодѣльямъ и сообщеніе свѣдѣній по хозяйству. Иностранные-же языки, музыка и танцы были первоначально исключены. «Развитіе свѣтскихъ талантовъ не только вредно, но и пагубно для мѣщанокъ, такъ какъ выводитъ ихъ изъ условій ихъ сферы»—писала императрица.—«Дворяне и мѣщане имѣютъ одинакія права на благодѣянія Монарха и на наши заботы объ нихъ, но каждые сообразно со своимъ сословнымъ положеніемъ». Такимъ образомъ, мѣщанское училище дѣлалось болѣе соотвѣтствующимъ сво-

*) Письмо отъ 4 января 1797 г.

ему назначенію, и бѣдныя дѣвушки пріобрѣтали здѣсь познанія, которыя онѣ могли примѣнять на практикѣ, черезъ что болѣе или менѣе обезпечивалось ихъ существованіе. Для болѣе даровитыхъ мѣщанокъ съ выдающимися способностями допускались исключенія изъ общихъ правилъ; онѣ оставлялись по окончаніи общаго курса еще на три года въ заведеніи съ правомъ посѣщать классы «благородной половины».

Планъ преподаванія въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ тоже былъ измѣненъ. Весь курсъ раздѣленъ на три класса, при чемъ въ каждомъ воспитанницы оставались по три года. Часы занятій и количество ихъ было распредѣлено самой государыней. Въ младшемъ возрастѣ преподавались: чтеніе, письмо на трехъ языкахъ, Законъ Божій, по одному уроку въ недѣлю, рисованіе и чистописаніе; для болѣе успѣвающихъ прибавлялись: грамматика трехъ языковъ, исторія, географія и ариѳметика по одному уроку въ недѣлю, всего до 30 учебныхъ часовъ, не считая двухъ часовъ, употребляемыхъ на уроки танцевъ и 10 часовъ на музыку и рукодѣлье.

Въ среднемъ возрастѣ число уроковъ равнялось 16-ти, считая каждый по 2 часа, т.-е. 32 учебныхъ часа; въ старшемъ 34, кромѣ танцевъ, рукодѣлья и музыки. Здѣсь проходили уже геометрію, физику и логику. Какъ на средства, способствующія развитію и успѣхамъ воспитанницъ, указывалось на чтеніе книгъ, выборъ которыхъ былъ отчасти сдѣланъ самой императрицею: рекомендовались, напримѣръ, повѣсти изъ сборника «Ami des enfants par Berquin» и др., занятія по ботаникѣ и зоологіи, физическіе опыты подъ руководствомъ преподавателя, для разсѣянія суевѣрнаго страха предъ нѣкоторыми явленіями природы. Для контроля успѣховъ воспитанницъ, кромѣ годичныхъ экзаменовъ, практиковался обычай, по которому вмѣнялось въ обязанность инспектору доводить до свѣдѣнія высшаго начальства ежемѣсячно объ успѣхахъ и прилежаніи воспитанницъ.

Понимая всю важность вліянія воспитанія на юную душу ребенка, природныя свойства которой всегда можно направить въ ту или въ другую сторону, императрица рекомендуетъ крайнюю осторожность и строгость въ выборѣ классныхъ дамъ и преподавателей: первыя принимались послѣ болѣе или менѣе близкаго ознакомленія начальницы съ ихъ научными свѣдѣніями, взглядами и образомъ мыслей; вторыя-же выбирались инспекторомъ, также послѣ предварительнаго педагогическаго искуса.

Въ инспекторѣ императрица Марія Ѳеодоровна желала видѣть человѣка, знакомаго со всѣми предметами преподаванія, хотя-бы на

столько, чтобы онъ могъ опредѣлить степень познаній каждаго преподавателя и его педагогической опытности, а въ случаѣ нужды, могъ-бы помочь ему и полезнымъ совѣтомъ, и контролировать общій ходъ учебной части, для чего онъ обязанъ ежедневно присутствовать на урокахъ въ классахъ. Выборъ руководствъ и книгъ для чтенія ученицъ лежитъ тоже на отвѣтственности инспектора.

Но одни правила и программы, опредѣляя цѣль, къ которой должно стремиться заведеніе, не обезпечиваютъ еще полнаго успѣха въ достиженіи этой цѣли, что̀, главнымъ образомъ, зависитъ, конечно, отъ исполнителей. Поэтому государыня старалась руководить лицами, посвятившими себя дѣлу воспитанія юношества. «Я буду вамъ помогать во всемъ, зависящемъ отъ меня—писала императрица графинѣ Пальменбахъ *), назначенной въ помощницы начальницы Общества де-ла Фонъ, бывшей тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ — величайшимъ моимъ удовлетвореніемъ будетъ сознаніе, что я способствую вмѣстѣ съ вами благосостоянію нашихъ прелестныхъ дѣтей».

Чтобы точнѣе выяснить обязанности служащихъ, были составлены въ 1802 г. инструкціи начальницѣ, инспектору, инспектриссѣ и, нѣсколько позднѣе, класснымъ дамамъ, остающіяся почти безъ измѣненій до настоящаго времени. Начальницѣ предписывалось знакомить и подготовлять воспитанницъ къ жизни, ожидающей ихъ за стѣнами института, пользуясь для этого бесѣдами: «Слѣдуетъ иногда разрушать ихъ иллюзіи и не позволять развиваться экзальтаціи чувствъ: прекрасный идеалъ иногда вредитъ дѣйствительному благу **)—писала императрица по этому поводу.—Многимъ изъ нихъ придется жить въ деревнѣ, среди малообразованныхъ людей, въ уединеніи,—надо, чтобы онѣ были къ этому готовы и умѣли ужиться со всякимъ честнымъ человѣкомъ; чтобы онѣ, видя примѣры лести и порока, не были, однако, застигнуты врасплохъ, находя нравственную опору въ религіи. Но, украшая и укрѣпляя духъ ихъ, необходимо развивать умъ воспитанницъ и любовь къ труду, чтобы онѣ всегда имѣли рессурсъ въ самихъ себѣ. Главная задача воспитанія состоитъ въ умѣньи научить ихъ находить источникъ нравственныхъ наслажденій и радостей въ самихъ себѣ и вокругъ себя». Инспектриссѣ поручалась вся хозяйственная часть, т.-е. завѣдываніе по поставкѣ бѣлья, платья, обуви воспитанницъ съ соблюденіемъ при этомъ извѣстной экономіи, но безъ ущерба для дѣтей.

---

*) Письмо отъ 27-го февраля 1797 г.

**) «Le beau idéal est souvent nuisible au bien réel».

Государыня, находя недостаточнымъ только формальное исполненіе служащими возложенныхъ на нихъ обязанностей, желала, чтобы они вкладывали душу въ дѣло воспитанія. «Инспектрисса, учительница— пишетъ Марія Ѳеодоровна *)—поддерживая порядокъ и спокойствіе въ классѣ, исполняетъ только половину, четверть своихъ обязанностей; она постоянно должна обращаться къ сердцу ребенка и стараться благодѣтельно повліять на его разумъ, пріобрѣсти его довѣріе, не роняя своего достоинства въ его глазахъ, слѣдить за постояннымъ развитіемъ его ума и сердца, улавливать различные оттѣнки его характера, однимъ словомъ, жить съ воспитанницами, какъ мать живетъ съ своими дѣтьми». Каждая инспектрисса, понимающая такъ свои обязанности, должна была между своими классными дамами намѣтить себѣ преемницу, способную впослѣдствіи продолжать начатое въ томъже духѣ.

Класснымъ дамамъ предписывалось быть внимательными и ласковыми къ дѣтямъ, обращаться съ ними вѣжливо, стараться о внушеніи къ себѣ повиновенія и о сохраненіи своего авторитета.

Требуя добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ и вникая до мельчайшихъ подробностей въ повседневную жизнь заведенія, императрица цѣнила труды служащихъ, награждала за рвеніе и усердіе, представляя о нихъ государю. Такъ, напр., инспектрисса Роштокъ и двѣ сестры классныя дамы Зильбергейзенъ награждены были помѣстьями въ Петербургской губерніи **). Согласно данному государыней обѣщанію наградить по прошествіи года заслужившихъ того совѣстливымъ исполненіемъ ея предписаній, императрица прибавляетъ къ годичному содержанію: инспектриссѣ—800 р., инспектору—300 р., нѣсколькимъ класснымъ дамамъ до 164 р., доктору—200 р., учителю русской грамматики—200 р. и т. д. Увольняя, согласно прошенію, въ отставку классную даму Еркенсъ, императрица назначаетъ ей пенсію и въ знакъ своего благоволенія даритъ ей перстень; изъ своихъ средствъ назначаетъ пенсію учителю Делусту, который не выслужилъ обязательныхъ лѣтъ и т. д. Съ цѣлью приготовленія хорошихъ воспитательницъ, императрица учредила въ 1803 году классъ пепиньеръ при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, а затѣмъ, три года спустя, т.-е. въ 1806 г., и при мѣщанскомъ училищѣ. Положено было оставлять въ заведеніи изъ каждаго выпуска по двѣнадцати бѣднѣйшихъ воспитанницъ, отличившихся прилежаніемъ, успѣхами и поведеніемъ, съ тѣмъ,

*) Письмо отъ 11-го января 1802 г.

**) Высочайшій докладъ отъ 10-го января 1797 г.

чтобы онѣ продолжали свое образованіе и практически привыкали къ обязанностямъ воспитательницъ. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду, во-первыхъ, дать время окрѣпнуть молодымъ силамъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ ожидала трудовая жизнь, а, во-вторыхъ, помочь класснымъ дамамъ, у которыхъ, при большомъ числѣ воспитанницъ, было очень много дѣла. Проектъ этого новаго учрежденія принадлежитъ самой императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Находясь подъ исключительнымъ наблюденіемъ начальницы, пепиньерки получали содержаніе классныхъ дамъ, дежуря, поочередно, во всѣхъ классахъ или въ какомъ-нибудь одномъ изъ нихъ. Ежедневно присутствуя на урокахъ въ классахъ, онѣ пополняли свои познанія; для пріобрѣтенія-же болѣе основательныхъ свѣдѣній по исторіи, географіи и математикѣ, имъ назначались отдѣльные уроки. Преподаваніе велось на французскомъ языкѣ; ежегодно производились имъ экзамены въ присутствіи членовъ совѣта. Такимъ образомъ, онѣ составляли какъ-бы разсадникъ (pépinière) будущихъ классныхъ дамъ. По истеченіи года, желающія могли возвратиться къ родителямъ, во все-же остальное время своего пребыванія въ заведеніи онѣ обязаны были слѣпо повиноваться требованіямъ начальницы и строго соблюдать свои обязанности и установленныя правила.

Заботы императрицы о воспитанницахъ простирались и за стѣны института; по поводу приближавшагося выпуска, она пишетъ *) совѣту: «Приближается время выпуска, и я думаю о томъ, какая судьба ожидаетъ нашихъ милыхъ воспитанницъ! Обращаюсь къ вамъ, милостивые государи, съ просьбою помочь мнѣ быть имъ полезной и послѣ выпуска. Я считаю своею обязанностью позаботиться объ нихъ въ минуту, когда онѣ покидаютъ насъ. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы всѣ онѣ возвратились къ своимъ родителямъ; но такъ какъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторымъ изъ нихъ придется искать пріюта у благодѣтелей и друзей, то желательно было-бы, чтобы онѣ поступали въ частные дома не иначе, какъ съ разрѣшенія родителей и съ нашего вѣдома. Съ дозволенія императора, дѣвицы Монтіеръ, Арсеньева, Кассовская младшая и двѣ Мордвиновы останутся при дворѣ и будутъ получать полное содержаніе. Черепанова будетъ фрейлиной—при мнѣ, Кассовская старшая—при великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и, такимъ образомъ, мы обезпечили судьбу семи дѣвицъ; но такъ какъ я знаю, что многія еще нуждаются въ помощи, не имѣя даже возможности добраться до дому, то попрошу васъ, милостивые государи, довести

*) Письмо отъ 28-го января 1797 г.

о таковыхъ до моего свѣдѣнія и даже опредѣлить нужную для помощи имъ сумму, которую я возьму изъ шкатулки».

Высокая покровительница входила даже въ семейное положеніе воспитанницъ: приказанія о зачисленіи въ институтъ кандидатками сирогъ, оставшихся безъ средствъ и крова, на счетъ императрицы или кого-нибудь изъ ея дѣтей, повторяются много разъ. Напримѣръ, 17-го октября 1797 г. получено совѣтомъ Общества приказаніе принять на мѣщанскую половину двухъ Бущевыхъ: «изъ особеннаго уваженія къ бѣдному состоянію и похвалы заслуживающему поведенію студента Н. Бущева, который изъ единаго студенческаго жалованья содержитъ 6 сестеръ». Вотъ одно изъ писемъ, дышащихъ неподдѣльнымъ участіемъ къ сиротамъ:

«Петръ Васильевичъ *)! соболѣзнуя о крайней бѣдности и безпомощности состоянія двухъ малолѣтнихъ дочерей генералъ-маіора Тверитинова, которыя, недавно лишившись матери, остались безъ всякаго присмотра и имущества, предлагаю совѣту, съ согласія императора, любезнаго сына моего, принять ихъ въ число сверхкомплектныхъ. Мнѣ кажется, таковое распоряженіе въ пользу совершенныхъ сиротъ соотвѣтствуетъ самому смыслу сего заведенія». Или вотъ другое письмо **) къ графинѣ Пальменбахъ о принятіи двухъ сиротъ Биронъ. «Мы только-что узнали о смерти княгини Биронъ, оставившей послѣ себя дочерей; бѣдныя сироты въ данное время безъ всякаго присмотра. Прошу васъ отправиться немедлено въ домъ покойной и привезти маленькихъ сиротокъ въ институтъ. Государь будетъ платить за ихъ содержаніе. Я ввѣряю ихъ попеченію Общества и вашимъ заботамъ въ увѣренности, что ихъ несчастіе возбудитъ въ васъ еще большее сочувствіе»; хотя у княженъ Биронъ было очень значительное состояніе, но послѣ смерти ихъ матери дѣла были нѣсколько запутаны. Императрица поручила совѣту выяснить цыфру ихъ ежегодныхъ доходовъ и сама нѣсколько разъ писала объ этомъ графинѣ Адлербергъ ***). Отчетность и приведеніе въ ясность ихъ имущественной собственности была поручена члену совѣта М. И. Донаурову. Въ бумагахъ архива Смольнаго института находятся письма императрицы, въ которыхъ она, со свойственной ей внимательностью, принимаетъ участіе даже въ судьбѣ воспитанницы Общества благородныхъ дѣвицъ Лещинской, предписывая членамъ совѣта собрать

*) Членъ совѣта Завадовскій, письмо отъ 9-го октябри 1802 г.

**) Отъ 4-го іюня 1800 г.

***) Начальница института.

всевозможныя свѣдѣнія о сватающемся за ней польскомъ камергерѣ Сабанскомъ, и если эти свѣдѣнія будутъ для послѣдняго благопріятны, то предоставляетъ рѣшительное слово молодой дѣвушкѣ. «Я получила ваше письмо отъ 6-го—пишетъ *) императрица графинѣ Адлербергъ— и два довольно странныхъ посланія отъ г. Сабанскаго; но такъ какъ отъ рѣшенія изложенныхъ въ немъ обстоятельствъ зависитъ вся судьба ввѣренной институту сироты Лещинской, то надо взвѣсить ихъ съ достодолжнымъ вниманіемъ и осторожностью. Прошу васъ передать Сабанскому, что я не беру на себя рѣшенія вопроса, непосредственно влекущаго за собою благо или несчастіе Лещинской. И такъ какъ у этой молодой дѣвушки нѣтъ ни родителей, ни родственниковъ, то естественнымъ и законнымъ опекуномъ ея является совѣтъ заведенія, который обязанъ позаботиться о ея будущемъ счастіи. Пусть г. Сабанскій обратится со своимъ предложеніемъ къ совѣту, съ условіемъ не сообщать ничего Лещинской, пока о немъ, т.-е о женихѣ, не будутъ собраны всевозможныя свѣдѣнія». Собранныя справки о личности жениха оказались благопріятными, и императрица Марія Ѳеодоровна изъявила свое согласіе на бракосочетаніе, добавивъ при этомъ **): «Но такъ какъ все будущее счастіе дѣвушки зависитъ отъ этого шага, то желательно дѣйствовать со всевозможною осторожностью и не примѣшивать авторитетнаго рѣшенія даже относительно мелочей».

Съ неменьшею сердечностью относится императрица Марія Ѳеодоровна и къ нуждамъ служащихъ, которымъ она помогала большею частью изъ собственныхъ средствъ, выказывая при этомъ теплое участіе къ горю и бѣдѣ каждаго. Однажды совѣтъ предложилъ помѣстить въ монастырь психически больную классную даму—Пистолькорсъ—впредь до выздоровленія. Марія Ѳеодоровна отвергла эту мѣру, находя ее недостаточно гуманной и раціональной, и поручила совѣту позаботиться о пріисканіи хорошей семьи, гдѣ-бы за несчастной былъ хорошій уходъ, и принять всевозможныя предосторожности для удобнѣйшаго перевоза больной. Семейство коллежскаго ассесора Шпегастъ, имѣвшее уединенный домъ съ садомъ на Васильевскомъ островѣ, взяло на себя заботы объ умственно разстроенной Пистолькорсъ за плату 600 р. въ годъ, которые отпускались изъ кабинета государыни. Доктору Смольнаго института Элизену приказано было посѣщать больную и ежемѣсячно рапортовать совѣту о состояніи ея здоровья. Въ 1815 г. больная была помѣщена въ доктору Елкану ***),

*) 11-го ноября 1807 г.

**) Письмо отъ 9-го января 1808 г.

***) Письмо отъ 9-го января 1815 г.

плата за ея содержаніе возвышена до 800 р., которые по прежнему выдавались изъ личныхъ доходовъ государыни. Не были забыты государыней и низшія должностныя лица въ заведеніи. Объ устройствѣ помѣщенія для служащихъ, чиновниковъ и мастеровыхъ общества, императрица, одобряя представленную смѣту и приказывая немедленно приступить къ дѣлу, прибавляетъ: «а особенное попеченіе имѣть объ устроеніи людскаго лазарета». Согласно выработаной для доктора инструкціи, онъ обязанъ былъ пользовать безвозмездно нижнихъ чиновъ, и въ случаѣ осложненія болѣзни входить въ консультацію со старшимъ врачемъ. Недовольная крупной цыфрою лазаретныхъ издержекъ, императрица изыскиваетъ возможность понизить расходы на медикаменты, не въ ущербъ, однако-же, дѣлу лѣченія; ссылаясь на своего лейбъ-медика, указывающаго средства, дѣйствующія радикальнѣе, она рекомендуетъ врачамъ Общества войти съ нимъ въ соглашеніе.

Вообще, весьма щедро раздавая пособія изъ собственныхъ своихъ средствъ на дѣла благотворительности, императрица Марія Ѳеодоровна была, однако-же, расчетлива, чуть не до скупости, въ распоряженіи суммами казенными и общественными. Всѣми способами изыскивая средства къ увеличенію доходовъ заведенія, она заботилась о томъ, чтобы ни одна копѣйка не пропадала даромъ: требованіе строгаго отчета во всемъ и внимательная провѣрка этихъ отчетовъ наблюдаются во всѣ 32 года ея дѣятельности.

Разсмотрѣвъ, напр., донесеніе совѣта касательно продажи принадлежащаго Обществу мѣста на Охтѣ Нейшанцъ и публикаціи въ газетахъ о назначеніи торговъ, императрица, прежде чѣмъ утвердить это предложеніе, замѣчаетъ *): «нынѣ Общество получаетъ отъ сего мѣста вѣрнаго дохода 605 р. въ годъ, а, по возвышеніи цѣнъ на всѣ мѣста, можно надѣяться получить больше того. Если-же продать это мѣсто за 10.000 рублей, то съ такого капитала болѣе 500 р. дохода получить невозможно, слѣдовательно, меньше, нежели до-нынѣ получали; въ виду этого не выгоднѣе-ли будетъ для Общества отдать это мѣсто на дальній, примѣрно 10-тилѣтній, срокъ, въ наймы за 600 р. постороннимъ лицамъ или адмиралтействъ-коллегіи, которая, можетъ быть, согласится дать и больше». Какъ видно изъ послѣдующихъ бумагъ, земля эта была продана за 16.000 рублей морскому министерству. Въ другомъ письмѣ **) императрица Марія Ѳеодоровна

*) Письмо отъ 8-го апрѣля 1806 г. къ Завадовскому.

**) Отъ 14-го ноября 1814 г.

*

заявляетъ, что, по ея мнѣнію, арендная плата, предлагаемая Обществу винокуреннымъ заводомъ въ размѣрѣ 300 р., недостаточна, и слѣдуетъ запросить 2.000 р., а затѣмъ сбавить кое-что, чтобы, не упуская выгоднаго случая, не сдать землю слишкомъ дешево. Съ учрежденіемъ новой почтовой таксы, всѣ казенныя мѣста обязаны были платить за пересылку денегъ и денежныхъ документовъ. По ходатайству Маріи Ѳеодоровны, воспитательные дома и другія благотворительныя учрежденія, находившіяся подъ ея высочайшимъ покровительствомъ, были освобождены отъ этихъ расходовъ.

На многихъ докладахъ находимъ такого рода резолюціи: «взять выбранный инспектриссами миткаль я согласна; на предложеніе ваше относительно портнаго я также согласна, но съ тѣмъ условіемъ, что если онъ испортитъ платья, то обязанъ сдѣлать новыя на свой счетъ». По поводу контракта съ купцемъ Гусевымъ на поставку сальныхъ свѣчей въ теченіе года императрица Марія Ѳеодоровна пишетъ: «Прежде заключенія контракта снестись съ купцемъ Кошкинскимъ, не можетъ-ли онъ пріискать по болѣе умѣренной цѣнѣ». Или еще: «Предоставляю попеченію и усердію эконома Бразино уменьшить издержки на сколько возможно». Непрестанная бдительность императрицы Маріи Ѳеодоровны за экономическою частью дала скоро блестящіе результаты; такъ, въ 1803 г. 19-го января императрица присылаетъ совѣту благодарность за успѣшное хозяйственное управленіе; при всѣхъ чрезвычайныхъ расходахъ, каково, напримѣръ, учрежденіе пепиньеръ, оказалось значительное сбереженіе, между тѣмъ какъ въ 1796 г., при вступленіи Маріи Ѳеодоровны въ завѣдываніе институтомъ, былъ долгъ почти въ 93.000 руб.

Примѣру императрицы, такъ много жертвовавшей на дѣло воспитанія русской женщины, послѣдовали члены императорской фамиліи, нѣкоторыя учрежденія и частныя лица.

Такъ, великая княгиня Марія Александровна въ 1799 г. внесла 1.500 р. въ кассетный капиталъ; великая княгиня Елизавета Александровна, начиная съ 1807 г., ежегодно вносила по 3.000 р.; великая княгиня Анна Павловна, сверхъ 3.000 р. ежегодныхъ пожертвованій, начавшихся со дня вступленія императрицы Маріи Ѳеодоровны въ завѣдываніе обществомъ, жертвуетъ съ 1816 г. по 9.550 р. на содержаніе пансіонерокъ ея имени въ Обществѣ, въ обоихъ Екатерининскихъ институтахъ и въ училищѣ глухо-нѣмыхъ. Великая княгиня Елена Павловна, супруга великаго князя Михаила Павловича, съ 1824 г. вноситъ ежегодно по 3.000 р. изъ собственныхъ средствъ.

22-го іюня 1805 г. Марія Ѳеодоровна сообщаетъ совѣту о еже-

годномъ пожертвованіи орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго двухъ тысячъ рублей для раздачи достойнѣйшимъ и бѣднѣйшимъ воспитанницамъ подъ названіемъ приданнаго. На будущее время приказано было вносимыя ежегодно мальтійскимъ орденомъ деньги отдавать въ сохранную казну воспитательнаго дома. Кромѣ упомянутыхъ двухъ тысячъ, гросмейстеръ ордена пожертвовалъ отъ себя единовременно одну тысячу рублей для той-же цѣли. Графъ Н. И. Шереметевъ внесъ въ сохранную казну на вѣчное обращеніе восемь тысячъ р. для экипировки нуждающихся выпускныхъ институтокъ; гр. Безбородко оставилъ, по духовному завѣщанію, значительный капиталъ—въ 140.527 р. на содержаніе въ Обществѣ дочерей военныхъ чиновниковъ и недостаточныхъ дворянъ; графъ Штакельбергъ ассигновалъ 114.762 р., на проценты съ которыхъ должны были воспитываться дочери остзейскихъ дворянъ; гофмейстерина А. Н. Нарышкина *) завѣщала въ пользу заведеній, состоявшихъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи Өеодоровны, 150.000 р. Всѣ эти деньги положены были для приращенія въ сохранную казну. На проценты-же съ 35.000 р., отдѣленныхъ для общества и хранящихся въ опекунскомъ совѣтѣ, содержались двѣ пансіонерки имени А. Н. Нарышкиной; выборъ первой изъ нихъ принадлежалъ племяннику покойной, государственному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву. При выпускѣ каждой такой пансіонерки выдавалось единовременно 500 рублей въ награду. Епископъ римской церкви Сестренцевичъ-Богушъ жертвуетъ 20.000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были употреблены на подготовку въ мѣщанскомъ училищѣ хорошихъ гувернантокъ въ семьи бѣлорусскихъ помѣщиковъ. Императрица повелѣла внести эти 20.000 р. въ сохранную казну, на проценты-же воспитывать для вышеозначенной цѣли четырехъ пепиньеръ, съ допущеніемъ этихъ дѣвицъ къ слушанію курса дворянской половины (при чемъ особенное вниманіе обращалось на музыку, чтобы впослѣдствіи онѣ были въ состояніи передать свои познанія обучаемымъ дѣтямъ). За полгода до выпуска сообщалось бѣлорусскому губернатору и губернскому предводителю дворянства о четырехъ кандидаткахъ на должности воспитательницъ. Прежде отправленія молодыхъ дѣвицъ на новое мѣсто ихъ служенія, собирались всевозможныя справки о семьяхъ, куда онѣ назначались.

1812 годъ, полный тревогъ для всей Россіи, особенно много заботъ принесъ Маріи Өеодоровнѣ: возможность появленія непріятеля въ Петербургѣ вызвала нѣкоторыя мѣры предосторожности въ отно-

*) 31-го августа 1820 г.

шеніи учебныхъ заведеній, состоявшихъ въ ея вѣдѣніи. Первоначально было постановлено ограничиться возвращеніемъ дѣтей къ родителямъ, родственникамъ и благотворителямъ, которые пожелали-бы ихъ взять обратно, съ правомъ возвращенія въ институтъ по водвореніи мира и тишины. Дѣтей-же, родители которыхъ, по бѣдности или по другимъ уважительнымъ причинамъ, не могли взять домой, предполагалось отправить въ Финляндію—въ крѣпость Кексгольмъ, въ сопровожденіи начальницы, инспектриссъ, инспектора, нѣкоторыхъ классныхъ дамъ и учителей, эконома, секретаря и другихъ необходимыхъ чиновниковъ, раздѣливъ всѣхъ путешествующихъ на нѣсколько транспортовъ для уменьшенія числа лошадей и экипажей, необходимыхъ для этого переѣзда. Больныхъ воспитанницъ общества Екатерининскаго и Маріинскаго институтовъ и военно-сиротскаго дома приказывалось соединить, впредь до выздоровленія, въ домѣ мѣщанскаго училища, гдѣ предполагалось устроить лазаретъ подъ присмотромъ доктора воспитательнаго дома. На неизбѣжныя путевыя издержки было ассигновано 125.000 р. изъ государственнаго казначейства, при чемъ расходы по переѣзду Маріинскаго института въ Кексгольмъ и по продовольствію его императрица брала на собственный счетъ. Составленіе смѣтъ для каждаго заведенія поручалось члену совѣта, дѣйст. тайн. совѣт. Донаурову; на послѣдующія-же издержки имѣлось въ запасѣ 50.000 р. *). Производство необходимыхъ передѣлокъ въ зданіяхъ, назначенныхъ для помѣщенія институтовъ, возлагалось на архитектора Квадра.

При этомъ были предусмотрѣны многія случайности путешествія. Такъ, повелѣвалось имѣть при каждомъ транспортѣ отдѣльную карету съ медикаментами, теплыми одѣялами и проч., на случай внезапнаго заболѣванія.

Этотъ первоначальный планъ былъ нѣсколько измѣненъ: узнавъ, что и Выборгъ, и Кексгольмъ, куда предполагалось отправить воспитанницъ, были главные пункты, которые могли быть атакованы непріятелемъ, государыня стала подыскивать болѣе подходящее и безопасное мѣсто для убѣжища дѣтей. Послѣ многихъ колебаній, выборъ ея остановился на Вильманстрандѣ; но такъ какъ и черезъ тотъ городъ проходила большая финляндская дорога къ Тавастгусу, то императрица обращается къ соединеннымъ совѣтамъ всѣхъ институтовъ

---

*) Такъ какъ обстоятельства сложились болѣе благопріятно, чѣмъ ожидали, и переѣзда не понадобилось, то упомянутые 50.000 р. были оставлены Обществу на экстраординарные расходы.

съ вопросомъ: достаточно-ли безопасно это мѣсто (предполагалось, что если-бы Кексгольмъ привлекъ вниманіе непріятеля, то послѣдній, раздѣлясь на двѣ колонны, направится вслѣдъ за отступающими войсками по обѣимъ главнымъ финляндскимъ дорогамъ, ведущимъ отъ Кексгольма и Выборга на Тавастгусъ и Або), и если нѣтъ, то куда перевезти воспитанницъ? Но проектъ этотъ не пришлось приводить въ исполненіе, такъ какъ опасность скоро миновала.

Потрясенная всѣми невзгодами тяжкаго времени и бѣдствіями государства, императрица предается на нѣсколько времени мрачному настроенію духа; но и въ эти грустныя минуты первою ея мыслью была мысль о дорогихъ «дѣтяхъ». Въ день своего рожденія она даритъ Смольному институту свой мраморный бюстъ, сопровождая этотъ подарокъ слѣдующимъ письмомъ (отъ 13-го октября 1812 г.):

«Моя материнская любовь ко всѣмъ нашимъ добрымъ дѣтямъ, теплое участіе къ ихъ счастію и къ благосостоянію всего дома вызываютъ въ моемъ сердцѣ желаніе находиться между ними и послѣ моей смерти, хотя-бы только въ изображеніи. Мнѣ пріятно подумать, что этотъ предметъ будетъ напоминать вамъ обо мнѣ и о вашей всегдашней преданности ко мнѣ, въ которой я не сомнѣваюсь. Подаривъ въ день моего рожденія свой мраморный бюстъ на память институту, я сдѣлала, какъ мнѣ кажется, изъ него наилучшее употребленіе». Далѣе приписка: «Да ниспошлетъ Господь благословеніе и счастіе нашему милому институту. Когда меня болѣе не будетъ на свѣтѣ, я надѣюсь и сердечно желаю, чтобы съ мыслью обо мнѣ вы всегда связывали воспоминанія о моихъ молитвахъ Богу о счастіи, благоденствіи и постоянномъ преуспѣяніи въ нравственномъ и умственномъ отношеніи нашихъ милыхъ дѣтей!»

Война 1812 года значительно увеличила число сиротъ, и государыня позаботилась о томъ, чтобы оказать помощь хотя нѣкоторымъ изъ нихъ. Такъ, 13-го ноября 1814 г. она проситъ графиню Адлербергъ взять круглую сироту одного штабъ-офицера подъ свой ближайшій надзоръ, пока откроется возможность помѣстить ее штатной воспитанницей въ Екатерининскій институтъ, принимая всѣ издержки по содержанію дѣвочки на свой счетъ. Приказываетъ оставить 10 вакансій въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и 20 — въ мѣщанскомъ училищѣ для дочерей отличившихся на полѣ брани; 6 вакансій для финляндскаго дворянства замѣщаются дѣтьми павшихъ на войнѣ. Опредѣленіе дѣвочекъ на эти вакансіи было предложено на благоусмотрѣніе государя. Увеличеніемъ числа военныхъ чиновъ, нуждавшихся въ облегченіи для воспитанія дѣтей, вызвано учрежденіе «военнаго

отдѣленія» при мѣщанскомъ училищѣ, съ различіемъ въ одеждѣ и въ программѣ обученія отъ воспитанницъ мѣщанской половины; кромѣ того, половина штатныхъ вакансій была назначена для дѣтей военныхъ сухопутныхъ и морскихъ чиновъ, умершихъ и состоящихъ на службѣ. Но, не смотря на эти мѣры, далеко не всѣхъ нуждающихся можно было удовлетворить. Такъ, въ 1815 г. было представлено 147 прошеній на помѣщеніе дочерей военныхъ, вакансій-же было только 50. Остальнымъ 97-ми совѣтъ отказалъ въ пріемѣ.

Императрица Марія Ѳеодоровна, разсмотрѣвъ докладъ отъ 15-го октября 1815 г., пишетъ: «апробую вообще мнѣніе совѣта и представленные списки, а по учиненіи сношенія съ императоромъ, любезнымъ сыномъ моимъ, о дочеряхъ военныхъ чиновъ съ согласія его величества и на основаніи предоставленнаго права въ пользу такихъ дѣвицъ распространить предѣлы возраста, повелѣваю: 11-ти-лѣтнюю дочь убитаго въ сраженіи артиллеріи подполковника Захарова допустить до баллотированія, По изъявленному императоромъ желанію допустить также къ баллотировкѣ изъ списка военныхъ: 2-хъ дочерей генералъ-маіора Попова, дочь полковника Макарова, дочь подпоручика Кагалова, хотя свидѣтельство о рожденіи и не по формѣ». Къ списку поступавшихъ въ военное одѣленіе, которымъ императрица Марія Ѳеодоровна вообще очень интересовалась, она собственноручно приписала до двѣнадцати именъ; срокъ поступавшихъ туда былъ расширенъ: принимались дѣти отъ 7½—11 лѣтъ.

На докладѣ *) объ опредѣленіи воспитанницъ мѣщанской половины есть, между прочимъ, такого рода собственноручная резолюція государыни: «Допустить къ баллотированію дочь коллежскаго регистратора Николая Добродолева, который, будучи командированъ въ горныя ущелья, убитъ тамъ лезгинами, и сирота имѣетъ только дальнюю бабушку, живущую въ богадѣльнѣ». Подобныхъ собственноручныхъ приписокъ государыни очень много на разныхъ рапортахъ и докладахъ.

Желая пристроить во что-бы то ни стало своихъ дѣтей, родители нерѣдко прибѣгали къ такому средству: чтобы годы не служили препятствіемъ къ поступленію въ заведеніе, они показывали возрастъ своихъ дѣтей выше дѣйствительнаго, и иногда даже дѣлали подлогъ метрическихъ свидѣтельствъ, представляя, вмѣсто одной дочери, другую. Въ предупрежденіе подобныхъ фактовъ, императрица повелѣла установить точно опредѣленныя правила пріема и опубликовать ихъ въ вѣдомостяхъ; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ: изъ двухъ се-

*) Докладъ 31-го мая 1815 года.

стеръ, имѣющихъ одинаковое право, допускать къ баллотировкѣ одну старшую, вторая баллотируется въ другой институтъ; принимать не моложе 8-ми лѣтъ и не старше 10 лѣтъ, и не иначе, какъ совершенно здоровыхъ дѣтей; малолѣтнихъ, даже только по виду, не принимать. Всѣ просьбы и объявленія должны подаваться черезъ посредство мѣстнаго предводителя дворянства на высочайшее имя.

Стремленіе къ образованію было въ то время такъ слабо, что, представляя государынѣ списокъ вновь поступающихъ, совѣтъ сообщаетъ, что предводители дворянства Московской (гдѣ, впрочемъ, имѣлся свой институтъ), Калужской, Пензенской, Орловской, Вятской, Екатеринославской и Кавказскихъ губерній заявили объ отсутствіи желающихъ поступить въ воспитательное общество, а изъ губерній: Архангельской, Олонецкой, Тамбовской, Воронежской, Херсонской, Пермской и многихъ другихъ совсѣмъ никакихъ заявленій не прислано. Списки вынувшихъ счастливый жребій представлялись тоже императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая просматривала ихъ съ величайшимъ вниманіемъ, и полагала соотвѣтственныя резолюціи; напримѣръ, на одномъ изъ подобныхъ списковъ она пишетъ: «апробовано, за исключеніемъ не представившихъ свидѣтельства о крещеніи дѣвицъ Пологениной и Шушариной, съ причисленіемъ дѣвицъ Колошниковой и Стеговой, о коихъ объявленія прилагаются; о первой давно уже мнѣ представлено, но по ошибкѣ въ совѣтъ не отослано, а о второй за болѣзнью дѣвицы не могло быть въ надлежащее время черезъ предводителя представлено, равно какъ и о восьми дѣвицахъ, о которыхъ вчерашняго числа представилъ здѣшній предводитель дворянства А. С. Строгановъ, такъ какъ и оныя получены еще до засѣданія совѣта общества».

Малѣйшія ошибки, вкравшіяся въ списки, не ускользали отъ вниманія императрицы; такъ, въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1818 г. она указываетъ на неточность зачисленія въ военное отдѣленіе двухъ дѣвицъ только на основаніи того, что прошенія о нихъ были поданы военными, и рекомендуетъ секретарю на будущее время быть внимательнѣе при составленіи списковъ.

Императрица часто сама писала о зачисленіи воспитанницъ; таково, напримѣръ, письмо ея отъ 19 апрѣля 1806 г. о принятіи дѣвицы Бергъ на стипендію имени Штакельберга. Въ письмѣ отъ 10 апрѣля 1807 г., въ которомъ государыня проситъ графиню Адлербергъ о принятіи трехъ круглыхъ сиротъ и о помѣщеніи ихъ у инспектриссы Фогель или у классныхъ дамъ, причемъ за полное содержаніе этихъ дѣтей императрица платила изъ личныхъ средствъ. Въ 1808 г. *) на та-

*) Письмо отъ 13-го іюля 1808 г.

кихъ-же точно условіяхъ въ Смольный институтъ помѣщена была малолѣтняя дочь губернскаго секретаря Митага. Въ 1810 г. государыня принимаетъ сердечное участіе *) въ судьбѣ маленькой Дункеръ, дочери умершаго шведскаго полковника, и пятилѣтняя дѣвочка поручается особому попеченію инспектриссы Груммеръ до достиженія ею необходимаго возраста къ зачисленію пансіонеркой ея величества. Но, несмотря на всѣ заботы о ней, дѣвочка прожила недолго, и 30-го сентября 1812 г. императрица пишетъ: «съ сердечнымъ сожалѣніемъ узнала я о смерти нашей милой маленькой Дункеръ, о которой, конечно, пожалѣютъ и всѣ знавшія ее. Сознавая, что все было сдѣлано для ея спасенія, остается только покориться волѣ Провидѣнія».

Такъ какъ дѣтей привозили безъ малѣйшей подготовки, и обученіе ихъ первоначальной грамотѣ занимало очень много времени, то для побужденія родителей и родственниковъ къ заботамъ объ элементарномъ образованіи дѣтей, императрица постановила 24-го декабря 1811 г. принимать впредь только дѣтей, хорошо умѣющихъ читать. Для опредѣленія-же въ мѣщанское училище, куда поступали дѣти постарше, требовалось умѣнье читать и писать по-русски.

Вслѣдствіе повышенія цѣнъ на всѣ жизненные продукты, императрица сочла за нужное повысить плату за воспитаніе. Съ 1810 г. за благородныхъ дѣвицъ вносилось по 600 р., а за мѣщанокъ—по 400 р.; а съ 1815-го-же года за первыхъ по 800 р., а за вторыхъ—по 550 р. Послѣ 1812 года предметы первой необходимости быстро поднялись въ цѣнѣ. Такъ, при всемъ зоркомъ и неустанномъ контролѣ со стороны императрицы надъ ходомъ дѣлъ, при видимой бережливости членовъ совѣта, отвѣчавшаго за всѣ издержки по заведенію, въ 1820 г. было передержано, сверхъ положенныхъ суммъ, 60.000 р., которые, по ходатайству императрицы, были выданы изъ государственнаго казначейства, и прибавка эта повторялась впослѣдствіи ежегодно. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, государыня нашла необходимымъ назначить учебную плату за дворянокъ—1.100 р., за мѣщанокъ и воспитанницъ военнаго отдѣленія—600 р., что, въ сложности, составило около 40.000 р. прибавки къ ежегоднымъ доходамъ, которые равнялись въ 1821 г., со включеніемъ нѣкоторыхъ суммъ, выручаемыхъ отдачею въ наемъ земель, огородовъ и т. п., 650.000 р. На эту сумму содержалось 750 воспитанницъ; именно на счетъ казны 300 благородныхъ и 200 мѣщанокъ, пансіонерокъ на обѣихъ поло-

*) Письмо отъ 13-го апрѣля 1810 г., 5-го сентября 1811 г. и 30-го сентября 1812 г.

винахъ 250, находившихся большею частью на иждивеніи членовъ царской семьи. Число желающихъ поступить пансіонерками постоянно возрастало, но, при всемъ желаніи, невозможно было удовлетворить всѣхъ обращавшихся къ монаршей милости, такъ какъ слишкомъ большое число ученицъ въ классѣ задерживало общій успѣхъ обученія: учитель не имѣлъ возможности обратить на всѣхъ одинаковое вниманіе, что̀ вредно отзывалось на прилежаніи, а слѣдовательно, и на успѣхахъ воспитанницъ. Только это соображеніе и заставило императрицу ограничить число вновь поступающихъ; положено было, что въ каждомъ классѣ (дѣлящемся на три отдѣленія) не можетъ быть болѣе 150 чел., именно 100 чел. штатныхъ и 50 пансіонерокъ; остальныя-же изъ поданныхъ прошеній представлялись государынѣ по мѣрѣ открывавшихся вакансій. Императрица сама просматривала всѣ программы выпускныхъ экзаменовъ, какъ на дворянской, такъ и на мѣщанской половинѣ, принимая при этомъ въ соображеніе силы дѣтей и обращая вниманіе на то, чтобы воспитанницы не слишкомъ утомлялись отъ занятій.

М. Радомская.

(*Окончаніе будетъ*).

ЗАБЫТЫЙ МІРЪ.

(Изъ пансіонскихъ воспоминаній).

I.

Въ февралѣ 1856 г. я поступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ въ такъ-называемый дворянскій пансіонъ, находившійся при вологодской гимназіи, и оставилъ его въ іюнѣ 1863 г., по окончаніи гимназическаго курса. Такимъ образомъ, мое пребываніе въ этомъ пансіонѣ охватываетъ періодъ времени немного болѣе семи лѣтъ. Я поступилъ въ гимназію въ ту темную, глухую пору, когда нашъ пансіонъ представлялъ собой тѣсный, замкнутый мірокъ...

Строители гимназіи, говорятъ, хотѣли первоначально придать зданію видъ буквы П, но, по недостатку денежныхъ средствъ, или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны зданія, и поэтому вмѣсто П получилась нѣсколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназія наша выходила на улицу, а фасадомъ—на площадь, такъ-называемый «плацъ-парадъ» или «парадное мѣсто», гдѣ происходили солдатскія ученья и куда заходили иногда соблазненныя зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной сторонѣ площади, vis-à-vis съ гимназіей, стоялъ (да стоитъ и понынѣ) губернаторскій домъ и рядомъ съ нимъ духовная семинарія. Съ третьей стороны площади нѣкогда находилась гауптвахта, но въ 60-хъ годахъ она за ненадобностью была уничтожена и на ея мѣстѣ воздвигнутъ деревянный сарай для городскаго театра.

Высота зданія, большія окна и фасадъ съ колоннами придавали нашей гимназіи весьма внушительный видъ.

При гимназіи находился довольно большой, густой садъ, бывшій во владѣніи директора, который, впрочемъ, имъ почти не пользовался. Въ пользованіи-же пансіонеровъ находился дворъ, усыпанный пескомъ и окаймленный съ трехъ сторонъ аллеями тощихъ березокъ,

не дававшихъ ни малѣйшей тѣни. Въ аллеяхъ стояло нѣсколько скамеекъ. На этомъ дворѣ въ лѣтнюю пору пансіонеры играли въ мячъ, въ лапту, въ городки, свайку и т. под.

Спальни состояли изъ трехъ комнатъ—для младшаго, средняго и старшаго возраста—и содержались въ безукоризненной опрятности и чистотѣ. На каждую койку полагались: матрасъ, простыня, байковое одѣяло и подушка; у каждой койки стоялъ табуретъ. Гувернеръ спалъ въ средней комнатѣ. По ночамъ въ спальнѣ горѣли свѣчи. Дежурный сторожъ въ валенкахъ, какъ призракъ, неслышно бродилъ по спальнѣ, снималъ со свѣчей, прикрывалъ спящихъ, если тѣ во снѣ сбрасывали съ себя одѣяло, а остальное время дремалъ на табуретѣ у стѣны.

Въ 6 часовъ утра, по приказанію гувернера, сторожъ обходилъ спальни, громко звоня въ большой колокольчикъ. Этотъ звонъ колокольчика былъ чрезвычайно непріятенъ—особенно въ темную, зимнюю пору, когда въ спальнѣ бывало довольно свѣжо и хотѣлось еще спать. Если послѣ звонка кто-нибудь продолжалъ нѣжиться, сладко потягиваться или-же снова засыпалъ, съ того гувернеръ безъ церемоніи сдергивалъ одѣяло, и тогда ужъ поневолѣ приходилось вскакивать и одѣваться.

Здѣсь кстати замѣтить, что пансіонеры дома носили куртки съ красными воротниками, а при выходѣ изъ гимназіи надѣвали однобортный мундиръ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, съ золотымъ позументомъ и съ красными-же обшлагами рукавовъ. Фуражка съ краснымъ околышемъ и синевато-сѣраго цвѣта шинель, «подбитая вѣтромъ», довершали нашъ костюмъ. Ни калошъ, ни болѣе теплаго одѣянья зимой — не полагалось. Насъ во многихъ отношеніяхъ вели по-спартански. Отмѣчаю эту черту старыхъ школьныхъ порядковъ, какъ заслуживающую одобренія, по моему мнѣнію.

За красный воротникъ и за красные обшлага рукавовъ уличные мальчишки звали насъ въ насмѣшку «красноперыми окунями». Этотъ эпитетъ, конечно, не представлялъ собой ничего предосудительнаго, но помню, что въ то время почему-то онъ казался намъ крайне обиднымъ.

У пансіонеровъ первыхъ четырехъ классовъ волосы стриглись низко, подъ гребенку; воспитанники-же старшихъ классовъ могли оставлять спереди и сбоку волосы подлиннѣе. Начальство не разрѣшало подобныя вольности, но лишь терпѣло ихъ, смотря на нихъ сквозь пальцы... Въ извѣстное время, по приказанію гувернера, къ намъ въ гардеробную являлся унтеръ-офицеръ, старичекъ, съ разноцвѣтными

нашивками на рукавѣ, и исправлялъ должность цирульника. Желавшій сохранить спереди для красоты два-три вихра обязательно былъ долженъ незамѣтнымъ образомъ сунуть унтеръ-офицеру гривенникъ или пятачекъ. Впрочемъ, въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ моего пребыванія въ пансіонѣ ученики только VII класса носили сравнительно длинные волосы.

Зала для занятій была большая, продолговатая, высокая комната; стѣны ея были голыя, снизу до половины окрашенныя въ темнозеленую краску, а выше—сѣроватожелтыя. Только на одной стѣнѣ висѣло росписаніе уроковъ, да въ передней части залы, въ нишѣ, помѣщался въ широкой, золоченой рамѣ художественно написанный большой образъ Спасителя, благословляющаго хлѣбъ и вино. Неподалеку отъ образа стояла гувернерская конторка и возлѣ нея—кресло для гувернера.

Въ этихъ стѣнахъ прошли семь лѣтъ моей жизни,—семь лѣтъ изъ того возраста, когда всѣ впечатлѣнія бываютъ такъ живы и ярки, и понятно, что незатѣйливая, полуказарменная обстановка пансіонской залы, какъ топоромъ зарубленная, глубоко врѣзалась въ моей памяти. Много было пережито въ этихъ стѣнахъ... Здѣсь я узналъ и горе новичка, тоску по родномъ домѣ, по деревенской свободѣ, и блаженныя минуты горячихъ признаній въ дружбѣ и въ братской любви, и радость по случаю удачно сданныхъ экзаменовъ и близкихъ каникулъ, и темные страхи передъ единицами и двойками и духъ захватывающія опасенія угрожающихъ наказаній...

Утромъ, около семи часовъ, по приходѣ изъ спальни въ залу, одинъ изъ воспитанниковъ по очереди читалъ молитву, послѣ чего мы садились за занятія—зимою при свѣчахъ. Въ половинѣ восьмаго сторожа начинали накрывать на столъ; въ залѣ распространялся вкусный запахъ ржанаго хлѣба. Въ это время гувернеръ заканчивалъ рапортъ за день своего дежурства; тѣ, кто были вписаны въ рапортъ за шалости или вообще за дурное поведеніе, ожидали для себя, обыкновенно, болѣе или менѣе значительныхъ непріятностей... Въ восемь часовъ по звонку гувернера садились завтракать. На завтракъ намъ давались тарелка молока и ломоть хлѣба; въ постъ (т.-е. на первой, четвертой и седьмой недѣлѣ великаго поста)—ломоть хлѣба и стаканъ сбитня, а впослѣдствіи—чая. Послѣ завтрака передъ уроками давался отдыхъ (на пансіонскомъ языкѣ—«гулянье»). За нѣсколько минутъ до девяти часовъ—опять звонокъ, опять «Rangez-vous», опять становились въ пары: маленькіе—впереди, большіе—въ арьергардѣ, и расходились по классамъ. Къ этому времени уже обыкновенно яв-

лялись инспекторъ и классный надзиратель, а приходящіе ученики были уже почти всѣ въ сборѣ.

Отъ девяти до половины двѣнадцатаго были два урока, раздѣленные пятиминутной передышкой, такъ-называемой «малой перемѣной», а съ половины двѣнадцатаго до 12-ти была «большая перемѣна», во время которой пансіонеры уходили въ залу завтракать. На этотъ второй завтракъ давалась тарелка бульону съ ломтемъ хлѣба. Въ 12 часовъ мы опять шли въ классы и оставались тамъ до половины третьяго: за это время опять проходили два урока, раздѣленные «малой перемѣной». Возвратившись изъ классовъ, мы садились обѣдать, причемъ гувернеры помѣщались на противоположныхъ концахъ стола. Инспекторъ во время обѣда, обыкновенно, расхаживалъ по залѣ, то молча, то заговаривая съ гувернерами или съ воспитанниками, то отвѣдывая кушанье. Для него на маленькомъ столѣ ставился обѣдъ, и пансіонеры были глубоко убѣждены въ томъ, что инспекторскій обѣдъ гораздо вкуснѣе и больше нашихъ порцій. Тѣ, кому удавалось отвѣдывать кушанья съ инспекторскаго столика, увѣряли, что бульонъ на томъ столикѣ оказывался наварнѣе и каша гораздо жирнѣе...

Отъ трехъ и до пяти давался отдыхъ. Въ это время желающіе—весной и осенью—могли идти на дворъ, а зимой иногда ходили гулять по улицамъ въ сопровожденіи гувернера. Послѣдняго рода прогулокъ воспитанники недолюбливали, и поэтому эти хожденія попарно по городу устраивались рѣдко. Во время «гулянья» одни играли, другіе занимались чтеніемъ, иные мастерили что-нибудь... Въ пять часовъ по звонку мы садились за приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню и корпѣли надъ учебниками до восьми часовъ. Это время—на нашемъ пансіонскомъ жаргонѣ—называлось «занятіями». Во время «занятій» нельзя было ни разговаривать громко, ни увлекаться постороннимъ дѣломъ, ни расхаживать по залѣ. Для того, чтобы выйти изъ залы, воспитанникъ долженъ былъ каждый разъ просить позволенія у гувернера, т.-е., подойдя къ гувернеру, молча прикладывать правую руку—ладонью наружу—къ правому виску, на что гувернеръ, обыкновенно, также молча въ знакъ согласія кивалъ головой. Въ восемь часовъ мы садились за чай; на каждаго полагались стаканъ чая и булка—печенья нашего гимназическаго повара. Съ восьми до девяти часовъ слѣдовалъ отдыхъ. Въ девять становились на молитву «по ранжиру» и затѣмъ шли въ спальни. День кончался...

Наша затворническая, трудовая жизнь разнообразилась лишь рѣдкими пріѣздами «особъ» изъ Петербурга, посѣщеніями родныхъ да отпусками на праздники. Вскорѣ по поступленіи моемъ въ пансіонъ

нашу гимназію посѣтилъ И. Д. Деляновъ (нынѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія), бывшій въ ту пору, сколько мнѣ помнится, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа. Отцы почти никогда не приходили къ намъ. Посѣщенія-же матерей, сестеръ, тетокъ были, конечно, пріятны, но въ то-же время не мало стѣсняли насъ, маленькихъ спартанцевъ. Намъ, словно, было стыдно ходить на свиданья съ матерью или сестрой... Когда пансіонеръ возвращался съ подобнаго свиданья въ залу, товарищи, обыкновенно, смѣялись, подтрунивали надъ нимъ: «Ну что̀, маменькинъ сынокъ! Пирожковъ принесли? Или пряничковъ, конфетокъ?..» Прозвище «маменькинъ сынокъ» было въ числѣ самыхъ обидныхъ, унизительныхъ эпитетовъ, такъ какъ оно считалось синонимомъ «нѣженки, баловня, плаксы»...

На праздники отпускали къ роднымъ и знакомымъ не иначе, какъ съ билетомъ, на которомъ родные или знакомые должны были отмѣчать: въ которомъ часу воспитанникъ отправился отъ нихъ въ гимназію. Возвращались въ пансіонъ въ воскресенье вечеромъ или въ понедѣльникъ утромъ—не позже девяти часовъ. Если пансіонеръ опаздывалъ, то на билетѣ слѣдовало указать причину его неявки въ срокъ. При отпускѣ на святки, на Пасху и каникулы воспитаннику выдавались платье и книги, которыя впослѣдствіи и получались отъ него по запискѣ.

Въ первые годы моего пребыванія въ гимназіи устраивался передъ святками торжественный актъ, на которомъ публично подъ звуки музыки директоромъ и попечителемъ гимназіи раздавались награды. На этотъ-же случай выставлялись въ залѣ лучшія работы учениковъ по рисованію. Я никогда никакихъ наградъ не получалъ, на святки въ гимназіи не оставался, а всегда уѣзжалъ къ роднымъ въ деревню, гдѣ и бѣгалъ на лыжахъ, сломя голову, по полямъ и лѣсамъ, занесеннымъ сугробами снѣга, а длинные святочные вечера проводилъ надъ книгами изъ отцовской библіотеки. Объ актовомъ священнодѣйствіи я знаю лишь по слухамъ и поэтому не распространяюсь о немъ...

Въ церкви за всенощной и обѣдней пѣлъ—довольно недурно—нашъ гимназическій хоръ подъ управленіемъ наемнаго регента. Я пѣлъ втораго баса. Каждую недѣлю, сколько помнится, два раза послѣ классовъ бывали спѣвки, причемъ дискантамъ и альтамъ иногда доставалось отъ регента камертономъ по головѣ.

Разъ въ недѣлю являлся также какой-то военный человѣкъ учить насъ гимнастикѣ и маршировкѣ—зимою въ залѣ, а весной и осенью на дворѣ. Маршировку мы не долюбливали, а гимнастикой занимались довольно охотно, такъ какъ она при существовавшихъ въ ту пору условіяхъ—у насъ близко граничила съ шалостями...

II.

При поступленіи моемъ въ гимназію директоромъ былъ Аникита Семеновичъ Власовъ (впослѣдствіи директоръ одной изъ петербургскихъ гимназій), человѣкъ довольно снисходительный къ намъ, къ дѣтямъ, и художникъ въ душѣ. Онъ, говорятъ, написалъ прелестный образъ Богоматери, который, впрочемъ, почему-то не могъ быть помѣщенъ въ нашей гимназической церкви, но стоялъ, будто-бы, въ алтарѣ.

Инспекторомъ при Власовѣ былъ Дмитрій Алексѣевичъ Зябловъ. Пансіонеры вообще не долюбливали его, какъ человѣка сухаго, жесткаго, мелочно взыскательнаго. Зябловъ любилъ сѣчь. Меня онъ никогда не наказывалъ, и я лично не видалъ отъ него ничего особенно дурнаго, но, тѣмъ не менѣе, сильно побаивался его. Вѣдь онъ могъ миловать и карать всевозможными карами...

Въ тѣ времена пансіонскіе нравы были грубы и жестоки, и по поводу ихъ по справедливости можно было сказать: «Желѣзный вѣкъ! Желѣзныя сердца!..» Тогда въ средѣ пансіонеровъ еще живо сохранялись воспоминанія о томъ, какъ зимой на льду рѣки Вологды—близъ Краснаго моста—устраивались кровавыя побоища между семинаристами и гимназистами. Боролись, ходили стѣной на стѣну, дрались на кулачкахъ, полѣньями, чѣмъ попало, и дѣло иногда доходило чуть не до смертоубійства. Также была еще свѣжа память о двухъ братьяхъ-силачахъ, Н—ныхъ, убѣжавшихъ изъ гимназіи для поступленія въ военную службу. Братья были пойманы по дорогѣ къ Ярославлю, возвращены въ гимназію и жестоко наказаны. Остались-ли они въ гимназіи послѣ экзекуціи или были исключены—не помню.

Какъ сказаніе о недавнемъ прошломъ, ходилъ еще разсказъ объ одномъ воспитанникѣ, который послѣ наказанія розгами бросился на инспектора съ перочиннымъ ножикомъ, но былъ удержанъ сторожами и затѣмъ вторично наказанъ больнѣе прежняго... Одинъ пансіонеръ, желая испытать силу воли, положилъ на камень большой палецъ лѣвой руки и самъ тяжелой, желѣзной свайкой разбилъ его. Это происшествіе случилось уже при мнѣ.

Въ ту пору кулачное право—право сильнаго—въ пансіонѣ было еще въ полномъ ходу. Гувернеры, какъ говорится, походя расточали направо и налѣво увѣсистые подзатыльники и драли за уши. Нѣмецъ-гувернеръ однажды въ пылу раздраженія увлекся до того, что даже надорвалъ ухо воспитаннику. Инспекторъ наказывалъ розгами, не взирая на возрастъ. Старшіе ученики колотили младшихъ, и все

вообще пансіонеры жестоко дрались между собой. Новичку, обыкновенно, шибко доставалось отъ всѣхъ. Помню, какія нравственныя и физическія терзанія пришлось мнѣ вынести въ первые дни моего пребыванія въ пансіонѣ. Даже гувернеръ, наконецъ, былъ вынужденъ вступиться за ошеломленнаго новичка, хотя гувернеры относились къ такимъ вещамъ вообще довольно индифферентно... Старшіе воспитанники иногда подъ угрозой колотушекъ принуждали младшихъ отдавать имъ свой чай или булку, а иногда и то и другое.

Не проходило недѣли, чтобы нѣсколько человѣкъ не осталось безъ обѣда, безъ завтрака или безъ чая; не проходило дня безъ того, чтобы нѣсколько человѣкъ не постояло у стѣны или на колѣняхъ; не бывало такой субботы въ теченіе учебнаго времени, чтобы не высѣкли человѣкъ 10—15. Однимъ словомъ, не бывало такого дня, чтобы кто-нибудь изъ «маленькихъ» горько не плакалъ отъ истязаній начальства или отъ побоевъ своихъ-же товарищей. Изъ существовавшихъ въ пансіонѣ наказаній самыми употребительными были: стояніе у стѣны или на колѣняхъ, оставленіе «безъ отпуска» и розги. (Въ карцеръ садили очень рѣдко и то лишь воспитанниковъ старшихъ классовъ). За шалости учениковъ записывали въ журналъ: въ классѣ—учителя, въ пансіонѣ—гувернеры.

Въ субботу, въ началѣ послѣдняго, четвертаго урока, инспекторъ обходилъ первые три класса и всѣхъ записанныхъ за особенно выдающіяся шалости и тѣхъ, у кого въ теченіе недѣли было болѣе трехъ *единицъ*, приглашалъ въ гардеробную, гдѣ въ его присутствіи и происходила извѣстная экзекуція. При исполненіи этой отвратительной экзекуціи главную роль играли два сторожа: Степанъ и старикъ Сергѣй. У Сергѣя, исполнявшаго должность палача, были, разумѣется, свои любимцы, которымъ доставалось отъ него гораздо легче, нежели тѣмъ, которые не заслужили его благоволенія. Я слыхалъ, что Сергѣй исполнялъ свое дѣло съ особеннымъ стараніемъ. Этотъ невзрачный старикашка, малорослый, съ длинными руками, съ хриплымъ голосомъ внушалъ къ себѣ пансіонерамъ глубокую ненависть... Я не испыталъ этого рода наказанія, но, судя по отчаяннымъ крикамъ, доносившимся изъ гардеробной, могу думать, что сѣкли иногда очень больно.

Розги—безспорно, одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ старой школы. Розги растлѣвали мальчугановъ. Помню, съ какимъ ужасомъ и стыдомъ иной шелъ въ первый разъ за инспекторомъ въ гардеробную и какимъ жалкимъ, униженнымъ возвращался онъ послѣ наказанія въ среду товарищей. Послѣ нѣсколькихъ порокъ онъ уже привыкалъ къ

позору тѣлеснаго наказанія и изъ скромнаго мальчика мало-по-малу превращался въ отчаяннаго, безшабашнаго нахала...

Въ памяти моей сохранились двѣ экзекуціи.

Одинъ изъ приходящихъ учениковъ V класса, юноша лѣтъ 16, былъ оставленъ инспекторомъ безъ обѣда, но ослушался и хотѣлъ уйти домой. Инспекторъ удержалъ его, а тотъ ударилъ инспектора по рукѣ. На крикъ инспектора сбѣжались сторожа и преступника увели въ карцеръ. Дня черезъ два послѣ того гимназическій совѣтъ приговорилъ наказать его розгами въ классѣ въ присутствіи товарищей. И его товарищи—пансіонеры—вечеромъ были позваны въ классъ, и виновный при нихъ былъ жестоко наказанъ. Послѣ того, какъ-бы для исправленія, онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ и жилъ у насъ недѣли двѣ. Онъ держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, хмурился и молчалъ. Повидимому, онъ сильно страдалъ въ душѣ. Отъ него также всѣ сторонились, какъ будто вынесенный имъ позоръ публичнаго посрамленія отталкивалъ отъ него окружающихъ. Онъ смотрѣлъ изподлобья, какъ загнанный звѣрь; его лицо смугловато-блѣдное съ рѣзко очерченными чертами и съ короткими прядями свѣтлорусыхъ волосъ, нависшихъ надо лбомъ, было неподвижно и безстрастно. Онъ въ свою очередь, казалось, платилъ презрѣніемъ ко всему окружающему. Пансіонеры—да, кажется, и гувернеры—побаивались его, какъ бѣшеной собаки... Затѣмъ, этотъ несчастный исчезъ изъ пансіона и, сколько помнится, вскорѣ вышелъ изъ гимназіи.

Другой случай... Нѣсколько приходящихъ учениковъ составили заговоръ, накупили игрушечныхъ ружей, барабановъ, надѣлали какихъ-то воинскихъ значковъ и знаменъ—и задумали въ одно прекрасное утро взять приступомъ гимназію. И, дѣйствительно, въ субботу на шестой недѣлѣ великаго поста заговорщики въ началѣ девятаго часа утра собрались у параднаго подъѣзда и съ шумомъ и гиканьемъ ворвались въ гимназію, оттѣснили сторожей, старавшихся унять ихъ, и съ торжествующими, побѣдными криками пронеслись по широкой парадной лѣстницѣ, проникли въ корридоръ и, стрѣляя изъ ружей, съ барабаннымъ боемъ прошли по корридору взадъ и впередъ, стуча въ двери классовъ древками значковъ и знаменъ. Нѣсколько стеколъ, помнится, было разбито, вѣшалки для платья свалены, сторожа жаловались на ушибы. Скандалъ вышелъ громадный, еще неслыханный въ стѣнахъ нашей гимназіи.

Нѣкоторые изъ пансіонеровъ, узнавъ объ открытіи военныхъ дѣйствій, пришли въ волненіе и страстно желали присоединиться къ нападающимъ, но гувернеры воспрепятствовали такому соединенію армій.

Между пансіонерами были отчаянныя сорви-головы, и если-бы они примкнули къ нападающимъ, то погромъ принялъ-бы болѣе серьезные размѣры. Дѣло кончилось тѣмъ, что главныхъ военачальниковъ въ тотъ-же день высѣкли, не смотря на то, что въ ихъ числѣ попались двое юношей изъ аристократической семьи. Я былъ въ то время въ I классѣ. У насъ шелъ урокъ Закона Божія, когда инспекторъ велъ въ гардеробную плѣнныхъ непріятелей. Нашъ почтенный законоучитель, отецъ Іоаннъ Прокошевъ, вступился за осужденныхъ и, по обыкновенію, приложивъ руку къ груди, попросилъ инспектора простить виновныхъ ради такого дня (Лазарева воскресенья). Но инспекторъ не снизошелъ на его просьбу.

Даже самыя игры носили въ то время какой-то грубый, жестокій характеръ. Такъ, напримѣръ, одна изъ любимыхъ игръ состояла въ томъ, что кто-нибудь по жребію становился въ наклоненной позѣ, а окружающіе хлопали его, и тотъ долженъ былъ угадать: кто ударилъ его. Угаданный становился на его мѣсто; если-же онъ не угадалъ, то игра, т.-е. битье, продолжалась. Иной злой шутникъ со всего размаху наносилъ такой чувствительный ударъ, что несчастный, не выдержавъ пытки, со слезами на глазахъ и весь красный отъ перенесенной боли, невольно вскрикивалъ и выпрямлялся. Отказаться-же отъ игры значило заслужить всеобщее презрѣніе и прозвища «нѣженки, труса, маменькина сынка» и т. под.

Иногда во время вечерняго «гулянья», т.-е. между восемью и девятью часами—два крайніе обѣденные стола отодвигались въ сторону и такимъ манеромъ образовывалось значительное свободное пространство. Сюда, какъ на арену, выходили желавшіе помѣряться ловкостью и силою своихъ мускуловъ. За охотниками дѣло никогда не стояло. Пансіонеры—отъ мала до велика—окружали эту импровизированную арену, стоя и сидя на скамьяхъ и столахъ, составлявшихъ какъ-бы амфитеатръ. Борцы, для удобства, иногда снимали куртки и засучивали рукава рубахи. Борьба иной разъ переходила въ довольно ожесточенную драку—къ вящшему удовольствію зрителей. Дерущіеся иногда смѣнялись одни другими, и это даровое представленіе длилось долго—до вечерней молитвы. Зрители апплодировали, любуясь на противниковъ, возившихся на полу, въ пыли. Гувернеры охотно допускали подобныя побоища, а одинъ изъ гувернеровъ, нѣмецъ, даже очень любилъ ихъ. Заложивъ руки за фалды вицмундира, онъ съ интересомъ смотрѣлъ на дерущихся и принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ перипетіяхъ борьбы. Онъ увлекался до того, что начиналъ иногда подзадоривать противниковъ, науськивая ихъ другъ на друга, какъ собаченокъ:

— Хорошенько, хорошенько его! Вотъ такъ, такъ... Ай да молодецъ! А ну-ка еще, еще подбавь! Вотъ такъ, такъ...

И какая-то плотоядная, чувственная улыбка расползалась по его желтому, сухому лицу, когда который нибудь изъ противниковъ наносилъ особенно мѣткій, чувствительный ударъ. Въ результатѣ этихъ «гладіаторскихъ игръ» оказывались въ кровь разбитые носы, подбитыя скулы, синяки, оборванныя пуговицы и разорванныя рубахи и штаны. Разбитые носы и фонари подъ глазами не принимались въ расчетъ, а за испорченное платье строго взыскивалось...

Широкое поприще для такихъ грубыхъ, циничныхъ игръ представляла также баня, куда насъ, пансіонеровъ, водили два раза въ мѣсяцъ по средамъ. Гувернеръ, сопровождавшій насъ, обыкновенно, оставался въ передбанникѣ или уходилъ на дворъ, и въ банѣ тогда происходило своего рода столпотвореніе вавилонское. Тутъ ужъ, по поговоркѣ, кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ... Любимымъ дѣломъ было подкрасться къ товарищу сзади, когда тотъ набиралъ воду въ тазъ, и, пользуясь его беззащитнымъ положеніемъ, хватить его хорошенько по голому тѣлу такъ, чтобы искры изъ глазъ посыпались, или обдать холодной водой или съ разбѣгу ударить его въ «поджилки» такъ, чтобы тотъ моментально растянулся на мокромъ, скользкомъ полу. Кто былъ посильнѣе, тотъ и озорничалъ...

Самыми невинными играми были: гусекъ и игра въ тарелочные осколки. Добывалась откуда-нибудь разбитая тарелка, расколачивалась на мелкіе неправильные кусочки, и затѣмъ играющіе брали въ горсть по нѣскольку такихъ кусочковъ и по очереди бросали вверхъ такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было подхватить на наружную сторону кисти руки. Старшіе воспитанники играли въ шахматы и въ шашки.

III.

По сравненію съ нами, пансіонерами, приходящіе гимназисты были совсѣмъ людьми вольными. Мы, бывало, съ завистью и грустью смотрѣли на нихъ изъ оконъ, какъ они послѣ классовъ съ сумочками и портфелями весело шли по улицамъ, въ одиночку и группами, направляясь къ своимъ домамъ, гдѣ ихъ ждали отецъ и мать, братья, сестры... Послѣ обѣда, приготовивъ уроки, они могли пойти гулять, отправиться въ театръ, на вечеръ къ знакомымъ, могли танцовать, могли кататься, даже поѣхать за городъ, а мы, заключенные, должны были и послѣ классныхъ занятій оставаться въ тѣхъ-же четырехъ стѣнахъ. Мы

были оторваны отъ семьи, отъ общества, отъ всего міра, жившаго и волновавшагося за стѣнами нашего пансіона. Въ будни мы могли выходить лишь въ экстренныхъ случаяхъ, по уважительнымъ просьбамъ родныхъ или знакомыхъ.

Въ нашемъ замкнутомъ пансіонскомъ мірѣ, натурально, слагались свои взгляды, свои вѣрованія и легенды. Такъ, напримѣръ, первый классъ, довольно большая комната, изъ которой шла лѣстница въ церковь, пользовался у насъ весьма плохой репутаціей. Въ немъ, по сказаніямъ гимназистовъ-«старичковъ», по ночамъ слышалась ходьба, раздавался какой-то шорохъ, и ни одинъ изъ младшихъ воспитанниковъ не рѣшался въ позднюю пору войти въ эту комнату. Въ нашей рекреаціонной залѣ, какъ говорили, также «чудилось» по ночамъ. Только вліяніемъ подобныхъ суевѣрій можно объяснить тотъ испугъ, какой однажды я пережилъ...

Когда я былъ въ VI классѣ, умеръ мой любимый товарищъ, мой другъ, Николай Поповъ (изъ Великаго Устюга, изъ того-же города, откуда родомъ и я). Покойника, какъ водится, обмыли въ свое время, положили въ гробъ и отнесли въ карцеръ (служившій также и мертвецкой). Псалтирь надъ покойникомъ читалъ нашъ гимназическій дьяконъ, но когда ему понадобилось вечеромъ сходить домой поужинать—я охотно взялся замѣнить его на время. Было часовъ восемь, когда я пришелъ къ нему въ карцеръ на смѣну. Темный мартовскій вечеръ стоялъ на дворѣ.

— Вотъ вамъ свѣчка! сказалъ дьяконъ, собираясь уходить и подавая мнѣ огарокъ довольно толстой восковой свѣчи.—Немного... Ну, да хватитъ пока! Я вѣдь скоро вернусь... До свиданья! Благодарствуйте...

Дьяконъ нахлобучилъ на лобъ свою широкополую шляпу и ушелъ. Я остался одинъ съ мертвецомъ...

Покойницкая была небольшая, мрачная комната съ двумя окнами, защищенными рѣшеткой и съ русской закоптѣлой печью въ углу. Гробъ стоялъ на лавкѣ—изголовьемъ къ окнамъ. Я вполголоса читалъ псалтирь и отъ поры до времени какъ-то машинально, невольно посматривалъ на гробъ, на покойника, на черты знакомаго, дорогаго лица, уже готоваго навсегда исчезнуть въ могильной тьмѣ. Свѣчка моя догорала, воскъ горячими каплями уже падалъ мнѣ на руку. Дьяконъ что-то замѣшкался...

Въ комнатѣ было тихо; тихо было и въ корридорѣ, ибо по той части его, которая прилегала къ карцеру, сторожа рѣдко проходили, особенно-же вечеромъ. Я все чаще посматривалъ на отопившийся,

оплывшій огарокъ и съ непріятнымъ чувствомъ подумывалъ о томъ, что огарокъ можетъ погаснуть прежде, чѣмъ придетъ дьяконъ, и я останусь впотьмахъ... Вдругъ посреди мертвой тишины явственно раздался какой-то странный, свистящій звукъ, шорохъ и затѣмъ что-то стукнуло... Ни разу въ жизни я такъ сильно не вздрагивалъ отъ испуга, какъ въ эту минуту. Точно какая-нибудь невидимая сила потрясла меня, и словно кипяткомъ обдало меня всего съ головы до пятъ. Всѣ суевѣрія, всѣ темные страхи, съ дѣтства всосанные, такъ сказать, всѣми пòрами моего духовнаго организма, тутъ разомъ нахлынули на меня. До той минуты я не понималъ еще вполнѣ, чтò значитъ ужасъ... Сердце усиленно колотилось, колѣни дрожали.

Если-бы я былъ однимъ изъ тѣхъ нервныхъ, слабыхъ волею мальчиковъ, какихъ много явилось въ позднѣйшее время, то я упалъ-бы безъ чувствъ или пустился-бы бѣжать со страху, куда глаза глядятъ. Но я пересилилъ свой страхъ, близко граничившій съ паникой, и рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ гробу. Я высоко поднялъ свой оплывшій восковой огарокъ и заставилъ себя взглянуть покойнику въ лицо. Это лицо было попрежнему неподвижно и дышало тѣмъ завиднымъ, безконечнымъ спокойствіемъ, какое бываетъ лишь на лицѣ человѣка, пришедшаго къ небытію. Губы полусжаты, глаза закрыты, и рѣсницы ихъ не дрогнутъ и не дрогнетъ тѣнь, лежащая подъ ними... Я посмотрѣлъ на покровъ, думая: не онъ-ли соскользнулъ съ покойника. Но, нѣтъ! покровъ лежалъ на своемъ мѣстѣ... Я обошелъ вокругъ гроба, подошелъ къ печи. Тутъ я увидѣлъ, что крышка гроба, прислоненная къ печкѣ, слегка покачивалась. Очевидно, стукнула крышка, которая, вѣроятно, была неплотно приставлена къ стѣнѣ Такимъ образомъ, я убѣдился, что ничего сверхъестественнаго не произошло, но мое душевное равновѣсіе было уже нарушено: я не могъ продолжать чтеніе псалтири. Къ тому-же, какъ на грѣхъ, свѣча моя окончательно догорѣла, и я былъ вынужденъ погасить ее. Оставшись впотьмахъ, я отыскалъ графинъ съ водой, налилъ стаканъ, выпилъ и сѣлъ на подоконникъ. Очень долгими показались мнѣ тѣ десять-пятнадцать минутъ, которыя я просидѣтъ впотьмахъ въ ожиданіи дьякона. Глаза мои мало-по-молу привыкли къ темнотѣ, и я сталъ различать окружающее.

При сумеречномъ ночномъ освѣщеніи, проникавшемъ въ окна, смутно, призрачно выступали передо мной бѣлыя свѣчи въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, гробъ, въ гробу профиль мертвеца и его желтыя, костлявыя руки, сложенныя на груди. Опустивъ руки на колѣни и прижавшись спиной къ холодному оконному косяку, я про-

должалъ смотрѣть на гробъ и не могъ смотрѣть въ тѣ минуты ни на что другое. Этотъ предметъ, казалось, неотступно привлекалъ меня къ себѣ... Въ комнатѣ было душно, пахло деревомъ гроба, тлѣніемъ. Наконецъ, у меня закружилась голова и горловыя спазмы начали меня душить... Въ ту минуту въ корридорѣ послышались шаги. Я приподнялъ отяжелѣвшую голову и, прислушиваясь, пристально посмотрѣлъ на дверь. Дверь отворилась, и на порогѣ показался отецъ дьяконъ съ фонаремъ и съ цѣлой горстью восковыхъ свѣчей въ рукѣ.

— Заждались! густымъ басомъ лаконично проговорилъ дьяконъ.

Никогда никакая музыка, кажется, не была такъ пріятна для моего слуха, какъ былъ пріятенъ въ ту минуту густой дьяконскій басъ.

Было уже десять часовъ. Я прямо прошелъ въ спальню. Напрасно я закутывался въ одѣяло,—меня била лихорадка... Напрасно я закрывалъ глаза, ложился на правый бокъ, подкладывая, по своему обыкновенію, руку подъ щеку,—я долго не могъ заснуть и лишь далеко за полночь забылся тяжелымъ, тревожнымъ сномъ...

Если-бы я съ дѣтства не былъ зараженъ суевѣріями и вѣрой во всякую чертовщину, если-бы школьная среда не поддерживала темныхъ страховъ, то, конечно, мнѣ не пришлось-бы въ ту ночь переживать описанныхъ мною тяжелыхъ, томительныхъ ощущеній...

Пансіонъ, какъ уже сказано, какъ всякій замкнутый, обособленный міръ, выработалъ свой кодексъ общественной нравственности.

Взгляды на товарищество, на дружбу, по этому неписаному кодексу, были самые опредѣленные, самые прямолинейные. Выдать товарища считалось дѣломъ гнуснымъ и позорнымъ. Дружба налагала свои обязанности: другу нельзя было отказать ни въ какой услугѣ, ни въ какой помощи... Обиженный долженъ былъ самъ расправляться съ обидчикомъ, но жаловаться на товарища учителю или гувернеру считалось весьма непохвальнымъ. Плакать или молить о пощадѣ—хотя-бы подъ розгами — считалось унизительнымъ, даже унизительнѣе перенесеннаго наказанія. Подсказыванье во время урока съ педагогической точки зрѣнія, конечно, нежелательно и непохвально, но у насъ въ пансіонѣ по отношенію къ другу подсказыванье считалось священнымъ долгомъ. За подсказыванье въ классѣ я однажды въ теченіе четырехъ часовъ простоялъ у стѣны, нѣсколько разъ оставался безъ обѣда, а одинъ разъ—уже во второмъ классѣ, передъ экзаменами—за подсказыванье я едва не подвергся болѣе чувствительному наказанію... Разсказывать дома или въ обществѣ о пансіонскихъ секретахъ считалось неприличнымъ, и воспитанника, уличеннаго въ пересказываніи тѣхъ или иныхъ интимныхъ фактовъ изъ пансіонской

жизни, называли «сплетникомъ», «переносчикомъ», «кумушкой». Подсмѣиваться надъ товарищемъ, подвергнувшимся наказанію, или при случаѣ напоминать ему объ этомъ наказаніи—считалось дѣломъ низкимъ.

Ничто не вѣчно въ мірѣ, не вѣчна была и пансіонская дружба. Пріятели иногда расходились... Бывшіе въ ссорѣ—по кодексу пансіонскихъ приличій—ни подъ какимъ видомъ не могли заговаривать другъ съ другомъ; они рѣшительно не обращали вниманія одинъ на другаго. Когда-же они начинали тосковать въ такомъ отчужденіи другъ отъ друга, тогда являлись миротворцы и служили посредниками между поссорившимися друзьями. Иногда—впрочемъ, очень рѣдко—весь классъ отворачивался отъ какого-нибудь субъекта; въ такомъ случаѣ этотъ несчастный какъ-бы предавался проклятію, и никто не имѣлъ права вступать съ нимъ въ сношенія до тѣхъ поръ, пока не снимался съ него интердиктъ. Если весь классъ сговаривался не отвѣчать урокъ, то несдержавшій уговора назывался «пролазой», «выскочкой» и становился на худомъ счету у товарищей. Если кто-нибудь дѣлалъ дерзость любимому учителю, тогда ему тоже доставалось отъ товарищей на орѣхи... Пансіонская замкнутость и обособленность—со всѣми ея хорошими и дурными сторонами—давали себя чувствовать на каждомъ шагу.

Иногда очень странные, своеобразные типы выработывались нашимъ пансіонскимъ міркомъ. Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ...

Мой товарищъ, П., отлично зналъ обрядовую сторону религіи и до тонкости изучилъ всѣ церковныя службы. Хотя въ пансіонѣ молитвы читались по очереди, но П. какъ-то устроилъ такъ, что ему всѣхъ чаще приходилось читать, а впослѣдствіи чтеніе молитвъ уже стало какъ-бы его прерогативой. Во время всеношной и обѣдни онъ читалъ на клиросѣ, выходилъ съ «Апостоломъ», любилъ ставить свѣчи, подавалъ кадило и вообще прислуживалъ въ алтарѣ. Мы звали его «дьячкомъ». Въ столѣ его помѣщалось нѣсколько маленькихъ образковъ, и столъ его уподоблялся молельнѣ. Онъ любилъ приводить цитаты изъ псалтири и другихъ церковнослужебныхъ книгъ. Говоря о божественномъ, онъ закатывалъ глаза вверхъ, какъ истый святоша. Но жестоко ошибся-бы тотъ, кто, судя по всему вышесказанному, принялъ-бы П. за человѣка религіознаго.

Чувства религіозности въ П. было меньше, чѣмъ въ любомъ изъ его товарищей. О лицахъ духовнаго званія онъ разсказывалъ такія пошлыя, циничныя исторіи, такъ непочтительно выражался онъ обо всемъ, касавшемся церковнослужителей, что его можно было принять за отъявленнаго атеиста. Какимъ образомъ уживались въ немъ одно-

временно такія очевидныя противорѣчія—объяснить не берусь. Ему, повидимому, нравилась лишь одна обрядовая сторона, церковные эффекты и церемоніи; ему нравилось играть роль при богослуженіи, рисоваться передъ публикой, хотя-бы въ роли «дьячка»... И съ какимъ удовольствіемъ, бывало, онъ выходилъ читать Посланіе, откашливался, кланялся священнику, съ какимъ озабоченнымъ видомъ раздувалъ кадило и, подавая его, ловко чмокалъ руку священнику... П. былъ недуренъ собой: съ темнорусыми волосами, съ карими, блестящими и бойкими глазками и съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Онъ былъ мальчикъ способный, учился довольно порядочно и былъ на хорошемъ счету у начальства. Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ пансіона, я слышалъ, что кто-то видалъ его гдѣ-то въ монастырѣ въ одеждѣ послушника.

Другой товарищъ мой по пансіону, Ч., завелъ у себя въ столѣ нѣчто въ родѣ энциклопедической мелочной лавки и мастерской. Онъ постоянно что-нибудь мастерилъ: дѣлалъ изъ картона всевозможные ящички и оклеивалъ ихъ разноцвѣтной бумагой, превращалъ сигарные ящики въ шкатулки, плелъ корзинки изъ бумаги, вклеивалъ тетради въ переплеты старыхъ альбомовъ, рисовалъ шашечныя доски, и всѣ эти произведенія рукъ своихъ пускалъ въ продажу, разумѣется, по умѣреннымъ цѣнамъ. Ч. дѣлалъ также панорамы. По вечерамъ показывая панораму, онъ—какъ настоящій раешникъ—давалъ приличныя случаю объясненія...

«А вотъ, господа, городъ Парижъ! какъ въѣдешь въ него, такъ и угоришь!» выкрикивалъ онъ своимъ рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ.—«А вотъ—швейцарская хижина, стоитъ никѣмъ недвижима!» Или—если рисунокъ панорамы изображалъ сраженіе—Ч. обязательно пояснялъ: «Турки валятся, какъ чурки, а русскіе стоятъ и безъ головъ!..» И все это (и многое другое) онъ выкрикивалъ, не переводя духу, и такъ серьезно, что ни одинъ мускулъ, бывало, не дрогнетъ у него въ лицѣ. Въ его лавочкѣ можно было купить всякой всячины—бумаги писчей и почтовой, сургуча, карандашей, перьевъ, пенали, даже картинъ (иногда, между прочимъ, и предосудительнаго содержанія—съ изображеніемъ женщинъ, болѣе или менѣе декольтированныхъ). Послѣдняго рода художественныя произведенія продавались имъ подъ названіемъ «миѳологическихъ» и лишь подъ большимъ секретомъ, ибо за такую продажу неминуемо угрожали розги. Въ числѣ запрещенныхъ предметовъ у Ч. также можно было купить и нюхательнаго табаку. Въ ту пору нюханье табаку у насъ въ пансіонѣ было въ большой модѣ. Я тоже, было, пытался слѣдовать этой модѣ,

но безуспѣшно: послѣ двухъ-трехъ попытокъ я нашелъ, что рѣшительно нѣтъ никакого удовольствія въ томъ, чтобы набивать носъ табакомъ, чихать и усиленно сморкаться... У Ч. можно было пріобрѣтать и табакерки. Онъ также былъ нашимъ мѣнялой и ростовщикомъ. Такъ какъ Ч. не мало потѣшалъ публику, въ томъ числѣ и гувернеровъ, то гувернеры вообще относились къ нему милостиво. Товарищи звали его «фигляромъ».

Ч. былъ высокаго роста, худощавъ, съ темными глазами на желтоватомъ лицѣ и съ волосами льнянаго цвѣта. Онъ учился плохо, и—сколько помнится—за лѣность его не разъ наказывали. Иногда также инспекторъ, знавшій объ его промышленной и коммерческой дѣятельности, дѣлалъ внезапные обыски въ его столѣ, причемъ всѣ запрещенные предметы отбирались, а Ч. доставалось отъ инспектора болѣе или менѣе чувствительно.... Но Ч. былъ энергиченъ, настойчивъ и трудолюбивъ, какъ муравей. Послѣ погрома онъ скоро оправлялся и черезъ недѣлю или черезъ двѣ снова открывалъ свою лавочку. Старшіе воспитанники всегда протежировали ему. Для «маленькихъ» столъ Ч. всегда представлялся въ высшей степени заманчивымъ предметомъ, и счастливымъ считалъ себя тотъ, кому позволялось заглянуть въ это святилище... Замкòвъ у насъ не полагалось, но нѣкоторые воспитанники все-таки ухитрялись заводить ихъ. Начальство на эти продѣлки смотрѣло сквозь пальцы, такъ какъ всегда могло сдѣлать обыскъ и велѣть уничтожить у стола замокъ. Ч., конечно, запиралъ свое святилище.

По выходѣ изъ гимназіи Ч. служилъ учителемъ въ одномъ уѣздномъ городкѣ Вологодской губерніи и даже, какъ я слышалъ, получилъ благодарность свыше за отличное исполненіе своихъ обязанностей.

Воспитанникъ В. для новичковъ, для «маленькихъ» и для товарищей, уступавшихъ ему въ физическомъ отношеніи, былъ настоящимъ злымъ демономъ. Онъ былъ невысокаго роста, широкоплечъ, коренастъ, съ круглой головой, крѣпко сидѣвшей на короткой шеѣ, и съ темными торчащими волосами. Его злые глазки подъ темными густыми бровями наводили страхъ на пансіонскую мелкоту. Онъ, казалось, постоянно придумывалъ: какую-бы каверзу позабористѣе ему выкинуть? Для В. было особеннымъ удовольствіемъ мучить новичковъ. И онъ пугалъ и запугивалъ ихъ всевозможными манерами. То онъ говорилъ новичку, что если тотъ не допьетъ квасу за обѣдомъ, то гувернеръ весь остатокъ квасу изъ стакана выльетъ ему на голову; то онъ увѣрялъ, что каждаго новичка—въ первую-же субботу по поступленіи въ гимназію—обязательно подвергаютъ наказанію роз-

гами въ присутствіи товарищей. В. всячески приставалъ къ новичкамъ, дергалъ ихъ за уши, за волосы, давалъ имъ подзатыльники. То онъ съ самымъ любезнымъ видомъ заговаривалъ съ ними, разспрашивалъ ихъ о «домѣ», о семьѣ, а затѣмъ первый-же насмѣхался и глумился надъ ними. В. самымъ нахальнымъ образомъ подбирался къ гостинцамъ, которые приносили родные новичкамъ, а потомъ самъ-же и ругалъ обобранныхъ имъ «маменькиными сынками», «дураками», «простофилями»...

— Учить тебя надо, болвана! говорилъ онъ откровенно новичку, когда тотъ плакалъ отъ его нападокъ.

Подтолкнуть за столомъ своего сосѣда, когда тотъ подносилъ ложку ко рту, устроить какую-нибудь скверную каверзу, сконфузить, «подвести» товарища, сыграть надъ нимъ злую шутку—все это было для В. сущимъ наслажденіемъ. Даже во время занятій, даже въ классѣ онъ не могъ удержаться, чтобы не отпустить какую-нибудь циничную шуточку надъ наказаннымъ товарищемъ, что̀ уже совсѣмъ противорѣчило общепринятымъ пансіонскимъ приличіямъ.

— Ну, что! Каково влетѣло? шепотомъ спрашивалъ онъ, съ злорадствомъ заглядывая въ лицо потерпѣвшему.—Будешь помнить?..

Что̀ сталось съ В. по выходѣ изъ пансіона, мнѣ неизвѣстно.

К. тоже представлялъ собой довольно интересный пансіонскій типъ. Онъ былъ блондинъ высокаго роста, съ сѣрыми глазами и съ необыкновенно тупымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ считалъ себя очень красивымъ юношей и былъ сильно занятъ своей особой. Онъ всегда подкупалъ цирульника при стрижкѣ, и поэтому имѣлъ возможность носить сравнительно длинные волосы и пробирать проборъ. Онъ всегда выпускалъ сверхъ галстуха края сорочки, что̀ считалось у насъ большимъ шикомъ и за что̀ доставалось иногда отъ инспектора. Сапоги его были всегда вычищены самымъ тщательнымъ, блестящимъ образомъ и горѣли, какъ жаръ. На курткѣ—ни пылинки. Онъ по нѣскольку разъ въ день примачивалъ и приглаживалъ свои волосы. Въ карманѣ у него всегда находилась круглая щеточка съ зеркальцемъ и съ гребенкой, и онъ поминутно смотрѣлся въ свое зеркальце. К. былъ неразговорчивъ и какъ-то задумчиво-сосредоточенъ; ни въ какихъ бояхъ и дракахъ не участвовалъ, хотя отличался большой физической силой; учился плохо, читалъ мало и любилъ переписывать въ тетрадь стихотворенія изъ хрестоматіи. Онъ переписывалъ очень тщательно, каллиграфически и бралъ, повидимому, стихотворенія безъ всякаго разбора, что̀ попадется подъ руку: оду Державина или Шевырева, стихотвореніе Хомякова, Жуковскаго, Лермонтова, Пушкина,

Кольцова. Кажется, главнымъ образомъ его занималъ самый процессъ переписыванія. Поведенія онъ былъ примѣрнаго, во время занятій не шалилъ, а въ «гулянья», обыкновенно, расхаживалъ по залѣ, заложивъ руки за спину или—чаще—въ карманы штановъ и стараясь ступать врознь носками.

Мы иногда спрашивали себя: о чемъ думалъ К., расхаживая по залѣ, и нѣкоторые изъ насъ приходили къ тому заключенію, что онъ, вѣроятно, въ то время ровнехонько ни о чемъ не думалъ, а просто любовался на кончики своихъ блестяще вычищенныхъ сапоговъ...

Когда я поступилъ въ гимназію, К. былъ во второмъ классѣ. Онъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два по три года и во второмъ классѣ онъ былъ уже юношей лѣтъ 15—16. За хорошее поведеніе и вслѣдствіе его великовозрастности инспекторъ щадилъ его и, кажется, ни разу не водилъ его по субботамъ въ гардеробную... Только какая-нибудь обида или насмѣшки товарищей выводили К. изъ его обычной апатіи. Въ такихъ случаяхъ онъ выказывалъ очевидные признаки глубокаго душевнаго разстройства, а именно: онъ поминутно какъ-то нервно обдергивалъ куртку, былъ мраченъ и печаленъ, рѣже обыкновеннаго смотрѣлся въ зеркальце, не интересовался своими воротничками, даже не переписывалъ стихотвореній и при ходьбѣ сосредоточеннѣе обыкновеннаго смотрѣлъ на носки своихъ сапоговъ.

По выходѣ изъ пансіона я также потерялъ его изъ виду.

Н., пансіонеръ уже одного изъ старшихъ классовъ, отличался большими странностями и чудачествами. Надо думать, что онъ былъ человѣкъ больной, психически разстроенный. Такъ, напримѣръ, Н.—человѣкъ тихаго, смиреннаго нрава—положительно приходилъ въ ярость, если ему при ходьбѣ наступали на ногу или вообще дотрогивались до него. Выучивъ урокъ, онъ быстро-быстро крестился и цѣловалъ книгу въ корешокъ и въ каждый уголокъ переплета, открывалъ столъ и бросалъ въ него книгу такимъ образомъ, чтобы не дотронуться ею до края или до крышки стола. На ходу онъ всегда что-то шепталъ про себя, очищался, отплевывался и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не дотронулся до него. Ложась спать, онъ также отплевывался, обдувался, шепталъ что-то про себя, и изъ его шепота можно было только разслыхать иногда какія-то странныя непонятныя слова, въ родѣ, напримѣръ, «*хар-цы-тфу*». И бѣда-бы была тому смѣльчаку, кто вздумалъ-бы въ ту минуту дотронуться до его койки... Н. могъ-бы убить его.

Этотъ несчастный, повидимому, постоянно опасался подпасть подъ вліяніе какихъ-то темныхъ, злыхъ силъ; онъ боялся, что его «сгла-

зятъ», напустятъ на него порчу, какую-нибудь болѣзнь, лишатъ его памяти, сна и т. д. Онъ, видимо, страдалъ, когда замѣчалъ, что кто-нибудь съ умысломъ шелъ позади него и старался ступить на его «слѣдъ...»

Н., какъ мнѣ помнится, умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ гимназіи.

Мой товарищъ, И., представлялъ собой грустный образчикъ того, до какого жалкаго, нравственнаго растлѣнія могли доводить розги. И. былъ мальчуганъ средняго роста, блондинъ, съ лицомъ молочнаго цвѣта, съ румянцемъ на щекахъ; у него были большія мясистыя уши, толстыя губы и большіе сѣрые глаза съ рѣдкими рѣсницами и съ глупымъ, телячьимъ выраженіемъ. За эти глаза товарищи звали его «коровой». Онъ былъ лѣнивъ, малоспособенъ и любилъ пошалить. Его наказывали почти каждый мѣсяцъ, иногда нѣсколько недѣль подъ рядъ, а иногда даже не одинъ разъ въ недѣлю. Никакого страха для него уже не существовало: къ нравственной и физической боли онъ притерпѣлся. Бывало, скажутъ ему: «Тебя ужо́ накажутъ!»—«Наплевать!» преспокойно отвѣтитъ онъ.—«Тебя исключатъ изъ гимназіи!» —«А наплевать!...» Однимъ словомъ, «наплевать» стало его девизомъ. И. мало-по-малу сдѣлался грубымъ циникомъ, и ничто, казалось, не могло заставить его покраснѣть. Я слыхалъ, что онъ, наконецъ, дошелъ до того, что публично показывалъ товарищамъ рубцы, остававшіеся на его тѣлѣ отъ наказаній. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ гимназіи и поступилъ въ какое-то военно-учебное заведеніе, но и тамъ, кажется, не кончилъ... Вообще ни одного путнаго человѣка не вышло изъ числа тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ драли, какъ сидоровыхъ козъ: изъ нихъ вышли пьяницы, развратники, забулдыги, и всѣ они безслѣдно потонули въ житейскомъ омутѣ.

Повторяю: розги были и навсегда останутся одною изъ самыхъ темныхъ страницъ исторіи нашей школы.

IV.

У меня былъ товарищъ Т., писавшій стихи и даже строчившій цѣлыя поэмы. «Своего», самостоятельнаго, конечно, въ этихъ поэмахъ было мало. Поэту въ ту пору было лишь 13 лѣтъ. Помню, что сюжетомъ для его поэмъ всего чаще служили сцены изъ морской жизни и подвиги героевъ изъ временъ возстанія грековъ за независимость. Т. называлъ себя «Пушкинымъ», а меня любезно произвелъ въ «Дельвиги» (хотя я стиховъ и не писалъ). Въ качествѣ Дельвига, само

собой разумѣется, я долженъ былъ сдѣлаться повѣреннымъ его тайнъ: онъ подъ секретомъ читалъ мнѣ свои произведенія, разсказывалъ планы будущихъ поэмъ, повѣдывалъ мнѣ о приступахъ вдохновенія, о томъ, какъ легко льются въ тѣ минуты стихи изъ-подъ его пера. Т. настаивалъ, чтобы я, какъ Дельвигъ, непремѣнно писалъ что-нибудь. И однажды подъ вліяніемъ его уговоровъ я началъ писать повѣсть изъ испанской жизни, которая мнѣ тогда была извѣстна лишь изъ романовъ, въ родѣ: «Алліага или Мавры при Филиппѣ Ш». (Я поступилъ въ гимназію двѣнадцати лѣтъ, перечитавъ уже почти половину отцовской библіотеки).

Дѣйствіе повѣсти моей происходило въ Гренадѣ... Два таинственные незнакомца, сойдясь ночью подъ портикомъ какого-то храма, поклялись составить заговоръ для ниспроверженія инквизиціи. Заговоръ не удался; таинственные незнакомцы—ужасно мрачные и свирѣпые—погибли на кострѣ, а ихъ возлюбленныя ушли въ монастырь... Когда я прочелъ начало повѣсти Т. и передалъ ему продолженіе ея, Т. сказалъ:

— Изрядно, братъ! Ты будешь хорошо писать драмы и трагедіи...

Эта печальная повѣсть, имѣвшая такое блестящее начало, никогда не была кончена (отъ чего, впрочемъ, современники и потомство не особенно много потеряли). Кстати сказать: много пророчествъ наслушался я на своемъ вѣку. Пророчество Т. не сбылось: я не сдѣлался драматуромъ... Учитель ариѳметики, И., стуча кулакомъ по каѳедрѣ, говаривалъ мнѣ:

— Не перейти тебѣ изъ перваго класса во второй, сиди хоть десять лѣтъ!

Но я перешелъ—и во второмъ классѣ на первомъ-же урокѣ напомнилъ И. объ его несбывшемся предсказаніи. Изъ математики я, дѣйствительно, учился плохо, и учитель опять сталъ предрекать мнѣ, что я не перейду въ третій классъ, что мнѣ не кончить гимназическаго курса. Но я опять-таки перешелъ и гимназическій курсъ кончилъ, не просидѣвъ ни въ одномъ классѣ двухъ лѣтъ. Впрочемъ, не всѣ пророчества по моему адресу были такъ неудачны...

Однажды, когда мнѣ было лѣтъ восемь, по сосѣдству съ нашей усадьбой *) расположился небольшой цыганскій таборъ. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть вблизи на цыганъ и цыганятъ. Украдкой—такъ какъ я зналъ навѣрное, что мама не отпуститъ меня къ цыганамъ—отправился я въ таборъ со своимъ другомъ-пріятелемъ, Сашкой, сы-

---

*) Чичулино, въ 10 верстахъ отъ г. Вологды.

номъ нашего кучера. Лишь только я подошелъ къ табору, какъ вдругъ передо мной очутилась, словно изъ земли выросла, цыганка съ краснымъ платкомъ на черныхъ, взъерошенныхъ волосахъ и въ пестрой, рваной шали, перекинутой черезъ плечо и завязанной узломъ на груди... Вечеръ былъ жаркій, и я на бѣгу отиралъ потъ платкомъ,—и платокъ остался у меня въ рукѣ. Цыганка моментально подхватила его у меня и обѣщалась за то погадать. Сначала я струхнулъ и оглянулся, чтобы—въ случаѣ чего—позвать на помощь Сашку, но мой вѣрный пажъ на этотъ разъ выказалъ большое малодушіе и удиралъ во всѣ лопатки по направленію къ дому... Цыганка была довольно молода, красива и вовсе не походила на тѣхъ молодыхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ до тѣхъ поръ въ деревняхъ и въ сосѣднихъ барскихъ усадьбахъ. Цыганка заинтересовала меня, какъ вообще интересовалъ меня цыганскій таборъ; но въ то-же время меня пугали ея смуглое лицо, и ея темные глаза, горѣвшіе какъ угольки, и ея торопливое бормотанье, и наглый взглядъ. Цыганка взяла меня за руку своею темнобронзовой рукой и посмотрѣла мнѣ на ладонь. Она низко наклонилась ко мнѣ и, заглядывая мнѣ въ лицо, обдавала меня своимъ горячимъ дыханіемъ. Она, кажется, потѣшалась надъ моимъ испугомъ.

— У-у, баринъ... ты—упрямый! вдругъ затараторила цыганка, засматривая мнѣ въ глаза.—Ты не пойдешь, куда тебя посылать станутъ,—туда пойдешь, куда самъ захочешь... Упрямый! Да!..

Живо запомнилось мнѣ это предсказаніе цыганки, хотя послѣ того вечера прошло уже болѣе 30 лѣтъ. Послѣднее обстоятельство я объясняю тѣмъ, что вся обстановка, окружавшая меня въ тѣ минуты, произвела очень сильное впечатлѣніе на мое воспріимчивое, дѣтское воображеніе.

Солнце, низко стоявшее надъ лѣсистымъ горизонтомъ и краснымъ шаромъ просвѣчивавшее изъ-за зелени деревьевъ... Телѣги оглоблями вверхъ и около нихъ—подобіе бѣлыхъ палатокъ... Дотлѣвшій костеръ и тѣни, сгущавшіяся надъ кустами, росшими по опушкѣ лѣса... Стреноженныя лошади, щипавшія траву, и сѣрая, кудластая, похожая на волка собака, лежавшая подъ телѣгой... Всю эту картину—подъ ясными, лѣтними небесами—я и теперь какъ будто вижу передъ собой и ощущаю запахъ донника, запахъ лѣсной глуши и дичи, явственно разносившійся въ вечернемъ воздухѣ...

Полуодѣтые цыганята обступили меня и, вытаращивъ глаза, смотрѣли на пришельца. Цыганка продолжала зорко оглядывать меня всего, какъ-бы пріискивая, что́-бы еще стянуть съ меня. Она даже снаружи ощупала мой карманъ: карманъ былъ пустъ. Цыганята, бор-

моча и толкаясь, принялись тормошить меня. Они, повидимому, столько-же интересовались мною, сколько и я ими. Одинъ изъ нихъ даже засучилъ мнѣ шаровары и дотронулся до моего колѣна. Наконецъ, маленькіе дикари стали такъ безцеремонны, что я былъ вынужденъ ретироваться и бѣгомъ пустился во-свояси.

Предсказаніе цыганки исполнилось: я пошелъ своей дорогой, а не той, на которую, повидимому, настойчиво толкали меня люди и обстоятельства...

И еще одно удачное предсказаніе... Въ VI классѣ гимназіи я очень долго и съ любовью работалъ надъ сочиненіемъ о преобладающемъ характерѣ русскихъ народныхъ пѣсень и прочелъ его своей теткѣ, Серафимѣ Николаевнѣ Засѣцкой (урожденной Жеребцовой). Эта тетушка была старше меня на годъ (мнѣ въ ту пору было 18, а ей—19 лѣтъ), и мои отношенія къ ней были самыя дружескія Когда я дочиталъ ей свое сочиненіе, она положила мнѣ руку на плечо и промолвила:

— А знаешь, Поль! Ты будешь писатель...

Вижу, что вышло отступленіе, но ужь дѣлать нечего: «писаху—писахъ».

П. Засодимскій.

(*Окончаніе будетъ*).

ПАМЯТИ ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА РѢДКИНА.

Въ прошломъ году, 7-го октября, въ газетахъ (см. «Новое Время» № 5247) было помѣщено слѣдующее заявленіе: «Искренно благодарю всѣхъ почтившихъ меня своими поздравленіями съ 60-ти-лѣтіемъ моего служенія Царю, отечеству и наукѣ. П. Рѣдкинъ». Въ ночь на 7-е марта настоящаго года, этотъ человѣкъ, такъ много послужившій родинѣ, скончался на 83-мъ году отъ рожденія. Вся долгая жизнь его, дѣйствительно, была посвящена наукѣ, государственной службѣ и педагогической дѣятельности и представляетъ собою замѣчательный образецъ соединенія глубокихъ познаній, трудолюбія, высокой честности и дѣятельной любви къ просвѣщенію. Біографія Петра Григорьевича, или автобіографія, если покойный велъ записки о своей жизни, могла-бы имѣть высокій, поучительный интересъ для русскихъ читателей, въ особенности для молодаго поколѣнія. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи дать даже болѣе или менѣе полнаго очерка его жизни и трудовъ. Мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности этого человѣка, имя котораго должно навсегда остаться въ памяти каждаго русскаго педагога.

П. Г. Рѣдкинъ родился 4-го октября 1808 года въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи. Его родители были потомственные дворяне, зажиточные помѣщики. Отецъ служилъ сперва въ военной службѣ и, подъ начальствомъ Суворова, совершилъ итальянскій и польскій походы, затѣмъ до 1820 г. занималъ должность полиціймейстера въ г. Ромнахъ, наконецъ, жилъ въ своемъ, близъ г. Роменъ, хуторѣ, гдѣ и скончался, въ концѣ 1848 года. Дѣтство и отрочество Рѣдкинъ провелъ подъ родительскимъ кровомъ, занимаясь подъ руководствомъ русскаго учителя и гувернера-француза. Когда настало время болѣе серьезнаго, систематическаго ученія, мальчика отдали въ Роменское уѣздное училище. Это было время, когда тѣ заботы о просвѣщеніи русскаго юношества, которыя были начаты въ царствованіе

Екатерины II, стали приносить нѣкоторые плоды. Въ нѣкоторыхъ, изъ немногочисленныхъ, конечно, низшихъ и высшихъ народныхъ училищахъ, переименованныхъ затѣмъ въ приходскія и уѣздныя, преподавателями были уже люди, получившіе образованіе и педагогическую подготовку въ первой русской учительской семинаріи, руководимой И. Я. Янковичемъ де-Миріево, и обученіе въ этихъ училищахъ велось по учебникамъ, составленнымъ подъ его-же наблюденіемъ. По счастливой случайности, всѣ преподаватели тогдашняго Роменскаго уѣзднаго училища были, по свидѣтельству Рѣдкина, люди достойные. Сверхъ чтенія и письма, мальчикъ обучался въ этомъ училищѣ: краткому и пространному катехизису, священной исторіи, толкованію Евангелія, ариѳметикѣ, началамъ алгебры, геометріи въ связи съ практическими съемками, физикѣ, естественной исторіи, русской и всеобщей исторіи и географіи, русскому, французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, рисованію, а также изучалъ книгу «О должностяхъ человѣка и гражданина», хотя какъ-то разъ, въ засѣданіи бывшаго педагогическаго собранія, при случаѣ, заявилъ, что ничего изъ содержанія этой книги не помнитъ, что и послужило для него поводомъ высказаться противъ преподаванія въ школѣ морали, какъ особаго учебнаго предмета. Усердно занимаясь въ училищѣ, мальчикъ много читалъ дома, такъ какъ у родителей его была хорошая библіотека. Въ это время въ г. Нѣжинѣ, Черниговской губерніи, было открыто новое учебное заведеніе «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко», переименованное затѣмъ въ лицей, куда, въ 1820 году, и былъ опредѣленъ, своекоштнымъ пансіонеромъ, 12-лѣтній Рѣдкинъ. Здѣсь, при директорахъ—сперва В. В. Кукольникѣ, а затѣмъ И. С. Орлаѣ (оба изъ приглашенныхъ тогда въ Россію австрійскихъ галичанъ), онъ, вслѣдствіе хорошей подготовки въ уѣздномъ училищѣ, въ шесть лѣтъ прошелъ весь девятилѣтній курсъ заведенія. Курсъ этотъ, по обычаю того времени, отличался чрезвычайною энциклопедичностью. Петръ Григорьевичъ здѣсь обучался: краткому и пространному катехизису, библейской и церковной исторіи, толкованію Ветхаго и Новаго Завѣта, литургикѣ, логикѣ. нравственной философіи, политической экономіи, естественному, римскому и русскому правамъ, практическому судопроизводству, литовскому статуту (еще дѣйствовавшему тогда въ малорусскихъ губерніяхъ), минералогіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, механикѣ, военнымъ наукамъ, русской и всеобщей исторіи, географіи и статистикѣ, русской, французской, нѣмецкой и латинской словесности, рисованію, танцамъ, музыкѣ (игрѣ на фортепьяно) и церковному пѣнію. П. Г. Рѣдкинъ не

только съ успѣхомъ вынесъ этотъ курсъ, лишенный всякой сосредоточенности и способный скорѣе притупить умственныя способности прилежнаго ученика, или-же пріучить его къ верхоглядству, но этотъ хаотическій курсъ, принесъ ему даже пользу какъ будущему профессору энциклопедіи законовѣдѣнія, требующей знанія не однѣхъ только юридическихъ наукъ. Это обстоятельство несомнѣнно свидѣтельствуетъ о силѣ дарованій нашего ученаго юриста и о громадной выносливости его натуры. Обучаясь въ лицеѣ, П. Г. усердно пользовался богатою лицейскою библіотекою, состоявшею преимущественно изъ французскихъ книгъ; онъ много читалъ по литературѣ и наукамъ, особенно по исторіи. Какъ и въ большинствѣ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, во внѣклассныхъ занятіяхъ учащихся въ лицеѣ господствовало литературное направленіе. Этому направленію принесъ свою дань и Рѣдкинъ. Вмѣстѣ съ тремя изъ своихъ товарищей, онъ рѣшился сдѣлать возможно полное сокращеніе французскаго перевода всеобщей исторіи, изданной обществомъ англійскихъ ученыхъ и состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ. Работа осталась неоконченною, но она принесла свою пользу участвовавшимъ въ ней, пріучивъ ихъ къ ученому труду и укрѣпивъ въ знаніи языковъ. Вмѣстѣ съ другими двумя товарищами, извѣстнымъ въ свое время литераторомъ Н. В. Кукольникомъ и знаменитымъ нашимъ писателемъ Н. В. Гоголемъ, Рѣдкинъ издавалъ въ лицеѣ также рукописный журналъ. Въ 1826 году онъ окончилъ курсъ лицейскихъ наукъ,—окончилъ первымъ кандидатомъ перваго выпуска, съ золотою медалью. Пожелавъ избрать ученую карьеру, онъ просилъ своихъ родителей дозволить ему отправиться, для довершенія своего образованія, въ Дерптскій университетъ. Но родители не соглашались отпустить сына такъ далеко и желали, чтобы онъ поступилъ въ гражданскую службу. Наконецъ Рѣдкинъ получилъ отъ нихъ позволеніе ѣхать въ Московскій университетъ. Онъ записался на такъ-называемое этико-политическое отдѣленіе, съ освобожденіемъ отъ слушанія общихъ, т.-е. приготовительныхъ, курсовъ. Въ Московскомъ университетѣ Рѣдкинъ слушалъ лекціи: богословія, библейской и церковной исторіи, русскаго права, практическаго судопроизводства (у знаменитаго тогдашняго юриста-практика Сандукова), римскаго права и права «знатнѣйшихъ народовъ», политики и народнаго права, политической экономіи и дипломатіи, всеобщей и русской исторіи и статистики, и, наконецъ, русской словесности. По словамъ Рѣдкина, наибольшую пользу принесло ему слушаніе лекцій по русской исторіи и статистикѣ у извѣстнаго историка-скептика Каченовскаго. Когда производился наборъ молодыхъ людей изъ окончившихъ

университетскій курсъ для поступленія въ такъ-называемый «профессорскій институтъ», съ обязательствомъ затѣмъ прослужить 12 лѣтъ профессоромъ, то въ число ихъ былъ избранъ и Рѣдкинъ. Въ 1828 году, сдавъ экзаменъ въ Петербургской академіи наукъ, онъ отправился въ Дерптъ, гдѣ будущіе профессора должны были подготовиться къ слушанію лекцій въ заграничныхъ университетахъ. Въ Дерптѣ Рѣдкинъ два года слушалъ лекціи по юридическимъ наукамъ и здѣсь-же онъ положилъ прочное начало знанію древнихъ языковъ. Въ 1830 году Рѣдкинъ былъ причисленъ графомъ Сперанскимъ ко II-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и командированъ въ Берлинскій университетъ, въ который уже были направлены Сперанскимъ молодые люди изъ духовныхъ академій, избранные имъ для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ по юридическимъ наукамъ, и дѣйствительно положившіе у насъ начала научной юриспруденціи (бр. Баршевы, Неволинъ, Н. И. Крыловъ, Богородскій, Калмыковъ, Куницкій и др.). Берлинскій университетъ того времени славился своими профессорами, въ особенности юристами. Рѣдкинъ слушалъ: римское право (институты и пандекты) у Савиньи, политику и новую исторію у Раумера, философію права и исторію его у Ганса, энциклопедію филологіи у знаменитаго филолога Бека и, наконецъ, логику и исторію философіи у Гегеля, духомъ философіи котораго было проникнуто преподаваніе почти всѣхъ тогдашнихъ берлинскихъ профессоровъ. Гегель повліялъ и на нашего молодаго ученаго; Рѣдкинъ сталъ ярымъ гегеліанцемъ и почти всю свою долгую жизнь оставался подъ вліяніемъ его ученія. Помимо посѣщенія лекцій и занятій юридическими науками, П. Г. продолжалъ заниматься древними языками, достигнувъ и тутъ большаго совершенства, такъ что могъ слушать лекціи профессора Бека, а также изучалъ языки англійскій, итальянскій, испанскій и даже, по предложенію графа Сперанскаго, началъ изучать языкъ санскритскій.

Въ іюлѣ 1834 г. Рѣдкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, черезъ полгода, выдержалъ экзаменъ на доктора правъ, по особой программѣ, составленной спеціально для стипендіатовъ профессорскаго института, а съ осени 1835 г. началъ читать лекціи по энциклопедіи законовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ. Въ концѣ того-же года онъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ. На первомъ курсѣ Рѣдкинъ читалъ студентамъ энциклопедію законовѣдѣнія или юридическую пропедевтику, на 2-мъ курсѣ—русскіе государственные законы, съ введеніемъ въ государственное право вообще, на

4-мъ курсѣ—вторую часть энциклопедическаго законовѣдѣнія и поочередно: одинъ годъ—философію права по Гегелю, а на другой годъ—курсъ современнаго гражданскаго права во Франціи и Англіи. Этимъ послѣднимъ курсомъ всегда особенно интересовались студенты, такъ какъ тутъ они знакомились съ государственнымъ строемъ передовыхъ европейскихъ народовъ. Кромѣ названныхъ курсовъ, Рѣдкинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ общій курсъ русскихъ государственныхъ законовъ для студентовъ послѣднихъ курсовъ всѣхъ факультетовъ. Всѣхъ лекцій въ недѣлю онъ читалъ отъ 10 до 16-ти. По его словамъ, цѣлью своихъ чтеній онъ ставилъ: развитіе въ слушателяхъ любви къ наукамъ, чувства правды и справедливости, строгой логической послѣдовательности мышленія и ученаго направленія, основаннаго на изученіи источниковъ. П. Г. Рѣдкинъ былъ истый гегеліанецъ; онъ уважалъ Гегеля превыше всѣхъ нѣмецкихъ философовъ и по его началамъ строилъ всѣ свои лекціи. Онъ толковалъ о принципѣ, изъ котораго все развивается, о трехъ моментахъ въ *кругѣ* развитія: моментъ абсолютнаго, всеобщности; моментъ конкретнаго, обособленія, и моментъ единства того и другаго. Отъ этой тройственности онъ не отступалъ ни на шагъ. Всѣ его лекціи дѣлились на три части, изъ коихъ каждая опять-таки дѣлилась на три и т. д. Это придавало лекціямъ видъ строгой систематичности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при постоянномъ повтореніи, дѣлало ихъ нѣсколько однообразными, искусственными и изысканными. Въ энциклопедіи законовѣдѣнія онъ объяснялъ развитіе права, конечно, также по тремъ моментамъ: право обычное, законодательство и право юристовъ. Рѣдкинъ подробно объяснялъ названіе науки, ея методъ, источники, возможность, дѣйствительность и полезность, доказывая положеніе: «все, что возможно, то и дѣйствительно». Онъ заставлялъ слушателей видѣть въ явленіяхъ міра внутреннее развитіе, а въ этомъ послѣднемъ—строгую постепенность. «Рѣдкинъ читалъ—вспоминаетъ А. Н. Аѳанасьевъ *)—съ одушевленіемъ оратора; онъ любилъ иной разъ отпустить пышную фразу, особенно при окончаніи лекціи, причемъ обыкновенно разгорячался, повышалъ голосъ и говорилъ быстро; въ выговорѣ его слышался непріятный малороссійскій акцентъ, а въ лекціяхъ часто попадались иностранныя слова. Меня сильно поразила его первая лекція, которую онъ началъ вопросомъ: «Милостивые государи, зачѣмъ вы сюда явились?» и потомъ самъ-же отвѣчалъ, что насъ вело въ университетъ предчувствіе узнать здѣсь истину и сдѣлаться въ своемъ оте-

*) «Русская Старина», августъ 1886 года.

чествѣ защитниками правды. «Вы жрецы правды—вы юристы!» восклицалъ онъ и окончилъ лекцію любимою своею поговоркою «все минется, одна правда останется», причемъ быстро соскочилъ съ каѳедры и убѣжалъ».

Профессоромъ Московскаго университета П. Г. оставался до января 1848 года; въ это время въ средѣ профессоровъ, его товарищей, возникли личныя неудовольствія, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ университета; въ числѣ ихъ былъ и Рѣдкинъ. Въ этомъ году онъ женился на Елизаветѣ Эдуардовнѣ Гарве, дочери лектора англійскаго языка въ Московскомъ университетѣ. Въ Москвѣ Рѣдкинымъ изданы два тома «Юридическихъ записокъ» и начато печатаніемъ (въ журналѣ «Москвитятинъ» Погодина) «Обозрѣніе Гегелевой логики», оставшееся неоконченнымъ.

П. Г. Рѣдкинъ былъ профессоромъ Московскаго университета въ то время, когда корпорація профессоровъ его, благодаря заботамъ попечителя, гр. Строганова, была богата именами блестящихъ талантовъ, глубокой учености и что, при тогдашнихъ условіяхъ, было особенно важно,—высокой гуманности. Вліяніе свѣтилъ тогдашняго Московскаго университета на развитіе въ нашемъ отечествѣ идей правды, справедливости, человѣчности навсегда остается памятнымъ въ исторіи русской культуры... И среди этихъ свѣтлыхъ именъ имя Петра Григорьевича было не изъ послѣднихъ,—этого уже достаточно, чтобы упрочить за нимъ навсегда славу одного изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ...

Свою профессорскую дѣятельность Рѣдкинъ возобновилъ лишь въ 1863 году, уже въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Здѣсь, въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ занималъ каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія, былъ деканомъ юридическаго факультета и ректоромъ университета. Лекціи его отличались тѣми-же достоинствами, какъ и лекціи въ Московскомъ университетѣ, и не имѣли тѣхъ недостатковъ, которые были присущи послѣднимъ: съ теченіемъ времени Рѣдкинъ нѣсколько отрѣшился отъ крайняго увлеченія гегелевскою философіей, съ ея искусственностью и мертвящимъ схематизмомъ, закрывающимъ отъ взоровъ явленія живой дѣйствительности, находящейся въ вѣчномъ движеніи, въ постояномъ развитіи, а отнюдь не представляющей собою совершенно законченнаго, замкнутаго въ самомъ себѣ круга. «Его лекціи—говоритъ, вѣроятно, одинъ изъ его бывшихъ слушателей (см. «Недѣля», 1891 г., № 12, стлб. 374)—по философіи права были скорѣе лекціями чистой философіи, что иногда дѣлало ихъ трудными для слушателей. Это обстоятельство, въ связи со строгостью и серьез-

ностью профессора, было причиной того, что экзаменъ Рѣдкина считался необыкновенно труднымъ, и пятерка у него запивалась шампанскимъ. Къ своимъ отмѣткамъ покойный относился очень серьезно и незнающихъ не щадилъ, не смотря ни на что. Разсказываютъ, что однажды у Рѣдкина экзаменовался сынъ нѣкоего вельможи и получилъ единицу. Привыкнувъ всегда и всего достигать при помощи протекціи, неудачный студентъ чрезъ разныхъ великосвѣтскихъ тетушекъ добивался у попечителя, графа Ливена, объ измѣненіи отмѣтки; но Рѣдкинъ на всѣ представленія попечителя съ упрямствомъ малоросса твердилъ «не могу». Пробовали влiять на непреклоннаго профессора и черезъ его начальство въ департаментѣ удѣловъ, но также безуспѣшно: Рѣдкинъ твердилъ свое «не могу!» и студентъ аристократъ долженъ былъ перейти изъ университета въ одинъ изъ полковъ. Вообще-же отношенія Рѣдкина къ студентамъ были самыя теплыя. Каждому вступающему въ университетъ онъ, въ качествѣ ректора, вручалъ экземпляръ правилъ, со словами: «дайте мнѣ вашу правую руку и честное слово, что вы обязуетесь соблюдать все, изложенное въ этихъ правилахъ» *). Хотя, несмотря «на правую руку и честное слово», и при Рѣдкинѣ случались безпорядки, но онъ не выносилъ сора изъ избы и умѣлъ улаживать ихъ домашними средствами».

Оставивъ чтеніе лекцій въ университетѣ, Рѣдкинъ не переставалъ трудиться для университетскаго юношества. Въ 1889 году онъ предпринялъ, будучи уже 80 лѣтъ, многотомное изданіе своихъ лекцій. «Я чувствую,—пишетъ онъ въ предисловіи, стр. VII—непреодолимую потребность и достаточную силу продолжать трудиться на разъ—какъ-бы инстинктивно—избранномъ мною поприщѣ университетскаго профессора... Я такъ свыкся съ моими профессорскими занятіями, что безъ нихъ чувствую такую пустоту, которая лишаетъ меня и бодрости и свѣжести духа, погружая въ тоску и апатію». На предполагаемое возраженіе, что въ 80 лѣтъ уже трудно заниматься ученымъ трудомъ, Рѣдкинъ отвѣчаетъ, что начатое имъ «не есть дѣло *новое*, а лишь возстановленіе, воспроизведеніе *стараго* дѣла». Съ 1889 года по начало 1891-го, незадолго до смерти, Рѣдкинъ успѣлъ издать *шесть* томовъ **), по 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, подъ загла-

*) Обычай этотъ Рѣдкинъ заимствовалъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, гдѣ ректоръ такъ именно и поступаетъ при имматрикуляціи студента. *К. М.*

**) Мы слышали отъ лица, весьма близкаго къ покойному П. Г. Рѣдкину, что и *седьмой* томъ его лекцій уже почти оконченъ печатаніемъ и что передъ своею смертью П. Г. работалъ уже надъ восьмымъ томомъ. Къ сожалѣнію, начатое П. Г. изданіе его лекцій въ переработанномъ видѣ осталось далеко не законченнымъ. *Ред.*

віемъ «изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще». На первомъ томѣ напечатано: «Посвящаю бывшимъ моимъ слушателямъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ. Петръ Рѣдкинъ». На оберткѣ и на заглавномъ листѣ каждаго изъ шести томовъ, въ качествѣ эпиграфа, красуется любимая русская народная поговорка П. Г.: «все минется, одна правда останется». Въ первомъ томѣ помѣщено 15 вступительныхъ лекцій (1863—1864 и 1877—1878 учебныхъ годовъ), затѣмъ введеніе въ науку вообще. Всѣ послѣдующіе томы посвящены изложенію греческой философіи (томы 5 и 6-й—только одному Аристотелю). Изъ этого видно, какіе обширные размѣры должно было имѣть все изданіе; нельзя не пожалѣть, что покойный ученый предпринялъ его лишь на 80-мъ году отъ рожденія. Вѣроятно, послѣ него осталось много матеріаловъ; во всякомъ случаѣ, было-бы весьма желательно, чтобы лекціи его появились въ свѣтъ хотя-бы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ читалъ ихъ и въ какомъ онѣ литографировались. Послѣ энциклопедіи законовѣдѣнія Неволина, его сверстника, товарища по профессорскому институту и предшественника по каѳедрѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, лекціи Рѣдкина надолго послужили-бы надежнымъ руководствомъ для нашихъ юристовъ и начинающихъ свою ученую карьеру университетскихъ лекторовъ.

Когда Рѣдкинъ оставилъ чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ, онъ былъ приглашенъ, въ половинѣ 1849 года, въ секретари къ товарищу Министра Удѣловъ, гр. А. А. Перовскому. Въ 1851 году онъ былъ назначенъ членомъ общаго присутствія Департамента Удѣловъ. На сколько цѣнилась его служебная дѣятельность, видно изъ того, что впослѣдствіи и долгое время онъ занималъ постъ управляющаго Департаментомъ Удѣловъ, т.-е. постъ, равный министерскому *), а по окончаніи своей службы въ этомъ учрежденіи, въ которомъ онъ началъ свою служебную карьеру со скромнаго мѣста секретаря, онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта—высшаго въ имперіи учрежденія. Въ нашъ планъ не входитъ говорить объ этой сторонѣ дѣятельности покойнаго ученаго, а потому мы ограничимся здѣсь упоминаніемъ, что онъ много потрудился и на этомъ поприщѣ, особенно при устройствѣ быта удѣльныхъ крестьянъ, которымъ, во времена крѣпостнаго права, жилось несравненно лучше, нежели прочимъ крестьянамъ, а затѣмъ покойный много работалъ при переходѣ

*) Министерство Удѣловъ было впослѣдствіи переименовано въ Департаментъ Удѣловъ.

удѣльныхъ крестьянъ въ свободное состоянiе, при общемъ освобожденiи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ былъ педагогомъ отъ рожденiя. Въ вышеприведенной цитатѣ изъ его предисловiя къ лекцiямъ, онъ, на 80-мъ году жизни, говоритъ, что учительское поприще было избрано имъ «какъ-бы инстинктивно». Въ его бiографiи, доведенной до пятидесятыхъ годовъ, помѣщенной въ «Бiографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета», изданномъ къ столѣтнему юбилею его, т.-е. въ 1855 году, читаемъ, что въ дѣтствѣ, когда Рѣдкинъ учился еще дома и въ Роменскомъ уѣздномъ училищѣ, любимою игрою его было «собирать мальчиковъ, задавать имъ уроки и выслушивать ихъ». Эта черта въ дѣтствѣ Рѣдкина, вѣроятно, сообщена имъ-же самимъ, такъ какъ бiографiя его, помѣщенная въ названной книгѣ, которою и мы пользовались для настоящаго некролога, носитъ автобiографическiй характеръ и во всякомъ случаѣ написана на основанiи собственной его записки о своей жизни. Вся послѣдующая жизнь усопшаго служитъ подтвержденiемъ того, что онъ дѣйствительно имѣлъ врожденную склонность къ учительству и вообще къ занятiямъ педагогическимъ.

Еще будучи профессоромъ Московскаго университета, Рѣдкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ съ 1841—1847 г. должность инспектора надъ частными учебными заведенiями города, а также состоялъ инспекторомъ въ Московскомъ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ. При своихъ частыхъ лѣтнихъ поѣздкахъ за-границу въ это время онъ никогда не опускалъ случая осматривать заграничныя учебныя заведенiя и пристально слѣдилъ за иностранною, преимущественно нѣмецкою, педагогическою литературою. Въ названномъ институтѣ онъ также преподавалъ до своего переселенiя на службу въ Петербургъ, въ iюлѣ 1849 г., предварительныя понятiя о законовѣдѣнiи, основные законы учрежденiй и законы о состоянiяхъ. Въ Москвѣ онъ издавалъ, сперва совмѣстно съ Валуевымъ, а затѣмъ одинъ «Библiотеку для воспитанiя», главная цѣль которой состояла въ разъясненiи основныхъ, теоретическихъ вопросовъ воспитанiя (см., напр., стр. отд. II, ч. III «На чемъ должна основываться наука воспитанiя»). Затѣмъ, здѣсь-же онъ издавалъ (1847—1849) «Новую библiотеку для воспитанiя», состоящую изъ статей для чтенiя дѣтямъ. По той серьезности, съ какою велось изданiе, его слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ у насъ дѣтскихъ журналовъ, который могъ-бы служить полезнымъ образцомъ для подражанiя современнымъ дѣтскимъ журналамъ. Каждый томикъ «Библiотеки» имѣлъ около 200 страницъ и

заключалъ въ себѣ 3—4 статьи; статьи 2—3 были научнаго содержанія, а 1—2—беллетристическаго. Статьи научнаго содержанія почти всегда имѣли вполнѣ законченное содержаніе и не переносились изъ одной книжки въ послѣдующія; авторами ихъ были люди болѣе или менѣе извѣстные. Первый томикъ, напр., содержитъ слѣдующія статьи: 1) О лунѣ—А. Драшусова, 2) Прогулка по Гарцу (очеркъ горныхъ промысловъ)—В. Лапшина, 3) Золотой жукъ—Э. Поэ. Въ нѣсколькихъ книжкахъ помѣщена статья проф. С. Соловьева «Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія», составляющая очищенный пересказъ лѣтописи Нестора. Тамъ помѣщены также пересказы Энеиды, Одиссеи (подписано В. К.; вѣроятно, проф. Крюкова), Пѣснь о походѣ Игоря, Посланія Даніила Заточника и друг. Прекрасны статьи «Геродотъ и его повѣствованія», «Домашній бытъ древняго Рима», «Маркъ Туллій Цицеронъ», «Атлантическій океанъ» и мн. др. Беллетристическому матеріалу отведено мало мѣста и онъ относительно слабѣе матеріала научнаго.

Въ первое время послѣ своего переселенія въ Петербургъ, Рѣдкинъ не работалъ по педагогикѣ, но онъ не переставалъ слѣдить за педагогическою литературою. Это видно изъ того, что какъ только въ 1857 году появился первый, въ то время, педагогическій журналъ Ал. Чумикова «Воспитаніе, руководство для родителей и воспитателей», то Рѣдкинъ явился усерднымъ его сотрудникомъ. Надо полагать, что журналъ этотъ и основанъ былъ при его участіи, такъ какъ первый нумеръ его открывается статьею именно П. Г. Рѣдкина «Что такое воспитаніе», помѣщенною въ трехъ первыхъ книжкахъ. Затѣмъ, въ первомъ-же нумерѣ (стр. 125) помѣщена его-же статья «Обозрѣніе педагогической литературы», въ которой указаны всѣ лучшія въ то время сочиненія по исторіи педагогики (Кернеръ, Рукопфъ, Крамеръ, Раумеръ, Людвигъ, Гергангъ, Нимейеръ, Грефе, Кернъ и др.), съ краткою характеристикою ихъ. Сочиненія именно по исторіи педагогики избраны авторомъ потому, что онъ считаетъ историческое изученіе науки необходимымъ для вѣрнаго ея пониманія» и потому, что «знаніе исторіи педагогики весьма полезно и для практики». Въ «Обозрѣніи», помѣщенномъ въ № 2 журнала, данъ весьма обстоятельный разборъ или, вѣрнѣе, изложеніе содержанія «Paedag. Jahrbücher» Дистервега. Въ № 4-мъ помѣщена статья Рѣдкина: «Можно-ли и должно-ли воспитывить дѣтей», въ которой развивается мысль, что воспитаніе должно обнимать всего человѣка, доказывается, что между «учебными заведеніями и семьей должна быть постоянная связь» (стр. 395) и что «государство не должно

отказывать никому въ воспитаніи» (стр. 392); во времена господства еще крѣпостнаго права развитіе такихъ положеній было дѣломъ, конечно, весьма полезнымъ и благовременнымъ. Въ № 11-мъ статья Рѣдкина носитъ заглавіе «Первое знакомство дѣтей съ природою», въ которой говорится о необходимости воспитанія внѣшнихъ чувствъ, что въ то время также было полезною новостью. Въ трехъ статьяхъ «Что такое воспитаніе» Рѣдкинъ отводитъ много мѣста на опроверженіе ходячихъ въ то время взглядовъ на этотъ предметъ, напр., что нужно воспитывать дѣвицъ для свѣта, мальчиковъ—для карьеры и т. п. «Мы, христіане—говоритъ онъ—вѣруемъ, что не отъ хлѣба единаго бываетъ живъ человѣкъ; молясь, да Отецъ небесный дастъ намъ днесь хлѣбъ насущный, мы разумѣемъ подъ хлѣбомъ не вещественную только, но и духовную пищу. Мы понимаемъ, что истиннымъ воспитаніемъ вскармливается не одно тѣло, но и душа наша, напитываясь всѣмъ полезнымъ для жизни земной и небесной» (стр. 7). «Въ наукѣ подъ воспитаніемъ разумѣется указаніе юношѣ пути къ счастію, въ смыслѣ не одного земнаго только благополучія, но и небеснаго блаженства; споспѣшествованіе развитію добрыхъ его свойствъ и наклонностей; всестороннее образованіе всѣхъ его тѣлесныхъ и душевныхъ способностей, для выполненія земнаго призванія и конечнаго предназначенія; возведеніе его на возможно высшую степень совершенства, физическаго и нравственнаго» (ib.). «Гдѣ воспитатели стараются возродить человѣка къ новой жизни въ духѣ красоты, истины и добра, тамъ и есть христіанское воспитаніе» (№ 3, стр. 285). Однако, «съ окончаніемъ воспитанія, не оканчивается образованіе» (ib. 281). «Да будетъ-же самъ воспитатель ближайшимъ идеаломъ для своего воспитанника» (ib. стр. 287). Но «человѣкъ не можетъ быть образованъ безъ собственнаго участія». Отсюда авторъ выводитъ необходимость «самодѣятельности», «самостоятельнаго развитія». Такимъ образомъ относительно конечной роли воспитанія вполнѣ логическимъ является тотъ выводъ автора, что: «воспитаніе должно само себя уничтожить, т.-е. сдѣлать себя излишнимъ, ненужнымъ». Конечно, взгляды Рѣдкина на воспитаніе не были «новымъ словомъ» по существу, но они были высказаны въ высшей степени своевременно, кстати. Приподнятый, проповѣдническій, нѣсколько церковный тонъ его статей подъ заглавіемъ «Что такое воспитаніе» былъ какъ разъ умѣстенъ для массы читателей, до тѣхъ поръ не задумывавшихся надъ вопросами о воспитаніи своихъ дѣтей, хотя несомнѣнно желавшихъ устроить для нихъ наиболѣе счастливую жизнь, но только не задававшихся вопросомъ, въ

чемъ-же именно состоитъ высшее счастье жизни, и смотрѣвшихъ на воспитаніе съ грубо-матеріальной точки зрѣнія. Статьи Рѣдкина имѣли цѣлью будить въ душѣ такихъ родителей добрыя чувства, расшевеливать дремлющія силы ихъ ума, направлять ихъ волю къ насажденію и укрѣпленію въ своихъ дѣтяхъ началъ нравственной, истинно человѣческой жизни. Въ этомъ отношеніи и для массы современныхъ читателей педагогическія статьи П. Г. Рѣдкина могутъ служить чрезвычайно полезнымъ чтеніемъ, а потому и желательно, чтобы они были изданы вновь.

Въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Воспитаніе» (1857 г, №№ 1 и 2, «Обозрѣніе педагогической литературы во Франціи»), Рѣдкинъ, высказываясь противъ тиранніи и деспотизма въ воспитаніи («если тираннія въ воспитаніи противна природѣ человѣка, то не менѣе того противенъ ей и деспотизмъ, даже самый нѣжный», стр. 147) и указывая на семейство, какъ на главную воспитывающую силу, разъясняетъ настоятельную необходимость самообновленія общества.

Въ послѣдующихъ годахъ журнала «Воспитаніе» нѣтъ статей Рѣдкина; самый журналъ, ведшійся прекрасно въ первыя четыре—пять лѣтъ своего существованія, начинаетъ слабѣть, переходитъ въ другія руки и въ 70-мъ году прекращается вовсе. Симпатіи Рѣдкина переходятъ, повидимому, къ другому педагогическому журналу «Учитель», основанному въ 1862 году Н. Х. Весселемъ и О. И. Паульсономъ. Но въ 1863 году Рѣдкинъ началъ чтеніе лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а потому естественно не могъ помѣщать педагогическихъ статей, тѣмъ болѣе, что онъ уже удѣлялъ часть своего времени, занятаго службою и университетскою дѣятельностью, дѣламъ «Педагогическаго собранія». Но все-таки Рѣдкинъ былъ не въ силахъ устраниться вовсе отъ участія въ педагогической журналистикѣ. Такъ, въ 1864 году онъ велъ въ «Учителѣ», въ теченіе цѣлаго года, отдѣлъ «современныхъ педагогическихъ замѣтокъ». Матеріалъ для этихъ замѣтокъ онъ бралъ изъ текущей иностранной педагогической журналистики. Въ отдѣльныхъ замѣткахъ, въ 3—4 столбца каждая, онъ давалъ то, что, по его мнѣнію, могло представлять интересъ для родителей, воспитателей и вообще для всѣхъ, интересующихся дѣломъ воспитанія, излагая замѣтки свои такъ, чтобы они могли быть поняты всякимъ, безъ какихъ-либо другихъ литературныхъ пособій. Всѣхъ замѣтокъ 47. Вотъ оглавленіе ихъ, напр., отъ 8 до 18-й: 9) Дѣтскія руки—золотыя руки. 10) Вѣкъ живи, вѣкъ учись. 11) Малолѣтніе преступники. 12) Все-ли, какъ у насъ. 13) Великая нація. 14) Переходное состояніе. 15) Народъ и его

учитель. 16) Личность учителя. 17) Чехи и нѣмцы. 18) Безъ учительскихъ семинарій нѣтъ спасенія. Большая часть замѣтокъ интересны не только сами по себѣ, но и въ примѣненіи къ намъ, что, конечно, и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду ихъ авторъ.

Педагогическія собранія въ Петербургѣ начались съ 11-го октября 1859 года. Инціаторами ихъ были: П. Г. Рѣдкинъ *), А. А. Чумиковъ и О. И. Паульсонъ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ засѣданія происходили, съ оффиціальнаго разрѣшенія, въ первую и третью субботы каждаго мѣсяца, съ сентября по іюнь, въ залѣ 2-й С.-Петербургской гимназіи. Предсѣдателемъ собраній былъ П. Г. Рѣдкинъ, вице-предсѣдателями А. А. Чумиковъ (а послѣ его отъѣзда изъ Петербурга А. С. Вороновъ) и И. Б. Штейнманъ, секретарямя Н. Х. Вессель и О. И. Паульсонъ. Въ октябрѣ 1862 года была утверждена инструкція «С.-Петербургскаго Педагогическаго Собранія» и съ 3-го ноября начались его засѣданія, въ тѣ-же субботы. Идея учрежденія общества, въ которомъ могъ-бы происходить живой обмѣнъ мыслей и взглядовъ, въ которомъ возбуждались-бы, обсуждались и такъ или иначе рѣшались-бы вопросы учебно-воспитательнаго дѣла, которое служило-бы объединяющимъ центромъ для многочисленныхъ преподавателей столицы и такимъ образомъ поддерживало-бы въ нихъ интересъ къ педагогической дѣятельности,—такая идея была, конечно, въ высшей степени благотворна. Въ первые годы своего существованія, С.-Петербургское Педагогическое Собраніе, состоявшее въ то время изъ болѣе или менѣе тѣсно сплотившагося кружка педагоговъ, дѣйствительно интересовавшихся педагогическими вопросами, до извѣстной степени удовлетворяло идеѣ, положенной въ его основу; оно было учрежденіемъ серьезнымъ, а поэтому и пользовалось авторитетомъ въ правительственныхъ сферахъ, доказательствомъ чего можетъ служить то, что Министерство Народнаго Просвѣщенія поручало ему обсужденіе своихъ проектовъ реформъ; читавшіеся въ немъ рефераты и затѣмъ происходившія по нимъ пренія живо интересовали какъ самихъ членовъ Собранія, такъ и общество Напомнимъ, напр., рефератъ покойнаго К. Д. Ушинскаго и возбужденные имъ дебаты. Но съ теченіемъ времени кругъ членовъ Собранія и его посѣтителей все болѣе и болѣе увеличивался; прежніе члены начали рѣже посѣщать его, иные оставили его вовсе, а члены новые оказывались весьма недо-

---

*) По его же иниціативѣ основано въ Петербургѣ также Фребелевское общество, существующее и по нынѣ, въ которомъ П. Г. состоялъ въ первые годы его существованія предсѣдателемъ.

статочно подготовленными къ обсужденію педагогическихъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, Собраніе продолжало существовать и даже приносило извѣстную долю пользы своимъ членамъ и посѣтителямъ. Этимъ Собраніе было обязано главнымъ образомъ тому обстоятельству, что предсѣдателемъ его продолжалъ быть П. Г. Рѣдкинъ. Его авторитетъ, какъ ученаго и педагога, сдерживалъ въ должныхъ предѣлахъ пренія, онъ умѣлъ давать темы, ставить вопросы, руководить при обсужденіи ихъ и направлять къ тому или иному опредѣленному, положительному выводу. Заслуги П. Г. Рѣдкина въ этомъ отношеніи безспорны.

Мы привели важнѣйшіе, по нашему мнѣнію, факты изъ жизни почившаго государственнаго человѣка, ученаго и педагога. Коснувшись лишь кратко двухъ первыхъ сторонъ его дѣятельности, мы считали необходимымъ подробнѣе остановиться на его педагогическихъ трудахъ. Главнѣйшая заслуга его въ этомъ отношеніи состоитъ, на нашъ взглядъ, въ томъ, что онъ былъ всегда горячимъ, убѣжденнымъ проповѣдникомъ гуманности, всегда ратовалъ за права *человѣка*. Въ одной изъ своихъ статей «Что такое воспитаніе» онъ восклицаетъ «Homo non nascitur, sed fit!» (см. журн. «Воспитаніе» 1857 г., стр. 271). Почти въ то-же время, другой нашъ знаменитый ученый, старый товарищъ Рѣдкина, великій хирургъ, нашедшій, по обстоятельствамъ времени, необходимымъ заняться прежде всего вопросами воспитанія, а именно Н. И. Пироговъ, въ своей рѣчи на новоселье *Одесскаго* лицея, т.-е. на противоположномъ концѣ нашего отечества, сказалъ: «Мой идеалъ воспитанія выражаютъ слова: «ищи быть и будь человѣкомъ». Такое совпаденіе взглядовъ знаменательно. Оно не случайно. Если мы припомнимъ, что это было время, когда, такъ-называемое, образованное общество воспитывало изъ своихъ дѣтей чиновниковъ, военныхъ, купцовъ, моряковъ, духовныхъ и т. п., а не людей прежде всего, то легко поймемъ, что пожеланія и Рѣдкина, и Пирогова были какъ нельзя болѣе умѣстны, своевременны, разумны. Это было то, что называется «единое на потребу», а кто умѣлъ сознавать потребности своего времени, кто изъ всѣхъ силъ, всю свою жизнь старался разъяснять ихъ и удовлетворять имъ, тотъ принесъ неоспоримую пользу своему отечеству. Въ этомъ и заключается право Петра Григорьевича Рѣдкина, какъ педагога, на вѣчную память со стороны его соотечественниковъ. Sit tibi terra levis!

К. М.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИСАКОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

25-го февраля скончался членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ. Имя его, какъ общественнаго дѣятеля, займетъ достойное мѣсто на страницахъ исторіи русской школы.

Съ 1859 по 1863 г. Н. В. Исаковъ былъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Въ кратковременный періодъ его управленія въ этомъ округѣ шли работы по пересмотру уставовъ университетскаго и гимназическаго, по ходатайству Н. В. Исакова были учреждены педагогическіе курсы для приготовленія преподавателей въ среднія учебныя заведенія, ассигнована сумма на приготовленіе учителей для народныхъ школъ, положено основаніе Румянцевскаго музея, перенесеннаго изъ Петербурга въ Москву и здѣсь получившаго широкое развитіе. Въ бытность попечителемъ въ Москвѣ, Н. В. Исаковъ предсѣдательствовалъ въ Императорскомъ обществѣ испытателей природы и былъ вице-президентомъ общества исторіи и древностей россійскихъ. Просвѣщенное и доброжелательное отношеніе Николая Васильевича къ потребностямъ русскаго просвѣщенія оставило по себѣ добрую память въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя имѣли съ нимъ непосредственныя сношенія; по оставленіи имъ должности попечителя, эти общества пожелали сохранить его имя въ числѣ почетныхъ членовъ своихъ, университетъ учредилъ стипендію его имени, а въ одной изъ залъ Румянцевскаго музея, по Высочайшему повелѣнію, поставленъ его портретъ.

Одновременно съ преобразовательнымъ движеніемъ, происходившимъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подготовлялось преобразованіе и военно-учебныхъ заведеній. Особый комитетъ, учрежденный въ 1862 году, обсудивъ выяснившіеся уже недостатки военно-учебной системы, пришелъ къ необходимости преобразовать ее, положивъ въ основу слѣдующіе принципы: отдѣлить спеціальные классы отъ

общихъ въ особыя заведенія, устроивъ тѣ и другія на началахъ, соотвѣтствующихъ возрасту учащихся и характеру двухъ различныхъ отдѣловъ ученія. Было предположено военныя училища организовать такъ, чтобы учащіеся въ нихъ были какъ можно ближе поставлены въ условія военнаго воспитанія и дѣйствительной службы, устройство-же военныхъ гимназій съ общеобразовательнымъ учебнымъ курсомъ—согласовать съ современными требованіями педагогики какъ по воспитательной, такъ и по учебной части.

Въ 1863 году Николай Васильевичъ Исаковъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и такимъ образомъ ему привелось осуществить указанныя выше основы преобразованія военно-учебныхъ заведеній и руководить выработкою подробностей внутренняго устройства.

Преобразованіе, въ видѣ опыта, было введено первоначально въ одной второй военной гимназіи, и затѣмъ, пользуясь ея опытомъ, выработавшимися въ ней на практикѣ правилами и порядками, оно постепенно распространилось и на другія военно-учебныя заведенія.

Наибольшую заботу Николая Васильевича при образованіи военныхъ гимназій составляло устройство въ нихъ воспитательной части. Матеріальное вознагражденіе воспитателямъ было назначено для того времени достаточное; на должности эти приглашались предпочтительно передъ другими лица съ высшимъ образованіемъ; для возможности установленія педагогическаго надзора и сближенія воспитателей съ воспитанниками каждому изъ первыхъ поручалось въ полное завѣдываніе небольшое отдѣленіе (25—30 человѣкъ), и приняты были другія мѣры къ тому, чтобы воспитательное дѣло могло идти съ возможнымъ успѣхомъ. Въ то-же время, въ виду существенной необходимости обмѣна мнѣній въ такомъ новомъ и живомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе, придано было надлежащее значеніе педагогическимъ комитетамъ, какъ мѣстнымъ—въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и центральному—педагогическому комитету главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ то-же время и въ тѣхъ-же видахъ основанъ журналъ «Педагогическій Сборникъ».

При пересмотрѣ учебнаго курса военныхъ гимназій въ то время изъ ряда другихъ вопросовъ естественнымъ образомъ выдвинулся вопросъ объ элементарномъ образованіи, недостатокъ котораго чувствовался у дѣтей, поступавшихъ въ заведенія. Принявъ на себя элементарное обученіе, военно-учебное вѣдомство озаботилось подготовкою для своихъ заведеній учителей и съ этой цѣлью учредило педагогическіе курсы при второй военной гимназіи и командировало нѣсколькихъ

преподавателей за-границу для осмотра учебныхъ заведеній. Необходимость обставить преподаваніе учебными пособіями послужила основаніемъ къ учрежденію педагогической библіотеки и музея и къ принятію другихъ мѣръ для вызова и производства учебныхъ пособій отвѣчающихъ потребностямъ курса военно-учебныхъ заведеній.

Въ краткомъ некрологѣ не можетъ быть мѣста сколько-нибудь полной и обстоятельной оцѣнкѣ всей работы, произведенной подъ просвѣщеннымъ руководствомъ Николая Васильевича, всегда относившагося съ живымъ интересомъ къ учебно-воспитательному дѣлу и дорожившаго живыми силами своихъ сотрудниковъ. Развитіе военно-учебныхъ заведеній шло медленно и спокойно: неподготовленные къ дѣлу воспитатели вырабатывались, внутренній порядокъ организовался въ правильныя формы, въ учебный курсъ вводились улучшенія, и мало-помалу военныя гимназіи все болѣе и болѣе пріобрѣтали къ себѣ довѣріе родителей, охотно отдававшихъ въ нихъ своихъ дѣтей въ увѣренности, что они найдутъ здѣсь внимательный уходъ, помощь въ учебныхъ занятіяхъ, заботу о физическомъ и религіозно-нравственномъ воспитаніи.

Разставаясь съ военно-учебными заведеніями въ 1881 году, Николай Васильевичъ высказался въ послѣднемъ своемъ приказѣ, что «съ самаго начала преобразованія военно-учебныхъ заведеній, формирующійся ихъ новый строй имѣлъ за себя постояннымъ предстателемъ бывшаго военнаго министра, графа Д. А. Милютина; къ его внимательной заботливости о нуждахъ воспитанія склонялось, въ своей отеческой любви, и полное довѣріе въ Бозѣ почившаго Императора. При такихъ счастливыхъ внѣшнихъ условіяхъ, я встрѣтилъ въ моихъ сослуживцахъ добросовѣстный трудъ и знаніе въ дѣлѣ, для котораго мнѣ необходимо было полное ихъ содѣйствіе. Разставаясь съ военно-учебными заведеніями, я сердечно, искренно благодарю всѣхъ, съ кѣмъ служилъ; благодарю за ихъ постоянный, не легкій трудъ, за ихъ доброе отношеніе къ дѣтямъ, за серьезное обереженіе юношей и за ту всегда готовую помощь и разумный, честный совѣтъ, которыми я широко пользовался во все время нашей совмѣстной службы». Въ другомъ случаѣ онъ говорилъ, что «всегда особенно цѣнилъ въ своихъ бывшихъ сотрудникахъ ту твердую правдивость, съ которою они выражали свои личныя убѣжденія, хотя-бы и несогласныя съ воззрѣніями начальника».—«Въ прошедшемъ, лежащемъ на моей отвѣтственности—писалъ онъ въ упомянутомъ выше приказѣ—заведенія эти жили на глазахъ у всѣхъ, ничего не скрывая, своею будничною трудовою жизнью. Прислушиваясь къ одобренію и порицанію, они не скрывали, что много труда еще предстоитъ для нихъ впереди; но за то имъ

было знакомо чувство нравственнаго вознагражденія, источникъ котораго въ спокойствіи родителей за своихъ дѣтей».

Многое изъ того, что въ этомъ приказѣ Н. В. Исаковъ приписывалъ своимъ сотрудникамъ, эти сотрудники, съ своей стороны, по справедливости, приписываютъ личному вліянію своего начальника. Посѣщая военно-учебныя заведенія, онъ интересовался именно будничной трудовой жизнью, входилъ въ подробности ея, всегда обнаруживалъ готовность выслушать сотрудника и, усвоивъ себѣ необходимость какой-либо мѣры, осуществить которую было въ его власти, доброжелательно шелъ на помощь заведенію. «Спокойствіе родителей за своихъ дѣтей» объяснялось благоустройствомъ воспитательной части заведеній, выражающимся «добрымъ отношеніемъ къ дѣтямъ и обереженіемъ юношей» и которое всегда составляло сердечную заботу Николая Васильевича. Помимо многообразныхъ внутреннихъ мѣръ, которыя вошли частью въ «Инструкцію по воспитательной части» и въ «Сборникъ циркулярныхъ распоряженій», эта заботливость выразилась въ учрежденіи заведеній особыхъ для неуспѣвающихъ по малой способности учениковъ и особаго, своеобразнаго заведенія для трудныхъ въ нравственномъ отношеніи дѣтей. Мысль Николая Васильевича, неоднократно имъ высказанная, заключалась въ томъ, что вѣдомство, принявъ на свое попеченіе малолѣтняго, должно испытать всѣ мѣры для исправленія порочнаго и для помощи малоспособному, прежде чѣмъ совершенно отказываться отъ него. Заслуживаютъ полнаго вниманія указанія, касающіяся случаевъ, когда заведеніе все-же считаетъ себя вынужденнымъ отказаться отъ работы надъ своимъ питомцемъ. Циркулярныя распоряженія рекомендуютъ заведеніямъ пользоваться такими случаями, чтобъ поставить себѣ вопросъ о томъ, почему работа заведенія оказалась безуспѣшною: были-ли сдѣланы ошибки, не было-ли чего непредусмотрѣно по недостатку внимательности или неопытности и т. п. Такого рода указанія напоминали заведеніямъ о необходимости критически относиться къ себѣ, ища средствъ улучшить дѣло и не успокаиваясь на уже достигнутыхъ результатахъ. Бывшіе сотрудники Николая Васильевича вспоминаютъ, что въ его личномъ характерѣ они находили черты, сообщавшія бодрость духа, необходимую при постоянномъ неустанномъ трудѣ, дававшую силы мужественно сознаваться въ своихъ ошибкахъ, сопровождая это сознаніе желаніемъ передѣлать дѣло по хорошему, пріучались къ терпѣливому выжиданію результатовъ, не внося въ свою дѣятельность поспѣшности, торопливости, не опуская рукъ при неудачахъ, избѣгая преувеличенной оцѣнки своего труда и т. п. Всегда спокойный, разсудительный,

доброжелательный, очень цѣнившій добросовѣстныхъ работниковъ, Николай Васильевичъ сообщалъ спокойствіе и бодрость тѣмъ, кому приходилось обращаться къ нему съ откровеннымъ разсказомъ о трудныхъ обстоятельствахъ, встрѣтившихся въ жизни учебнаго заведенія.

Живя такою спокойною, естественною жизнью, военно-учебныя заведенія не всегда выходили сразу на вѣрную дорогу. Опытъ и измѣнившіяся условія жизни часто заставляли отказываться отъ начатаго или уже сдѣланнаго или вносить существенныя въ него измѣненія; но иначе оно и не можетъ быть въ такомъ жизненномъ дѣлѣ, каково учебно-воспитательное. Дѣло живое носитъ въ самомъ себѣ задатки органическаго развитія и роста. За-то многое, начатое и сдѣланное Н. В. Исаковымъ для военно-учебныхъ заведеній, развилось и настолько упрочилось, что пережило своего устроителя и до сихъ поръ сохраняется въ организаціи и внутреннемъ устройствѣ этихъ заведеній.

Еще въ бытность главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Николай Васильевичъ Исаковъ посвящалъ свои досуги дѣятельности въ «Красномъ Крестѣ», въ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ и въ другихъ учрежденіяхъ. По оставленіи своего поста, Н. В. получилъ возможность расширить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Время, протекшее со дня кончины его, еще слишкомъ кратко, чтобъ могли явиться данныя для обрисовки полной картины его филантропической дѣятельности. Нѣкоторыя указанія мы, однако, уже встрѣтили въ журналѣ «Дѣтская помощь». Редакція этого журнала сообщаетъ, что Н. В. издалъ подъ своею редакціею три тома «Сборника свѣдѣній по общественной благотворительности», которымъ присвоено общее названіе «Призрѣніе дѣтей» *) и что, кромѣ того, въ разное время (съ 1886 по 1890 г.) имъ помѣщено въ этомъ журналѣ 27 оригинальныхъ статей по вопросамъ о приходскихъ попечительствахъ, воспитательныхъ домахъ, сельско-хозяйственныхъ колоніяхъ и т. п. и между прочимъ «по поводу статьи о переписи въ Москвѣ и мыслей, вызванныхъ переписью» (гр. Л. Н. Толстого).

«Николаю Васильевичу Исакову—пишетъ почтенная редакція—будетъ принадлежать въ исторіи нашей общественности тотъ переворотъ, который переживаетъ нынѣ у насъ общественная благотворительность въ сознаніи общества и частью уже въ самой жизни. Имѣя отъ природы доброе сердце, необыкновенно отзывчивое на нужды и

---

*) Одинъ томъ посвященъ исправительнымъ заведеніямъ; другой—призрѣнію малолѣтнихъ; третій—призрѣнію малолѣтнихъ и ихъ матерей, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идіотовъ и пр. въ Россіи и за-границею.

страданія людей, онъ обладалъ сильнымъ организаторскимъ умомъ, и вопросы общественной благотворительности сдѣлались любимымъ предметомъ его личныхъ занятій въ часы, свободные отъ государственной службы. Онъ рѣшился внести въ область общественной благотворительности свѣтъ науки и правильной организаціи, поставивши началами послѣдней—данныя статистики, соглашеніе и взаимодѣйствіе благотворительныхъ учрежденій, гласность и контроль... Общія воззрѣнія, высказанныя во всѣхъ его статьяхъ, такъ здравы, такъ глубокообъемлющи и послѣдовательны, что только на основѣ ихъ можетъ установиться раціональная организація нашей общественной благотворительности, и мы увѣрены, что минувшая дѣятельность Н. В. Исакова не пройдетъ безслѣдно, но ляжетъ въ основу будущей организаціи русской общественной благотворительности».

Изъ этихъ строкъ читатель можетъ видѣть, какъ высоко цѣнилось и здѣсь участіе Николая Васильевича, благодаря симпатичности и жизненности его общихъ идей.

Николай Васильевичъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду, умеръ, какъ и жилъ, русскимъ просвѣщеннымъ человѣкомъ. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ сталъ мужественно готовиться къ ней: причастился святыхъ тайнъ и пожелалъ проститься со всѣми своими домашними какъ съ родными, такъ и съ прислугою. Съ каждымъ онъ простился особо, съ каждымъ переговорилъ.

Исторія еще не наступила для его дѣяній; но мы увѣрены, что и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и въ нашихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ еще долго будутъ жить слѣды, оставленные въ нихъ дѣятельностью Николая Васильевича, и имя его будетъ не разъ произноситься съ признательнымъ уваженіемъ, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ. Цѣльная, живая и отзывчивая его личность обрисуется будущимъ его біографомъ полнѣе, чѣмъ это доступно для насъ, его современниковъ, и мы увѣрены, что будущій читатель, и не знавшій его лично, спустя многіе годы послѣ завершенія его дѣятельности, проникнется глубокимъ уваженіемъ и къ его личности, и къ той общественной дѣятельности, которою Николай Васильевичъ честно и благотворно послужилъ па пользу дорогой родины.

Б. П.

О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ.

*(Продолженіе *).*

Формой болѣзни, которую, по нашимъ наблюденіямъ, ученики наиболѣе часто заносятъ изъ школы въ семью и обратно, является коклюшъ. Исторія коклюша до конца XVI столѣтія довольно запутанна: хотя нѣкоторые (напримѣръ, Шпренгель) и говорятъ, что въ 1414 году Mezerai уже дѣлаетъ кое-какіе намеки на коклюшъ, тѣмъ не менѣе другіе (Озанашъ) отвергаютъ это, утверждая, что до XVII столѣтія коклюшъ смѣшивали съ другими болѣзнями. Это послѣднее мнѣніе, впрочемъ, не вполнѣ вѣрно уже потому, что эпидемія, господствовавшая въ Парижѣ въ 1578 году, по описанію Баллу, была несомнѣнно эпидеміею коклюша, поражавшею преимущественно дѣтей и проявлявшеюся въ видѣ пароксизмовъ кашля. Уиллисъ первый назвалъ коклюшъ судорожнымъ удушливымъ кашлемъ. Прочитывая описаніе эпидемій, господствовавшихъ въ Европѣ въ XVIII столѣтіи и даже въ началѣ XIX, можно убѣдиться, что эпидеміи коклюша господствовали иногда со страшною силою, осложняясь водянками, воспаленіями легкихъ, сопровождаясь часто чахоткой, и оканчивались нерѣдко даже гибелью дѣтей, особенно малолѣтнихъ, благодаря своему напряженію и силѣ.

Хотя такія губительныя эпидеміи въ настоящее время не встрѣчаются, тѣмъ не менѣе и теперь врачи имѣютъ дѣло съ эпидемическимъ подчасъ развитіемъ коклюша, и немалый процентъ дѣтей поражается этой мучительной болѣзнью. Но что-же такое коклюшъ? Подъ этимъ именемъ современная наука понимаетъ особенное (специфическое) заболѣваніе дыхательныхъ путей, проявляющееся характеристическими кашлевыми припадками (приступами); болѣзнь эта зарази-

*) См. № 2 «Русской Школы» 1891.

тельна и поражаетъ главнымъ образомъ дѣтей, особенно дѣвочекъ. Мнѣніе публики о совершенной безвредности этой болѣзни вполнѣ ошибочно и опровергается точной современной медицинской статистикой. Такъ, изъ статьи американскаго доктора Г. М. Dolann'а *) вытекаетъ, что коклюшъ въ отношеніи смертности занимаетъ третье мѣсто въ ряду опасныхъ болѣзней дѣтскаго возраста, и что случаи печальныхъ исходовъ этой болѣзни встрѣчаются чаще, чѣмъ при настоящей оспѣ: такъ, изъ 1.000 смертныхъ случаевъ въ Лондонѣ съ 1872 по 1881 годъ на коклюшъ приходится 36, на оспу—13. Относительно природы коклюша у старыхъ врачей существовало множество мнѣній, то совершенно противуположныхъ другъ другу, то примирительныхъ.

Такимъ образомъ, когда одни (Дерюель) видѣли въ коклюшѣ лишь простое воспаленіе дыхательныхъ трубокъ, другіе признавали за нимъ характеръ чисто нервный, сводя эту болѣзнь къ пораженію бродящаго нерва (Brechet), третьи (Нейманъ и др.) высказывались въ смыслѣ нѣкоторой близости коклюша съ корью. Наиболѣе выдающіеся спеціалисты по болѣзнямъ дѣтскаго возраста Рилье и Бартецъ **) признавали въ коклюшѣ страданіе, одновременно совмѣщающее въ себѣ характеръ острыхъ сыпныхъ формъ съ судорожными пораженіями. Заразительность и эпидемическое распространеніе, малая склонность коклюша къ возвратамъ, особое расположеніе дѣтскаго организма, наконецъ, весь ходъ болѣзни—вотъ мотивы, побуждавшіе упомянутыхъ врачей видѣть въ коклюшѣ нѣкоторое сходство съ острыми сыпями; съ другой стороны, явная перемежаемость главнѣйшихъ припадковъ и другіе признаки приближаютъ, по ихъ мнѣнію, болѣзнь къ нервнымъ страданіямъ.

Мейгсъ ***) пишетъ, что въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1844 по 1848 годъ включительно, было 390 смертей отъ этой болѣзни только въ одной Филадельфіи; природа коклюша, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ два болѣзненныхъ дѣятеля—воспалительный и нервный. Болѣе поздніе авторитетные писатели (Трусо, Вестъ, Боднаръ, Герхардъ, Лёшнеръ, Генохъ, Генниxъ, Фогель) считали коклюшъ за специфическое, особенное пораженіе дыхательныхъ трубокъ съ судорожнымъ кашлемъ. Новѣйшіе-же писатели, пользующіеся заслуженною извѣст-

---

*) Cyclopedia of the Diseases Childern, vol. I. 1889 г. Philadelphia.

**) Rilliet et Barthez, Traité pratique de maladies des enfants. Paris, 1861 т. II, стр. 616—663.

***) A Practical treatesse on the diseases of childern, 2-ое изд. Philadelphia, 1858 г., стр. 214—235.

ностью въ наукѣ, склонны признать за причину коклюша развитіе въ дыхательныхъ путяхъ живаго заразнаго вещества, открытаго нашимъ соотечественникомъ профессоромъ М. И. Афанасьевымъ. Хотя и ранѣе были сдѣланы бактеріологическія изслѣдованія въ томъ-же направленіи Letcerich'омъ, Бургеромъ, Tschamer'омъ и др., но тѣмъ не менѣе лучшіе дѣтскіе врачи основываютъ свое мнѣніе, главнымъ образомъ, на вполнѣ научныхъ и точныхъ данныхъ, добытыхъ профессоромъ Афанасьевымъ.

Мы не можемъ представить лучшей и болѣе вѣрной оцѣнки изслѣдованію нашего соотечественника, чѣмъ сдѣланной по поводу этой работы професссоромъ Olivier *) въ его лекціяхъ: «Не смотря на мое недовѣріе, весьма понятное—говоритъ онъ—къ воспринятію новыхъ теорій, созданныхъ внѣ клиническихъ традицій, я въ то-же время и удивленъ, и восхищенъ научностью метода, которому слѣдовалъ Афанасьевъ, вѣрностью его аргументацій и правильностью его заключеній. Я не имѣю намѣренія, ни права —продолжаетъ онъ—высказываться по поводу опытовъ, которыхъ не повторялъ; но если дѣло касается ученія, предназначеннаго къ освѣщенію природы коклюша, дающаго намъ на этотъ разъ солидныя основы для леченія, то я имѣю право видѣть, до какой степени авторъ (т.-е. Афанасьевъ) оставался въ границахъ научности, на единственномъ пути, ведущемъ къ истинѣ». Не смотря на весь интересъ, представляемый изслѣдованіями профессора Афанасьева, мы не станемъ входить въ подробное изложеніе ихъ, но утвердительно можемъ сказать, что они очень убѣдительны съ научной стороны для того, чтобы признать, что болѣзнь, извѣстная подъ именемъ коклюша, состоитъ въ зараженіи дѣтей особеннымъ специфическимъ грибкомъ, являющимся въ видѣ короткихъ, палочкообразныхъ бактерій, величиной отъ 0,6 до 2,2 м. Чистыя культуры этихъ бактерій, будучи привиты животнымъ, вызывали у нихъ припадки, несомнѣнно сходные съ коклюшемъ. Вѣрность изслѣдованій профессора Афанасьева подтверждена и нашими русскими врачами, напримѣръ, д-ромъ Сѣмченко (Казань), и англійскими Schwenker'омъ **), Wenat'омъ ***) и др. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ-же входитъ въ организмъ дѣтей сказанное заразное вещество, контагій? Конечно, только путемъ сообщенія, сближенія, единенія, соприкосновенія съ тѣми больными, которые заражены коклюшемъ. Такимъ-то образомъ

---

*) Leçons cliniques sur les maladies des enfants. Paris, 1889.
**) Schwenker, Lancet, Jan. 1888.
***) Wenat, Medical News, June 2, 1888.

всякія собранія дѣтей, какія встрѣчаются, напримѣръ, въ школахъ, пріютахъ, могутъ подать поводъ къ зараженію коклюшемъ и къ распространенію этой болѣзни, если въ нихъ ввести хоть одного ребенка, страдающаго этой болѣзнью. Но такъ какъ насъ интересуютъ, главнымъ образомъ, школы, то мы и коснемся распространенія коклюша именно этимъ путемъ. Представимъ себѣ ребенка, который не одержимъ видимымъ жаромъ или лихорадкой, а только чихаетъ, кашляетъ, который страдаетъ какъ-бы насморкомъ, и представимъ себѣ, что этимъ ограничиваются болѣзненныя явленія, замѣчаемыя въ ребенкѣ; аппетитъ у него есть, сонъ не особенно тревоженъ и онъ жалуется только на легкое недомоганіе, не допускающее никакихъ опасеній со стороны родителей. Его отправляютъ въ школу; онъ кашляетъ во время урока, и незамѣтныя брызги отъ его кашля попадаютъ въ носовую полость кого-либо изъ его товарищей, и этимъ путемъ больной въ самомъ начальномъ періодѣ коклюша передаетъ его своему сосѣду и т. д. Затѣмъ эти дѣти возвращаются домой и постепенно заражаютъ своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ непосредственнымъ съ ними соприкосновеніемъ.

Общій законъ относительно заразныхъ болѣзней повторяется непремѣнно и въ коклюшѣ: ничтожная искра можетъ быть источникомъ обширнаго пожара. Конечно, неспеціалистамъ приходитъ въ голову множество представленій и мыслей слѣдующаго рода: «отчего-же не всѣ, бывшіе въ соприкосновеніи съ коклюшнымъ больнымъ, захворали? отчего одни захворали скорѣе, одни слабѣе, одни сильнѣе?» Отвѣчать на подобные вопросы возможно только на почвѣ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Но несомнѣнно, что ослабленіе или напряженіе болѣзни, ея развитіе, ея періодичность зависятъ отъ многихъ причинъ, къ числу которыхъ, кромѣ индивидуальныхъ предрасположеній и слабости дѣтей, относится также вліяніе климата, мѣстности, времени года и скученности дѣтей въ одномъ мѣстѣ. Путемъ для проникновенія коклюшнаго яда, какъ и для всѣхъ инфекціонныхъ болѣзней, могутъ служить дыхательные пути или кровь. Коклюшная зараза заключается, главнымъ образомъ, въ отдѣленіяхъ дыхательныхъ органовъ, т.-е. въ слизи, которая, выдѣляясь при кашлѣ, заражаетъ остальныхъ дѣтей, когда они скучены вмѣстѣ, какъ, напримѣръ, въ школахъ, пріютахъ, дѣтскихъ садахъ и т. д. Такимъ образомъ несомнѣнно, что отдѣленіе, изоляція больныхъ дѣтей будетъ лучшею мѣрой для предупрежденія распространенія коклюша. Сила заразнаго начала, повидимому, очень значительна, потому что уже короткое пребываніе съ заразнымъ достаточно для развитія

болѣзни у другаго здороваго ребенка. Это подтверждается Торозеномъ и нашими собственными наблюденіями. Hagenbach *), авторитетный писатель, утверждаетъ, что есть достаточно примѣровъ, когда лица здоровыя, но бывшія въ соприкосновеніи съ больными, и даже вещи ихъ могутъ быть разносителями коклюшнаго яда. Такой возможности съ научной стороны, по современному взгляду, отвергать нельзя, потому что слюна и слизь могутъ пристать къ платью третьяго лица, какъ и къ вещамъ, бывшимъ въ употребленіи больнаго коклюшемъ; но только личныхъ подобныхъ наблюденій мы представить не можемъ и, во всѣхъ видѣнныхъ нами случаяхъ болѣзни, мы всегда убѣждались въ непосредственномъ соприкосновеніи здоровыхъ дѣтей съ больными. Долго-ли пребываетъ зараза въ мокротѣ больнаго, съ безспорной положительностью сказать трудно; но вообще продолжительность пребыванія заразы въ мокротѣ не менѣе шести недѣль; нѣкоторые-же опытные клиницисты считаютъ, что мокрота сохраняетъ заразительность во все время продолжительности кашля (Бирмеръ, Вестъ). На заразительность коклюшемъ имѣетъ огромное вліяніе возрастъ; такъ, у взрослыхъ болѣзнь эта встрѣчается рѣдко: въ теченіе 27-лѣтней нашей врачебной дѣятельности мы можемъ припомнить не болѣе десяти случаевъ этого рода.

Дѣвочки, по наблюденіямъ всѣхъ цитированныхъ нами авторовъ и по нашимъ собственнымъ, поражаются коклюшемъ чаще мальчиковъ. Возрастъ отъ 2-хъ до 7 лѣтъ представляетъ наибольшую опасность; дѣти школьнаго періода и грудные заболѣваютъ рѣже **), хотя болѣзнь поражаетъ и совершенно здоровыхъ; но слабыя золотушныя, малокровныя, рахитическія, нервныя дѣти поражаются чаще всего. Къ нѣкоторымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ коклюшъ обнаруживаетъ сродство, такъ, напр., къ кори (Бирмеръ, Демме), къ вѣтряной оспѣ (Вестъ и др.). Однажды перенесшій коклюшъ ребенокъ имѣетъ малую склонность къ вторичному заболѣванію этой болѣзнью, такъ что вторичное заболѣваніе, очень немногіе случаи котораго мы сами наблюдали, крайне рѣдко. Въ Петербургѣ мы всегда находимъ отдѣльные случаи коклюша, и мы не можемъ представить ни одного года въ нашей практической дѣятельности, когда-бы не было случаевъ коклюша;

*) Hagenbach, prof., Keuchhusten, Handbuch der Kinderkrankheiten. II B., 1877, стр. 545.

**) Новорожденные потому рѣже заболѣваютъ, что ихъ лучше оберегаютъ Но мы сами лечили новорожденнаго ребенка д-ра Воронина, котораго заразила сестра, принесшая коклюшь изъ школы. По Ранке въ Мюнхенѣ изъ 2.226 дѣтей, зараженнымъ коклюшемъ, на 1-мъ году жизни былъ 681 случай этой болѣзни.

но по временамъ эта болѣзнь достигаетъ здѣсь размѣровъ настоящей эпидеміи! Зима и ранняя весна наиболѣе излюбленныя времена года для этой болѣзни. Hirsch *), въ своемъ превосходномъ сочиненіи, разсмотрѣвши множество эпидемій коклюша, приходитъ къ тому выводу, что коклюшъ преимущественно проявляется эпидеміями въ холодныя времена года, характеризующіяся сильными колебаніями температуры и сыростью воздуха.

Изъ разсмотрѣнныхъ имъ 416 отчетовъ о коклюшѣ слѣдуетъ, что начало эпидеміи совпадало 96 разъ съ весной, 79 съ лѣтомъ, 74 съ осенью и 114 съ зимой.

Изъ отчетовъ медицинскаго департамента за 1882 годъ явствуетъ, что заболѣванія коклюшемъ большею частью появляются или съ начала осени и прекращаются къ концу зимы, или съ начала весны и до наступленія жаркаго лѣта. Кромѣ того, говорится тамъ-же далѣе, на распространеніе коклюша, какъ и на всякія другія инфекціонныя заболѣванія, оказываетъ большое вліяніе *скученность дѣтей въ школахъ, училищахъ и пріютахъ*. Въ лѣчебныхъ заведеніяхъ пользовались (за 1882 г.) отъ коклюша 1.643 чел., остальные 42.511 чел. лѣчились у себя на дому или-же въ качествѣ амбулаторныхъ больныхъ у практикующихъ врачей. Процентное отношеніе пользованныхъ въ больницахъ къ общему числу заболѣвшихъ равно 3,7%. Смертность дѣтей отъ коклюша обусловливается, во-первыхъ, силою самаго заболѣванія, во-вторыхъ, предварительнымъ состояніемъ здоровья заболѣвшихъ и, въ-третьихъ, послѣдствіями тѣхъ осложненій, которыя вызываетъ коклюшъ. И потому-то общія цыфры смертности чрезвычайно разнообразны у различныхъ писателей, и смотрѣть на нее, какъ на болѣзнь невинную, легкую отнюдь не слѣдуетъ. Для маленькихъ слабыхъ дѣтей эта болѣзнь даже очень опасна. По вычисленію Бирмера, для дѣтей на 1-мъ году жизни она даетъ 31% смертности; Фойтъ для 1-го года опредѣляетъ смертность въ 25%, для дѣтей-же старшаго возраста процентъ смертности значительно ниже и равняется только 1,1%. Изъ десяти наблюдателей, одинъ, напр., Whithead считаетъ процентъ смертности равнымъ 15%, другой—Rüttlinger—2,7%. Отсюда видно, что изъ цыфръ отдѣльныхъ наблюдателей выводить положительныя заключенія нельзя. По отчетамъ русскихъ врачей процентное отношеніе равно 6%; по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ въ частной практикѣ сравнительно съ клиникой, напр., получается рѣзкая разница,—дѣти школьнаго возраста, отличавшіяся хорошимъ здоровьемъ,

---

*) Handbuch der Historisch-geographischen Pathologie, стр. 110, B. II. 1862.

у насъ всѣ выздоровѣли, дѣти-же хилыя, золотушныя получали опасныя осложненія. Приведенныя цыфры лучше всего подтверждаютъ уже высказанное нами мнѣніе, что коклюшъ требуетъ бо́льшей серьезности въ разобщеніи, бо́льшаго вниманія со стороны родителей къ болѣзни и болѣе мѣръ предосторожности со стороны учебныхъ заведеній и школъ, чѣмъ это наблюдается нами въ настоящее время. Является вопросъ: какъ констатировать коклюшъ въ первомъ періодѣ его развитія? Въ особенности это важно для сельскихъ учителей и др. лицъ, завѣдующихъ школами, которые почти не имѣютъ возможности тотчасъ-же, по обнаруженіи болѣзни, обратиться къ врачу. Какъ въ каждой заразной болѣзни, такъ и въ коклюшѣ замѣчаютъ нѣсколько періодовъ, разсмотрѣніемъ которыхъ мы теперь и займемся. Опуская періодъ *скрытный* (incubatio), который не обнаруживается никакими видимыми для наблюдателя явленіями, приступимъ къ изложенію первыхъ, такъ называемыхъ, *катарральныхъ* признаковъ или *катарральнаго періода*. Какъ показываетъ уже самое названіе, этотъ начальный періодъ обнаруживается катарромъ дыхательныхъ путей носа, глотки, дыхательнаго горла и легочныхъ трубокъ,—дитя чихаетъ, кашляетъ, старшія дѣти жалуются иногда на щекотанье въ горлѣ, сухость, давленіе и вообще на какое-то недомоганіе. У однихъ эти явленія катарра выражаются очень слабо, у другихъ, наоборотъ, очень сильно. Все это можетъ проявляться безъ замѣтной лихорадки, или-же лихорадка явственно выражена: температура тѣла повышена, пульсъ ускоренъ, жажда усилена, аппетитъ уменьшенъ; маленькія дѣти становятся капризными, плаксивыми, старшія-же не имѣютъ охоты къ занятіямъ, жалуются на головную боль. Продолжительность этого катарральнаго періода очень различна; по нашимъ наблюденіямъ, у маленькихъ дѣтей она короче, въ старшемъ школьномъ возрастѣ длиннѣе. Оттого-то у авторитетныхъ писателей встрѣчаются разногласія относительно продолжительности разсматриваемаго періода: по Весту въ среднемъ 12 дней, по Риліе—отъ 6 до 45 дней, по Лёшнеру—отъ 7—14. Но все-таки въ большинствѣ, по нашимъ наблюденіямъ, у старшихъ дѣтей считаемъ его равнымъ 10 днямъ. Безошибочно опредѣлить коклюшъ въ этомъ періодѣ трудно не только публикѣ, но и врачу; послѣдняго, т.-е. врача, все-же, однако, поражаетъ, что кашель, не смотря на небольшіе мѣстные признаки, очень рѣзокъ, упоренъ, отличается нервностью, и вотъ, зная, что въ данное время господствуетъ коклюшъ, часто врачъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ имѣетъ дѣло не съ обыкновеннымъ кашлемъ, а съ *заразнымъ*, т.-е. съ коклюшемъ. То-же самое мнѣніе не разъ высказывали намъ внимательныя образованныя

матери, отъ которыхъ не ускользало, что дѣти, не смотря на равномѣрную температуру, тщательный уходъ и другія мѣры, продолжаютъ все усиленнѣе и рѣзче кашлять. Иногда уже въ этомъ періодѣ сильный кашель сопровождается рвотой. Изслѣдуя слизь, врачъ находитъ въ ней, послѣ указанной наукою обработки, тѣ палочковидныя бактеріи, открытыя Афанасьевымъ, о которыхъ мы говорили выше. Тогда уже вѣрность опредѣленія болѣзни, несомнѣнно, вполнѣ точна. Заразительность коклюша въ этой начальной степени не подлежитъ сомнѣнію, какъ мы въ этомъ убѣдились много разъ. Поэтому во всѣхъ случаяхъ необходимо изолированіе больнаго; отнюдь нельзя ему посѣщать школы и сообщаться съ другими здоровыми дѣтьми.

Второй періодъ—судорожный—характеризуется, главнымъ образомъ, приступами судорожнаго кашля. Отличается-ли онъ рѣзко, точными признаками отъ предшествовавшаго катарральнаго? Отнюдь нѣтъ. Уже подъ конецъ періодъ катарральный началъ обозначаться судорожностью кашля, но только вся выразительность, вся типичность втораго періода состоитъ въ томъ, что кашель является приступами. Это, такъ сказать, болѣзнь вступаетъ въ свой высшій, типичный безошибочный для распознаванія періодъ. Матери, слышавшія и видѣвшія хоть разъ въ жизни подобный приступъ кашля, впослѣдствіи безошибочно вѣрно опредѣляютъ уже коклюшъ. Чистый приступъ истиннаго коклюша слагается для внимательнаго наблюдателя изъ нѣсколькихъ моментовъ: дитя (даже маленькое) становится безпокойнѣе, что выражается во всемъ его видѣ, затѣмъ слѣдуетъ рядъ короткихъ ускоренныхъ *выдыханій*, сопровождающихся длиннымъ, свистящимъ *вдыханіемъ*, напоминающимъ пѣніе молодаго пѣтуха. Все это повторяется 2—3 раза и болѣе къ ряду, а затѣмъ слѣдуетъ какъ-бы моментъ полнаго отдыха (перерыва), продолжающагося, приблизительно, нѣсколько секундъ; казалось-бы, что мучительный пристунъ кончился, но это только кажется, а затѣмъ происходитъ повтореніе тѣхъ-же явленій снова. Видѣть ребенка при сильныхъ приступахъ этой дыхательной судорожности, повторяющихся нѣсколько разъ подъ рядъ, въ высшей степени мучительно: дитя положительно изнемогаетъ, личико его становится багровымъ, слезы катятся градомъ, изъ носа показывается выдѣленіе и, наконецъ, сцена оканчивается выдѣленіемъ при этомъ кашлѣ изъ дыхательныхъ путей слизи, а при рвотѣ также и содержимаго желудка.

Если припадокъ очень силенъ, то личико ребенка даже можетъ посинѣть, вены на лбу, на щекахъ и шеѣ рѣзко выступаютъ; такъ и кажется, что малютка задохнется; чѣмъ скорѣе послѣдуетъ обильное выдѣленіе изъ дыхательныхъ путей слизи, тѣмъ скорѣе оканчивается

эта печальная сцена мученій ребенка. Сколько-же разъ могутъ повторяться въ теченіе сутокъ эти мучительные приступы? Мы въ клиникѣ и въ частныхъ домахъ просимъ обыкновенно записывать каждый приступъ, и мы отмѣчали, смотря по силѣ болѣзни, отъ 6 до 82 приступовъ въ сутки. И вотъ, по силѣ и числу этихъ приступовъ и безъ всякихъ осложненій мы дѣлимъ болѣзнь чисто практически на легкую, среднюю и тяжелую; легкою будетъ болѣзнь, если приступовъ не болѣе 10, среднею 10—30, тяжелою отъ 30 до крайнихъ предѣловъ, могущихъ достигнуть, по Труссо, даже ста. Какъ-же велика продолжительность періода, судорожнаго? Отъ 3 до 6 недѣль. По Лешнеру, наиболѣе опытному наблюдателю, крайняя продолжительность равна двумъ мѣсяцамъ.

Хотя мы и встрѣтили въ литературѣ описаніе продолжительности судорожнаго періода равной 1/2 года и болѣе, но сами, не смотря на большой матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи, ничего подобнаго не наблюдали; да въ признаніи такой продолжительности, вѣроятно, произошло какое-нибудь недоразумѣніе: и намъ случалось видѣть, что при осложненіяхъ или по привычкѣ дѣти нервныя продолжали кашлять около года, но только при этомъ не было возможности *признать* вышеизложенныхъ характеристическихъ приступовъ коклюша. Третій періодъ, называемый *ослабленіемъ*, выражается постепеннымъ исчезновеніемъ *приступовъ*, ихъ числа, напряженія и силы: свистящіе вздохи утрачиваютъ свой характеръ, свою выразительную типичность, ослабляются, и мало-по-малу ребенокъ представляетъ лишь картину катарра дыхательныхъ путей, который уже не бросается въ глаза окружающимъ и не представляетъ ничего исключительнаго, особеннаго, мучительнаго для маленькаго паціента и его окружающихъ. Наконецъ, исчезаетъ и катарръ, и ребенокъ выздоравливаетъ. Мы, конечно, не можемъ здѣсь вдаваться въ утомительныя для читателя подробности, поэтому не станемъ излагать общаго хода этой болѣзни, который до крайности разнообразенъ.

Скажемъ только, что правильности для всѣхъ случаевъ въ ходѣ болѣзни нѣтъ, и мучительные приступы кашля могутъ то усиливаться, то ослабляться безъ всякой видимой причины и вводить въ заблужденіе относительно уже повидимому наступившаго улучшенія. Совершенно неожиданно вновь ухудшается положеніе ребенка, приступы усиливаются, становятся чаще, и въ такихъ случаяхъ, какъ выражается проф. Cadet de Gassicourt, «это не есть возобновленіе коклюша, а лишь его продолженіе» *).

*) Traité clinique des maladies de l'enfance. T. II. Paris. 1882 г. Лекція 11.

Врачебная наука весьма точно объясняетъ намъ, отчего зависитъ вся сущность приступовъ, и этотъ мучительный кашель, и эти свистящіе вздохи, эти паузы въ отдѣльныхъ приступахъ, и рѣзкія выдыхательныя движенія, и появленіе рвоты, сопровождающей приступы, и т. д. Но входить въ анализъ всего этого для непосвященнаго въ медицину читателя мы считаемъ нѣсколько затруднительнымъ и излишнимъ. И припадки-то коклюша описали мы съ одной цѣлью—дать нѣкоторое понятіе о коклюшѣ тѣмъ сельскимъ учителямъ, которые не имѣютъ по близости врача. Быть можетъ, представленное нами изложеніе возбудитъ въ умѣ ихъ, при судорожномъ кашлѣ посѣщающаго школу ребенка, подозрѣніе о вѣроятности коклюша и заставитъ, для предохраненія другихъ, своевременно устранить такое дитя изъ учебнаго заведенія. Изъ личнаго опыта намъ извѣстно достаточно случаевъ, что нѣкоторые родители относятся очень легко къ заболѣванію ихъ дѣтей коклюшемъ и тѣмъ болѣе къ возможности передачи этой болѣзни другимъ; о несомнѣнной, всѣми признанной сильной заразительности этой болѣзни мы уже сказали достаточно. Теперь-же именно для лицъ, легко смотрящихъ на коклюшъ, считаемъ необходимымъ сказать о тѣхъ послѣдствіяхъ и осложненіяхъ, которыя вызываетъ эта болѣзнь. Не говоря уже о томъ малокровіи, истощеніи и слабости дѣтей, которыя вызываются сильными приступами коклюша, вслѣдствіе того, что нарушаются два существенныя условія правильнаго развитія дѣтскаго организма—питаніе и сонъ,—эта болѣзнь влечетъ за собой нерѣдко и другія тяжкія послѣдствія. Займемся-же краткимъ разсмотрѣніемъ ихъ.

Рвота можетъ быть такъ мучительна и часта, что она сопровождаетъ почти каждый приступъ или большинство ихъ. Понятно, что истощеніе такого ребенка, лишеннаго пищи, можетъ дойти, какъ это мы видѣли не разъ на практикѣ, до крайней степени. Кровотеченія, чаще всего изъ носа, затѣмъ изъ горла, ушей, десенъ и пр., могутъ вызывать опасныя формы малокровія; да и кровотеченія въ важные для жизни органы, какъ мозгъ, могутъ быть непосредственною причиною смерти дитяти; такихъ случаевъ въ наукѣ приводится достаточно. У маленькихъ дѣтей могутъ присоединяться легко и мѣстныя судороги гортани и общія въ видѣ болѣзни, обыкновенно называемой «родимчикомъ». Эти гортанныя судороги легко влекутъ за собой задушеніе ребенка, и мы, къ сожалѣнію, не одинъ разъ встрѣчали такой случай въ своей практикѣ. Не менѣе опасны у малыхъ дѣтей и легко присоединяются къ коклюшу и общія судороги, которыя, повторяясь, нерѣдко уже въ первыя сутки влекутъ за собой смерть дитяти. По

счастью, дѣти школьнаго періода, не смотря на всю силу коклюша, почти не страдаютъ отъ этихъ осложненій, но, дѣлаясь источникомъ внесенія заразы въ семьи, они могутъ всегда поразить своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ, у которыхъ мы и наблюдали такія печальныя послѣдствія.

Не менѣе опасно для маленькихъ дѣтей и пораженіе самой легочной ткани въ видѣ катарральнаго ея воспаленія, къ которому такъ расположены дѣти слабыя, малокровныя, золотушныя; но эти осложненія вовсе нерѣдки и у слабыхъ, истощенныхъ дѣтей школьнаго періода, которыхъ, къ несчастію, не мало въ настоящее время. Хуже всего то, что подкрадываются они скрытно, незамѣтно, при мало выраженныхъ явленіяхъ и легко ускользаютъ отъ вниманія. Публика считаетъ коклюшъ болѣзнью легкою, и не всѣ просятъ врачей слѣдить за ходомъ болѣзни. Воздушная опухоль легкихъ, въ особенности присоединеніе чахотки въ семействахъ, сколько-нибудь предрасположенныхъ къ этой болѣзни, встрѣчаются при коклюшѣ нерѣдко. А сколько еще и механическихъ послѣдствій, выражающихся, начиная отъ ничтожной язвы подъ язычкомъ до непроизвольнаго отдѣленія содержимаго кишечнаго канала, выпаденій кишки, грыжъ пупочныхъ, паховыхъ, бедренныхъ и т. д. Мы могли-бы значительно расширить наше обозрѣніе всѣхъ послѣдствій коклюша, но уже и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить читателя, что не слѣдуетъ смотрѣть на коклюшъ, какъ на болѣзнь легкую, невинную, не влекущую за собой никакихъ послѣдствій. Отсюда вытекаетъ неизбѣжное заключеніе, что требованіе, предъявляемое современною школою о недопущеніи одержимаго коклюшемъ къ посѣщенію училища вполнѣ правильно, разумно, основано на точныхъ выводахъ науки и на не менѣе убѣдительныхъ фактахъ и выводахъ всѣхъ врачебныхъ наблюденій. Соображая всѣ эти обстоятельства, можно формулировать сказанное въ видѣ слѣдующихъ постановленій, равно обязательныхъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ:

I. *Обязанности родителей.* 1) Всякій заболѣвшій коклюшемъ ребенокъ не долженъ быть отпускаемъ въ школу. 2) Время непосѣщенія школы должно продолжаться отъ 6-ти до 8-ми недѣль, пока существуютъ явственные приступы болѣзни.

II. *Обязанности школы.* Требованія школы должны быть выражены въ печатныхъ постановленіяхъ за подписью директора и врача заведенія, вывѣшены на видномъ мѣстѣ для всеобщаго свѣдѣнія и руководства. Эти требованія сводятся къ слѣдующему:

1) Больные коклюшемъ не допускаются въ школу ни въ какомъ

случаѣ. 2) Срокъ изоляціи 6—8 недѣль. 2) Необходимо требовать свидѣтельства врача о выздоровленіи и возможности безвреднаго посѣщенія школы больнымъ ребенкомъ. 4) Требованіе о правильной дезинфекціи одежды и школьныхъ принадлежностей ученика, заболѣвшаго коклюшемъ, также обязательно. 5) Въ сельскихъ школахъ, гдѣ нѣтъ врача, завѣдующій можетъ требовать удаленія ребенка до осмотра его врачемъ и представленія врачебнаго свидѣтельства о характерѣ болѣзни.

Такія обязательныя постановленія должны быть введены и въ другія мѣста, гдѣ собираются дѣти, каковы пріюты вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, дѣтскіе сады, учрежденія для гимнастики, школы для начальнаго обученія и т. д.

При эпидемическомъ исключительно сильномъ развитіи коклюша въ какомъ-либо изъ вышеупомянутыхъ учрежденій для дѣтей, можетъ быть поднятъ вопросъ даже о временномъ *закрытіи* школы, для приведенія въ исполненіе всѣхъ правилъ надлежащей ея дезинфекціи (обеззараживанія). Но такая нежелательная крайняя, могущая лишь рѣдко встрѣтиться, необходимость должна быть предоставлена исключительно на усмотрѣніе директора, который и можетъ закрыть училище послѣ должнаго о томъ совѣщанія съ врачами.

Н. Быстровъ.

(*Продолженіе будетъ*).

КЪ ВОПРОСУ О ПЕРЕУТОМЛЕНІИ УЧАЩИХСЯ.

Много пишется и говорится въ настоящее время по вопросу о переутомленіи учащихся. Приходится слышать разныя мнѣнія о причинахъ этого явленія и о средствахъ къ устраненію его, но мнѣнія эти далеко не исчерпываютъ вопроса.

Нѣкоторые замѣчаютъ переутомленіе лишь въ ученикахъ гимназій и полагаютъ, что причина этого исключительно заключается въ изученіи древнихъ языковъ, на которое въ общемъ тратится около одной трети всего класснаго времени. Другіе замѣчаютъ переутомленіе въ ученикахъ вообще всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, и приписываютъ его или многопредметности, или обширности программъ по каждому изъ учебныхъ предметовъ, или обоимъ обстоятельствамъ вмѣстѣ. Третьи причину переутомленія видятъ въ способахъ преподаванія, требующихъ отъ учениковъ слишкомъ много самостоятельной работы. Наконецъ, четвертые указываютъ, какъ на одну изъ причинъ переутомленія, на неудобное распредѣленіе уроковъ въ теченіе дня, находя необходимымъ, чтобы уроки по учебнымъ предметамъ чередовались съ уроками рисованія, гимнастики, танцевъ и т. п., чтобы уроки по предметамъ, требующимъ бо̀льшей работы мысли, назначались утромъ, т.-е. ранѣе уроковъ по предметамъ сравнительно болѣе легкимъ.

Нельзя не признать, что каждое изъ этихъ мнѣній до нѣкоторой степени справедливо, хотя и не освѣщаетъ разсматриваемаго вопроса со всѣми его трудностями. Такъ, напримѣръ, безспорно, что занятія древними языками въ гимназіяхъ отнимаютъ много времени, но вѣдь объемъ другихъ предметовъ уменьшенъ въ такомъ именно расчетѣ, чтобы общее количество учебнаго матеріала по всѣмъ предметамъ было сообразовано съ количествомъ учебнаго времени, и причину переутомленія скорѣе всего слѣдуетъ видѣть только въ чрезмѣрномъ количествѣ времени, которое ученики должны тратить на домашнюю подготовку заданныхъ къ каждому дню уроковъ.

Многопредметность и обширность программъ по каждому изъ учебныхъ предметовъ должны разсматриваться въ зависимости одна отъ другой. При данномъ количествѣ времени, посвящаемаго учениками какъ класснымъ, такъ и внѣкласснымъ занятіямъ, чѣмъ бо̀льшее число разныхъ предметовъ должно быть пройдено въ школѣ, тѣмъ менѣе обширенъ долженъ быть объемъ каждаго предмета, и наоборотъ. Чрезмѣрное увеличеніе числа разныхъ предметовъ неминуемо приведетъ къ краткому и даже поверхностному ознакомленію учащагося съ каждымъ предметомъ. Чрезмѣрное уменьшеніе числа предметовъ въ пользу объема каждаго изъ нихъ можетъ лишить школу характера общеобразовательнаго заведенія. Въ настоящее время едва-ли можно упрекнуть среднюю школу въ многопредметности. Въ самомъ дѣлѣ, если не касаться празднаго вопроса о томъ, на чьей сторонѣ преимущество, на сторонѣ-ли классическаго или реальнаго образованія, то спрашивается—какой изъ учебныхъ предметовъ можетъ безъ особаго ущерба общему образованію быть выключенъ изъ практикующихся въ настоящее время курсовъ какъ классической, такъ и реальной школы? Трудно указать такой предметъ; скорѣе можно указать предметы, изученіе которыхъ необходимо для полноты и всесторонности общаго образованія и которые въ настоящее время отсутствуютъ въ курсѣ среднеучебныхъ школъ, а именно: свѣдѣнія изъ естественной исторіи и особенно изъ физіологіи человѣка, а также начала общаго законовѣдѣнія, столь необходимыя въ числѣ познаній всякаго человѣка. Впрочемъ, изъ упомянутыхъ здѣсь предметовъ, естественная исторія (физіологія, зоологія и ботаника) и общее законовѣдѣніе, хотя и въ краткомъ видѣ, но преподаются въ кадетскихъ корпусахъ; естественная исторія преподается и въ реальныхъ училищахъ, и только гимназіи лишены всѣхъ этихъ крайне необходимыхъ учебныхъ предметовъ *).

Такимъ образомъ, если обиліе учебнаго матеріала и является одною изъ причинъ переутомленія, то уменьшать этотъ матеріалъ скорѣе слѣдуетъ на счетъ объема каждаго предмета, а не на счетъ числа предметовъ. Это мнѣніе подтверждается еще и самымъ назначеніемъ общеобразовательной школы. Дѣйствительно, главная цѣль этой школы безспорно заключается въ томъ, чтобы развить въ своихъ питомцахъ

---

*) По вопросу о многопредметности въ гимназическомъ курсѣ и о важномъ значеніи *концентраціи* «Русская Школа» имѣла уже не разъ случай высказаться. Ср. статьи проф. Кулаковскаго «Классическіе языки въ русскихъ гимназіяхъ» (январь 1890 г.) и рецензію на книгу г. Еленева «О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ образованіи» (май 1890 г.). *Ред.*

способность правильнаго мышленія и ознакомить ихъ съ основными началами по главнѣйшимъ отраслямъ человѣческихъ знаній на столько, на сколько это необходимо для выясненія характера и значенія того или другаго учебнаго предмета. Конечно, было-бы весьма желательно, чтобы общеобразовательная школа, кромѣ того, надѣляла своихъ питомцевъ достаточнымъ количествомъ положительныхъ знаній, непосредственно приложимыхъ въ жизни; но это желаніе, при указанной выше главной цѣли средней школы, можетъ быть удовлетворено лишь въ незначительной степени, вслѣдствіе разнохарактерности изучаемыхъ въ этой школѣ предметовъ. Если-же нѣтъ возможности углубляться въ изученіе каждаго предмета до степени умѣнья прилагать свои знанія къ практикѣ, а приходится ограничиваться только ознакомленіемъ учащихся съ началами и характеромъ предметовъ, то, очевидно, что многія подробности въ нихъ могутъ быть опущены и что главное значеніе при изученіи имѣетъ качество, а не количество учебнаго матеріала. Должно, впрочемъ, замѣтить, что не въ одномъ обиліи учебнаго матеріала заключаются главныя причины переутомленія учащихся.

Одною изъ главныхъ причинъ переутомленія являются практикующіеся въ настоящее время способы преподаванія или, вѣрнѣе, вся обстановка преподаванія въ общеобразовательныхъ школахъ, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ. При этой обстановкѣ только самые способные и даровитые ученики могутъ слѣдить за курсомъ безъ помощи репетиторовъ и не страдая отъ переутомленія. Въ чемъ-же заключается эта обстановка и какія условія создали ее?

До шестидесятыхъ годовъ наша учебная литература была чрезвычайно бѣдна; по каждому предмету въ то время существовалъ одинъ, много—два учебника, которые и употреблялись чуть не во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего обширнаго государства. Методика учебныхъ предметовъ у насъ почти не существовала въ то время, и самое преподаваніе было строго пріурочено къ учебникамъ. Преподаватель ограничивался только спрашиваньемъ уроковъ, задаваемыхъ по учебникамъ «отсюда и до сюда», не вдаваясь, въ большинствѣ случаевъ, въ какія-либо разъясненія, необходимыя для пониманія учениками урока. Преподаватель въ то время рѣдко занимался съ цѣлымъ классомъ; спрашивая одного ученика, онъ требовалъ только того, чтобы остальные соблюдали въ классѣ тишину. Учебныя руководства не отличались должною содержательностью въ научномъ и выдержанностью въ педагогическомъ отношеніи; но уроки, задававшіеся ученикамъ, при этомъ были сравнительно не велики и не затруднительны

для нихъ при тѣхъ требованіяхъ, какія въ то время предъявлялись ученикамъ со стороны преподавателей.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ было сознано, что подобная постановка преподаванія несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ, что назначеніе среднеобразовательной школы заключается въ развитіи правильнаго мышленія у учащихся и въ ознакомленіи ихъ съ сущностью и началами главнѣйшихъ умозрительныхъ и прикладныхъ наукъ, для чего необходимо, чтобы изучаемый въ школѣ матеріалъ былъ усвоиваемъ учениками, главнымъ образомъ, по содержанію и чтобы это усвоеніе достигалось при участіи самодѣятельности самихъ учениковъ. Результатомъ этого сознанія явились коренныя измѣненія въ пріемахъ и способахъ преподаванія въ младшихъ классахъ. Да и въ старшихъ классахъ прежнее пассивное задаваніе уроковъ по учебнику и затѣмъ такое-же пассивное спрашиваніе учениковъ должно было уступить мѣсто энергичной и притомъ искусной совмѣстной работѣ преподавателя со всѣми учениками класса одновременно. Многіе преподаватели достигали того, что въ младшихъ трехъ, четырехъ классахъ обходились совершенно безъ задаванія ученикамъ уроковъ на внѣклассное время; весь требуемый программою учебный матеріалъ разучивался въ классѣ и притомъ такъ, что на каждомъ урокѣ разучивался въ классѣ обыкновенно какой-нибудь вопросъ, болѣе или менѣе законченный, а все пройденное въ теченіе всѣхъ предыдущихъ въ году уроковъ усвоивалось учениками на столько прочно, что они всегда были готовы отвѣчать сущность пройденнаго, и практиковавшіяся прежде отговорки учениковъ—«это къ сегодняшнему дню не задано»—уже не имѣли мѣста; на годовую репетицію ученики шли съ такимъ-же спокойствіемъ, какъ и на обыкновенный урокъ въ году. Но справедливость требуетъ замѣтить, что были случаи и нежелательныхъ педагогическихъ увлеченій, или неумѣнья примѣнять новѣйшія методы; въ этихъ случаяхъ отрицательные результаты чаще всего сказывались тамъ, гдѣ, напримѣръ, пропедевтика преслѣдовала чуть не исключительно *наглядность* преподаванія, доходившую иногда до невѣроятныхъ странностей, до того, что самодѣятельность учениковъ при разучиваніи урока совершенно не имѣла мѣста, а, напротивъ того, преподаватель увлекался на столько, что вдавался въ объясненія чуть не самыхъ очевидныхъ вещей. Вредъ отъ такихъ увлеченій заключался въ томъ, что ученики доходили до старшихъ классовъ, не пріобрѣтая навыка въ самостоятельномъ обращеніи даже съ учебникомъ.

Вмѣстѣ съ введеніемъ новыхъ пріемовъ преподаванія, оживив-

шихъ школьную науку, измѣнились и требованія не только въ характерѣ изученія предметовъ (содержаніе взамѣнъ формы), но и въ объемѣ этихъ предметовъ, при чемъ усиленіе этихъ требованій не отзывалось вредно на ученикахъ тамъ, гдѣ практиковались новые живые пріемы преподаванія, т.-е. гдѣ учебный матеріалъ изучался преимущественно въ классѣ. Но подобная раціональная постановка учебнаго дѣла продержалась, къ сожалѣнію, не долго. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ спросъ на общее образованіе на столько возросъ, что среднія школы всѣхъ вѣдомствъ стали переполняться учениками, особенно въ младшихъ классахъ; классныя отдѣленія стали на столько многолюдными (30—40 учениковъ), что разучиваніе учебнаго матеріала въ классѣ сдѣлалось невозможнымъ; преподаватели едва стали успѣвать опрашивать учениковъ для четырехъ аттестацій въ году, и учебный матеріалъ опять сталъ проходиться исключительно по учебнику, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что даже лучшіе и способные ученики общеобразовательныхъ школъ стали нуждаться, въ большинствѣ случаевъ, въ помощи репетиторовъ.

Можетъ, впрочемъ, показаться, что постоянное спрашиваніе задаваемыхъ ученикамъ уроковъ само служитъ къ разучиванію учебнаго матеріала въ классѣ,—стоитъ только спрашивать сперва лучшихъ, потомъ среднихъ и наконецъ слабыхъ учениковъ, сопровождая отвѣты ихъ необходимыми исправленіями и разъясненіями; но въ дѣйствительности, если главною цѣлью опроса являются контроль и оцѣнка знанія, то для этихъ исправленій и разъясненій не остается времени или-же необходимо, чтобы преподаватель былъ особенно талантливъ и искусенъ въ своемъ дѣлѣ, на что, конечно, далеко не всегда можно расчитывать.

Такимъ образомъ, одною изъ существенныхъ причинъ переутомленія учащихся является многолюдность классныхъ отдѣленій, лишающая преподавателей возможности разучивать учебный матеріалъ преимущественно въ классѣ и, вслѣдствіе того, заставляющая учениковъ работать много времени внѣ класса при приготовленіи уроковъ, значительно болѣе трудныхъ, чѣмъ въ прежнее время, до шестидесятыхъ годовъ.

Другою не менѣе существенною причиною переутомленія учащихся служитъ переутомленіе самихъ учителей. Какъ ни странна на первый взглядъ эта причина, а въ существованіи ея не трудно убѣдиться: стоитъ только вспомнить установившіяся въ настоящее время условія вознагражденія и всю матеріальную обстановку большинства преподавателей. Условія эти таковы, что каждый преподаватель (особенно

въ городахъ столичныхъ) старается имѣть отъ 30 до 40 часовыхъ уроковъ въ недѣлю, что составляетъ отъ 5 до 7 часовъ ежедневной работы въ классѣ. Между тѣмъ, живое энергичное преподаваніе и разучиваніе учебнаго матеріала въ классѣ, при участіи всѣхъ учениковъ, требуетъ, чтобы преподаватель не былъ утомленъ, другими словами, чтобы ежедневная классная работа его не превышала 2-хъ, 3-хъ часовъ. Справедливость этого требованія еще болѣе подтверждается, если принять во вниманіе, что такое преподаваніе, при которомъ учитель работаетъ съ цѣлымъ классомъ, требуетъ, въ свою очередь, ежедневной и обстоятельной подготовки учителя и вызываетъ сравнительно бо̀льшее количество контрольныхъ письменныхъ работъ учениковъ; эта подготовка и просмотръ письменныхъ работъ отнимутъ у него не менѣе 2-хъ, 3-хъ часовъ въ день, что̀ вмѣстѣ съ временемъ классной работы и составитъ 5—6 часовъ ежедневной работы. При существующихъ-же условіяхъ, если первые два или три часа преподаватель поведетъ работу въ классѣ живо, съ полною энергіею, то послѣдніе часы онъ будетъ на столько утомленъ, что потеряетъ способность даже къ пассивному выслушиванію отвѣтовъ учениковъ. Поэтому, каждый преподаватель долженъ расчитывать свои силы на всѣ 5 или 6 часовъ работы, т.-е. долженъ оставаться преимущественно въ рамкахъ пассивнаго преподаванія, предоставляя большинство учениковъ самимъ себѣ или постороннимъ репетиторамъ.

Итакъ, многолюдность классныхъ отдѣленій и чрезмѣрное обремененіе самихъ учителей уроками—вотъ двѣ, хотя и косвенныя, но существенныя причины переутомленія учениковъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Ограничьте число учениковъ въ отдѣленіяхъ младшихъ трехъ классовъ этихъ школъ *пятнадцатью*, въ слѣдующихъ двухъ—*двадцатью* и въ старшихъ двухъ или трехъ классахъ—*двадцатью пятью;* создайте такія условія, чтобы преподаватель не имѣлъ надобности занимать въ недѣлю болѣе *восемнадцати* часовыхъ уроковъ, и тогда требуйте: 1) чтобы въ младшихъ трехъ классахъ весь учебный матеріалъ изучался въ классѣ, а внѣ этого послѣдняго дѣти были-бы совершенно свободны и могли-бы предаваться отдыху и различнымъ играмъ *), 2) чтобы въ среднихъ классахъ задавалось уче-

*) По нашему мнѣнію, пріученіе учениковъ къ самостоятельной работѣ въ педагогическомъ отношеніи дѣло столь важное, что полное освобожденіе учениковъ даже низшихъ трехъ классовъ среднеучебныхъ заведеній отъ домашнихъ занятій для приготовленія уроковъ никоимъ образомъ нежелательно, хотя естественно желать, чтобы приготовленіе заданныхъ на домъ уроковъ не отнимало у учениковъ низшихъ трехъ классовъ болѣе часа и maximum полутора часовъ въ день, у учениковъ среднихъ классовъ—болѣе двухъ, а у учениковъ старшихъ классовъ болѣе трехъ часовъ въ день. *Ред.*

никамъ на внѣклассное время не болѣе одного, двухъ уроковъ, требующихъ на приготовленіе отъ средняго ученика не болѣе одного, двухъ часовъ времени, и 3) чтобы въ старшихъ классахъ задавалось не болѣе двухъ, трехъ уроковъ на внѣклассное время, требующихъ на приготовленіе не болѣе трехъ часовъ времени, и чтобы при этомъ даже слабые ученики не нуждались въ помощи репетиторовъ. Прибавьте къ этимъ условіямъ еще и то, чтобы классные уроки каждаго дня распредѣлялись такъ, какъ это рекомендуютъ сторонники того мнѣнія, что уроки, требующіе умственнаго труда, должны чередоваться съ уроками искусствъ и что предметамъ болѣе труднымъ должны отводиться первые часы учебнаго дня. Исполненіемъ всѣхъ этихъ требованій значительно уменьшится число переутомляющихся учениковъ въ общеобразовательныхъ школахъ.

С. Будаевскій.

Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ.

(*Окончаніе*).

IV.

Какъ-же избѣжать зла, приносимаго нынѣшними репетиторами? Этотъ вопросъ можно, по нашему мнѣнію, рѣшить двояко: или, во-1-хъ, уступая «модѣ» и не прибѣгая къ радикальнымъ измѣненіямъ теперешняго положенія дѣла, сохранить «репетиторовъ-учениковъ» и позаботиться только о томъ, чтобы они были *подготовлены* къ своему дѣлу, т.-е. свести такимъ образомъ «вредъ репетиторства» до минимума, или-же, во-2-хъ, прибѣгнуть къ радикальному рѣшенію этого вопроса и, вычеркнувъ изъ лексикона понятіе «ученикъ-репетиторъ», возвратиться къ «репетиціямъ» стараго добраго времени, о которыхъ мы еще будемъ говорить.

Не отдавая предпочтенія тому или другому изъ намѣченныхъ здѣсь рѣшеній вопроса и предоставляя усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ сохранить нынѣшній statu quo (найдутся, конечно, и такіе «совѣты») или-же выбрать одно изъ предлагаемыхъ нами рѣшеній, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ и другомъ изъ нихъ.

А. Если принять первое, менѣе радикальное рѣшеніе, то необходимо, сказали мы, чтобы будущіе репетиторы были предварительно подготовляемы тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ учатся эти кандидаты на «репетиторскія мѣста». Какъ-же приготовить болѣе или менѣе *опытныхъ и умѣлыхъ* репетиторовъ? Дѣло это должно вести и теоретически и практически. Теоретическія свѣдѣнія должны быть сообщены каждому ученику, желающему репетировать, преподавателями гимназіи, и прежде всего класснымъ наставникамъ ученика. Главнѣйшія дидактическія и методическія свѣдѣнія въ связи съ существенными указаніями на зависимость того или другаго спо-

соба воздѣйствія на ученика отъ умственно-психическаго склада, отъ темперамента и физическаго здоровья послѣдняго,—эти и подобныя свѣдѣнія, говоримъ мы, должны быть извѣстны тому, кто хочетъ быть учителемъ и воспитателемъ, и при томъ не вообще дѣтей, а именно дѣтей *слабыхъ*, т.-е. не успѣвающихъ по той или другой причинѣ. Само собою разумѣется, что эти дидактическія, методическія и вообще педагогическія свѣдѣнія должны быть сообщены ученикамъ или у преподавателя «на дому», или въ послѣурочное время въ школѣ.

Кромѣ этихъ «бесѣдъ» съ учителями, будущему репетитору принесло-бы большую пользу чтеніе книгъ педагогическаго характера. По указанію учителя или класснаго наставника, ученики, желающіе давать уроки, должны читать полезныя для нихъ книги и статьи журналовъ. Ученикъ обязанъ въ этомъ случаѣ отдавать отчетъ въ прочитанномъ тому учителю, который посовѣтовалъ ему прочитать ту или другую книгу или журнальную статью. Такъ или иначе, а *ученики-репетиторы* должны быть знакомы съ главнѣйшими положеніями дидактики и методики *).

Но теоріи одной мало. Нужна и практика. Гдѣ-же та «педагогическая лабораторія», въ которой ученикъ могъ-бы практически заниматься сначала подъ надзоромъ и руководствомъ учителя, а потомъ и самостоятельно? Прежде всего такою лабораторіею можно *до нѣкоторой степени* назвать учебное заведеніе, въ которомъ учится будущій репетиторъ. Но этого мало. Въ лабораторіи, клиники и студіи ходятъ учащіеся не за тѣмъ только, чтобы смотрѣть, какъ профессоръ производитъ опыты и операціи, но главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы слушать «объясненія», сопровождающія каждый шагъ, каждое дѣйствіе профессора и за тѣмъ, наконецъ, чтобы самому производить «опыты» пудъ руководствомъ профессора. Истинной педагогической лабораторіей (или репетиторскою семинаріей) должно признать послѣурочныя занятія съ «*оставленными*» учениками, т.-е. съ «арестованными» за тѣ или другія прегрѣшенія. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ эти занятія правильно организованы. Вездѣ «оставляются» ученики; но не вездѣ «занимаются» съ оставленными и не вездѣ занимаются такъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому мы позволимъ

*) По мнѣнію редакціи, требованіе, предъявляемое почтеннымъ авторомъ предлагаемой статьи относительно обязательности усвоенія учениками-репетиторами главнѣйшихъ положеній дидактики и методики, оказывается на практикѣ совершенно невыполнимымъ и должно быть отнесено къ области благочестивыхъ пожеланій. *Ред.*

себѣ сказать два-три слова о томъ, какъ должно организовать эти «штрафные уроки», эти «педагогическія клиники».

1) Оставляемый ученикъ не долженъ оставаться безъ работы, за что-бы онъ ни былъ арестованъ, а тѣмъ болѣе тотъ, кто оставленъ «за незнаніе урока», «за небрежное выполненіе письменной работы», «за крайнюю невнимательность» на урокахъ и проч. *). Въ классномъ журналѣ учитель, оставляющій **) ученика, долженъ прописывать не только то, *за что* ученикъ оставленъ, но и то, *чѣмъ* долженъ заниматься «арестованный».

2) Всѣ «оставленные» должны раздѣляться на три, по крайней мѣрѣ, группы по предметамъ: I. математика, II. древніе и новые языки и III. русскій языкъ, исторія и географія.

3) Каждая группа должна оставаться подъ надзоромъ «*учителя группы*», который занимается съ оставленными учениками въ теченіе *одного* часа.

4) Нѣтъ никакой нужды, чтобы учитель прошелъ съ каждымъ въ отдѣльности ученикомъ тотъ именно урокъ, котораго послѣдній не зналъ. За одинъ часъ этого не сдѣлаешь. Хорошо было-бы, если-бы учитель успѣвалъ растолковать и втолковать хоть нѣсколько вопросовъ. Что выберетъ учитель для выясненія—это уже его дѣло.

5) Само собою разумѣется, что занятія на этихъ «штрафныхъ урокахъ» будутъ идти не совсѣмъ такъ, какъ они идутъ во время «нормальныхъ» уроковъ. Учитель принужденъ будетъ заниматься одновременно съ двумя или съ тремя «категоріями» учениковъ, такъ какъ въ каждой «*группѣ*» будутъ большею частью ученики *разныхъ* классовъ. Однимъ изъ нихъ учитель можетъ дать письменную работу, другимъ—учить что-нибудь наизусть, а съ третьей группой учени-

---

*) По мнѣнію редакціи, оставленіе учениковъ въ учебномъ заведеніи *послѣ уроковъ* для такъ называемыхъ «штрафныхъ» уроковъ крайне нежелательно и далеко нецѣлесообразно, такъ какъ утомленные уже почти пятичасовымъ сидѣніемъ въ классѣ ученики не въ состояніи были-бы внимательно относиться къ преподаванію на «штрафныхъ» урокахъ и работать сколько-нибудь интенсивно. По нашему мнѣнію, *дополнительные уроки* для слабыхъ или неуспѣвающихъ почему-либо учениковъ лучше всего устроить въ послѣобѣденное время, послѣ того, какъ ученики успѣютъ уже отдохнуть. *Ред.*

**) Припомнимъ здѣсь замѣчательныя слова Негельсбаха: «Конечно, учитель, равно и ассистентъ, долженъ быть облеченъ полнѣйшею карательною властію: это само собою разумѣется. Каждый преподающій въ какомъ-либо классѣ, долженъ быть въ немъ директоромъ, пока преподаетъ» (Гимназія, кн. II. Гимназич. пед., стр. 54).

ковъ онъ будетъ заниматься устно. Такъ, приблизительно, должны быть организованы *репетиціонные уроки* въ стѣнахъ гимназіи.

6) На этихъ-то урокахъ и должны присутствовать тѣ ученики старшихъ классовъ, которые желали бы (т.-е. которыхъ нужда заставляетъ желать) получить частные уроки. На этихъ урокахъ они и должны пріобрѣтать навыкъ и умѣніе заниматься съ «худшими» учениками гимназіи, т.-е. какъ разъ съ такимъ матеріаломъ, съ какимъ будущему репетитору придется имѣть дѣло.

7) Какъ въ клиникахъ и лабораторіяхъ учащіеся работаютъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ профессоровъ, такъ и здѣсь будущіе репетиторы должны иногда заниматься, а учитель—слѣдить и помогать ученику.

Всякія замѣчанія и наставленія учитель дѣлаетъ не на урокахъ, а послѣ нихъ, безъ свидѣтелей. Не соблюдать этого условія было-бы крайне безтактно.

8) Ученики, которые посѣщали «штрафные уроки» *не менѣе года*, могутъ получать «право» репетировать.

Только при этихъ условіяхъ педагогическіе совѣты могутъ хоть сколько-нибудь узнать ученика, *какъ репетитора*; только при такой постановкѣ дѣла они могутъ «рекомендовать» родителямъ репетитора и только въ этомъ случаѣ они могутъ ручаться, что репетиторъ окажетъ пользу, или по крайней мѣрѣ не принесетъ вреда репетируемому. Въ настоящее-же время педагоги берутъ на душу большой грѣхъ, когда, ничтоже сумняся, *рекомендуютъ* родителямъ всякаго успѣвающаго (а иногда и не успѣвающаго) ученика старшихъ классовъ.

Съ другой стороны, только при этихъ условіяхъ количество репетиторовъ значительно сократится: будутъ искать репетиторства только тѣ, которые безъ самостоятельнаго труда и *заработковъ* учиться не могутъ, да еще, пожалуй, тѣ, которые чувствуютъ въ себѣ особенную любовь къ педагогическому дѣлу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ школа и общество выигрываютъ. Теперь-же часто случается такъ, что *истинно нуждающійся* ученикъ уроковъ не имѣетъ, или не всегда ихъ имѣетъ (онъ можетъ быть нелюдимъ, застѣнчивъ, плохо одѣтъ, мало знакомыхъ имѣетъ и проч. и проч.), а тотъ, кому деньги нужны на модные сапоги и на папиросы, тотъ подчасъ заваленъ работой, т.-е. уроками.

Вопросъ о томъ, станетъ-ли такихъ *подготовленныхъ* репетиторовъ, не долженъ насъ смущать. Мы увѣрены, что ихъ станетъ, если только правильно будетъ разрѣшенъ другой, очень серьезный и важный вопросъ: *кому нуженъ и кому не нуженъ репетиторъ?*

Этотъ вопросъ мы считаемъ весьма серьезнымъ и важнымъ. Между тѣмъ, есть не мало родителей, легкомысленно относящихся къ этому вопросу,—родителей, которые часто берутъ репетитора и тогда, когда онъ положительно не нуженъ. Позволимъ себѣ высказать свое мнѣніе и по этому вопросу.

1) Репетиторъ (или репетирующій учитель) безусловно нуженъ тому ученику, который перешелъ въ гимназію изъ другой гимназіи или какого-либо другаго учебнаго заведенія и не знаетъ всего того, что пройдено въ новомъ для него учебномъ заведеніи. Въ этомъ случаѣ педагогическій совѣтъ *долженъ* посовѣтовать родителямъ взять репетитора. Какъ часто бываетъ, что ученикъ «отстаетъ» и «опускаетъ руки» только потому, что не можетъ самъ, своими силами, догнать своихъ товарищей! То, что въ школѣ не объяснялось, не можетъ быть легко усвоено даже не глупымъ ученикомъ: тутъ нуженъ руководитель.

2) Репетиторъ нуженъ и тому ученику, который пропустилъ часть курса «*по болѣзни*». Но въ этомъ случаѣ нужна осторожность: необходимо выслушать мнѣніе доктора, лѣчившаго ученика. Если докторъ находитъ, что ученикъ совершенно оправился отъ болѣзни, если онъ находитъ, что нѣсколько усиленныя занятія, сравнительно съ обыкновеннымъ ходомъ ихъ, не могутъ дурно повліять на здоровье ученика, то педагогическій совѣтъ долженъ даже по собственной иниціативѣ рекомендовать родителямъ пригласить репетитора, если они сами не сознаютъ необходимости въ этомъ.

3) Репетиторъ (или учитель) необходимъ тому мальчику, который какъ это часто бываетъ, вышелъ изъ повиновенія у родителей или родственниковъ, которые къ тому-же сами не имѣютъ возможности слѣдить за тѣмъ, правильно или неправильно ученикъ ведетъ свое дѣло? Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ педагогическіе совѣты должны быть не только осторожны, но и проницательны. Только въ крайнемъ случаѣ они должны рекомендовать родителямъ или родственникамъ взять репетитора и только лучшаго и надежнѣйшаго изъ репетиторовъ (подготовленныхъ и испытанныхъ) они должны направлять къ такимъ мальчикамъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ репетиторъ долженъ не столько *обучать*, сколько *воспитывать* своего питомца.

4) Наконецъ, репетиторъ нуженъ тому ученику, который при *очень хорошихъ* успѣхахъ по всѣмъ предметамъ, не успѣваетъ *по одному только* предмету. Въ этомъ случаѣ репетиторъ необходимъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, т.-е. до тѣхъ поръ, пока «трудный»

для ученика предметъ сдѣлается для него не менѣе легкимъ, чѣмъ другіе предметы, по которымъ ученикъ долженъ и при репетиторѣ заниматься *вполнѣ* самостоятельно.

Вотъ тѣ случаи, когда помощь репетитора (или учителя), по нашему мнѣнію, необходима. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ репетиторъ положительно вреденъ.

1) Онъ безусловно не нуженъ, если ученикъ не успѣваетъ по двумъ—по тремъ предметамъ (а тѣмъ болѣе, если по всѣмъ) только потому, что онъ еще «*не развитъ*». Насильно развивать—дѣло безполезное, и эта затѣя безъ мѣры торопливыхъ родителей и «снисходительныхъ» педагоговъ можетъ дурно повліять не только на физическое, но и на умственное развитіе его. Насиловать природу—дѣло противоестественное и опасное. Тепличное растеніе хорошо развивается только въ теплицѣ, а жизнь не теплица, какъ школа—не богадѣльня.

2) Репетиторъ не нуженъ, когда ученикъ *лѣнивъ, но способенъ*. Въ этомъ случаѣ нуженъ не репетиторъ, а постоянный надзоръ родителей.

3) Если ученикъ *крайне неспособенъ* (вѣдь не всѣмъ же быть способными), то ни репетиторъ, ни учитель, ни даже время не могутъ помочь горю. Тутъ педагогическій совѣтъ (черезъ директора, инспектора, или класснаго наставника) долженъ убѣдить родителей въ томъ, что ихъ сыну полезнѣе идти по другой дорогѣ, пока еще не поздно, пока онъ еще не надорвалъ свои силы. Не всѣ-же должны быть учеными и носителями «послѣднихъ словъ» науки и цивилизаціи. Ремесленники, купцы и земледѣльцы не менѣе нужны, чѣмъ адвокаты, профессора, медики и т. п. *Грамотность обязательна для всѣхъ*; но ученость, хотя-бы въ размѣрахъ гимназическаго курса (а этотъ курсъ только ступень къ университету), нужна далеко не всѣмъ. Честнымъ и полезнымъ гражданиномъ можно быть, не бывъ въ гимназіи.

Но тутъ мы подошли къ серьезному вопросу: что дѣлать педагогу, когда онъ не можетъ окончательно рѣшить, *неспособенъ-ли* ученикъ или онъ *только временно* не успѣваетъ по недостаточности общаго развитія. На этотъ вопросъ не всегда отвѣтитъ категорически даже опытный педагогъ. Но что-же отсюда слѣдуетъ? Ужъ, конечно, не то, что такимъ *сомнительнымъ* субъектамъ помогутъ репетиторы. Репетиторы не нужны въ томъ случаѣ, если «сомнительный» ученикъ окажется неспособнымъ; они вредны, если ученикъ только *временно* не успѣваетъ по недостаточности общаго развитія.

4) Въ послѣднемъ случаѣ репетиторъ помѣшаетъ правильному росту дитяти, его физическому развитію, за которымъ можетъ на-

ступить періодъ быстраго умственнаго развитія. Вотъ почему въ низшихъ классахъ эти *сомнительные* субъекты должны быть чаще оставляемы «на второй годъ» въ томъ-же классѣ *). Только въ этомъ случаѣ мальчикъ, развившись до извѣстной степени физически, совершивъ, такъ сказать, «необходимый кругъ физическаго развитія», можетъ *начать* образованіе своего ума не съ труднаго курса *среднихъ* или *старшихъ* классовъ, а съ легкаго и вполнѣ доступнаго для него курса низшихъ классовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по отношенію къ правильности умственнаго развитія ученика вовсе не безразлично, будетъ-ли онъ оставленъ въ младшемъ или въ старшемъ классѣ, ибо вовсе не безразлично, застанетъ-ли ученика *періодъ разцвѣтанія* его умственныхъ силъ классомъ ниже, или классомъ выше, надъ болѣе легкой и доступной, или-же надъ трудной, сложной и потому менѣе доступной для него работой. Тутъ мы невольно припоминаемъ слова покойнаго Каткова, сказанныя имъ, правда, по другому поводу: «*Лучше нѣсколько менѣе, чѣмъ нѣсколько болѣе, лучше не доложить, чѣмъ переложить*»... **) умственной пищи тому, у кого процессъ развитія только начинается. Это вполнѣ понятно. Развитіе ученика встрѣтитъ на своемъ пути тѣмъ больше «камней преткновенія», чѣмъ выше, чѣмъ «старше» тотъ классъ, въ которомъ застаетъ учащагося періодъ умственнаго «проясненія», или вѣрнѣе — *періодъ разцвѣтанія* его умственныхъ силъ. Итакъ, *чаще оставлять на второй годъ «сомнительныхъ» учениковъ въ младшихъ классахъ, чтобы какъ можно рѣже задерживать ихъ въ старшихъ классахъ*, т.-е. *не торопить* ученика въ низшихъ классахъ и *не оставлять* его безъ особенно важныхъ причинъ въ высшихъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, основной принципъ гимназической педагогики, который мы нарушаемъ всякій разъ, когда переводимъ («перетягиваемъ») ученика изъ одного *младшаго* класса въ другой *по снисхожденію*, т.-е. въ надеждѣ на «авось».

Что-же касается того обстоятельства, что продолжительность прохожденія гимназическаго курса не уменьшится и при строгомъ соблюденіи указаннаго нами принципа, то мы не видимъ въ этомъ большой бѣды ни для учащагося, ни для школы, ни для государства.

---

*) Примѣнить къ дѣлу эту *выжидательную* систему по отношенію къ «сомнительнымъ» субъектамъ наши гимназіи имѣютъ полную возможность, такъ какъ, по гимназическому уставу, каждый ученикъ можетъ оставаться въ низшихъ классахъ *три раза*, а этого вполнѣ достаточно, чтобы педагоги убѣдились, наконецъ, «способенъ-ли» ученикъ пройти гимназическій курсъ или нѣтъ.

**) «Русская Школа», янв. 1890 г., стр. 63.

Пробыть въ гимназіи не 8, а 9, 10 или даже 11 лѣтъ и вступить въ университетъ или другое какое-либо высшее учебное заведеніе юношею 19—21 года вовсе не стыдно, какъ не стыдно начать общественную службу лѣтъ 24—26 и не только потому, что «учиться никогда не поздно», но главнымъ образомъ потому, что «учиться чему-нибудь и какъ-нибудь» въ наше время нельзя. Гимназическій и университетскій курсы теперь слишкомъ обширны и серьезны; *а имѣть иной объемъ и характеръ они не должны и не могутъ*, съ одной стороны, потому, что наука «ушла далеко впередъ», а съ другой стороны и главнымъ образомъ потому, что сама жизнь съ каждымъ годомъ возвышаетъ свои «запросы и требованія». Опускать изъ виду это обстоятельство никогда не должно, а тѣмъ болѣе при сужденіи объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ строя нашихъ гимназій. Говорить о «великовозрастіи», жаловаться на то, что наши гимназисты «засиживаются», что они «получаютъ аттестатъ зрѣлости часто въ годъ гражданскаго совершеннолѣтія» *) и вмѣстѣ съ тѣмъ требовать отъ нашихъ учениковъ *не знаній* только, но и *развитія*, т.-е. умственной зрѣлости (а не требовать этого нельзя), выражать при этомъ пожеланія, чтобы наши гимназисты были и физически вполнѣ здоровы, т.-е. чтобы у нихъ здоровый духъ былъ въ здоровомъ тѣлѣ (не требовать этого тоже никакъ нельзя),—не значитъ-ли желать *невозможнаго* для большинства (не всѣ-же развиваются умственно и физически одновременно, въ одни и тѣ-же лѣта), не значитъ-ли это созидать одною рукою, а другою разрушать созданное? Не значитъ-ли это, наконецъ, открыто выражать странное желаніе, чтобы всѣ ученики были умственными «скороспѣлками»? А между тѣмъ, кому нужны эти скороспѣлки? и можно-ли завидовать тѣмъ немногимъ «счастливцамъ», которые успѣваютъ пройти гимназическій курсъ ровно въ 7—8 лѣтъ **)? Яблоко, поспѣвающее въ концѣ августа и въ сентябрѣ, не

---

*) Объ этомъ говоритъ, между прочимъ, г. Ю. Кулаковскій въ своей прекрасной статьѣ «Классическіе языки въ русскихъ гимназіяхъ». «Русская Школа», янв. 1890 г.

**) По статистическимъ даннымъ, приведеннымъ г. Ю. Кулаковскимъ въ цитированной нами статьѣ «Классич. яз. въ русскихъ гимназіяхъ», видно, что учениковъ, оканчивающихъ гимназическій курсъ въ 17-лѣтнемъ возрастѣ у насъ не болѣе 4%, въ 18-лѣтнемъ возрастѣ не болѣе 18%. Дурно-ли это? Это еще вопросъ, который едва-ли можно рѣшать утвердительно. Но что этотъ фактъ доказываетъ невозможность *для большинства* пройти въ 8 лѣтъ теперешній обширный и серьезный гимназическій курсъ (а таковъ онъ и долженъ быть),—это не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается приведенными цыфрами. Но объ этомъ мы намѣрены поговорить болѣе обстоятельно въ другой статьѣ, подготовляемой нами къ печати.

хуже того, которое созрѣваетъ уже въ іюлѣ. Дѣло вовсе не въ томъ, что наши гимназисты «засиживаются», что они получаютъ аттестатъ зрѣлости часто въ годъ гражданскаго совершеннолѣтія, а въ томъ, что, и получивъ этотъ аттестатъ, они остаются не зрѣлыми, не развитыми умственно и недостаточно крѣпкими физически, *не смотря на то*, что они просиживаютъ въ стѣнахъ гимназіи 8, 9, 10, 11 и даже 12 лѣтъ. Сожалѣть должно не о томъ, что наши гимназисты «оставляются на второй годъ», а о томъ, что они часто оставляются *несвоевременно*, не въ тѣхъ классахъ, въ какихъ оставленіе полезно въ физическомъ и умственномъ отношеніи.

Ложно истолковывая циркуляръ г. Министра Народнаго Просвѣщенія (въ предложеніи къ попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 21-го іюля 1883 г. за № 9708), имѣвшій въ виду оградить гимназіи *) «отъ продолжительнаго засиживанія въ нихъ малоуспѣвающихъ учениковъ», многіе директоры и преподаватели гимназій только о томъ и заботятся, чтобы такъ или иначе «перетянуть» ученика въ слѣдующій классъ, не задумываясь надъ вопросомъ, что изъ этого выйдетъ? А выходитъ прежде всего то, что ученикамъ «трудно учиться» въ старшихъ классахъ; что общее развитіе нашихъ гимназистовъ понижается съ каждымъ годомъ; что аттестатъ «зрѣлости» приходится выдавать ученикамъ вовсе не «зрѣлымъ» и не подготовленнымъ къ усвоенію университетскаго курса; что оканчиваютъ гимназическій курсъ и такіе субъекты, которые не могутъ написать порядочнаго сочиненія даже на легкую тему, если только имъ не дадутъ готоваго «плана» **); что аттестатъ зрѣлости вручается иногда и такимъ абитуріентамъ, съ которыхъ, какъ мы слышали, берется честное слово (чуть не росписка) въ томъ, что они не поступятъ въ университетъ, дабы они не позорили гимназіи своими познаніями и *развитіемъ*. Словомъ, получаются достойные плоды системы обученія, воспитанія и *переводовъ* изъ класса въ классъ «на авось» ***).

*) См. ст. Ю. Кулаковскаго «Классич. яз. въ русскихъ гимназіяхъ». «Русская Школа», янв. 1890 г., стр. 54.

**) Считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что тѣ преподаватели, которые даютъ ученикамъ VI, VII и VIII кл. *планы* соч. (хотя-бы и «выработанные» въ классѣ «при помощи самихъ учениковъ») обращаютъ самое образовательное и развивающее занятіе въ *отупляющее* и забивающее охоту къ самодѣятельности.

***) По мнѣнію редакціи, рѣшеніе вопроса объ оставленіи не вполнѣ успѣвающаго ученика въ томъ-же классѣ требуетъ крайней осторожности со стороны педагогическихъ совѣтовъ, такъ какъ, при дѣйствующихъ у насъ правилахъ объ экзаменахъ и переэкзаменовкахъ,—правилахъ, не допускающихъ вовсе переэкзаменовки въ гимназіяхъ по обоимъ древнимъ языкамъ и по математикѣ,

Къ сожалѣнію, часто педагоги перестаютъ быть педагогами и являются «родительскими прислужниками». Родителямъ еще извинительно желать, чтобы ихъ сынъ (или дочь) *поскорѣе* окончилъ курсъ или перешелъ изъ *перваго*, напримѣръ, во *второй* классъ. Но тяжело и больно видѣть, когда и «почтенные» педагоги плетутся по слѣдамъ родителей, когда и они стремятся «перетащить» *завѣдомо слабыхъ* учениковъ въ слѣдующій классъ. Для чего? Кажется, только для того, чтобы угодить родителямъ и прослыть «снисходительными» педагогами *). Имъ нужды нѣтъ, что съ строго педагогической точки зрѣнія эта «снисходительность», по своимъ послѣдствіямъ, хуже «строгости и суровости», что для общаго развитія дѣтей она положительно вредна. Перевести въ старшій классъ того, кто слабъ и въ младшемъ, это значитъ или записать его на весь гимназическій курсъ въ число «посредственностей», или осудить его на чрезмѣрные труды въ старшихъ классахъ, на такіе труды, которые рано или поздно подорвутъ его здоровье и «озлобятъ» того, кто былъ прежде добрымъ и благодушнымъ мальчикомъ, или, наконецъ, это значитъ вовсе лишить его возможности окончить курсъ. Не прочно зданіе, построенное на пескѣ. Не выдержать напора все новыхъ и новыхъ свѣдѣній тому, кто не усвоилъ основаній и, такъ-сказать, *азбуки* той или другой науки. Пробьется ученикъ годъ, пробьется другой, иногда и третій и самъ, наконецъ, скажетъ: «нѣтъ, не хочу я вашей снисходительности»! И вотъ, потерявъ дорогое время, подорвавъ свои силы, ученикъ «выступаетъ» (чаще ему «предлагаютъ» выступить) изъ гимназіи. Еслибы онъ заранѣе зналъ, къ чему поведетъ «снисходительность» почтенныхъ педагоговъ, то, безъ сомнѣнія, онъ не воспользовался-бы этою «милостію» и сказалъ-бы: timeo Danaos et dona ferentes.

Да, излишняя снисходительность въ низшихъ классахъ, эта мода «*перетягивать*» изъ класса въ классъ *завѣдомо-слабыхъ* учениковъ— явленіе печальное и компрометирующее педагоговъ. Ученика «тянутъ» въ надеждѣ на *авось* до тѣхъ поръ, пока и ученику наука становится

а въ реальныхъ училищахъ—по какому-бы то ни было предмету, многимъ ученикамъ приходится засиживаться по два года въ одномъ и томъ-же классѣ вслѣдствіе посредственныхъ успѣховъ по одному лишь предмету; а оставленіе такихъ учениковъ на второй годъ въ томъ-же классѣ нерѣдко ведетъ къ тому, что оставленный въ классѣ ученикъ дѣлается совершенно апатичнымъ и окончательно излѣнивается. Есть о чемъ подумать. *Ред.*

*) Негельсбахъ выражаетъ справедливое желаніе, чтобы многолюдные классы не были слѣдствіемъ *трусливой инерціи директора, который желаетъ удовлетворить публику* (Гимназія, стр. 35).

въ тягость, да и учитель начинаетъ жаловаться, что ученики какого-нибудь V или VI классовъ никуда не годятся. Того исключаютъ, другаго оставляютъ, а третій самъ «выступаетъ». Но и эта *очистка* класса дѣлу не помогаетъ: все-таки приходится выдавать аттестатъ зрѣлости такимъ ученикамъ, которыхъ, право, трудно признать «зрѣлыми», если только при этомъ имѣть въ виду не количество «фактическихъ» свѣдѣній (обременяющихъ «память» ученика), а качество этихъ свѣдѣній, т.-е. степень *развитія* ученика. Неразвитость нашихъ учениковъ старшихъ классовъ поистинѣ поразительна. Объ этой болѣзни нашего гимназическаго юношества свидѣтельствуютъ и устные отвѣты учениковъ и въ особенности ихъ сочиненія. Достаточно прочитать десятка два «выпускныхъ» сочиненій, написанныхъ на испытаніе «зрѣлости», чтобы убѣдиться въ крайней убогости умственнаго развитія будущей университетской молодежи. Нѣтъ сомнѣнія, что уровень *развитія* нашихъ учениковъ былъ-бы выше, если-бы въ низшихъ классахъ гимназіи ученики, находящіеся въ періодѣ «роста въ тѣло», не *перетягивались* въ старшіе классы «по снисхожденію», столь гибельному для дальнѣйшаго хода умственнаго и физическаго развитія молодаго поколѣнія. Но мы отклонились нѣсколько въ сторону,— да простятъ намъ это отступленіе гг. «снисходительные» педагоги. Мы старались доказать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда является сомнѣніе, потому-ли не успѣваетъ ученикъ, что онъ еще недостаточно *развитъ* или потому, что онъ не обладаетъ *надлежащими способностями*, полезнѣе оставить мальчика на второй годъ, чѣмъ давать ему репетитора и переводить въ слѣдующій классъ: и репетиторъ, и такой переводъ суть дары данайца, которыхъ должно бояться. Репетиторъ повредитъ постепенному развитію самодѣятельности мальчика, безъ которой человѣку нельзя идти впередъ; а переводъ по «снисхожденію» грозитъ ему непосильными трудами въ старшихъ классахъ и перспективою остаться «*недоучкою*».

5) Нечего и говорить о томъ, что взять репетитора къ *способному* мальчику значитъ убить въ зародышѣ его способности, притупить его умъ, пріучить его нуждаться въ посторонней помощи,—словомъ, это значило-бы заглушить самодѣятельность ученика. А между тѣмъ, какъ часто родители спѣшатъ взять репетитора въ виду того только, что ихъ сынъ вчера или третьяго дня получилъ одинъ или два неудовлетворительныхъ балла *). Гдѣ нуженъ надзоръ за приготовленіемъ уроковъ, тамъ, къ сожалѣнію, является репетиторъ.

*) Уже по этому одному должно отмѣнить дурной во всѣхъ отношеніяхъ обычай выставлять отмѣтки въ ученическихъ «дневникахъ».

6) Безусловно вреденъ репетиторъ и въ томъ случаѣ, если мальчикъ не отличается хорошимъ физическимъ здоровьемъ. Пусть *болѣзненный* мальчикъ довольствуется тѣмъ, что онъ успѣваетъ усвоить въ классѣ. Пусть онъ хоть дома отдыхаетъ; пусть онъ занимается по своему усмотрѣнію, *только-бы онъ не слишкомъ много занимался.*

7) Наконецъ, едва-ли принесетъ пользу репетиторъ и тому мальчику, который отличается *крайнею разсѣянностію*. Воспитать въ дѣтяхъ способность «*сосредоточивать свое вниманіе*» можетъ не репетиторъ, а школа и прежде всего семья. Учителя, родители и всѣ члены семьи должны бороться на всякомъ шагу во всякое время съ этимъ дѣтскимъ недостаткомъ. Тутъ *причина* болѣзни—все *прошлое* дитяти, а *лѣкарство—будущее*, т.-е. время и постоянный строгій домашній надзоръ, постоянная неусыпная борьба старшихъ съ недостаткомъ младшаго члена семьи. Эта болѣзнь упорная; но излѣчить ее можно и безъ репетитора. Только тѣ родители, которые почему-либо не могутъ бороться съ этою упорною, но вовсе не опасною болѣзнію, только эти родители могутъ приглашать къ себѣ репетитора. Но въ этомъ случаѣ онъ уже не столько репетиторъ, сколько воспитатель: онъ поэтому долженъ жить въ домѣ родителей «разсѣяннаго» ученика, а не «приходить» на одинъ или на два часа. Онъ долженъ обращать свое вниманіе на исправленіе недостатка ученика. Въ приготовленіи-же уроковъ мальчикъ долженъ быть по возможности самостоятельнымъ.

Мы указали такимъ образомъ, *въ какихъ случаяхъ необходимъ репетиторъ и въ какихъ онъ вовсе не нуженъ.* Теперь, надѣемся, всякій пойметъ, что количество репетируемыхъ при правильной постановкѣ дѣла не можетъ быть велико. Слѣдовательно, опасаться за то, что гимназія не въ состояніи дать необходимое количество *подготовленныхъ и надежныхъ* репетиторовъ, мы не имѣемъ основаній. Одно вѣрно, что если педагогическіе совѣты будутъ руководиться указанными нами соображеніями, то количество репетиторовъ и репетируемыхъ значительно сократится, *по крайней мѣрѣ, вчетверо.* Тѣмъ не менѣе репетируемыхъ будетъ не настолько мало, чтобы крайне бѣдные ученики старшихъ классовъ (а они-то и будутъ составлять собою контингентъ *подготовленныхъ* репетиторовъ) не могли заработать себѣ «уроками» необходимыхъ средствъ къ существованію. Напротивъ, бѣдные-то и выиграютъ отъ сокращенія количества репетиторовъ, такъ какъ только крайняя нужда будетъ заставлять ученика старшихъ классовъ проходить своего рода *теоретическій* курсъ дидактики и методики и посѣщать въ *продолженіе цѣлаго года* послѣурочные «*штрафные уроки*».

Тутъ мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Само собою разумѣется, что «*учителя группъ*» должны получать изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи вознагражденіе за свои занятія съ «*оставляемыми*» (за проступки) учениками.

«*Штрафные* уроки» должны оплачиваться такъ-же, какъ и *нормальные* уже потому, что значеніе и трудность веденія этихъ уроковъ нисколько не меньше значенія и трудности обыкновенныхъ уроковъ. Является серьезный вопросъ: откуда взять средства для платы учителямъ группъ за эти «штрафные уроки»? Располагаютъ-ли наши гимназіи достаточными для того спеціальными средствами? Едва-ли. Сдѣлаемъ маленькій расчетъ. Если, во-первыхъ, всѣ «оставляемые» послѣ уроковъ будутъ раздѣлены на три группы: а) математическія науки; б) древніе и новые языки, и в) русскій языкъ съ исторіей и географіей, и если, во-вторыхъ, всѣ эти группы будутъ имѣть уроки *каждый день*, то гимназія должна будетъ уплачивать за 18 уроковъ (3×6) 1.080 руб. въ годъ. Сумма слишкомъ внушительная! Но едва-ли есть большая необходимость въ такомъ количествѣ уроковъ уже потому, что не каждый день будутъ «оставленные». Намъ кажется, что провинившійся сегодня можетъ «остаться» и завтра. Слѣдовательно, *штрафные уроки* для каждой изъ трехъ группъ могутъ происходить и черезъ день, т.-е. *по три раза* въ недѣлю. Тогда число штрафныхъ уроковъ будетъ 9, а оплачиваться они будутъ 540 руб. Эту сумму, полагаемъ, каждая гимназія можетъ выдѣлять изъ своихъ спеціальныхъ средствъ. Если-же и этой суммы въ гимназіи нѣтъ, то пришлось-бы дѣлать особый сборъ съ учениковъ въ размѣрѣ, напримѣръ, одного или двухъ руб. съ каждаго ученика (такъ какъ никто не гарантированъ противъ «оставленія» послѣ уроковъ въ видѣ наказанія). Этотъ сборъ былъ-бы вовсе не обременителенъ для родителей. Вѣдь приплачивали-же до настоящаго времени по 10 руб. тѣ, кто бралъ уроки рисованія; вѣдь платятъ-же теперь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ по 6 руб. тѣ, кто беретъ уроки танцевъ. Съ нынѣшняго года, какъ извѣстно, рисованіе стало обязательнымъ предметомъ и оплачиваться оно будетъ изъ казенныхъ средствъ и «сбора за право ученія». Слѣдовательно, налогъ даже въ два рубля для большинства родителей—дѣло вовсе не обременительное. А разъ этотъ «дополнительный» сборъ будетъ установленъ, «штрафные уроки» не будутъ обременительны даже для такой гимназіи, въ которой спеціальныя средства весьма незначительны.

Такъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть рѣшенъ вопросъ объ «ученикахъ-репетиторахъ» въ томъ случаѣ, если почему-либо педа-

гогическіе совѣты не найдутъ возможнымъ прибѣгнуть къ болѣе радикальному рѣшенію его, если, т.-е. они не предпочтутъ вовсе *вычеркнуть* изъ педагогическаго лексикана понятія: *ученикъ-репетиторъ, ученикъ-учитель, и ученикъ-воспитатель*.

Б. Какъ-же поставить дѣло, если рѣшено будетъ вовсе «воспретить» ученикамъ давать частные уроки питомцамъ гимназіи? Какъ помочь въ этомъ случаѣ тѣмъ ученикамъ, для которыхъ даже мы, при всемъ своемъ нерасположеніи къ репетиторству, признали необходимою постороннюю помощь?

Мы уже выше сказали, что въ этомъ случаѣ пришлось-бы воротиться къ добрымъ старымъ временамъ, къ тѣмъ временамъ, когда въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ (напримѣръ, въ духовныхъ училищахъ) существовали такъ-называемыя «репетиціи», которыя велись *самими учителями*. Не говоря ничего ни *за*, ни *противъ* этихъ «репетицій», я въ нѣсколькихъ словахъ познакомлю читателей съ тѣмъ, какъ велось дѣло помощи *слабѣйшимъ* въ томъ учебномъ заведеніи, въ которомъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, учился пишущій эти строки.

Въ то время родители приходили въ началѣ учебнаго года къ учителю и просили его принять въ число репетируемыхъ и ихъ дѣтей, «буде они окажутся *слабыми* по тому или другому предмету». Ходить на *послѣобѣденные* уроки къ учителю значило «ходить на репетицію». У каждаго учителя набиралось такихъ *слабыхъ* учениковъ человѣкъ 8—12, а иногда и больше. Платилось «за репетицію» ужъ очень немного, а между тѣмъ и учитель былъ не въ убыткѣ. Онъ получалъ за урокъ не менѣе 1 р. 50 к. и давалъ въ недѣлю отъ 2-хъ до 4-хъ уроковъ. Слѣдовательно, каждый репетируемый платилъ 15 или 10 руб. въ годъ, смотря по тому, сколько было репетируемыхъ. Не должно при этомъ забывать, что далеко не всякій ходилъ «на репетиціи» въ теченіе всего года. Обыкновенно ходили *не болѣе* полугода: одни «*прекращали репетиціи*», другіе начинали «ходить». Большой «спеціализаціи наукъ» въ то время не было, такъ что ходившій къ одному учителю не нуждался въ помощи другаго,— и только капризъ родителей бывалъ иногда причиною того, что мальчикъ ходилъ къ двумъ и даже тремъ учителямъ. Только родители-капиталисты (ради «шику») заставляли своихъ дѣтей ходить къ двумъ или тремъ учителямъ, платя въ годъ все-таки не больше 100 рублей. Обыкновенно-же *полугодовыя* (а иногда и третныя) репетиціи обходились нашимъ отцамъ отъ 5 до 15 руб. А учитель зарабатывалъ на этихъ репетиціяхъ отъ 150 руб. до 300 руб. и больше. Въ пользѣ

этихъ репетицій мы не сомнѣваемся: учитель зналъ, на кого и на что обратить свое вниманіе; онъ заботился—въ своихъ-же интересахъ—чтобы ученикъ не только *зналъ*, но и *понималъ* то, что задано. Учитель не выполнялъ работъ *за* ученика, не писалъ ему переводовъ, не рѣшалъ *за* него ариѳметическихъ задачъ, которыя теперь репетируемый только «переписываетъ». Нѣтъ; учитель не унижалъ себя такими продѣлками; онъ все дѣлалъ вмѣстѣ *съ* учениками, а не *за* учениковъ, тѣмъ болѣе, что въ то время «*знанія*» цѣнились менѣе, чѣмъ *пониманіе и развитіе* *). Какъ-бы тамъ ни было, но фактъ тотъ, что старыя «репетиціи» дѣйствительно помогали «немощнымъ»:

---

*) Въ наше время *развитіе* ученика въ большомъ загонѣ. Знаютъ ученики много, но понимаютъ ужъ слишкомъ мало. Чѣмъ-же объяснить то, что старая школа достигала лучшихъ результатовъ? Пріемы и методы преподаванія въ то время были не столь совершенны: было въ то время въ ходу *«отъ сихъ поръ и до сихъ поръ»*, было и нѣчто въ родѣ *«лекцій»*. А результаты получались лучшіе. Въ чемъ-же дѣло? Ужъ не въ томъ-ли, что ученикъ старой школы, и по выходѣ изъ класса, долженъ былъ *работать* надъ урокомъ, долженъ былъ *обдумывать* заданное, т.-е. *прикладывать свой умъ* къ тому, что проходилось въ школѣ? Въ наше время ученикъ получаетъ уже *пережеванную и переваренную* пищу. Согласно съ *послѣднимъ словомъ* (а сколько этихъ «словъ» было и еще будетъ!) современной методологіи теперешніе учителя *не только снимаютъ скорлупу съ орѣха, но разжевываютъ и самое зерно* его. Ученику приходится только «раскрывать свой розовый ротикъ» и глотать. Глотаютъ теперь много, а питательности въ принимаемой пищѣ очень мало. Желудокъ (да простятъ намъ нѣсколько грубую метафору!) изнѣживается и дѣлается неспособнымъ переваривать не только трудно варимую, но и самую легкую пищу. Да, *если старая школа грѣшила иногда въ томъ, что давала пищу не всегда удобоваримую, то новая школа, безъ сомнѣнія, грѣшитъ въ томъ отношеніи, что она кормитъ своихъ питомцевъ пищею слишкомъ пережеванною и переваренною*. Вотъ почему и смѣшно и больно слушать жалобы нѣкоторыхъ господъ (даже педагоговъ!) на то, что теперь въ школѣ *мало объясняютъ*. Теперь мало объясняютъ!? Не слишкомъ-ли, напротивъ, много объясняютъ, не мѣшаетъ-ли это *вѣчное объясненіе*, это *пережевываніе и перевариваніе* развитію въ ученикахъ *способности и охоты къ мышленію*, къ большей или меньшей умственной *самодѣятельности?* Вотъ, по нашему мнѣнію, *очередной* вопросъ. И онъ уже затронутъ косвеннымъ образомъ въ цитированной нами статьѣ г. Ин. Анненскаго «Образоват. знач. роднаго яз.». Да, былъ періодъ, когда эти жалобы имѣли смыслъ и значеніе. Но уже съ конца 60-хъ, приблизительно, годовъ онѣ не имѣютъ подъ собой почвы и поддерживаются только «традиціей». Жаловались на это наши отцы; отчего-же и намъ не жаловаться?—благо школа никого не удовлетворяетъ. Но что именно неудовлетворительно въ современной школѣ?—этого «хулители» большею частью сами не знаютъ. Неудовлетворительно-же прежде всего умственное *развитіе* учениковъ (о физическомъ нечего уже и толковать). Но о причинахъ этого поистинѣ грустнаго факта мы поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ.

выступали изъ школы въ то время очень немногіе, да и то большею частью «по великовозрастію» и «по бѣдности родителей», т.-е. просто потому, что родители не считали нужнымъ для дѣтей дальнѣйшее образованіе. «На второй годъ» оставались часто, но все-таки оканчивали курсъ почти всѣ поступавшіе въ школу. Такъ шло дѣло 20—25 лѣтъ тому назадъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время можно было-бы организовать нѣчто въ родѣ прежнихъ «репетицій». Если дѣло только въ недовѣріи къ учителю, то всякій честный педагогъ долженъ помнить, что это недовѣріе больше позоритъ того, кто не довѣряетъ, чѣмъ того, кому не довѣряютъ, и, не обращая вниманія на него, учитель долженъ дѣлать свое святое дѣло такъ, чтобы ученики выигрывали и *въ знаніяхъ*, и *въ развитіи*. Смѣло можно сказать, что дѣло образованія и воспитанія много выиграло-бы, если-бы и въ настоящее время учителя устраивали у себя на дому или въ стѣнахъ гимназій послѣобѣденныя «репетиціи»; если-бы они и теперь собирали группы слабѣйшихъ учениковъ отъ 8 до 10 ч.; если-бы они брали съ каждаго слабаго ученика по 5—10 рублей въ четверть года (далеко не всякому, повторяемъ, ученику потребуется посторонняя помощь въ теченіе цѣлаго года), если-бы, наконецъ, они занимались съ своими группами 2—3 раза въ недѣлю. Тогда гимназіи меньше «выбрасывали-бы за бортъ» недоучекъ и выпускали-бы съ аттестатомъ «зрѣлости» несравненно болѣе зрѣлыхъ юношей. Это—выигрышъ школы. О выгодѣ для родителей едва-ли даже нужно говорить. Затрачивая гораздо меньше, чѣмъ они теперь тратятъ «на репетитора», они вознаграждались-бы сторицею: ихъ дѣти получали-бы правильное и разумное направленіе и *развитіе* и, какъ уже сказано, рѣже «выбрасывались-бы за бортъ» учебнаго заведенія. Этимъ мы закончимъ нашу статью.

Въ заключеніе еще разъ замѣтимъ, что мы вовсе не настаиваемъ на томъ, чтобы «репетиціи» прежнихъ временъ смѣнили собою теперешнее *репетиторство*. Напротивъ, намъ кажется, что тѣ педагогическіе совѣты, которые приняли-бы первое, *менѣе радикальное* рѣшеніе обсуждаемаго нами вопроса, т.-е. рѣшились-бы правильно организовать «штрафные уроки», на которыхъ, какъ въ лабораторіяхъ, *подготовлялись-бы знающіе и опытные репетиторы-ученики*, поступили-бы вполнѣ согласно съ духомъ времени: такое рѣшеніе, сказали мы, менѣе противорѣчитъ современной «модѣ на репетиторовъ». А идти противъ моды такъ-же трудно, какъ плыть противъ теченія. Вотъ почему, между прочимъ, мы и опасаемся, что высказанныя нами

мимоходомъ мысли о вредѣ а) переводовъ изъ одного *низшаго* класса въ другой *по снисхожденію* и б) современнаго метода *пережевыванія* умственной пищи, будутъ приняты и одобрены только немногими педагогами и встрѣтятъ, напротивъ, отпоръ со стороны большинства поклонниковъ «послѣднихъ словъ науки»,—благо плыть по теченію легко. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись. Но что большая часть педагогическихъ совѣтовъ не оставитъ «репетиторство» во всей его теперешней силѣ, что педагогическіе совѣты такъ или иначе измѣнятъ существующій statu quo, что они проникнутся убѣжденіемъ во всей силѣ вреда *теперешняго репетиторства*—въ этомъ мы не хотѣли-бы сомнѣваться. Печально было-бы, если-бы мы ошиблись.

М. Крыгинъ.

Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть.

Требованіе постепенности въ сферѣ интеллектуальнаго развитія дѣтей вызвало систему учебныхъ заведеній, въ которой болѣе или менѣе и принимаются въ расчетъ именно ступени этого развитія. Нельзя изученіе какой-бы то ни было науки, напримѣръ, хотя-бы исторіи, начинать съ чтенія дѣтямъ такого курса ея, который читается слушателямъ университета; да и такъ называемый начальный курсъ всякаго учебнаго предмета распредѣляется, въ порядкѣ постепенности, сообразно съ развивающимися умственными и физическими силами учащихся. То-же самое можно сказать въ примѣненіи къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Не только послѣ того, какъ ребенокъ научился читать, но даже и тогда, когда онъ уже въ состояніи читать болѣе или менѣе сознательно, чтеніе произведеній, какъ художественныхъ, такъ и научныхъ, какъ отечественныхъ писателей, такъ и иностранныхъ, въ ихъ цѣломъ, было-бы для него дѣломъ преждевременнымъ, тяжелымъ, непосильнымъ, а потому и непроизводительнымъ и даже наносящимъ вредъ его умственному развитію. Мальчикъ или дѣвочка, въ періодъ времени отъ 10 до 14 и даже 16-лѣтняго своего возраста, не можетъ съ пользою для себя прочесть не только, напр., «Фауста» Гете, но даже «Евгенія Онѣгина» или «Героя нашего времени». Бо̀льшая часть прочитаннаго дѣтьми указаннаго возраста въ подобнаго рода произведеніи, въ особенности по отношенію къ внутреннему содержанію и смыслу, останется для нихъ непонятнымъ, а потому и самое произведеніе, можетъ быть, покажется даже скучнымъ, и только отобьетъ охоту и желаніе познакомиться съ нимъ впослѣдствіи, когда уже окрѣпшія силы ума дадутъ бо̀льшую возможность читать творенія великихъ, классическихъ авторовъ, проникая въ глубокій смыслъ ихъ, наслаждаясь красотами ихъ формы и мыслей, извлекая изъ нихъ для своего міросозерцанія и для всей своей жизни руководящія идеи...

Тѣмъ не менѣе, однако, промежутокъ времени отъ того момента, когда ребенокъ научился сознательно, въ тѣсномъ значеніи этого слова, читать, и до той поры, когда силы его разовьются настолько, что онъ, уже молодымъ человѣкомъ, будетъ въ состояніи самъ руководить своимъ чтеніемъ,—этотъ промежутокъ долженъ быть такъ или иначе заполненъ; оставаться безъ чтенія ребенокъ извѣстнаго возраста не можетъ. «Едва ребенокъ начинаетъ читать, какъ ужъ книга становится его стихіей, онъ сживается съ нею, она—его мірокъ, она его жизнь», справедливо замѣчаетъ г. Позняковъ *). Здѣсь «книга» понимается, конечно, въ обширномъ смыслѣ; но если принять это слово въ болѣе спеціальномъ значеніи, то получатся или книги учебныя, или книги, предназначенныя для чтенія внѣ учебныхъ занятій. Исключивъ книги первой категоріи, какъ не относящіяся къ предмету настоящей статьи, мы остановимся на книгахъ для дѣтскаго чтенія и вообще на вопросѣ о дѣтскомъ чтеніи. Подробно говорить объ этомъ мы, однако, не будемъ, такъ какъ въ названной статьѣ г. Познякова, напечатанной на страницахъ «Русской Школы» за истекшій годъ, вопросъ этотъ разсмотрѣнъ довольно обстоятельно, и пока нѣтъ надобности къ нему возвращаться. Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ коснуться даннаго вопроса лишь настолько, насколько это представляется намъ необходимымъ для выясненія роли, какую можетъ выполнять тотъ матеріалъ для чтенія, который предлагается спеціально для сего предназначившими себя органами, извѣстными подъ именемъ «журналовъ для дѣтей».

Какъ извѣстно, у насъ, да и у всѣхъ болѣе или менѣе культурныхъ народовъ издаются книжки не только для дѣтей, едва лишь научившихся читать, но даже для дѣтей, читать еще вовсе не умѣющихъ, отъ 4 до 6—7 лѣтъ. Прямой потребности въ книгахъ для чтенія дѣтей столь ранняго возраста, конечно, еще нѣтъ, но уже и въ этомъ возрастѣ дѣти нуждаются въ заполненіи того времени, которое у нихъ все-таки остается свободнымъ отъ разнаго рода подвижныхъ игръ и занятій своими игрушками (куклами, дѣтскою посудою, постройками изъ кирпичиковъ, вырѣзываніемъ фигурокъ, клееніемъ и т. п.), когда они желали-бы спокойно постоять, посидѣть, полежать, но въ то-же время не оставаться вполнѣ бездѣятельными, чтобы и тутъ ихъ головка была чѣмъ-либо занята, воображеніе, мысль работали-бы. Вотъ тутъ-то и вступаетъ въ свои права

*) См. его статью «Что̀ и какъ читать дѣтямъ», помѣщенную въ № 2-мъ (февраль) «Русской Школы» за 1890 годъ.

разсказъ матери, няни или вообще кого-либо изъ лицъ, ходящихъ за ребенкомъ или почему-либо близкихъ ему. Сюжетами разсказовъ, или, лучше сказать, бесѣдъ, такъ какъ ребенокъ указаннаго возраста не въ состояніи только слушать и непремѣнно самъ начинаетъ задавать вопросы и дополнять или видоизмѣнять разсказываемое ему, служатъ обыкновенно предметы, лица и событія окружающаго. Но такихъ предметовъ и явленій этого окружающаго, которые могли-бы остановить на себѣ вниманіе дитяти на болѣе или менѣе продолжительное время и бесѣда о которыхъ могла-бы быть для него понятною, занимательною, весьма мало, да и кромѣ того они, по своей близости ребенку, по своей реальности, не могутъ дать пищи для пробуждающейся уже его фантазіи. Поэтому, чтобы занять воображеніе дитяти, матери приходится прибѣгать къ разсказамъ, сюжеты которыхъ взяты не изъ реальнаго окружающаго, а, такъ сказать, со стороны, и которые близки лишь для души ребенка, доступны степени его умственнаго развитія. Обыкновенно, и совершенно законно, матеріалъ для разсказовъ даютъ здѣсь сказки, преимущественно народныя, и притомъ отечественныя, какъ съ болѣе понятною для юнаго слушателя обстановкою. Сказки должно разсказывать возможно ближе къ той формѣ, въ какой онѣ создались и вылились изъ устъ народа, во всей ихъ наивности и простодушномъ лукавствѣ: ребенокъ лучше всего пойметъ и оцѣнитъ произведеніе, созданное народомъ въ то время, когда самъ этотъ народъ еще находился въ дѣтскомъ возрастѣ. На этой-же ступени можно пользоваться разсказами, хотя-бы только эпизодически, по картинамъ, изъ библейской исторіи, столь величавыми и, вмѣстѣ, столь простыми, гдѣ число дѣйствующихъ лицъ обыкновенно невелико, личности и событія очерчиваются ярко, крупными штрихами, а потому и запоминаются, особенно при помощи картинъ, легко и, въ свою очередь, даютъ прекрасный матеріалъ для пересказа со стороны ребенка. Хорошо выбранные и подобранные библейскіе разсказы посѣяваютъ въ душѣ дитяти первыя сѣмена морали, но не отвлеченной, и потому скучной, а конкретной, образной. Разсказы эти въ особенности умѣстны для дѣтей, отъ природы не особенно одаренныхъ фантазіею, которымъ, въ силу этого, скоро наскучиваютъ сказки и всякія придуманныя исторійки, и когда они начинаютъ отъ матери требовать, чтобы она разсказывала имъ *правду*. Наконецъ, библейскіе разсказы, знакомя ребенка съ событіями и именами лицъ священной исторіи, могутъ оказать ему помощь впослѣдствіи, когда ему придется заниматься Священною исторіею въ качествѣ учебнаго

предмета *). На этой-же ступени могутъ пригодиться нѣкоторые сборники разсказовъ для дѣтей самаго младшаго возраста. Сюжеты разсказовъ должны быть самые простые, число дѣйствующихъ лицъ ограниченное, по объему—разсказъ не долженъ превышать двухъ-трехъ страничекъ; матеріаломъ могутъ служить случаи изъ дѣтской жизни, а также изъ жизни и нравовъ животныхъ, занимательные съ внѣшней стороны. Писать подобнаго рода разсказы необыкновенно трудно, ибо взрослому человѣку трудно снизойти до простоты понятій и языка дѣтей, служащаго для выраженія этихъ понятій. Образованныя, любящія и владѣющія словомъ матери могли-бы оказать большую услугу будущимъ поколѣніямъ матерей, записывая наиболѣе понравившіеся ихъ дѣтямъ разсказы и отмѣчая при каждомъ изъ нихъ, съ большею или меньшею подробностью,—дѣтямъ какого именно пола, возраста,

---

*) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести два-три отрывка изъ сочиненій нашего знаменитаго писателя Л. Н. Толстого. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ онъ о Библіи, какъ о книгѣ, дающей матеріалъ для первоначальныхъ занятій съ малолѣтними: «Изъ всѣхъ изустныхъ передачъ, которыя я пробовалъ впродолженіи трехъ лѣтъ, ничто такъ не приходилось по понятіямъ и складу ума мальчиковъ, какъ Библія... Я пробовалъ Новый Завѣтъ, пробовалъ русскую исторію и географію; пробовалъ, столь любимыя въ наше время, *объясненія явленій природы*, но все это забывалось и слушалось неохотно. Ветхій-же Завѣтъ запоминался и разсказывался страстно, съ восторгомъ... Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгой дѣтства всякаго человѣка. Замѣнить эту книгу мнѣ кажется невозможнымъ... Какъ все понятно и ясно, особенно для ребенка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ строго и серьезно! Я не могу себѣ представить, какъ возможно было-бы образованіе, если-бы не было этой книги... Для того, чтобы открыть ребенку новый міръ и безъ знанія заставить его полюбить знаніе, нѣтъ книги, кромѣ Библіи. Я говорю—даже для тѣхъ, которые не смотрятъ на Библію, какъ на откровеніе. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое соединяло-бы въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библія. Всѣ вопросы изъ явленій природы объяснены этою книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собой, семьи, государства, религіи, въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщеніе мыслей, мудрость, въ дѣтско-простой формѣ, въ первый разъ захватываетъ своимъ обаяніемъ умъ... Кто не плакалъ надъ исторіей Іосифа и встрѣчей его съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не разсказывалъ исторіи связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отмщая врагамъ, самъ гибнетъ, казня враговъ, подъ развалинамя разрушеннаго дворца, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми мы воспитаны, какъ молокомъ матери? Пускай тѣ, которые отрицаютъ воспитательное значеніе Библіи, которые говорятъ, что Библія отжила,—пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе разсказы, объясняющіе явленія природы, или изъ общей исторіи, или изъ вообраяженія, которые-бы воспринимались такъ-же, какъ библейскіе, и тогда мы согласимся, что Библія отжила».

темперамента и при какихъ условіяхъ нравился тотъ или другой разсказъ. Такимъ путемъ, соединенными силами нѣсколькихъ матерей, могло-бы быть выработано прекрасное пособіе для занятій съ малолѣтками. Само собою разумѣется, что всѣ подобнаго рода сборники должны быть снабжены картинками; текстъ, собственно говоря, долженъ служить лишь объясненіемъ картинокъ, которыя слѣдуетъ по возможности раскрашивать; на одной и той-же картинкѣ нельзя помѣщать много фигуръ или изображеній, ибо въ противномъ случаѣ ребенку трудно сосредоточить свое вниманіе; въ силу той-же причины, фигурамъ и предметамъ надо придавать возможно болѣе рѣзкія очертанія. Въ настоящее время нельзя указать ни на одинъ изъ многочисленныхъ, сравнительно, сборниковъ, какъ на книжку, хотя-бы до нѣкоторой степени пригодную для разсказовъ маленькимъ дѣтямъ, и изъ нѣсколькихъ сборниковъ мать едва-едва можетъ выбрать лишь нѣсколько разсказовъ. Но какъ-бы ни былъ умѣло составленъ сборникъ разсказовъ «для маленькихъ дѣтей», во всякомъ случаѣ эти разсказы не могутъ быть сообщены ребенку непосредственно, не могутъ быть прямо, одинъ за другимъ прочитываемы ему. Такой сборникъ долженъ имѣть цѣлью оказывать помощь прежде всего самой матери. Въ силу хотя-бы уже того обстоятельства, что одни дѣти бываютъ одарены бòльшимъ воображеніемъ, склонны къ фантазированію, и ихъ надо въ этомъ отношеніи нѣсколько сдерживать, у другихъ-же воображеніе слабо, и его надо нѣсколько расшевелить, мать предварительно должна сама внимательно прочесть разсказы, и затѣмъ уже, сообразуясь съ тѣми или другими склонностями своего ребенка, выбрать наиболѣе, по ея мнѣнію, пригодные для него разсказы и въ потребную минуту занять ими свое дитя. Что такой выборъ имѣетъ весьма важное воспитательное значеніе, видно также и изъ того, что впечатлѣнія, полученныя въ дѣтствѣ, суть первыя, а потому и главнѣйшія основанія всего будущаго духовнаго достоянія человѣка и что правильнымъ соединеніемъ и взаимодѣйствіемъ этихъ впечатлѣній съ основами врожденныхъ душевныхъ основъ обусловливается дальнѣйшее духовное развитіе воспитываемаго. Всякія подробныя, детальныя указанія матерямъ относительно выбора матеріала для разсказовъ малолѣтнимъ дѣтямъ и относительно способовъ и пріемовъ пользованія тѣмъ или другимъ матеріаломъ, по нашему мнѣнію, излишни: камертономъ здѣсь должно служить единственно сердце любящей образованной матери... Впослѣдствіи, когда ребенокъ научился читать и у него по временамъ начинаетъ появляться потребность въ книгѣ, сборники такихъ разсказовъ могутъ быть про-

читываемы уже имъ самимъ и напомнить ему то, что онъ, можетъ быть, въ нѣсколько иной формѣ, уже слышалъ изъ устъ своей матери.

Съ десяти лѣтъ, или нѣсколько позднѣе, начинается школьное ученье. Оно должно быть посильнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сразу-же серьезнымъ, должно немедленно провести рѣзкую границу между забавою и дѣломъ и вселить въ питомцѣ навыкъ отдѣлять одну отъ другаго. Въ этотъ періодъ начала серьезнаго ученія, когда занятія въ школѣ и для школы, по своей новизнѣ, особенно трудны для учащагося, когда вниманіе его главнымъ образомъ сосредоточено именно на нихъ, онъ естественно не можетъ удѣлять чтенію болѣе или менѣе значительной части своихъ досуговъ. И лучше пусть въ свободные часы онъ рѣзвится, играетъ, занимается физическимъ трудомъ и такимъ образомъ поддерживаетъ и развиваетъ свои физическія силы, столь необходимыя ему для обязательной умственной школьной работы. По мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе будетъ осваиваться со школою, пріучаться смотрѣть на нее такъ-же, какъ на родительскій домъ, привыкать къ серьезному умственному труду, по мѣрѣ того, какъ, въ свою очередь, и школа будетъ развивать въ немъ навыкъ углубляться въ то, что въ данную минуту служитъ предметомъ его занятій, сосредоточиваться мыслью надъ изучаемымъ, запоминать, усваивать его, ассоціировать усвоенное съ предыдущимъ и послѣдующимъ,—по мѣрѣ всего этого онъ можетъ уже нѣсколько большую часть своего свободнаго времени удѣлять свободному-же чтенію. Теперь онъ будетъ въ состояніи одолѣвать разсказы и статьи болѣе сложныя по содержанію и болѣе значительныя по объему. Относясь къ читаемому вдумчиво, сознательно, онъ теперь будетъ смотрѣть на чтеніе то-же, какъ на трудъ, хотя и болѣе легкій, нежели трудъ школьный, а потому и время будетъ удѣлять ему такое, когда почувствуетъ, что расположенъ потрудиться безъ всякихъ стороннихъ понужденій и что силы позволяютъ ему выполнить это свое желаніе.

Какъ мы уже указывали выше, и какъ это понятно само собою, для чтенія въ свободное, внѣучебное время должна существовать и существуетъ особая литература для дѣтей, которая, такимъ образомъ, можетъ имѣть въ виду читателей, приблизительно, отъ 10 до 14—16-ти-лѣтняго возраста. Каково-же должно быть содержаніе этой литературы? Въ общемъ, цѣль ея состоитъ въ пріученіи къ посильному труду, въ содѣйствіи къ раскрытію способностей и въ ознакомленіи своихъ читателей съ окружающею ихъ общественною и физическою средою, гдѣ имъ придется жить и дѣйствовать, т.-е. оказывать на нихъ, во-1-хъ, нравственное вліяніе, а во-2-хъ, расширять

и углублять кругъ ихъ познаній. Опредѣляя ближе матеріалъ, составляющій литературу для дѣтей, мы можемъ сказать, что онъ естественно распадается на двѣ части: беллетристическую и дидактическую или, пожалуй, научную. Слѣдовательно, задача литературы для дѣтей совпадаетъ, до извѣстной степени, съ задачею школы, конечно, общеобразовательной, ибо и послѣдняя имѣетъ въ виду воспитать въ ученикѣ здоровое нравственное міровоззрѣніе и снабдить его свѣдѣніями, столь цѣлесообразно расположенными, что, усваивая ихъ, учащійся вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ въ себѣ способность пріобрѣтать самодѣятельно впослѣдствіи всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя ему почему-либо понадобятся въ жизни, или-же будетъ въ состояніи сознательно избрать себѣ высшее учебное заведеніе—для спеціальнаго изученія извѣстнаго круга наукъ. Школа способствуетъ формированію нравственнаго идеала своего питомца, во-1-хъ, всѣмъ своимъ нравственнымъ строемъ, а во-2-хъ, внѣдряя въ него истины религіи, знакомя его съ ходомъ исторической жизни культурныхъ народовъ и съ классическими, художественными произведеніями великихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей. Но послѣднее не можетъ быть начато немедленно по вступленіи учащагося въ школу, ибо это было-бы для него дѣломъ непосильнымъ, а потому онъ долженъ быть *введенъ* въ этотъ міръ высокихъ идеаловъ лишь постепенно, путемъ цѣлесообразно подобранныхъ эпизодовъ, отрывковъ, извлеченій изъ произведеній великихъ авторовъ. Въ этомъ именно и состоитъ роль школьныхъ хрестоматій и сборниковъ, и при томъ не только по такъ называемой словесности, но и по исторіи, географіи, классическимъ древностямъ, естествовѣдѣнію. *Внѣ школы* такимъ вспомогательнымъ средствомъ, такимъ переходомъ къ чтенію классическихъ художественныхъ произведеній, отечественныхъ и иностранныхъ, является беллетристическая литература для дѣтей. Такова конечная цѣль, главнѣйшая роль этой послѣдней, и чѣмъ скорѣе подготовитъ она къ этому своихъ читателей, т.-е. чѣмъ скорѣе перестанутъ онѣ нуждаться въ услугахъ дѣтской литературы, не будутъ прибѣгать къ ней, почувствовавъ внутреннюю потребность перейти къ классической художественной литературѣ и сознавъ въ себѣ способность находить въ ней эстетическое наслажденіе, тѣмъ, значитъ, лучше, успѣшнѣе выполнитъ беллетристическая литература для дѣтей свое спеціальное назначеніе.

Почти то-же самое можно сказать и по вопросу о дидактической, или научной, литературѣ для дѣтей. Въ общеобразовательной школѣ, уже по самому возрасту питомцевъ ея, лишь на послѣднихъ ступе-

няхъ ея становится болѣе возможнымъ *научное* систематическое изложеніе въ той или иной области вѣдѣнія, преобладающимъ-же является изложеніе знаній *въ педагогической системѣ*, т.-е. такое изложеніе, гдѣ свѣдѣнія упорядочены, расположены соотвѣтственно силамъ учащихся, вслѣдствіе чего и тѣ отрасли знаній, съ которыми имѣетъ дѣло общеобразовательная школа, называются не науками, а лишь *учебными предметами*, подготовляющими учащихся къ изученію наукъ, въ высшемъ значеніи этого понятія, или путемъ самообразованія, или путемъ работы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по избранной каждымъ молодымъ человѣкомъ спеціальности. Но педагогическая система естественно должна имѣть въ виду ученика со средними способностями, должна быть расчитана лишь на *средняго ученика*, а между тѣмъ въ каждой школѣ и въ каждомъ классѣ ея всегда имѣются такіе ученики, для которыхъ средній уровень требованій будетъ или высокъ, или низокъ. Школа не исполнила-бы одной изъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей, если-бы стала игнорировать индивидуальныя качества своихъ питомцевъ и не оказала-бы помощи въ ихъ развитіи. Каждый хорошій преподаватель-педагогъ такъ обыкновенно и поступаетъ: насколько позволяютъ ему время и обстоятельства, онъ обращаетъ вниманіе на слабыхъ и отстающихъ, подтягивая ихъ хотя-бы до средняго уровня, и даетъ болѣе сложныя и трудныя задачи, вопросы и работы питомцамъ, болѣе преуспѣвающимъ, съ выдающимися способностями и уже обнаружившимися склонностями къ изученію извѣстнаго цикла знаній — реальныхъ или отвлеченныхъ.

Помимо личныхъ трудовъ и усилій преподавателей, въ этомъ-же направленіи можетъ принести пользу и дидактическая или научная литература для дѣтей. Отставшимъ, неуспѣвающимъ по тому или другому предмету,—неуспѣвающимъ или по слабому еще развитію способностей, или въ силу непробудившагося еще интереса, любви къ данному предмету,—эта литература можетъ своимъ матеріаломъ оказать цѣлесообразную помощь. Въ однихъ ученикахъ она можетъ пробудить интересъ къ извѣстному предмету, давъ имъ возможность ознакомиться съ тѣми или другими частями его въ хорошемъ, доступномъ и даже увлекательномъ изложеніи, выяснивъ, сдѣлавъ нагляднымъ, очевиднымъ важное для жизни и науки значеніе этого предмета; другимъ ученикамъ, съ лучшими способностями и стараніями, она можетъ предложить свѣдѣнія болѣе высокаго качества и въ большемъ объемѣ, нежели тотъ, въ какомъ они сообщаются въ школѣ и въ принятыхъ въ ней учебникахъ и руководствахъ. Во-

обще-же и эта литература, подобно хрестоматіямъ и сборникамъ по тѣмъ или другимъ учебнымъ предметамъ, можетъ служить ступенью, подготовляющею къ чтенію сочиненій, излагающихъ ту или другую науку въ ея цѣломъ, или же тѣ или иные спеціальные отдѣлы ея. Слѣдовательно, и здѣсь, въ названной области, литература для дѣтей появилась въ видахъ удовлетворенія одного изъ требованій дѣтской натуры, и въ этомъ именно и заключается ея право на существованіе.

Чѣмъ болѣе будетъ взаимодѣйствія, связи, между литературою для дѣтей и школою, или вообще—ученьемъ, тѣмъ болѣе практической, непосредственной пользы эта литература принесетъ подростающему поколѣнію. Но степень взаимодѣйствія, а слѣдовательно и пользы, зависитъ, въ свою очередь, отъ умѣнья руководить дѣтьми при пользованіи послѣдними матеріаломъ, даваемымъ беллетристическою и дидактическою литературою для дѣтей. Въ руководствованіи чтеніемъ дѣтей должны участвовать и семья, и школа, а потому дѣтская библіотека, какъ въ семействѣ, такъ и въ школѣ должна быть цѣлесообразна, при личныхъ стараніяхъ ея составителей и при помощи дѣльныхъ, добросовѣстныхъ указателей и рецензій, подобрана и пополняема. Обыкновенно, въ благоустроенныхъ школахъ каждый возрастъ, а еще лучше если каждый классъ, имѣетъ свою особую библіотеку, которою завѣдываетъ *классный учитель*, т.-е. такой учитель (напр., въ Германіи), который, имѣя въ данномъ классѣ наибольшее число уроковъ по нѣсколькимъ болѣе или менѣе сроднымъ предметамъ (наприм., учитель двухъ древнихъ языковъ въ данномъ классѣ въ этомъ-же классѣ преподаетъ и отечественный языкъ, или еще исторію, географію и т. п.), получаетъ такимъ путемъ наибольшую возможность познакомиться съ индивидуальностью каждаго ученика своего класса, узнать пробѣлы въ его знаніяхъ и недостатки въ его духовномъ развитіи и, сообразно съ этими своими наблюденіями, руководить его чтеніемъ, т.-е. давать именно тѣ, а не другія книги для прочтенія, замѣчать ихъ вліяніе на читателя и такимъ образомъ до извѣстной степени контролировать внѣклассное чтеніе. Тутъ вступаетъ въ свои полныя права такъ-называемый *педагогическій тактъ* воспитателей, школьныхъ и домашнихъ, семейныхъ. Педагогическій тактъ заключается, состоитъ именно въ способности и умѣньи воспитателя обращать вниманіе на всѣ предыдущія и настоящія проявленія развивающагося характера питомца; воспитатель долженъ знать и принимать къ свѣдѣнію и руководству условія окружающей его питомца жизни, а потому быть въ состояніи провидѣть

или расчитать возможно точнѣе возможныя послѣдствія тѣхъ или другихъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ воспитываемому.

До сихъ поръ, говоря о литературѣ для дѣтей, мы имѣли въ виду *книги* для дѣтскаго чтенія. Всѣ въ этомъ отношеніи требованія, на которыя мы кратко указывали, могутъ быть выполняемы при помощи книгъ, написанныхъ для дѣтей и составляющихъ собственно литературу для дѣтей. Въ чемъ-же роль такъ-называемыхъ «журналовъ для дѣтей»? Есть-ли у нихъ такое-же право на существованіе, какъ и у литературы для дѣтей, если подъ этою литературою понимать *книги*, для дѣтей написанныя? Пополняютъ-ли въ этой литературѣ журналы для дѣтей какой-либо пробѣлъ? Нужны-ли они вообще?

Что дѣтскій журналъ совершенно не нуженъ для дѣтей младшаго возраста, едва научившихся читать, это, полагаемъ, явствуетъ уже изъ сказаннаго нами выше о дѣтскомъ чтеніи въ этомъ возрастѣ. Остается, слѣдовательно, средній и, пожалуй, такъ-называемый старшій возрастъ. Нужны-ли журналы для этихъ дѣтей? Имѣетъ-ли журналъ для дѣтей какое-либо преимущество передъ дѣтскою книгою?

Иные родители и воспитатели предпочитаютъ подписываться на дѣтскій журналъ потому, что дѣтскія книги, по ихъ словамъ, во-1-хъ, дороги, а во-2-хъ, въ дѣтскихъ книгахъ трудно разобраться, трудно отличить хорошую книгу отъ плохой или даже вредной, тогда какъ дѣтскіе журналы имѣютъ уже болѣе или менѣе прочно установившуюся репутацію, слѣдовательно, подписывающійся на тотъ или другой дѣтскій журналъ можетъ до нѣкоторой степени знать, что̀ онъ даетъ своимъ дѣтямъ въ руки. Такого рода соображенія—по меньшей мѣрѣ малосостоятельны. Положимъ, что по объему своему дѣтскіе журналы вообще дешевле дѣтскихъ книгъ, т.-е. за одну и ту-же сумму вы можете, подписываясь на дѣтскій журналъ, пріобрѣсти бо̀льшее количество печатной бумаги; но различіе это касается количества, а не качества. Допустимъ, что за 5—7 рублей (обыкновенная подписная цѣна дѣтскаго журнала) вы, вмѣсто 12 нумеровъ журнала, пріобрѣтете всего лишь двѣ-три книги. Но за-то эти книги могутъ быть прочитаны юнымъ читателемъ отъ доски до доски, ибо онѣ и пріобрѣтены только потому, что послѣднему самому хотѣлось получить книги съ содержаніемъ извѣстнаго характера,—беллетристическимъ, историческимъ, географическимъ и т. п.,—или-же его родители или воспитатели, зная вкусъ и наклонности своего дитяти, выбрали для него такую книгу, которая будетъ для него и занятна,

и полезна въ томъ или иномъ отношенiи. Съ книгою покупатель всегда можетъ предварительно ознакомиться—или прочтя ее самъ, что, собственно говоря, для него обязательно, или-же, положась на рекомендацiю кого-либо изъ своихъ знакомыхъ, или на отзывы рецензентовъ. Ошибки, разочарованiя, конечно, возможны; но вѣдь и подписчику также неизвѣстно, что̀ именно дастъ его дѣтямъ выписанный для нихъ дѣтскiй журналъ и не затратитъ-ли онъ свои деньги попустому. Дѣтскiе журналы составляются вѣдь людьми, тоже не всегда понимающими то дѣло, за которое взялись. Да и помимо этого, въ каждомъ дѣтскомъ журналѣ, уже въ силу обязательности сроковъ его выхода, вслѣдствiе спѣшности въ работѣ, всегда найдутся статьи, которыя по всей справедливости должны быть отнесены къ журнальному балласту. Во-вторыхъ, иногда чуть не половина статей журнала остается непрочтенною юнымъ подписчикомъ—или потому, что содержанiе ихъ для него неинтересно, или потому, что онъ еще недоразвился умственно до ихъ пониманiя, или-же, наконецъ, потому, что уровень его умственнаго развитiя уже выше того, который имѣлся въ виду авторами иныхъ статей журнала. Затѣмъ, что касается трудности для покупателя разобраться въ массѣ книгъ дѣтской литературы, то въ этомъ отношенiи ему могутъ оказать существенную помощь, во-1-хъ, указатели книгъ по литературѣ для дѣтей, но, конечно, не книгопродавческiе, а составленные педагогомъ, или, что еще лучше, кружкомъ лицъ, согласившихся относительно общихъ требованiй, предъявляемыхъ къ этой литературѣ, и могущихъ считаться бо̀льшими или меньшими спецiалистами по различнымъ областямъ знанiя; во-2-хъ, пособiемъ могутъ служить критики и рецензiи о вновь выходящихъ книгахъ, помѣщаемыя въ педагогическихъ и общелитературныхъ журналахъ и газетахъ. Правда, что нынѣ такiе указатели и рецензiи появляются, сравнительно, рѣдко; но нѣтъ сомнѣнiя, что они будутъ появляться все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ, также улучшаясь качественно, ибо въ нихъ чувствуется живая потребность, на нихъ есть спросъ, а слѣдовательно, въ отвѣтъ ему, должно явиться и предложенiе.

Наконецъ, приводимый иными въ пользу существованiя дѣтскихъ журналовъ доводъ, что, молъ, эти журналы даютъ постоянно, ежемѣсячно якобы «новое и разнообразное чтенiе», — этотъ доводъ, по нашему мнѣнiю, не имѣетъ ровно никакого значенiя. Дѣло въ томъ, что вѣдь дѣтскiй журналъ, если онъ составленъ хорошо, можетъ быть читаемъ дѣтьми впродолженiи многихъ даже десятковъ лѣтъ, дѣтьми нѣсколькихъ даже поколѣнiй (какъ это и было, напримѣръ, съ «Дѣт-

скимъ чтеніемъ» Новикова, «Дѣтскою библіотекою» Рѣдкина, «Журналомъ для дѣтей» Чистякова и Разина—за первые годы его существованія,—«Журналомъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній»); значитъ, хорошій дѣтскій журналъ въ глазахъ его юныхъ читателей нисколько не утрачиваетъ своей новизны по истеченіи года, двухъ, трехъ и т. д. лѣтъ. Что-же касается «разнообразія» чтенія, даваемаго журналомъ, то оно всегда можетъ быть достигнуто и безъ посредства журнала: стоитъ только ребенку давать въ одинъ и тотъ-же день читать книги то съ тѣмъ, то съ совершенно инымъ содержаніемъ; но будетъ-ли такое воробьиное перепархиваніе отъ одного предмета къ другому полезно въ педагогическомъ отношеніи—вотъ въ чемъ вопросъ. Именно это-то «разнообразіе» и является одною изъ слабыхъ сторонъ дѣтскихъ журналовъ, такъ какъ большинство дѣтей и безъ того не любитъ сосредоточенія на извѣстномъ предметѣ, и школѣ нерѣдко долго приходится биться надъ пріученіемъ своихъ питомцевъ останавливать въ извѣстное время все ихъ вниманіе на одномъ извѣстномъ предметѣ.

Такимъ образомъ, мы не можемъ, при всемъ желаніи, найти ни одной серьезной причины, въ силу которой слѣдовало-бы дѣтскій журналъ предпочесть дѣтской книгѣ *). Напротивъ, мы неизбѣжно приходимъ къ убѣжденію, что журналъ для дѣтей не только не имѣетъ никакихъ серьезныхъ преимуществъ передъ книгою для дѣтей, но въ нѣкоторыхъ, и весьма существенныхъ, отношеніяхъ онъ долженъ уступить ей право первенства. Такъ, нельзя не принять во вниманіе уже того обстоятельства, что книга для дѣтей можетъ быть составляема исподволь, не спѣша, не стѣсняясь размѣрами, а слѣдовательно должна появиться въ лучшей обработкѣ, болѣе обдуманною во всѣхъ отношеніяхъ. Не то съ журналомъ для дѣтей. Онъ, какъ мы уже указывали выше, *обязанъ* появляться въ извѣстный срокъ и въ извѣстномъ объемѣ. Резоновъ для такой обязательности никакихъ нѣтъ: журналъ для дѣтей не слѣдитъ за новостями дня, за современными событіями, за борьбою партій, за новыми явленіями въ области ли-

*) Находимъ не излишнимъ оговориться, что подъ «книгою» для дѣтскаго чтенія мы вездѣ разумѣемъ именно книгу однороднаго содержанія. Всякаго рода сборники для дѣтей, составленные изъ статей по различнымъ, разнороднымъ предметамъ (если только это не есть «книга для чтенія» въ классѣ, не есть «хрестоматія», гдѣ даются, съ извѣстными учебными цѣлями, статьи или отрывки изъ сочиненій различныхъ, преимущественно образцовыхъ писателей) имѣютъ еще менѣе правъ на самостоятельное существованіе, нежели журналы для дѣтей.

тературы, наукъ, искусствъ, техники и т. п.; все то, что составляетъ душу журнала общелитературнаго или спеціально-научнаго журнала для взрослыхъ, все то, что даетъ жизнь ежедневной газетѣ, совершенно чуждо журналу для дѣтей; да и должно быть чуждымъ, ибо потребности дѣтей однѣ и тѣ-же, такъ какъ ходъ развитія ихъ одинаковъ, и формы этого развитія повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вслѣдствіе этого и матеріалъ, способствующій умственному и нравственному развитію дѣтей, долженъ быть прочнымъ, постояннымъ, а потому всякое *новое* для ребенка даннаго поколѣнія есть въ сущности болѣе или менѣе удачное или неудачное повтореніе стараго, съ небольшими лишь добавленіями того, что уже успѣло прочно установиться за незначительный, относительно, промежутокъ времени, раздѣляющій одно поколѣніе отъ другаго. При чемъ-же, спрашивается, тутъ обязательные сроки выхода книжекъ журнала для дѣтей? Если на какомъ-либо изъ дѣтскихъ журналовъ поставить вмѣсто, положимъ, 1881 года—настоящій 1891 годъ, то незнающій этого обстоятельства никакъ и не замѣтилъ-бы такой перестановки; статьи, помѣщенныя въ апрѣлѣ, если только всѣ онѣ закончены, могутъ съ такимъ-же основаніемъ быть помѣщенными въ ноябрѣ, и т. д. Сами издатели дѣтскихъ журналовъ очень хорошо понимаютъ это, ибо почти постоянно публикуютъ о продажѣ нумеровъ журнала за прежніе годы, и многіе покупаютъ ихъ, и поступаютъ совершенно резонно,—гораздо резоннѣе подписывающихся на журналы для дѣтей въ наступающемъ году, такъ какъ уже извѣстно, что именно далъ законченный годъ, и содержаніе статей журнала уже могло быть оцѣнено критикою, тогда какъ то, что̀ дастъ журналъ въ наступающемъ году, будетъ-ли онъ занимателенъ и полезенъ для дѣтей подписчика, — все это еще невѣдомо. А между тѣмъ срочность выхода книжекъ весьма невыгодно отражается на ихъ внутреннемъ содержаніи тѣмъ, что плодитъ такихъ писателей, и особенно писательницъ, которые не имѣютъ нетолько признаковъ таланта, но иногда даже просто малограмотные, заставляетъ гнаться за хотя сколько-нибудь извѣстными именами и помѣщать плохія работы такихъ авторовъ, которые въ журналахъ для взрослыхъ едва терпимы, здѣсь-же, въ дѣтскихъ журналахъ, принимаются съ отверстыми объятіями... Иные журналы для дѣтей, въ погонѣ за подписчиками, стараются завлекать читателей различными мелкими извѣстіями и сообщеніями, имѣющими якобы научный интересъ, сообщаютъ новости политическія и литературныя, въ ущербъ своей главной цѣли—способствовать посредствомъ чтенія нравственному, эстетическому и научному образованію дѣтей; нѣкоторые журналы прямо

прибѣгаютъ къ средствамъ предосудительнымъ съ нравственной точки зрѣнія—къ разжиганію честолюбія юныхъ читателей, обученіе которыхъ и безъ того большею частію основывается на возбужденіи въ нихъ честолюбивыхъ инстинктовъ, печатая ихъ якобы «сочиненія» иногда вовсе не ими написанныя, такъ что дѣти пріучаются въ (придачу еще и къ обману), и выдавая преміи за лучшія «сочиненія» и т. п.

ДѢТИ И ПТИЦЫ.

Мнѣ извѣстно не мало случаевъ, когда родители и воспитатели затруднялись надъ вопросомъ: разрѣшать-ли дѣтямъ содержаніе въ клѣткахъ и ловлю птицъ? Имѣя много лѣтъ дѣло съ комнатными птицами и дѣтьми, позволяю себѣ придти здѣсь на помощь педагогамъ и родителямъ, и попытаюсь освѣтить этотъ вопросъ съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ упускаемыхъ изъ виду.

Раздѣлю поставленный вопросъ, для удобства его обсужденія, на двѣ части: 1) Какъ относиться къ содержанію дѣтьми въ клѣткахъ птицъ, пріобрѣтаемыхъ на сторонѣ? и 2) Какъ относиться къ ловлѣ дѣтьми птицъ съ цѣлью содержанія ихъ затѣмъ въ комнатѣ?

На первую часть вопроса отвѣтъ, по моему, можетъ быть только безусловно утвердительный: дѣтямъ слѣдуетъ не только разрѣшать держать въ клѣткахъ птицъ, но, по мѣрѣ возможности, даже этому содѣйствовать. Въ особенности слѣдуетъ содѣйствовать содержанію въ комнатѣ мѣстныхъ птицъ (а не канареекъ и другихъ иностранныхъ), не удерживая ихъ при этомъ слишкомъ долго: осенью завести птицу, а весною ее выпустить. Чѣмъ больше пройдетъ черезъ комнату разныхъ птицъ (преимущественно, конечно, изъ числа разныхъ пѣвчихъ пташекъ, наиболѣе легко добываемыхъ у мѣстныхъ птицелововъ), тѣмъ лучше. Можно пропускать черезъ комнаты по одной птицѣ въ зиму, по двѣ и болѣе, смотря, конечно, по условіямъ и домашнимъ обстоятельствамъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. При содержаніи нѣсколькихъ птицъ одновременно, лучше если держать ихъ въ одной общей клѣткѣ: меньше хлопотъ по уходу и больше интереса и поучительности. При сожительствѣ въ общей клѣткѣ нѣсколькихъ птицъ (разумѣется, пригодныхъ для такого сожительства, о чемъ можно справиться у людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, или въ книгахъ), ярче выступаютъ характерныя и индивидуальныя отличія каждой птицы и больше матеріала для наблюденій и сопоставленій. Къ одной птичкѣ, сидящей въ отдѣльной клѣткѣ, дѣти скоро присматриваются

и нерѣдко перестаютъ ею интересоваться, какъ только пройдетъ интересъ новизны; развѣ только птичка скоро приручнѣетъ (будетъ садиться на руку, влетать и вылетать изъ клѣтки, и т. п.), тогда уже интересъ къ ней никогда не пропадетъ, потому что она перестаетъ быть уже просто живой игрушкой, а становится другомъ ребенка, и все болѣе и болѣе овладѣваетъ его сердцемъ. Но столь счастливые случаи прирученія сравнительно довольно рѣдки, и далеко не всякая птица ему поддается. Въ жизни-же большаго, общаго, птичьяго садка неисчерпаемый источникъ самыхъ разнообразныхъ и въ высшей степени привлекательныхъ жанровыхъ картинокъ не только для дѣтей, но и для взрослыхъ, и богатѣйшій матеріалъ для наблюденій: взаимныя отношенія между сожительствующими птицами, характеры, индивидуальныя особенности (если въ садкѣ имѣется нѣсколько экземпляровъ одного вида), отношеніе той или другой птицы къ корму, къ купанью, къ мѣстамъ ночлега въ клѣткѣ (ночуетъ въ гнѣздовыхъ помѣщеніяхъ, или открыто на жердочкѣ, или прижавшись къ другой птицѣ, и т. п.), отношеніе къ впускаемымъ въ клѣтку новичкамъ, къ вечернему освѣщенію, къ погодѣ на дворѣ, къ прирученію и проч., и проч., все это, повторяю, доставляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій, полныхъ интереса и самаго чистаго удовольствія. А сколько радости доставляетъ первая пѣсня новопріобрѣтенной птички; да и не только пѣсня, но и всякій звукъ, всякое первое чириканье. Черезъ посредство содержанія въ комнатѣ разныхъ птицъ, дѣти научаются распознавать ихъ голоса—пѣсню, звуки призыва, безпокойства и другія, благодаря чему легко узнаютъ знакомыхъ птицъ и на волѣ—въ саду, въ лѣсу, на полѣ, и встрѣчаютъ ихъ тогда уже какъ своихъ друзей и старыхъ знакомыхъ, продолжаютъ наблюдать ихъ и среди природы, въ ихъ естественной обстановкѣ. Не говоря уже про то, что ребенокъ, разъ онъ узналъ близко и полюбилъ какую-нибудь птицу въ комнатѣ, нетолько самъ никогда не сдѣлаетъ ей никакого вреда на волѣ, но и другимъ дѣтямъ не позволитъ этого сдѣлать. Такимъ путемъ у ребенка устанавливаются прочныя дружественныя и любовныя отношенія къ птицамъ, отношенія, съ годами еще болѣе укрѣпляющіяся, не говоря уже о развитіи этимъ путемъ наблюдательности — этой столь важной и столь мало въ настоящее время культивируемой въ школѣ способности.

Само собою разумѣется, что слѣдуетъ дѣтей пріучать внимательно относиться къ ихъ птичкамъ: чтобы въ питейкахъ не застаивалась загрязнившаяся вода (мѣнять, по крайней мѣрѣ, два раза въ день); чтобы кормушки подолгу не пустовали (задавать кормъ два раза—

утромъ и среди дня—но безъ излишка); чтобы зимой птичкамъ не дуло отъ оконъ, а лѣтомъ—охранять ихъ отъ сквозняка и солнцепека; угощать время отъ времени лакомствами (сахаромъ, булочкой, сальцемъ, ростками конопли, предварительно посѣянной въ особомъ горшечкѣ или по горшкамъ комнатныхъ цвѣтовъ, и т. п., смотря по птицамъ). Чѣмъ больше ухода и вниманія, тѣмъ здоровѣе и веселѣе будутъ птицы, тѣмъ скорѣе привыкнутъ онѣ къ ухаживающимъ за ними дѣтьми и приручнѣютъ, тѣмъ скорѣе дитя и птица станутъ друзьями. Однако, я не сталъ-бы требовать, во что-бы то ни стало, чтобы дѣти непремѣнно сами исполняли *всѣ* работы по уходу за птицами (чистка клѣтокъ, приготовленіе корма и проч.), по крайней мѣрѣ дѣти младшаго возраста; хотя, само собою разумѣется, это всегда *желательно*, но, повторяю, не слѣдуетъ особенно на этомъ настаивать. Еще очень важный практическій совѣтъ: пріобрѣтая комнатную птицу, всегда лучше заплатить за нее нѣсколько дороже, да купить птицу уже обсидѣвшуюся—не дикую, свѣже пойманную. Обсидѣвшаяся птица всегда надежнѣе: вѣрнѣе обживется, скорѣе запоетъ и приручнѣетъ; птица-же свѣже пойманная долго къ себѣ не допускаетъ—бьется (что весьма непріятно), и нерѣдко хирѣетъ и пропадаетъ; такимъ образомъ, во-первыхъ, дешевое выйдетъ на дорогое (приходится покупать другую птицу), а во-вторыхъ—и это главное—болѣзнь и смерть птицы производятъ большею частью довольно тяжелое впечатлѣніе на ребенка, незадолго передъ тѣмъ такъ радостно привѣтствовавшаго ея появленіе въ своей комнатѣ.

Что касается до высказываемаго многими мнѣнія, будто держать птицу въ клѣткѣ, лишать ее свободы—жестоко, то на это могу сказать слѣдующее: я держу птицъ въ клѣткахъ уже болѣе 20-ти лѣтъ; черезъ мои комнаты прошла добрая сотня различныхъ птицъ, и я могу сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что такое мнѣніе вовсе несправедливо, или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ преувеличено. Я не стану отрицать, что въ первое время послѣ поимки птица, вѣроятно, переживаетъ нѣсколько тяжелыхъ дней, но этихъ дней немного: разъ она стала брать кормъ—она уже примирилась со своимъ положеніемъ, а разъ она запѣла (что случается нерѣдко уже на третій, четвертый день), она уже счастлива. «Больныя, голодныя или чувствующія скорбь птицы никогда не поютъ», говоритъ А. Бремъ, этотъ тонкій знатокъ птичьяго сердца, и онъ безусловно правъ. Мы все привыкли мѣрять своей субъективной мѣркой, и забываемъ, что, вѣдь, птица — не человѣкъ. Я могъ-бы разсказать не мало случаевъ, когда выпускавшіяся мною на волю, изъ клѣтокъ, птицы *не желали* улетать,—возвращались обратно

въ окно, въ дверь, въ форточку, и иногда стоило не малаго труда *заставить* ихъ принять предлагавшуюся имъ свободу.

Итакъ, повторяю еще разъ: *не только не слѣдуетъ запрещать дѣтямъ держать комнатныхъ птицъ, но, напротивъ, слѣдуетъ имъ въ этомъ содѣйствовать.* Если я довольно хорошо узналъ нашихъ птицъ и страстно ихъ полюбилъ, то это, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ, множество ихъ пропустилъ черезъ свои комнаты. Покойный профессоръ С.-Петербургскаго университета Модестъ Николаевичъ Богдановъ въ дѣтствѣ былъ страстнымъ птичникомъ, а впослѣдствіи сталъ первоклассным ученымъ—орнитологомъ. Знаменитый орнитологъ Науманъ, не менѣе знаменитый Альфредъ Бремъ и многіе другіе выдающіеся орнитологи всѣ выросли среди комнатныхъ птицъ. Я знаю одну восьмилѣтнюю дѣвочку, которая умѣетъ уже распознавать, на волѣ, по голосамъ, нерѣдко по едва услышанному слабому свисту, до сорока видовъ птицъ, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что она познакомилась, подружилась съ ними и полюбила ихъ у себя въ домѣ; для нея нѣтъ дороже подарка, какъ новая птичка, и больше радости и удовольствія, какъ ухаживать и наблюдать за своими пернатыми друзьями, которыхъ у нея бываетъ иногда до 30-ти штукъ одновременно.

Перехожу затѣмъ ко второй части нашего вопроса: какъ относиться къ ловлѣ дѣтьми птицъ?

И здѣсь я долженъ дать такой-же отвѣтъ, какъ и на первую часть вопроса, но только не безусловно, а съ нѣкоторыми оговорками, а именно: дѣтямъ слѣдуетъ разрѣшать ловлю птицъ и даже поощрять ихъ къ ней, но только дѣтямъ средняго и старшаго возраста и при условіи *умѣлаго, внимательнаго и заботливаго* обращенія со свѣжепойманными птицами, а также, само собою разумѣется, чтобы эта охота велась въ границахъ извѣстной умѣренности и безъ ущерба для учебныхъ и другихъ обязательныхъ занятій.

Птицеводство—одна изъ самыхъ завлекательныхъ, поэтическихъ, сравнительно, безобидныхъ охотъ. (Я не сторонникъ противниковъ охоты, и безусловно отрицаю дурное, якобы, вліяніе какой-бы то ни было охоты, на человѣческое сердце, хотя самъ, къ сожалѣнію, давно уже почти пересталъ быть охотникомъ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова). «Ловля птицъ приноситъ такія-же радости и наслажденія, какъ и охота: дыханіе лѣса и утреннюю свѣжесть, звуки пѣсенъ изъ веселой груди птицъ, надежду и ожиданіе, громкій восторгъ и тихое удовольствіе; она также сближаетъ человѣка и птицу. Хотя пословица (нѣмецкая) и положительно враждебна ловлѣ птицъ и

гласитъ, что «ловля рыбы и птицъ уже испортила много молодыхъ парней», но я безусловно защищаю прекрасное и мужественное удовольствіе. Въ этомъ случаѣ пословица—старый, черствый ипохондрикъ, который въ юности проводилъ ночи за бутылкой вина, картами и костями, а великолѣпное утро всегда просыпалъ, теперь-же, разбитый тѣломъ и духомъ, начинаетъ проповѣдывать нравственность. Я уважаю пословицу по заслугамъ и достоинству; но если она вздумаетъ заподозрить ловлю птицъ, я, конечно, не послушаю ея хриплаго голоса, который уже многихъ удержалъ отъ перелистыванія поэтической книги природы, и совершенно по филистерски отправилъ ихъ въ дымный, спертый, умерщвляющій духъ, шинокъ. Кто не знаетъ по опыту золотыхъ утреннихъ часовъ на птичьемъ току, кто не ставилъ силковъ, сѣти для перепеловъ, или не подкрадывался къ нимъ съ ручной сѣтью подъ мышкой, тотъ не можетъ судить о радостяхъ птицелова». Такими горячими словами защищаетъ Бремъ *) птичную ловлю, и ужъ его-то, конечно, никто не заподозритъ въ жестокосердіи къ пернатымъ созданіямъ,—его, который всю жизнь свою твердилъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ: «охраняйте птицъ!»—Дѣйствительно, ловля птицъ (равно какъ и многіе другіе виды охоты) есть—какъ прекрасно выразился Бремъ—«перелистываніе поэтической книги природы» и, прибавлю отъ себя, не праздно-любопытное и безслѣдное перелистываніе, а перелистываніе всегда и неизбѣжно соединенное съ изученіемъ само́й этой восхитительной книги и съ проникновеніемъ любовью къ ней. При чтеніи очерковъ М. Н. Богданова «*Охота въ Симбирскихъ садахъ*» и «*Соловей*» («Родникъ» 1884 г.), становится вполнѣ яснымъ, откуда почерпнулъ этотъ поэтъ-натуралистъ всю ту пламенную поэтическую любовь къ природѣ, которою такъ проникнуты всѣ его превосходные очерки и разсказы. Да и всѣ лучшіе натуралисты (не кабинетные, а истинные натуралисты-художники) были, болѣе или менѣе, въ извѣстномъ родѣ охотники, и прилежно «перелистывали поэтическую книгу природы» подъ голубымъ небеснымъ сводомъ. Если дѣти выучиваются наблюдать и любить птицъ, имѣя съ ними дѣло въ комнатѣ, въ клѣткахъ, тѣмъ неизмѣримо болѣе научатся они всему этому въ лѣсу, на птичьемъ точкѣ, наблюдая птицу вольную, въ ея естественной обстановкѣ, и изучая ея голосъ, нравъ, характеръ и привычки во всей ихъ нетронутой, примитивной чистотѣ (а безъ этого нельзя быть хорошимъ птицеловомъ). Здѣсь наблюдаются также и измѣнчивость птицы по временамъ года, и метеоро-

*) *А. Е. Бремъ: Жизнь птицъ, для домашняго и семейнаго чтенія.* (Русск. перев. Н. Н. Страхсва, стр. 378).

логическія явленія, и ихъ вліяніе на птицу—да всего и не перечтешь, чему научается въ лѣсу птицеловъ. Но, повторяю еще разъ, мальчикъ (а при извѣстныхъ условіяхъ даже и дѣвочка) можетъ имѣть разрѣшеніе на птичную ловлю только при условіи *умѣлаго, внимательнаго и заботливаго ухода за пойманными птицами.* Если-же пойманныя и принесенныя домой птицы будутъ кое-какъ разсаживаться по клѣткамъ и предоставляться своей судьбѣ (обламывать хвосты и крылья и разбивать до крови свои головки о прутья, жердочки и потолокъ клѣтки, пока преждевременная смерть не смилостивится надъ ними и не прекратитъ ихъ мученія), то такому птицелову слѣдуетъ запретить ловлю птицъ и отобрать отъ него всѣ его ловушки. Не слѣдуетъ также ни подъ какимъ видомъ позволять ловлю птицъ съ 1-го мая (на югѣ съ 15-го апрѣля) до 15-го іюля: въ теченіе этого періода времени птицы заняты гнѣздовыми дѣлами, и огромное большинство изъ числа пойманныхъ въ это время птицъ умираетъ, не смотря даже на тщательный уходъ за ними. Наиболѣе раціональна и желательна осенняя ловля (августъ—октябрь), потому что, во-первыхъ, птицы осенняго лова крѣпче, и легче обдерживаются, а во-вторыхъ, пріютивъ птицу на зиму въ теплой комнатѣ, при хорошемъ уходѣ, оказываешь ей даже услугу: изъ числа зимующихъ у насъ птицъ не малое число сильно страдаетъ и даже погибаетъ, въ особенности въ суровыя зимы, отъ холода и голода; изъ числа-же перелетныхъ пташекъ (на зиму отлетающихъ на югъ) далеко не всѣмъ суждено благополучно возвратиться весной на родину, благодаря многоразличнымъ опасностямъ, которымъ онѣ подвергаются во время своего далекаго отлетнаго и прилетнаго путешествія. Продержавъ птицу въ теченіе зимы въ клѣткѣ, узнавъ ее, получивъ отъ нея не мало радостей, истинный другъ птицъ любовно прощается, весной, со своимъ маленькимъ пернатымъ гостемъ и новопріобрѣтеннымъ другомъ и, выпуская его на волю, радостно повторяетъ слова поэта:

«Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
«Я возвратилъ свободу ей!»

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать по данному вопросу и буду душевно радъ, если мои читатели раздѣлятъ высказанные мною здѣсь взгляды и станутъ не только не противодѣйствовать, но, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать возможно большему общенію дѣтей съ птицами, изъ каковаго общенія выйдетъ для дѣтей только благо, а отнюдь не вредъ.

Д. Кайгородовъ.

Лѣсной. 2-го февраля 1891 года.

Одинъ изъ спорныхъ вопросовъ по преподаванію математики.

Къ вопросу объ обученіи геометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *).

Геометрія представляетъ строго-логическую систему истинъ о протяженіяхъ; эта система развивается изъ небольшаго числа очевидныхъ истинъ, аксіомъ; эта наука древними греками изучалась въ возрастѣ зрѣломъ, причемъ изученію ея придавалось громадное значеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ и надпись, сдѣланная греческимъ философомъ Платономъ надъ дверями его философской школы: «да не входитъ сюда не знающій геометріи». Въ настоящее время за геометріею признается по прежнему великое образовательное значеніе; во-1-хъ, потому, что она направляетъ умственныя силы учащихся на путь строго-логическаго мышленія, служа, такъ сказать, логикой въ дѣйствіи, и, во-2-хъ, сообщая необходимыя положительныя знанія, какъ для дальнѣйшаго ея изученія, такъ и весьма полезныя по своимъ многочисленнымъ приложеніямъ къ различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія.

Чтобы преподаваніе геометріи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было наиболѣе плодотворнымъ, необходимо всегда имѣть въ виду различіе между наукою и учебнымъ предметомъ, а также и ту громадную разницу между возрастомъ, въ которомъ древніе греки изучали эту науку, и тѣмъ, въ которомъ дѣти начинаютъ обучаться ей.

---

*) Не вполнѣ соглашаясь съ нѣкоторыми взглядами почтеннаго автора, напримѣръ, относительно необходимости выработки *обязательнаго* учебнаго руководства для всѣхъ учебныхъ заведеній одного типа, а также относительно нѣкоторыхъ вопросовъ методологическаго характера, мы тѣмъ не менѣе охотно даемъ мѣсто настоящей замѣткѣ въ отдѣлѣ «Спорныхъ вопросовъ преподаванія математики». *Ред.*

Геометрія, какъ и всѣ вообще математическія науки, настолько отвлеченна, пониманіе истинъ, доказываемыхъ въ ней, еще на столько мало свойственно дѣтской, подвижной натурѣ, воспринимающей легко все болѣе конкретное, что первые шаги обученія этой наукѣ должны быть дѣлаемы съ особенною осмотрительностью. Нельзя не порадоваться тому, что всѣ мѣропріятія послѣдняго времени въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ клонятся къ уменьшенію замѣчаемаго всѣми переутомленія учащихся и облегченію усвоенія ими главныхъ основаній преподаваемыхъ предметовъ. При обученіи геометріи, да и вообще разнымъ отдѣламъ математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, обязательно постоянно имѣть въ виду отвлеченность этихъ предметовъ, и умственное переутомленіе, неизбѣжно являющееся на первыхъ-же ступеняхъ обученія, при ненадлежащемъ веденіи дѣла преподавателемъ и при учебникѣ, не вполнѣ приспособленномъ къ умственному развитію учащихся.

Геометрія, какъ наука, опираясь на возможно небольшое число аксіомъ, даже самыя простыя свойства протяженій доказываетъ на основаніи этихъ аксіомъ, и потому въ самомъ началѣ изложенія этой науки по необходимости приходится вдаваться въ довольно тонкія умозрѣнія; въ геометріи, какъ учебномъ предметѣ, эти, такъ сказать, тонкости умозрѣнія должны быть устранены, такъ какъ начинающіе обучаться ей этихъ тонкостей постигнуть не могутъ и имъ нѣкоторыя свойства протяженій представляются очевидными; они не видятъ часто, да и не могутъ видѣть необходимости доказательствъ, которыя въ научномъ отношеніи столь необходимы для приданія строгости и стройности всей системѣ. Вотъ на эту-то слабую сторону различныхъ учебниковъ геометріи, даже изъ вновь рекомендованныхъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, мы и считаемъ необходимымъ указать.

Одинъ изъ основныхъ вопросовъ, разсматриваемыхъ въ элементарной геометріи, это вопросъ о прямой линіи и ея свойствахъ. Еще Евклидъ опредѣлилъ прямую линію, какъ «равнолежащую линію между двумя концами ея», и доказалъ свойства ея, что она короче ломаной, проведенной между тѣми-же точками. Сущность Евклидовскаго опредѣленія прямой и доказательство сейчасъ поименованнаго свойства ея сохранились и до настоящаго времени въ научныхъ курсахъ, каковы, напр., курсы знаменитаго Остроградскаго и Ващенко-Захарченка; только опредѣленіе прямой, какъ линіи, которой положеніе вполнѣ опредѣляется двумя на ней лежащими точками, выражено болѣе ясно. Въ учебникахъ-же геометріи замѣчается большое разнообразіе въ изложеніи основныхъ свойствъ прямой, причемъ по боль-

шей части авторы стремятся держаться строго-научной точки зрѣнія, упуская изъ виду, что имѣютъ дѣло съ изложеніемъ учебнаго предмета, и вслѣдствіе этого приводятъ рядъ умозрѣній, необходимость которыхъ не можетъ ясно представляться уму учащихся. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ указанія на нѣкоторые учебники.

«Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, составленный гг. Гика и Муромцевымъ». Принявъ за аксіому, что «между двумя точками есть только одно кратчайшее разстояніе», авторы курса опредѣляютъ прямую, какъ такую безконечную линію, какихъ можно провести только одну черезъ двѣ данныя точки; затѣмъ выводятъ слѣдствіе: «двѣ прямыя линіи могутъ пересѣкаться только въ одной точкѣ» и доказываютъ теорему: «отъ одной точки до другой можно провести только одну конечную прямую», и ей обратную теорему, изъ которой выводятъ слѣдствіе: «кратчайшее разстояніе между двумя точками есть конечная прямая, которая эти точки соединяетъ».

Въ своей «Начальной геометріи» г. Ф. Симашко принимаетъ двѣ аксіомы: 1-я—прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, и 2-я—между двумя точками можно провести только одну прямую линію. Затѣмъ уже доказывается теорема: «Двѣ прямыя линіи, имѣющія двѣ общія точки, сливаются на всемъ протяженіи, т.-е. составляютъ прямую линію».

Это свойство само собою вытекаетъ изъ того, что прямая линія вполнѣ опредѣляется двумя, на ней лежащими, точками и не подлежитъ никакимъ объясненіямъ. Страннымъ должна показаться начинающимъ необходимость доказательства этого очевиднаго свойства, да притомъ еще способомъ, употребленнымъ въ учебникѣ, именно способомъ приведенія къ нелѣпости, когда и прямой-то способъ доказательства имъ еще неизвѣстенъ. Авторъ учебника предпослалъ доказательство этого свойства другому свойству прямой, по которому двумя точками опредѣляется ея положеніе, и отъ того употребилъ такое затруднительное для начинающихъ объясненіе упомянутаго свойства.

Въ геометріи Давидова (изданіе 14-е. Москва 1885 г.) принимается за аксіому: «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками», и говорится, что это *предложеніе* слѣдуетъ прямо изъ понятія, которое мы имѣемъ о прямой линіи; въ введеніи авторъ, сообщая понятіе о линіи, не говоритъ, какая линія называется прямою, считая понятіе о ней первоначальнымъ. Подчеркнутое нами слово *предложеніе*, конечно, некстати употреблено авторомъ послѣ того разъясненія, которое дано имъ въ введеніи относительно теоремы или

предложенія. Далѣе объясняется, что между двумя точками можно вообразить только одну прямую линію, «такъ какъ больше одного кратчайшаго разстоянія между двумя точками не можетъ быть», т.-е., другими словами, на томъ основаніи, что больше одной прямой вообразить нельзя между этими точками; изъ объясненія, приведеннаго авторомъ, слѣдуетъ, что лучше-бы сейчасъ высказанное свойство прямой прямо принять за очевидное.

Въ своихъ «Основаніяхъ геометріи» Руше и Комберусъ считаютъ понятіе о прямой линіи основнымъ и опредѣляютъ ее, какъ «кратчайшее разстояніе между каждыми двумя своими точками», прочія основныя свойства прямой признаютъ очевидными и не подлежащими никакимъ объясненіямъ.

Достаточно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть, какое разнообразіе въ изложеніи существуетъ въ нашихъ учебникахъ геометріи относительно самыхъ основныхъ понятій, вслѣдствіе уклоненія отъ Евклидовскаго изложенія и отъ упущенія того методологическаго принципа, что при обученіи лучше всего не давать объясненій нѣкоторымъ основнымъ понятіямъ, не требующимъ объясненій, и не опредѣлять то, что не поддается опредѣленіямъ. Какъ примѣръ недостаточной ясности геометрическихъ опредѣленій, можно привести обыкновенно даваемое опредѣленіе угла: «угломъ называется неопредѣленная часть плоскости между двумя пересѣкающимися прямыми, ограниченными въ ихъ точкѣ пересѣченія».

Намъ думается, что сведеніе понятія объ углѣ на понятіе о неопредѣленной части плоскости не дѣлаетъ представленіе объ углѣ яснымъ для учащихся.

Въ нѣкоторыхъ курсахъ геометріи уголъ опредѣляется, какъ: «отверстіе, образуемое двумя прямыми или двумя направленіями, исходящими изъ одной точки» («Начальная геометрія» Пржевальскаго), или какъ «взаимное наклоненіе двухъ пересѣкающихся прямыхъ, ограниченныхъ въ ихъ точкѣ пересѣченія». Соннэ опредѣляетъ уголъ, какъ «большее или меньшее удаленіе двухъ встрѣчающихся въ нѣкоторой точкѣ прямыхъ». Евклидъ опредѣлилъ уголъ такъ: «плоскій уголъ есть взаимное наклоненіе двухъ прямыхъ линій, на плоскости встрѣчающихся и не впрямь лежащихъ». (Евклидовыхъ началъ восемь книгъ, переводъ Ф. Петрушевскаго). Понятіе объ углѣ принадлежитъ къ основнымъ и не можетъ быть сведено къ болѣе простому; говоря, что двѣ прямыя AB и AC, встрѣчаясь, образуютъ уголъ, выражаютъ мысль для всѣхъ ясную, и при этомъ чертежъ уясняетъ дѣло ученикамъ. Стремясь давать опредѣленіе нѣкоторымъ понятіямъ, можно

легко впасть въ такъ-называемый «кругъ въ опредѣленіи», чему могутъ служить примѣрами опредѣленія единицы, счета и числа въ ариѳметикѣ. Наконецъ надо имѣть въ виду степень умственнаго развитія учащихся. Понятія о времени и пространствѣ принадлежатъ къ основнымъ, и поэтому странно было-бы ихъ опредѣлять ученикамъ— время, какъ абстрактъ всѣхъ явленій послѣдовательности, и пространство, какъ абстрактъ всѣхъ явленій сосуществованія (Спенсеръ, «Основныя начала»). Необходимо вообще избѣгать излишествъ въ опредѣленіяхъ, чтобы не впасть въ крайность. Послѣ всего высказаннаго нами остановимся на тѣхъ требованіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять учебникъ геометріи, наиболѣе согласующійся съ современными условіями учебнаго дѣла, приспособленный къ облегченію усвоенія предмета учащимися, и появленіе котораго было-бы желательно.

Нѣкоторыя основныя понятія, каковы, наприм., свойства прямой линіи не должны доказываться, а прямо формулироваться; опредѣленія не должны быть даваемы въ тѣхъ случаяхъ, когда ими одни понятія не сводятся къ другимъ простѣйшимъ. Способъ доказательства отъ противнаго не слѣдуетъ часто употреблять, и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ввести его въ курсъ послѣ ознакомленія съ прямымъ способомъ доказательства. Понятіе объ окружности, и примѣненіе циркуля и линейки къ рѣшенію задачъ необходимо по возможности раньше ввести въ курсъ, и для этого слѣдуетъ какъ можно раньше помѣстить статью о равенствѣ треугольниковъ, еще до изложенія о параллельныхъ линіяхъ, что будетъ и болѣе согласно съ Евклидовымъ изложеніемъ началъ геометріи *).

По поводу изложенія статьи о параллельныхъ линіяхъ замѣтимъ, что въ различныхъ курсахъ геометріи существуетъ разногласіе относительно выбора аксіомы, служащей основою для теоріи параллельныхъ линій. Конечно, желательно остановиться на аксіомѣ, выраженной въ такомъ видѣ, чтобы получилась наибольшая простота въ изложеніи всей теоріи параллельныхъ линій, въ учебномъ отношеніи. Укажемъ на рядъ учебниковъ и приведемъ, въ какомъ видѣ въ этихъ учебникахъ выражена аксіома теоріи параллельныхъ линій. Въ курсахъ геометріи: Руше и Комберуса, Блюмберга, Ващенко-Захарченко принимается за аксіому: «изъ точки внѣ прямой можно провести одну

*) Съ этимъ взглядомъ почтеннаго автора невозможно согласиться, принявъ въ соображеніе необходимость знанія свойствъ угловъ и классификаціи треугольниковъ, каковыя свойства безъ теоріи параллельныхъ линій не могутъ быть, какъ слѣдуетъ, обоснованы. *Ред.*

только параллельную къ ней прямую». Гг. Гика и Муромцевъ принимаютъ слѣдующую: «большій уголъ не можетъ заключаться внутри меньшаго»; г. Ф. Симашко—«наклонная и перпендикуляръ къ одной и той-же прямой, по достаточномъ ихъ продолженіи, всегда пересѣкутся»; Остроградскій: «двѣ прямыя, параллельныя третьей, параллельны между собою»; Давидовъ и Соннэ: «двѣ прямыя линіи, изъ которыхъ одна перпендикулярна къ пересѣкающей, а другая составляетъ съ ней острый или тупой уголъ, при продолженіи пересѣкаются».

Евклидъ въ своихъ «Началахъ» принялъ за аксіому въ параллельныхъ линіяхъ: «если сумма внутреннихъ одностороннихъ угловъ двухъ прямыхъ линій, пересѣченныхъ третьей, меньше двухъ прямыхъ угловъ, то такія прямыя по достаточномъ продолженіи встрѣтятся съ той стороны сѣкущей, съ которой сумма угловъ меньше двухъ прямыхъ». Вопросъ относительно формы выраженія аксіомы о параллельныхъ линіяхъ былъ уже обсуждаемъ въ математическомъ отдѣленіи Новороссійскаго общества естествоиспытателей, и большинство членовъ общества признало наиболѣе простою слѣдующую форму выраженія аксіомы: «изъ точки внѣ прямой къ этой прямой можно провести только одну ей параллельную».

Чтобы ученики могли усвоить логическую связь теоремъ, что̀ весьма важно, необходимо ограничить число ихъ главными; это дастъ возможность сосредоточиться на существенномъ и облегчитъ усвоеніе геометріи. Излишне приводить, наприм., рядъ слѣдующихъ теоремъ въ статьѣ объ окружности, и дѣлать ихъ равно обязательными для учениковъ.

«Перпендикуляръ, опущенный изъ центра на хорду, дѣлитъ пополамъ какъ хорду, такъ и соотвѣтствующіе ей центральный уголъ и дугу».

«Прямая, соединяющая центръ съ серединою хорды, перпендикулярна къ хордѣ и дѣлитъ пополамъ соотвѣтствующіе ей центральный уголъ и дугу».

«Перпендикуляръ, возставленный къ хордѣ изъ ея середины, проходитъ черезъ центръ, и дѣлитъ пополамъ центральный уголъ и дугу, соотвѣтствующіе хордѣ».

«Прямая соединяющая центръ съ серединою дуги, перпендикулярна къ соотвѣтствующей хордѣ и дѣлитъ пополамъ хорду и центральный уголъ, соотвѣтствующіе дугѣ».

Достаточно доказать первую изъ приведенныхъ теоремъ и считать знаніе ея обязательнымъ для учениковъ, остальные можно предлагать въ видѣ упражненій.

*

Излишне также считать равно обязательнымъ знаніе учениками такого ряда теоремъ: «Прямая, проведенная перпендикулярно къ радіусу въ его концѣ, есть касательная къ окружности». «Прямая, соединяющая центръ окружности съ точкою касанія, перпендикулярна къ касательной». «Перпендикуляръ, опущенный изъ центра на касательную, проходитъ черезъ точку касанія». «Перпендикуляръ, возставленный изъ точки касанія къ касательной, проходитъ черезъ центръ».

Ограничимся приведенными примѣрами, достаточно иллюстрирующими нашу мысль.

Не лишнимъ также считаемъ сказать о желательной внѣшней сторонѣ учебника геометріи; при ограниченіи числа теоремъ самыми необходимыми, существенно важными, уменьшится и объемъ учебника, а вслѣдствіе этого при меньшей стоимости можно улучшить внѣшнюю сторону изданія, т.-е. качество бумаги и чертежи, которые должны быть достаточной величины, ясны, рельефны; шрифтъ учебника долженъ быть обязательно крупный.

Въ заключеніе выяснимъ побудительную причину, вызвавшую появленіе нашей небольшой статьи. Рядъ учебниковъ по элементарной геометріи, появившихся за послѣднія 10—15 лѣтъ въ нашей учебно-математической литературѣ, сознаніе необходимости остановиться на выборѣ опредѣленнаго учебника по геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній—все это, какъ намъ думается, дѣлаетъ вполнѣ естественнымъ желаніе каждаго заинтересованнаго лучшею постановкою преподаванія математики въ нашихъ заведеніяхъ, высказаться относительно требованія, которымъ долженъ удовлетворять учебникъ геометріи, появленіе котораго въ свѣтъ было-бы желательно. Чѣмъ больше будутъ высказываться въ печати лица, близко стоящія къ учебному дѣлу, по поводу требованій отъ учебниковъ по тому или другому предмету, тѣмъ скорѣе можно ожидать усовершенствованія въ этомъ дѣлѣ, т.-е. появленія учебниковъ, согласныхъ съ современнымъ состояніемъ учебнаго дѣла. При появленіи таковыхъ учебниковъ, введеніе ихъ въ учебныя заведенія одного типа будетъ какъ нельзя болѣе желательно, и требованіе строго придерживаться этихъ учебниковъ при преподаваніи будетъ вполнѣ естественно.

Вл. Шидловскій.

Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Народныя библіотеки, созданныя частной инициативой.

Устройство народныхъ библіотекъ—дѣло, особенно удобное для частной инициативы и наиболѣе соотвѣтствующее ея задачамъ въ области народнаго просвѣщенія. Соотвѣтственно этому, заграницей народныя библіотеки являются однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ попеченія со стороны частной инициативы. Укажемъ, для примѣра, на французскую «лигу образованія», которая на первомъ мѣстѣ въ своей дѣятельности ставитъ именно основаніе библіотекъ и за время своего существованія содѣйствовала возникновенію многихъ тысячъ библіотекъ во всѣхъ концахъ Франціи. Въ Германіи существуетъ спеціальное общество, имѣющее цѣлью создавать народныя библіотеки,—общество, покрывшее Германію тысячами книгохранилищъ. Подобныя-же общества существуютъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Единственное частное учрежденіе, дѣлающее кое-что въ данномъ направленіи—Петербургскій комитетъ грамотности; но до сихъ поръ онъ работалъ лишь для пополненія *школьныхъ* библіотекъ (да отчасти спеціальныхъ, напримѣръ, больничныхъ); что-же касается *народныхъ* библіотекъ,—библіотекъ, разсчитанныхъ на взрослыхъ читателей изъ народа, то комитетомъ не создано ни одной подобной библіотеки. Дѣятельность другихъ частныхъ учрежденій, равно какъ и отдѣльныхъ лицъ, въ данномъ направленіи также до послѣдняго времени выражалась исключительно въ устройствѣ или пополненіи библіотекъ при народныхъ школахъ, стало быть, библіотекъ ученическихъ, дѣтскихъ. И только въ послѣдніе годы начинаютъ дѣлаться попытки созданія частною инициативою библіотекъ

для взрослыхъ простолюдиновъ. Но число этихъ попытокъ до того ничтожно, что мы не только можемъ пересчитать ихъ, но и подробно описать каждую изъ нихъ, отнюдь не опасаясь утомить вниманіе читателя. Мы такъ и поступимъ здѣсь въ виду совершенной новизны у насъ даннаго дѣла и въ надеждѣ, что свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ на данномъ пути вызовутъ желаніе у людей, доселѣ остававшихся неознакомленными съ даннымъ дѣломъ, желаніе послѣдовать примѣру піонеровъ этого дѣла.

Первый примѣръ устройства народной библіотеки по частной иниціативѣ подала далекая Сибирь. Во второй главѣ нашей работы («Русская Школа», 1890 г., № 8) намъ уже приходилось говорить о выходящей изъ ряда дѣятельности «Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ». Вотъ это-то общество и открыло 30 сентября 1884 года первую народную библіотеку въ Россіи. Библіотека была открыта при всеобщемъ сочувствіи администраціи, духовенства, мѣстной интеллигенціи, массы населенія. Немедленно-же по полученіи разрѣшенія на открытіе библіотеки, въ нее со всѣхъ сторонъ стали поступать пожертвованія книгами и деньгами. Черезъ годъ въ библіотекѣ было уже до 1.000 названій книгъ, а черезъ три года по каталогу библіотеки значилось уже 2.381 названіе, не считая дубликатовъ. Особенно крупныя пожертвеванія въ пользу библіотеки были сдѣланы И. М. Сибиряковымъ и С. С. Валгусовымъ. Первый прислалъ въ библіотеку на нѣсколько сотъ рублей книгъ и пожертвовалъ 4.000 руб. на постройку зданія для библіотеки, а второй, малограмотный томскій купецъ, пожертвовалъ спеціально для библіотеки выстроенный домъ, стоимостью въ 15.000 рублей. Рядомъ съ этими крупными пожертвованіями въ пользу библіотеки поступало безчисленное множество мелкихъ пожертвованій отъ представителей той самой сѣрой народной массы, для которой устраивалась библіотека. Тутъ ужъ жертвовали, кто что могъ. Артель рабочихъ по грошамъ собирала нѣсколько рублей и отдавала ихъ въ кассу библіотеки; грамотѣй приносилъ свои растрепанныя книги; столяръ безплатно дѣлалъ мебель для библіотеки; лавочники жертвовали дверныя петли, гвозди, картины и т. д.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, что открытіе народной библіотеки въ Томскѣ соотвѣтствовало вполнѣ назрѣвшей потребности. Но это станетъ еще очевиднѣе, когда мы ознакомимся съ числами читателей, пользовавшихся книгами изъ библіотеки: черезъ годъ послѣ своего основанія библіотека имѣла 440 подписчиковъ, а черезъ три года—уже до 800. Надо имѣть въ виду, что Томскъ—городъ не-

большой, имѣетъ всего 38.000 жителей. Наши городскія библіотеки, существующія въ губернскихъ городахъ съ такимъ-же населеніемъ и предназначенныя для интеллигентнаго общества, имѣютъ обыкновенно въ 3—4 раза менѣе подписчиковъ, нежели томская народная библіотека, въ числѣ подписчиковъ которой болѣе 3/5 обучились грамотѣ дома, или побывали только въ начальной школѣ и лишь нѣсколько десятковъ получили образованіе выше того, которое дается уѣзднымъ училищемъ.

Книги изъ библіотеки выдаются даромъ; точно также пользованіе книгами, газетами и журналами въ читальнѣ—безплатное. Книги выдаются безъ залога, который замѣняется поручительствомъ, организованнымъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ. Библіотека выдаетъ въ неограниченномъ количествѣ перенумерованные бланки ручательствъ въ городскую, мѣщанскую и ремесленную управы, которыя уже подъ своею отвѣтственностью выдаютъ ихъ мѣстнымъ жителямъ. Послѣдніе, получивъ эти бланки, или сами пользуются книгами изъ библіотеки, или, подписавъ ихъ, выдаютъ своимъ знакомымъ. Такимъ путемъ контингентъ поручителей дѣлается очень значительнымъ, и желающій пользоваться книгами изъ библіотеки всегда имѣетъ возможность достать отъ кого-либо изъ своихъ знакомыхъ ручательный листокъ. Такой порядокъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ и достаточнымъ для охраненія библіотеки отъ потери книгъ, что объясняется, конечно, прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что простонародный читатель относится къ общественному достоянію, представляемому книгами библіотеки, несравненно добросовѣстнѣе, нежели читатель интеллигентный. Въ самомъ дѣлѣ, когда черезъ $3^1/_2$ года существованія томской народной библіотеки была произведена повѣрка ея имущества, оказались затерянными всего 60 книгъ на сумму не болѣе 40 рублей, т.-е. ежегодная потеря опредѣлилась всего въ какіе-нибудь 10 руб. Въ нашихъ обыкновенныхъ библіотекахъ—общественныхъ и частныхъ, не смотря на существованіе залоговъ, потери всегда бываютъ во много разъ болѣе.

Любопытны данныя, представляемыя отчетами библіотеки по вопросу о томъ, что преимущественно склоненъ читать народъ. Въ этомъ отношеніи томскій опытъ особенно любопытенъ. Библіотека, при значительномъ числѣ книгъ, представляла широкій просторъ для выбора матеріала для чтенія. Громадное число подписчиковъ лишало лицъ, завѣдующихъ выдачею книгъ, возможности руководить выборомъ книгъ. Такимъ образомъ, простонародный подписчикъ томской библіотеки имѣлъ полную возможность, безъ всякаго стѣсненія и внѣшнихъ ука-

заній, обнаружить вполнѣ степень своей способности дѣлать болѣе или менѣе разумный выборъ книгъ. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи простонародный читатель выдержалъ испытаніе съ честью. Наибольшій спросъ предъявлялся на книги изъ отдѣла *сказокъ*, *очерковъ и мелкихъ разсказовъ*, *изъ путешествій и проч.*, что вполнѣ понятно въ виду присутствія среди подписчиковъ значительнаго числа дѣтей, обладающихъ наибольшимъ досугомъ для чтенія. Далѣе слѣдовали книги изъ отдѣла *изящной словесности*, причемъ изъ русскихъ авторовъ требовались всего болѣе Гоголь, Тургеневъ, Пушкинъ, Левъ Толстой, Григоровичъ, Островскій, Лермонтовъ, Кольцовъ и Никитинъ, а изъ иностранныхъ Вальтеръ-Скоттъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Эберсъ, Твэнъ и Бичеръ-Стоу. Третье мѣсто занимали книги изъ отдѣла *духовно-нравственнаго*, причемъ всего больше требовались житія святыхъ и толкованія на евангеліе. Четвертое мѣсто принадлежало книгамъ историческаго отдѣла; здѣсь всего болѣе спрашивались біографіи и описанія войнъ (отечественной войны 12-го года, Кавказской, 1877—1878 гг.). Слѣдующее мѣсто было занято книгами по географіи, причемъ особенный интересъ возбуждали сочиненія, посвященныя Сибири. Послѣднее мѣсто занимали остальные отдѣлы каталога. Сравнивая эти данныя съ тѣми, которыя представляютъ отчеты нашихъ городскихъ библіотекъ, имѣющихъ по преимуществу просвѣщенннаго читателя, мы должны сказать, что простонародные читатели умѣютъ выбирать книги для чтенія не только не хуже образованныхъ подписчиковъ городскихъ библіотекъ, но въ иныхъ случаяхъ (напримѣръ, по отдѣлу изящной словесности) даже лучше послѣднихъ.

Подобно тому, какъ «Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ» вызвало своимъ примѣромъ основаніе подобныхъ обществъ въ рядѣ сибирскихъ городовъ (см. «Русскую Школу», 1890, № 8), такъ и томская народная библіотека вызвала въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ желаніе обзавестись подобнымъ-же учрежденіемъ. Пока, однако, это желаніе осуществлено лишь въ двухъ городахъ—Барнаулѣ и Омскѣ. Въ обоихъ городахъ библіотеки открыты мѣстными «обществами попеченія о начальномъ образованіи». Въ Барнаулѣ библіотека возникла еще въ октябрѣ 1885 г. подъ именемъ «народно-школьной», а въ Омскѣ—лишь въ сентябрѣ 1889 г. подъ именемъ «безплатной народной библіотеки-читальни». Обѣ библіотеки выдаютъ книги безплатно. Обѣ онѣ значительно уступаютъ томской какъ по количеству представляемаго ими матеріала для чтенія, такъ и по числу подписчиковъ; тѣмъ не менѣе, обѣ эти библіотеки успѣшно дѣлаютъ свое скромное доброе дѣло.

Честь устройства первой народной библіотеки по частной иниціативѣ въ предѣлахъ Европейской Россіи принадлежитъ Одессѣ, гдѣ такая библіотека возникла въ 1885 г. по иниціативѣ коммиссіи народныхъ чтеній, состоящей при «Одесскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ св. Кирилла и Меѳодія». Библіотека была основана съ самыми ничтожными средствами. Къ стыду мѣстной интеллигенціи, народная библіотека въ Одессѣ далеко не вызвала того сочувствія и тѣхъ пожертвованій, какъ въ Томскѣ, не смотря на то, что Одесса, по своей величинѣ, богатству и просвѣщенности, ни въ какое сравненіе не можетъ идти съ захолустнымъ Томскомъ. Черезъ пять лѣтъ по основаніи библіотеки, авторъ отчета о дѣятельности одесской коммиссіи народныхъ чтеній въ 1890 г. («Одесскій Вѣстникъ», 1891 г., № 1) вынужденъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ жаловаться на равнодушіе общества: «Коммиссія народныхъ чтеній не имѣетъ достаточныхъ средствъ для желательнаго пополненія библіотеки. Обращеніе чрезъ газеты и чрезъ годичный печатный отчетъ къ лицамъ, сочувствующимъ столь полезному дѣлу, какъ даровая библіотека для народа, съ просьбой о пожертвованіи книгами и журналами, не привело ни къ какимъ результатамъ; а между тѣмъ подобная помощь оказала-бы громаднѣйшую услугу тѣмъ грамотнымъ людямъ, которымъ матеріальное положеніе не позволяетъ ни купить книги, ни платить за абонементъ въ частной библіотекѣ. Въ каждой семьѣ, гдѣ есть дѣти, имѣются книги, уже прочтенныя дѣтьми и потерявшія свою цѣнность, а между тѣмъ, какая масса дѣтей бѣдныхъ родителей сказала-бы великое спасибо тѣмъ лицамъ, которыя прислали-бы ненужныя уже для ихъ дѣтей книги въ безплатную библіотеку, изъ которой и берутъ книги эти дѣти». Тѣмъ не менѣе, къ 1 января 1891 г. библіотека одесской коммиссіи народныхъ чтеній имѣла болѣе 2.000 названій. Къ сожалѣнію, она состоитъ преимущественно изъ дешевыхъ изданій, пригодныхъ для чтенія не столько взрослымъ, сколько дѣтямъ. Соотвѣтственно этому, и среди абонентовъ библіотеки $^{4}/_{5}$ составляютъ учащіеся въ начальныхъ школахъ и только $^{1}/_{5}$ взрослые грамотѣи. Отъ этого почтенное значеніе предпріятія одесской коммиссіи народныхъ чтеній, конечно, не уменьшается. Дѣятельность библіотеки съ каждымъ годомъ расширяется. Уже въ 1888 г. библіотека имѣла 323 абонента, а въ 1890 г.—380. Число взятыхъ книгъ растетъ слѣдующимъ образомъ: въ 1885 г.—300 названій, въ 1886 г.—2.694, въ 1887—6.503, въ 1888—7.330 и въ 1890 г.—около 9.000. Въ 1888 г. взятыя книги распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: по словесности 6.590, по русской исторіи—204, по геогра-

фіи—256, естественной исторіи и міровѣдѣнію—117 и священной исторіи—163. Книги выдаются безплатно, причемъ съ абонентовъ требуется или залогъ по стоимости получаемой книги, или поручительство лица или учрежденія, извѣстныхъ коммиссіи народныхъ чтеній.

По примѣру одесской коммиссіи народныхъ чтеній, открыла безплатную народную библіотеку и коммиссія народныхъ чтеній въ Астрахани. Библіотека открыта въ январѣ 1889 года. Къ 1 марта этого года библіотека имѣла 147 названій въ 381 книгахъ, стоимостью всего на $79^1/_2$ рублей. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ свѣдѣнія о дѣятельности этой библіотеки лишь за первые полгода ея существованія. Книги выдавались лишь по праздникамъ — въ дни произнесенія народныхъ чтеній, причемъ выдача начинала производиться за $^1/_2$ часа до начала чтеній и прекращалась чрезъ $^1/_2$ часа по окончаніи чтеній. При такой бѣдности содержанія и такомъ ограниченномъ времени выдачи книгъ, библіотека не могла разсчитывать на большой успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, уже за первое полугодіе своего существованія библіотека имѣла 59 подписчиковъ, изъ которыхъ 32 малолѣтнихъ и 27 взрослыхъ. Книги выдаются безплатно, но подъ залогъ—по стоимости книги.

Несравненно успѣшнѣе ведетъ свои дѣла «Дешевая библіотека» въ Харьковѣ, представляющая отдѣленіе харьковской общественной библіотеки. Но прежде, чѣмъ говорить о «Дешевой библіотекѣ», мы остановимся на самой харьковской общественной библіотекѣ, которая, какъ созданіе частной инціативы, должна занять мѣсто въ нашей работѣ.

Общественныя библіотеки, существующія въ нашихъ городахъ, обыкновенно принадлежатъ городскимъ управленіямъ, на счетъ которыхъ онѣ и содержатся. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ сѣверовосточныхъ губерній эту роль городскихъ управленій взяли на себя земства. Харьковская-же общественная библіотека не принадлежитъ ни городу, ни земству. Она создана частною иниціативою выдающихся людей харьковскаго общества и принадлежитъ обществу членовъ харьковской библіотеки. Членами-же библіотеки являются всѣ годовые подписчики. Такимъ образомъ библіотека принадлежитъ тѣмъ, для кого она существуетъ и кто пользуется ею. Дѣлами библіотеки завѣдуютъ собранія членовъ и правленіе библіотеки, избираемое въ собраніи членовъ. Библіотека имѣетъ право для своихъ надобностей пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, дѣлать займы, арендовать помѣщенія и т. д. Средства библіотеки составляются изъ платы за чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ на дому, изъ пожертвованій, изъ сборовъ съ

публичныхъ чтеній, концертовъ и т. п., даваемыхъ въ пользу библіотеки. Плата за чтеніе на дому одной книги 3 руб. въ годъ, 2-хъ—4½ р., 3-хъ—6 р., 4-хъ—7½ р. и 5-ти—9 р. Чтеніе книгъ, газетъ и журналовъ въ читальнѣ при библіотекѣ безплатное. Отмѣтимъ еще, что всѣ учащіе въ начальныхъ училищахъ г. Харькова считаются безплатно годовыми подписчиками библіотеки.

На такихъ началахъ библіотека была открыта 26 сентября 1886 года. Уже къ этому времени библіотека получила множество книжныхъ пожертвованій, такъ что при открытіи въ ней числилось до 1.700 книгъ. Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по открытіи библіотеки поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ и учрежденій около 2.000 книгъ и брошюръ. Всего-же за первый годъ существованія библіотеки поступило въ даръ 5.552 книги и брошюры. Кромѣ того, въ теченіе этого года библіотека пріобрѣла покупкою около 3.000 книгъ. Такимъ образомъ, уже въ концѣ перваго года своего существованія библіотека располагала цѣннымъ имуществомъ въ 9.994 книги и брошюры. Въ послѣдующіе годы книжное богатство библіотеки продолжало возрастать. Къ 26 сентября 1880 г., т.-е. черезъ четыре года существованія библіотеки, она имѣла въ своемъ каталогѣ уже болѣе двадцати тысячъ названій, причемъ въ одномъ послѣднемъ году прибавилось 7.495 томовъ.

Матеріальное положеніе библіотеки также съ самаго начала ея существованія было блестяще. Еще до открытія библіотеки въ ея пользу поступило пожертвованій 1.474 р. Въ первый годъ существованія библіотека имѣла 4.376 рублей дохода, который составился изъ 909 р. пожертвованій, 2.157 рублей платы за чтеніе, 86 р. выручки за каталоги, 222 р. сбора съ музыкально-танцовальнаго вечера и 1.000 р. пособія отъ города. Слѣдующій, второй годъ существованія библіотеки далъ ей доходу уже 7.239 р. Въ эту цыфру вошли 1.902 р. пожертвованій, 3.300 р. платы за чтеніе, 1.000 р. пособія отъ города, 795 р. отъ трехъ концертовъ и одного спектакля. Словомъ, съ каждымъ годомъ библіотека становится все болѣе и болѣе на прочную ногу, особенно если принять во вниманіе, что важнѣйшій доходъ библіотеки,—единственный, на который она можетъ расчитывать и который долженъ когда-нибудь одинъ покрывать всѣ ея расходы,—доходъ отъ абонентовъ, быстро растетъ, благодаря быстрому увеличенію числа подписчиковъ.

Въ первый мѣсяцъ существованія библіотеки, она имѣла всего 220 подписчиковъ. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія содержанія библіотеки, увеличивалось и число ея подписчиковъ. Такъ, во второй мѣсяцъ

существованія библіотека имѣла уже 299 подписчиковъ, а къ концу втораго года, т.-е. къ 26 сентября 1887 г., число подписчиковъ достигло 650. Черезъ четыре года по открытіи библіотеки (къ 26 сент. 1890 г.) она имѣла уже 1.327 подписчиковъ. Эта цыфра, однако, еще не даетъ понятіи о значеніи библіотеки для Харькова, такъ какъ, кромѣ подписчиковъ, библіотекою пользуется еще множество лицъ, читающихъ книги, журналы и газеты безплатно въ читальнѣ библіотеки. Читальню, состоящую изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ одна предназначена для научныхъ занятій, посѣщаетъ ежегодно отъ 70 до 80 тысячъ человѣкъ.

Въ настоящее время харьковская общественная библіотека представляетъ на столько крупное учрежденіе, что для завѣдыванія ея дѣлами избираются 18 членовъ правленія. Среди этихъ членовъ, несущихъ свои нелегкія обязанности безплатно, мы встрѣчаемъ профессоровъ, учителей, юристовъ, врачей и т. п. лицъ, принадлежащихъ къ лучшей части мѣстной интеллигенціи.

Примѣръ харьковской общественной библіотеки указываетъ тотъ путь, идя которымъ можетъ обзавестись общественной библіотекой интеллигенція всѣхъ тѣхъ нашихъ городовъ, гдѣ доселѣ нѣтъ городской или земской библіотеки. Какъ показываетъ данный примѣръ, для созданія такого общеполезнаго учрежденія, какъ общественная библіотека, нужны только искреннее желаніе, энергія и настойчивость.

Но харьковская общественная библіотека можетъ служить примѣромъ и въ другомъ отношеніи—и было-бы желательно, чтобы въ этомъ отношеніи по ея слѣдамъ пошли всѣ наши общественныя библіотеки. Мы разумѣемъ устройство при харьковской общественной библіотекѣ особаго отдѣленія, предназначеннаго для простонароднаго читателя и носящаго названія «Дешевой библіотеки». Хотя абонементъ въ харьковской общественной библіотекѣ очень недорогъ (3 р. въ годъ и 30 к. въ мѣсяцъ за одну книгу, а при подпискѣ въ складчину по билету на пять книгъ, абонементъ одной книги обходится въ 1 р. 80 к. въ годъ и 22 к. въ мѣсяцъ), тѣмъ не менѣе, массѣ населенія онъ, очевидно, не по карману. И вотъ явилась мысль создать при библіотекѣ особое отдѣленіе, состоящее по преимуществу изъ книгъ, доступныхъ пониманію простонароднаго читателя, и выдающее книги за самую ничтожную плату. 11 марта 1890 года эта «Дешевая библіотека» и была открыта и сразу-же имѣла значительный успѣхъ. Сначала «Дешевая библіотека» выдавала книги только по праздникамъ, но затѣмъ возрастаніе числа ея подписчиковъ побудило установить выдачу книгъ четыре дня въ недѣлю. Подписная плата со-

ставляетъ всего пять копѣекъ въ мѣсяцъ, причемъ подписчикъ имѣетъ право брать одну или двѣ книги; въ первомъ случаѣ подписчикъ оставляетъ 20, а во второмъ 30 коп. залогу. Конечно, залогъ этотъ далеко не соотвѣтствуетъ стоимости книгъ, которыя иногда стоютъ въ десять и болѣе разъ дороже залога; тѣмъ не менѣе, подписчики «Дешевой библіотеки» относятся къ библіотечнымъ книгамъ крайне бережливо и добросовѣстно, и за первые 6¹/₂ мѣсяцевъ существованія библіотеки затеряно было книгъ всего только на сумму 10 р. 45 к. Библіотека при открытіи имѣла всего 352 книги. Черезъ мѣсяцъ она имѣла уже болѣе 1.000 книгъ, а еще черезъ два мѣсяца число это удвоилось, преимущественно путемъ пожертвованій. Въ первый-же мѣсяцъ библіотека имѣла 103 подписчика, а черезъ три мѣсяца своего существованія уже около 300. Въ теченіе 6¹/₂ мѣсяцевъ, т.-е. по 26 сентября 1890 г., «Дешевая библіотека» привлекла 568 абонентовъ. Большинство подписчиковъ библіотеки по своему происхожденію, роду занятій и образованію принадлежитъ именно къ сѣрой народной массѣ. Это почти исключительно крестьяне и мѣщане. По занятіямъ всего больше ремесленниковъ и рабочихъ разныхъ промышленныхъ заведеній. По образованію большинство принадлежитъ къ числу обучившихся грамотѣ дома или побывавшихъ только въ начальной школѣ.

Подобныя «Дешевыя библіотеки» могутъ легко быть устроены, въ видѣ особыхъ отдѣленій, при всѣхъ нашихъ общественныхъ библіотекахъ, содержимыхъ городами или земствами. Книги, которыя войдутъ въ каталогъ такихъ дешевыхъ отдѣленій, принадлежатъ преимущественно къ числу весьма дешевыхъ, такъ что затраты для открытія дешеваго отдѣленія потребуются крайне ничтожныя; къ тому-же, какъ показываетъ примѣръ харьковской «Дешевой библіотеки», подобное учрежденіе будетъ встрѣчено сочувственно обществомъ и привлечетъ пожертвованія. Было-бы желательно, чтобы лица, стоящія во главѣ нашихъ общественныхъ библіотекъ, обратили вниманіе на это средство расширенія дѣятельности завѣдываемыхъ ими учрежденій и привлеченія къ пользованію книжными богатствами общественныхъ библіотекъ и тѣ классы городскаго населенія, которые теперь лишены этой возможности. На сколько намъ извѣстно, на идею о дешевыхъ отдѣленіяхъ общественныхъ библіотекъ до сихъ поръ, кромѣ Харькова, обращено вниманіе только въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, гдѣ предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ открытіе подобнаго отдѣленія при мѣстной городской библіотекѣ. **Я. Абрамовъ.**

(Окончаніе будетъ).

Спеціальныя практическія задачи русской народной школы.

Наша сельская народная русская школа — создалась и окрѣпла, возвысилась до уровня элементарныхъ педагогическихъ требованій только лишь за двадцатипятилѣтній періодъ существованія русскаго земства. Народная школа, болѣе или менѣе матеріально обезпеченная, школа съ образованнымъ, педагогически-подготовленнымъ учителемъ— это лучшее созданіе русскаго земства, лучшій памятникъ его дѣятельности, къ которому никогда не заростетъ народная тропа. Если подвести итоги земской и правительственной дѣятельности по народному образованію, то въ общемъ едва-ли не всѣ эти итоги будутъ выражены въ слѣдующихъ результатахъ этой дѣятельности: матеріальное обезпеченіе школы со стороны помѣщенія и школьныхъ принадлежностей всѣхъ видовъ, привлеченія въ школу образованнаго и педагогически подготовленнаго учителя и постоянный, болѣе или менѣе компетентный контроль за направленіемъ и успѣхами школы. Всѣ эти результаты, собственно говоря, вытекаютъ изъ одного и того-же источника, всѣ они представляютъ лишь первичныя, общія основныя условія не народной только, а всякой общественной школы — бо̀льшая половина великаго дѣла, но все-же только половина. Характеръ жизни каждаго организма опредѣляется не только существенными особенностями его природы, но и особенностями той внѣшней среды, въ которой организмъ этотъ живетъ—развивается. Школа—это тоже живой организмъ: школа также не можетъ игнорировать условія той общественной среды, въ которой и для которой она существуетъ. Русская народная школа должна быть не только благоустроенной общественной школой,—она должна быть, кромѣ того, школой народной, т.-е., иначе сказать, она должна отвѣчать духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ современной народной, крестьянской жизни. Удовлетвореніе этихъ-то спеціальныхъ потребностей народной школы и представляетъ собой великую благодарную задачу ближайшаго будущаго,—для общественныхъ дѣятелей

на поприщѣ народнаго образованія задача эта представляетъ богатое, но непочатое дѣвственное поле, на которомъ въ настоящую минуту здѣсь и тамъ можно видѣть первыя, ясно обозначившіяся борозды, но нигдѣ не видно взлелѣянной, зрѣющей нивы. Въ чемъ-же заключаются эти спеціальныя потребности народной школы, вытекающія изъ самаго строя русской народной жизни? Вотъ вопросъ, теоретическое и практическое разрѣшеніе котораго можетъ гарантировать народному образованію широкое и глубокое развитіе, можетъ сдѣлать благоустроенную народную школу первой, неотъемлемой принадлежностью каждаго крестьянскаго общества. Въ настоящемъ моемъ сообщеніи я имѣю въ виду указать лишь тѣ спеціальныя нужды народной школы, удовлетвореніе которыхъ требуетъ матеріальнаго участія земства.

I.

Суровая жизнь предъявляетъ и суровыя требованія къ нашему крестьянину: на каждомъ шагу онъ платится за свое незнаніе общественнаго гражданскаго строя нашей жизни, на каждомъ шагу платится онъ за свою нравственную неразвитость, за свою косность и невѣжество. Смутно сознаетъ это самъ народъ, и съ надеждой устремляетъ свои взоры на свою школу: крестьяне охотно посылаютъ въ школу своихъ дѣтей; слѣдовательно, они сознаютъ ту благотворную культурную роль, которую призвана исполнять наша народная школа. Но необходимость религіозно-нравственнаго, умственнаго и гражданскаго развитія сознается нашимъ народомъ далеко не въ такой степени, въ какой сознается имъ необходимость экономическаго благосостоянія—вотъ тотъ постоянный запросъ, который предъявляется нашему крестьянину самой жизнью изо дня въ день, изъ года въ годъ, и онъ понимаетъ этотъ запросъ, онъ повинуется ему болѣе, чѣмъ всякому другому: повинуясь этому запросу, онъ трудится; но трудится малопроизводительно—онъ отдаетъ для труда свои физическія силы; но какія силы? слѣпыя, неорганизованныя, не руководимыя ни знаніемъ, ни искусствомъ. Но вѣдь трудъ народный—это единственный источникъ народнаго богатства; какъ-же не придти на помощь этому больному мѣсту нашей русской народной жизни? Экономическая жизнь русскаго крестьянина застыла на первобытныхъ пріемахъ и видахъ труда; широкій потокъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній проходитъ мимо крестьянской избы, обходитъ крестьянскую малодоходную десятину. Говорятъ, что русскій крестьянинъ обрабатываетъ свою землю теперь точно такъ-же, какъ онъ обрабатывалъ ее и во времена

Гостомысла; быть можетъ, здѣсь есть и преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ первобытныя земледѣльческія орудія можно видѣть у насъ на любомъ крестьянскомъ полѣ. Если при настоящемъ низкомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія народа, при этомъ, столь неблагопріятномъ условіи для развитія народнаго образованія, мы тѣмъ не менѣе стремимся поднять уровень послѣдняго, то почему-же, хотя-бы во имя той-же самой цѣли, мы не заботимся о томъ, чтобы внести жизнь, движеніе, научные пріемы въ сферу народнаго хозяйства, на сколько усовершенствованіе послѣдняго зависитъ отъ успѣховъ школьнаго дѣла? Эта послѣдняя цѣль и сама по себѣ представляетъ предметъ государственной важности и въ то-же время служитъ неизбѣжнымъ условіемъ для полнаго и широкаго развитія дѣла народнаго образованія! Мы думаемъ сдѣлать школу источникомъ духовнаго просвѣщенія народа; но, чтобы исполнять эту высокую роль въ полной мѣрѣ, школа должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ тѣхъ практическихъ знаній, которыхъ требуетъ народная крестьянская жизнь. Начальная школа даетъ своимъ питомцамъ грамотность и начальное воспитаніе; но заставьте крестьянина повѣрить, что эта-же школа можетъ обогатить его бѣдный домъ, что она дастъ ему подготовленнаго умѣлаго работника, и тогда школьное дѣло будетъ навсегда обезпечено: школа сдѣлается первой потребностью каждаго крестьянскаго общества. Какія-же практическія знанія болѣе всего необходимы для нашего крестьянскаго общества и можетъ-ли наша сельская школа взять на себя распространеніе этихъ знаній?

1) Земля—первый и почти единственный источникъ крестьянскаго богатства, но этотъ источникъ неумѣлымъ рукамъ даетъ однѣ крохи. Нужно очистить этотъ источникъ, нужно научиться имъ пользоваться. Я не буду говорить здѣсь о томъ, о чемъ такъ много говорили—и нужно сказать только *говорили*—о низшихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ, о надѣленіи школъ участками пахатной земли: все это трудно осуществимо, хотя-бы только потому, что все это требуетъ значительной затраты матеріальныхъ средствъ. У насъ и теперь нѣкоторыя училища надѣлены порядочными участками земли для огорода или сада; отчего-же нашу школу не вывести сюда, на вольный воздухъ, отчего школу начальнаго обученія въ ту пору года, когда она не можетъ быть таковой, не превратить въ школу садоводства и огородничества? Условія для осуществленія этого полезнаго дѣла или есть на лицо, или будутъ, если объ этомъ серьезно позаботиться. Есть учитель, который съ любовью займется этимъ полезнымъ и выгоднымъ дѣломъ въ тѣ лѣтніе мѣсяцы, въ которые онъ теперь страдаетъ отъ скуки и бездѣлья;

найдутся ученики, которые съ охотой будутъ посѣщать школьный питомникъ и огородъ. Найдутся и крестьяне, которые придутъ сюда поучиться; которые пересадятъ отсюда въ свои огороды плодовыя или огородныя растенія, возьмутъ отсюда плодовыя или лѣсныя растенія, чтобы обсадить ими свою избу — эту вѣчную жертву никогда неугасающаго русскаго пожара. Неужели не найдутся тѣ скромныя средства, которыя необходимы для осуществленія этого хорошаго дѣла? Вѣдь средства эти нужны только затѣмъ, чтобы положить начало этому живому дѣлу,—а потомъ оно окрѣпнетъ и будетъ развиваться само собою, безъ большихъ затратъ. Что можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи энергическая иниціатива—это можно видѣть на примѣрѣ народныхъ школъ Верейскаго уѣзда. Лѣтъ пять тому назадъ, по почину верейскаго предводителя дворянства, В. К. Шлиппе, три или четыре школы надѣлены были небольшими участками для школьныхъ огородовъ и питомниковъ. Прошло пять лѣтъ, и всѣ 32 школы Верейскаго уѣзда имѣютъ теперь питомники и огороды, владѣютъ въ общей сложности 11 десятинами земли; въ теченіе этихъ пяти лѣтъ трудами учителей и учениковъ выращено до 30 тысячъ древесныхъ растеній разныхъ наименованій, изъ нихъ 16.923 плодовыхъ и ягодныхъ и 10.777 лѣсныхъ, среднимъ числомъ по 900 растеній на каждую школу. Древесныя растенія разсаживаются для живой изгороди и частью для защиты школьнаго зданія отъ пожара, и вотъ какъ этотъ примѣръ школы повліялъ на мѣстныхъ крестьянъ: почти во всѣхъ деревняхъ Верейскаго уѣзда можно увидѣть теперь молодыя насажденія, идущія въ два ряда по обѣимъ сторонамъ улицы (см. 90 № «Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостей» за 1889 г.: «Какую пользу могутъ принести питомники и огороды при народныхъ школахъ?»); а вѣдь это стало только съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне научились въ школьныхъ питомникахъ садить и воспитывать древесныя растенія. Спросъ на яблони, воспитанныя въ школьныхъ питомникахъ, такъ великъ, что онѣ быстро распродаются крестьянамъ; остаются въ питомникахъ только худшія, болѣе слабыя растенія. Ученикамъ безплатно роздано 813 яблонь и 925 ягодныхъ кустовъ, продано 490 яблонь. Въ школьныхъ огородахъ разводятся лучшіе сорты огородныхъ овощей (картофель, капуста и т. п.), при чемъ сѣмена для нѣкоторыхъ овощей куплены въ Москвѣ на средства уѣзднаго земства, по одному фунту каждаго сорта, и въ небольшомъ количествѣ разосланы для каждой школы. Крестьяне поняли, что школьные питомники и огороды существуютъ для ихъ-же пользы. Прежде имъ жаль было дать учителю небольшой клочекъ земли, теперь-же нѣкоторыя селенія готовы отвести для школы

и цѣлую десятину только съ условіемъ, чтобы дѣти ихъ побольше получали растеній. Прежде крестьяне во многихъ селеніяхъ не хотѣли даже дать кольевъ или прутьевъ учителю для изгороди, а теперь охотно устраиваютъ на свой счетъ довольно дорогія и прочныя изгороди. Вначалѣ подсмѣивались они надъ трудами учителей и даже запрещали своимъ дѣтямъ «работать на учителя», какъ онѣ иногда выражались; теперь-же многіе съ уваженіемъ смотрятъ на учителя-садовника и съ удовольствіемъ готовы помочь ему въ работѣ, хотя-бы съ тѣмъ, чтобы получить отъ него какія-нибудь растенія или хоть разумный совѣтъ. Въ чемъ-же выражается прямой результатъ занятій въ школьныхъ питомникахъ и городахъ для самихъ учащихся? Посѣщая занятія въ школьныхъ питомникахъ и огородахъ, они привыкаютъ къ дѣлу настолько, что «въ состояніи безъ посторонней помощи устроить у себя дома небольшой садикъ и огородъ и сохранить его въ должномъ порядкѣ и чистотѣ». Результатъ громадный и состоитъ онъ прежде всего въ томъ, что крестьянскій мальчикъ на своемъ опытѣ убѣждается, что земля-кормилица даетъ земледѣльцу не только то, что даютъ однѣ стихійныя силы природы, но прежде всего то, что̀ посѣяно въ ней человѣческимъ просвѣщеннымъ трудомъ, знаніемъ и искусствомъ.

2) Но наша русская земля на цѣлые полгода покрывается глубокимъ снѣжнымъ покровомъ, и крестьянину въ эту долгую зиму по необходимости нужно, помимо земли, искать другаго предмета обработки, другаго источника заработка; вмѣсто этого, нашъ крестьянинъ погружается въ долгую спячку, не умѣя и не зная, къ чему приложить свои руки. И здѣсь школа можетъ придти на помощь: она можетъ распространить въ подростающемъ крестьянскомъ обществѣ элементы ремесленныхъ знаній и навыковъ, хотя уже исполнить эту послѣднюю задачу гораздо труднѣе, чѣмъ первую: здѣсь приходится обучать и грамотности, и ремесламъ въ одно и то-же время. Затрудненіе это, впрочемъ, въ значительной степени устраняется слѣдующимъ распредѣленіемъ занятій: ученики учатся въ школѣ, а бывшіе ученики, кончившіе курсъ, учатся ремесламъ; или, если это будетъ возможно, обученіе грамотѣ можетъ происходить по утрамъ, а обученіе ремесламъ по вечерамъ *). Ремесленныя занятія въ нашей сельской

---

*) По мнѣнію редакціи, такое совмѣщеніе учебныхъ и ремесленныхъ занятій нежелательно: опытъ доказываетъ, что, при правильной, нормальной постановкѣ школы, профессіональное образованіе идетъ вполнѣ успѣшно только тамъ, гдѣ ему предшествуетъ общее начальное образованіе. Обученіе-же ремесламъ учениковъ, кончившихъ уже курсъ начальной школы, и по мнѣнію редакціи, весьма желательно. *Ред.*

школѣ, по моему мнѣнію, могутъ и должны быть организованы только такимъ образомъ, чтобы пріучать учащихся къ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ видамъ ремесленнаго труда. Идея-же такъ-называемаго ручнаго труда (слойда), который имѣетъ въ виду только образовательно-педагогическія цѣли, въ настоящее время неприложима въ нашихъ народнымъ училищахъ уже по одному тому, что у насъ нѣтъ сколько-нибудь подготовленныхъ учителей ручнаго труда; кромѣ того, занятія ручнымъ трудомъ едва-ли встрѣтятъ и сочувствіе въ народѣ, который на физическій трудъ смотритъ не съ педагогической, а исключительно лишь съ экономической точки зрѣнія. Какіе-же виды ремесленныхъ занятій можно и желательно ввести въ наши сельскія училища? Ремесленные классы у насъ (въ Россіи) введены во многихъ министерскихъ двухъ и одноклассныхъ сельскихъ училищахъ: большею частью это—классы столярнаго, башмачно-сапожнаго, иногда слесарно-кузнечнаго ремеслъ. Легче всего ввести классы сапожнаго и башмачнаго ремесла, потому что введеніе этого ремесла въ училище не требуетъ особаго помѣщенія и большой затраты на покупку инструментовъ. При одномъ изъ министерскихъ училищъ (Уватуклинскомъ, Малмыжскаго уѣзда) существуетъ слѣдующая постановка такого ремесленнаго класса. Классъ содержится на средства министерства въ размѣрѣ 180 руб. въ годъ: занятія происходятъ по вечерамъ подъ руководствомъ особаго, нанятаго по контракту, мастера, который за свой трудъ получаетъ 140 руб. въ годъ. Обувь, сработанная подъ руководствомъ мастера учащимися, идетъ въ продажу; производство работъ отличается прочностью, аккуратностью и чистотой отдѣлки, доходящей до изящества, почему онѣ справедливо пользуются предпочтеніемъ предъ произведеніями частныхъ мастеровъ этихъ ремеслъ. (Свѣдѣнія о состояніи ремесленныхъ классовъ, существующихъ при начальныхъ школахъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ за 1886 г. Циркуляръ по Казанскому учебному округу 1887 г. 91 ст.). Въ Бековскомъ 2-хъ-классномъ министерскомъ училищѣ очень успѣшно ведутся классы слесарнаго и столярнаго ремеслъ. Въ глубинѣ школьнаго двора существуетъ особое помѣщеніе для ремесленныхъ классовъ, раздѣленное на два отдѣленія: въ одномъ преподается слесарное, въ другомъ столярное ремесло. Ремесламъ обучаютъ особые мастера, каждый за 90 руб. въ зиму. Занятія происходятъ по вечерамъ, отъ 7 до 9 часовъ вечера. Ученическія ремесленныя работы, преимущественно слесарныя, охотно раскупаются мѣстнымъ населеніемъ, главнымъ образомъ, на праздникѣ ежегодно устраиваемаго въ училищѣ торжественнаго акта. Оказывается такимъ образомъ, что дѣло обученія ремесламъ въ сельскихъ училищахъ—дѣло

не совсѣмъ новое; оказывается, что оно при болѣе или менѣе разумной постановкѣ даетъ превосходные результаты. Трудно опредѣлить, конечно, цыфру необходимыхъ для правильной постановки этого дѣла издержекъ, потому что цыфра эта слишкомъ сильно зависитъ отъ чисто мѣстныхъ случайныхъ условій; но во всякомъ случаѣ при ежегодной затратѣ на содержаніе каждаго ремесленнаго класса денежной суммы въ размѣрѣ 150—180 рублей, дѣло можетъ быть поставлено очень удовлетворительно.

3) Гораздо легче ввести практическія занятія въ школы, предназначенныя для дѣвочекъ, чѣмъ ремесленныя занятія въ школахъ для мальчиковъ; гораздо легче устроить рукодѣльные классы, легче потому, что введеніе ихъ не требуетъ большихъ денежныхъ затратъ, не требуетъ ни особаго помѣщенія, ни дорогихъ инструментовъ, ни отдѣльныхъ мастерицъ-учительницъ. А между тѣмъ практическое значеніе рукодѣльныхъ классовъ въ сельскомъ училищѣ крайне важно, и главное значеніе ихъ состоитъ не въ томъ только, что дѣвочки, посѣщая эти классы, усвоятъ извѣстные навыки въ необходимыхъ, женскихъ рукодѣльныхъ работахъ, а въ томъ, что рукодѣльные классы привлекутъ въ училище бо̀льшее количество учащихся дѣвочекъ. Въ сельскихъ училищахъ Петровскаго уѣзда изъ общаго числа учащихся дѣвочки составляютъ только 10,4%; очевидно, населеніе плохо сознаетъ, что начальное образованіе въ одинаковой степени важно какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, и для послѣднихъ, быть можетъ, даже важнѣе, чѣмъ для первыхъ. До тѣхъ поръ, пока въ крестьянской семьѣ сама мать не будетъ грамотна и способна цѣнить грамотность, до тѣхъ поръ, можно безъ преувеличенія сказать, дѣло народнаго образованія будетъ стоять на зыбкой почвѣ. Вотъ почему привлеченіе въ сельскія училища возможно бо̀льшаго числа учащихся дѣвочекъ является одной изъ важныхъ задачъ, которую должны преслѣдовать люди, вѣдающіе дѣло народнаго образованія. Однимъ изъ средствъ для достиженія этой цѣли служитъ хорошая постановка рукодѣльныхъ классовъ. Изъ моей практики мнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ: жена одного учителя стала обучать рукодѣлью учащихся въ школѣ дѣвочекъ, и дѣломъ этимъ скоро заинтересовались и неучащіяся въ школѣ, и между прочимъ также и взрослыя дѣвушки: онѣ также просили учительницу позволить имъ посѣщать рукодѣльные классы, а потомъ многія неграмотныя изъ нихъ, ближе познакомившись съ учительницей, неотступно просили поучить ихъ и грамотѣ, такъ что предстояла необходимость открыть при школѣ особые вечерніе уроки для обученія грамотѣ взрослыхъ дѣвушекъ, прежде не-

учившихся въ школѣ. Такъ интересное для всѣхъ дѣвочекъ и для ихъ матерей, понятное и завлекательное дѣло—рукодѣлье, привлекло въ школу дѣвочекъ, которыя прежде или сами не хотѣли идти въ нее, или не могли идти потому, что ихъ не пускали матери. Многія земства и училищные совѣты хорошо поняли это важное значеніе рукодѣльныхъ классовъ и поэтому стараются содѣйствовать ихъ развитію всѣми доступными средствами. Училищные совѣты занятія рукодѣльемъ дѣлаютъ для учительницъ обязательными; а земства жертвуютъ для этого дѣла необходимыя денежныя средства. Такъ, казанское уѣздное земство въ прошломъ 1888—1889 учебномъ году израсходовало на рукодѣльные классы 302 р. (на 39 училищъ и 17 земскихъ школъ грамотности); причемъ земская управа сдѣлала интересный опытъ введенія обученія дѣвочекъ пряденью на самопрялкахъ, для чего и разослала въ училища сначала только пять самопрялокъ. Опытъ удался какъ нельзя лучше: самопрялки потребовались во многихъ школахъ, такъ что управа разослала еще 21 штуку въ 18 школъ (заготовка 24 самопрялокъ обошлась въ 37 руб., почти по 1 руб. 50 коп. за штуку). При такой постановкѣ рукодѣльные классы въ школахъ Казанскаго уѣзда имѣютъ несомнѣнный успѣхъ; это можно было видѣть, напримѣръ, и на Казанской выставкѣ; на ремесленной (Казанской) выставкѣ въ 1886 г. нѣкоторыя школы Казанскаго уѣзда за свои ученическія работы получили похвальные отзывы. (Народное образованіе въ Казанскомъ уѣздѣ за 1888—1889 г. Отчетъ уѣздной земской управы XXV очередному уѣздному земскому собранію, стр. 35—36). Для успѣха народной школы дороже всего сочувствіе къ этой школѣ, довѣріе къ ней со стороны самаго народа; введеніе въ школу дополнительныхъ практическихъ занятій и знаній усилитъ это сочувствіе, укрѣпитъ это довѣріе.

II.

Есть еще другая особенность русской народной школы, которая также требуетъ особыхъ мѣропріятій для правильной организаціи дѣла народнаго образованія. Особенность эта заключается въ томъ, что русская народная школа, даже и при ея настоящей постановкѣ и задачахъ—выше той среды, для которой она существуетъ. Питомецъ народной школы уходитъ изъ нея грамотнымъ, но онъ уходитъ грамотнымъ малолѣткомъ въ среду безграмотнаго общества, уходитъ въ такую среду, гдѣ для дальнѣйшаго развитія полученнаго имъ начальнаго образованія нѣтъ благопріятной почвы. Подъ вліяніемъ невѣ-

жественной среды, вынесенные изъ школы задатки религіознаго и нравственнаго развитія слабѣютъ, если не искореняются совсѣмъ; любознательность, пробужденная въ питомцѣ народной школы, впослѣдствіи не находитъ себѣ удовлетворенія, а потомъ если не замретъ совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, сильно ослабѣетъ отъ недостатка духовной пищи, которой совсѣмъ не можетъ доставить крестьянскому грамотному мальчику окружающая его среда. Не вполнѣ безосновательно и опасеніе рецидивизма безграмотности, этого въ высокой степени печальнаго явленія, надъ которымъ невольно задумываются всѣ, кому дорого дѣло народнаго образованія. Недостаточно бросить въ почву хорошія зерна—нужно ухаживать за ними, нужно обезпечить имъ ростъ, дальнѣйшее развитіе. Какія-же существуютъ средства для достиженія этой задачи? Для того, чтобы обезпечить получаемому въ народной школѣ начальному образованію прочность и развитіе, указанія закона и школьной практики рекомендуютъ слѣдующія средства: 1) учрежденіе повторительныхъ (воскресныхъ дневныхъ или буднично-вечернихъ) классовъ; 2) библіотеки для взрослыхъ (народныя читальни) и книжные склады при школахъ для продажи книгъ.

1) 49 § инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ рекомендуетъ устраивать при училищахъ особые уроки для взрослыхъ поселянъ. Конечно, внутренняя организація повторительныхъ уроковъ для взрослыхъ и самое открытіе ихъ зависитъ отъ учебной администраціи (отъ инспектора и училищнаго совѣта), но самая иниціатива, а главное, болѣе или менѣе широкая постановка этого дѣла требуетъ матеріальнаго участія и отъ содержателей училищъ. Многія земства оцѣнили всю высокую важность этого дѣла и для развитія его жертвуютъ необходимыя средства. Въ Казанской губерніи, напримѣръ, повторительные уроки съ бывшими учениками народныхъ училищъ устраиваются на средства губернскаго земства. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ число посѣтителей такихъ классовъ въ 1888—1889 г. простиралось до 230, въ Казанскомъ до 100: очевидно, и тамъ это еще дѣло новое, не достигшее своего полнаго развитія. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 13 школахъ воскресные повторительные классы посѣщались 200 человѣками. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, въ 1886—1887 г. вечернія занятія велись въ 12 школахъ; посѣщающихъ было 548 человѣкъ; уѣздное земство ассигнуетъ до 1.000 руб. на вознагражденіе учителямъ за веденіе вечернихъ уроковъ (по 30—35 руб. каждому). Расходы по устройству повторительныхъ классовъ при училищахъ, особенно на первый разъ, слишкомъ незначительное вознагражденіе учителямъ, успѣшно ведущимъ эти классы, да незначительное увеличеніе

расхода на письменныя принадлежности—вотъ и весь расходъ, который на первый разъ едва-ли превыситъ сумму 100—150 рублей. А между тѣмъ, посѣщая эти столь дешево стоющіе повторительные уроки, питомцы народной школы могутъ пополнить свои прежнія, полученныя знанія и улучшить усвоенные ими навыки и такимъ образомъ сберечь начальное христіанское образованіе до того возраста, когда въ человѣкѣ просыпается самосознаніе, когда онъ не только уже не забываетъ прочно усвоенныхъ въ ранней молодости познаній и навыковъ, но уже и самъ бережетъ ихъ, какъ свое высшее и наиболѣе надежное духовное богатство. Правда, не всѣ учителя способны будутъ взять на себя обученіе крестьянскихъ подростковъ, бывшихъ учениковъ народной школы, не у всѣхъ, наконецъ, найдутся необходимыя для этого и время, силы и желаніе; но у нѣкоторыхъ несомнѣнно найдется и то, и другое, и третье... Не въ размѣрахъ дѣла его сущность, а въ хорошемъ, правильномъ началѣ.

2) То, что особенно будетъ привлекать крестьянскаго грамотнаго подростка въ школу на повторительный классъ, это—возможность получить тамъ хорошую книжку, потолковать о прочитанномъ съ учителемъ. Гдѣ есть при училищѣ порядочная библіотека для взрослыхъ, тамъ повторительные уроки пойдутъ гораздо легче и успѣшнѣе. Но, и независимо отъ успѣха повторительныхъ уроковъ, библіотека при училищѣ—это столь-же необходимое, столь-же желанное явленіе, какъ и само училище: высокая задача народной школы во всей ея полнотѣ, при настоящихъ условіяхъ народной жизни, недостижима безъ хорошихъ народныхъ библіотекъ. При этомъ я разумѣю не школьныя библіотеки для дѣтей, но библіотеки для взрослыхъ. Нужно-ли доказывать необходимость этихъ библіотекъ? Если мы самой школой пробуждаемъ потребность въ самообразованіи, если мы пробуждаемъ въ питомцахъ народной школы извѣстную духовную жажду, мы должны обезпечить и средства для ея удовлетворенія. Библіотеки при народныхъ школахъ—явленіе новое, но тѣмъ не менѣе имѣющее за собой нѣкоторое прошлое: такія библіотеки имѣются, напримѣръ, въ Вятской, Самарской, Харьковской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ и повсюду онѣ имѣютъ успѣхъ понятный и несомнѣнный. Потребность взрослаго крестьянскаго населенія въ чтеніи въ настоящее время удовлетворяется до нѣкоторой степени существующими собственно школьными библіотеками; но учрежденіе особыхъ библіотекъ для взрослыхъ могло-бы придать этому полезному дѣлу болѣе правильную, болѣе широкую организацію. При каждой школьной библіотекѣ, какъ ея непремѣнная принадлежность, долженъ существовать книжный складъ для продажи

книгъ сельскому населенію. Въ нѣкоторыхъ очень немногихъ земскихъ губерніяхъ такіе склады или, иначе сказать, земскія книжныя лавочки при народныхъ школахъ уже открыты; напримѣръ, въ Самарской. Екатеринославской губерніяхъ и др. Въ 1886 году самарское уѣздное земство устроило три такихъ склада при земскихъ школахъ и въ томъ-же году изъ этихъ складовъ распродало 17 тысячъ книжекъ. Спросъ крестьянскаго населенія на свою собственную любопытную книжку въ настоящее время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Народныя школы пробудили въ населеніи потребность въ чтеніи настолько, что крестьянинъ охотно жертвуетъ своей трудовой копѣйкой для удовлетворенія этой духовной потребности. Въ этой потребности драгоцѣнный залогъ народнаго образованія; что-же у насъ дѣлается для удовлетворенія этого спроса? Тысячи лубочниковъ торгуютъ на нашихъ глазахъ всевозможной литературной дрянью, убивающей всякій литературный вкусъ, развращающей умъ и сердце начинающаго молодаго читателя; и на этой поистинѣ непозволительной торговлѣ торговцами лубочной литературой выручаются громадные капиталы! Историкъ нашего времени не *преминетъ* отмѣтить это въ высокой степени непонятное поразительное явленіе: въ то время, когда въ пантеонѣ русской литературы красуется столько славныхъ именъ, въ то время, какъ русская литература составляетъ предметъ всеобщаго удивленія и національной славы, въ то время, какъ она возвысилась до литературныхъ созданій Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого,—въ это самое время простой, многомилліонный русскій народъ упивается чтеніемъ «Францылей», «Гуаковъ» и «Милордовъ» и т. п. произведеній.

3) Есть еще одно чрезвычайно симпатичное средство, подсказываемое самой практикой школьнаго дѣла, вытекающее все изъ той-же указанной выше особенности народной школы, служащее для достиженія той-же цѣли упроченія и развитія дѣла народнаго образованія. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ установлены періодическія повѣрочныя испытанія для бывшихъ учениковъ народной школы. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, напримѣръ, существуетъ слѣдующій порядокъ для такихъ испытаній: черезъ три года по окончаніи курса народной школы бывшіе ученики приглашаются въ особыя испытательныя коммиссіи и подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ; удачно выдержавшіе это испытаніе получаютъ въ награду похвальные листы и книги; еще чрезъ три года они снова приглашаются къ испытанію, по выдержаніи котораго они получаютъ похвальные листы и книги лучшаго достоинства. Подобными испытаніями достигаются двѣ цѣли, одинаково важныя для дѣла народнаго образованія. Во-первыхъ, такія испытанія

несомнѣнно поддерживаютъ связь между бывшими питомцами народной школы и этой послѣдней, поощряютъ его къ дальнѣйшему самообразованію. Во-вторыхъ, эти испытанія выводятъ, такъ сказать, на полный свѣтъ всѣ положительныя и отрицательныя стороны народной школы, и для завѣдующихъ этимъ дѣломъ, и для всего общества они обнаруживаютъ и свѣтъ, и тѣни въ дѣлѣ народнаго образованія, обнаруживаютъ и повѣряютъ заслуги народной школы и направляютъ ее на путь дальнѣйшаго усовершенствованія.

Такова совокупность средствъ, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, въ состояніи сдѣлать нашу сельскую начальную школу истинно народной школой, отвѣчающей современнымъ условіямъ и потребностямъ русской народной жизни; эти средства въ состояніи вывести дѣло народнаго образованія на путь широкаго, всесторонняго, глубокаго развитія. Кто подумаетъ, что это путь выдуманный, новый, не вытекающій изъ основной задачи народной школы, тотъ этимъ самымъ покажетъ, что онъ не знаетъ народной школы, не знаетъ той почвы, на которой она развилась. Указанныя выше средства для развитія народнаго образованія и выводятъ именно русскую народную школу на ту единственно правильную дорогу, которая указана ей ходомъ исторической жизни; они помогаютъ ей «утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять полезныя знанія».

Н. Феликсовъ.

1890 года октября 6 дня.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы. «Читальня Народной Школы» за 1890 г. *) (3-й годъ изданія).

«Сельскій Вѣстникъ» является у насъ пока единственнымъ періодическимъ изданіемъ, спеціально предназначеннымъ для читателей изъ народной и преимущественно сельской среды. Онъ имѣетъ теперь болѣе 35-ти тысячъ подписчиковъ. Имъ дорожатъ прежде всего, какъ общедоступнымъ вѣстникомъ оффиціальныхъ свѣдѣній, имъ пользуются для обсужденія различныхъ вопросовъ сельской общественной жизни: юридическихъ, сельско-хозяйственныхъ, экономическихъ. Но и по объему своему, и по односторонности содержанія, изданіе это не можетъ удовлетворить вполнѣ читателей. Болѣе состоятельные изъ нихъ выписываютъ и другіе журналы и газеты: «Нива», «Живописное Обозрѣніе», «Родина» и др. недорогіе журналы имѣютъ тысячи подписчиковъ въ низшихъ классахъ городскаго и сельскаго населенія. Можно радоваться этому, какъ признаку пробудившейся любознательности, но нельзя въ то-же время не сознавать, какъ мало здоровой умственной пищи могутъ дать вышеназванныя изданія читателямъ изъ трудовой народной массы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что вполнѣ необходимо и своевременно изданіе журнала для народа съ широкой, серьезно обдуманной программой, органа, чуждаго всѣхъ тѣхъ коммерческихъ соображеній, которыми главнымъ образомъ руководятся редакціи всѣхъ дешевыхъ періодическихъ изданій. А потому неудивительно, что къ «*Читальнѣ Народной Школы*», единственному представителю періодической литературы для питомцевъ сельской народной школы,—мало-

---

*) Разборъ «Чит. Нар. Шк.» за 1888 и 1889 гг. см. «Русск. Школу», февраль 1890 г.

лѣтковъ и подростковъ, не перестаютъ предъявлять требованія относительно расширенія программы, измѣненія содержанія до размѣровъ журнала для *народной*, а *не школьной читальни.* Потребность въ такомъ изданіи безспорна, но нѣтъ никакого основанія желать при этомъ исчезновенія существующаго уже четвертый годъ изданія для крестьянскихъ ребятъ, не менѣе взрослыхъ нуждающихся въ хорошемъ матеріалѣ для чтенія, изданія, успѣвшаго составить себѣ вполнѣ заслуженную извѣстность и получить мѣсто въ школьныхъ библіотекахъ.

За минувшій 1890 г. «*Читальня Народной Школы*» дала своимъ читателямъ 42 книги, по содержанію распредѣляющіяся слѣдующимъ образомъ: беллетристика—27 книгъ, исторія и біографіи—5, географія—1, зоологія—4, общественное хозяйство—2, технологія—1 и двѣ брошюры для преподавателей—«*Выразительное чтеніе, какъ учебный предметъ начальной школы*» А. Анастасіева и «*Указатель книгъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просв.*» *(1887—1890 г.).*

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ нѣтъ талантливыхъ оригинальныхъ произведеній, нѣтъ изображеній жизни крестьянскихъ дѣтей-школьниковъ, въ родѣ тѣхъ, какія давались въ прежнее время Ростовской въ ея (къ сожалѣнію, теперь ставшей библіографической рѣдкостью) книгѣ «*Крестьянская Школа*». А между тѣмъ, значеніе школы и учителя, отношенія къ нимъ учащихся и взрослаго населенія—одна изъ наиболѣе важныхъ темъ изъ современной жизни деревни. Школа должна являться и несомнѣнно является разсадникомъ не только грамотеевъ, но и будущихъ представителей сельской интеллигенціи. И какъ-бы кратковременно ни было пребываніе въ ней питомцевъ, они могутъ унести изъ нея неизгладимыя впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ сложатся ихъ воззрѣнія на жизнь и отношенія къ людямъ. Ранній возрастъ оканчивающихъ въ школѣ свое образованіе и короткій срокъ пребыванія въ ней служатъ обыкновенно вѣскими доказательствами невозможности прочнаго нравственнаго вліянія школы. Безъ сомнѣнія, при теперешнихъ условіяхъ вліяніе школы очень ограниченно и неопредѣленно, но если ребенокъ унесетъ съ собою въ жизнь хотя-бы безсознательную любовь и уваженіе къ школѣ, то и это уже послужитъ прочнымъ основаніемъ для многаго хорошаго. Что безсознательно было воспринято ребенкомъ, то будетъ современемъ понято и сознательно оцѣнено взрослымъ. Одно только необходимо для этого—уваженіе къ школѣ и личности преподавателя. Возможность и значеніе такого вліянія обнаруживаются особенно ясно въ бесѣдахъ съ взрослыми крестьянами, когда ими затрогиваются воспоминанія о дѣтскихъ годахъ, о школѣ; сказываются они, между прочимъ, въ той

популярности, которою пользуется вездѣ, куда успѣла проникнуть, книга «*Дѣлатели золота*», повѣсть Цшокке, не художественно, но искренно повѣствующая о нравственномъ возрожденіи и матеріальномъ благополучіи одной нѣмецкой деревни, достигнутыхъ, благодаря вліянію учителя и его жены и энергическому проведенію ими въ жизнь лучшихъ порядковъ *).

Отголосками отношеній къ школѣ являются въ книжкахъ «Чит. Нар. Шк.» разсказы: «*Павлуша Красненко*», «*Школу открыли*», «*Степка отпѣтый*», «*Черные дни Францеля*». Послѣдній изъ названныхъ разсказовъ отличается наибольшей художественностью; къ сожалѣнію, какъ изображеніе незнакомой бытовой обстановки, жизни бѣднаго люда австрійскаго городка, онъ не будетъ оцѣненъ по достоинству читателями. «*Степка отпѣтый*»—рядъ сценъ изъ народной жизни, могъ-бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ бѣдномъ репертуарѣ пьесъ, пригодныхъ для школьныхъ представленій, но при условіи нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій, а именно: смягченія до каррикатурности преувеличенныхъ проявленій удальства Степки и исключенія всѣхъ бранныхъ словъ и поговорокъ, которыми испещренъ разсказъ. Грубыя выраженія, встрѣчаемыя въ книгѣ, смѣшатъ лишь немногихъ, на большинство-же производятъ непріятное впечатлѣніе. Припоминается такой фактъ: взрослый ученикъ воскресной школы, готовя дома вслухъ урокъ, прочелъ слово *чортъ*. Домашнихъ такъ поразило присутствіе въ книгѣ «дурного слова» и, видимо, самъ читавшій прочелъ его съ такою неувѣренностью, что малограмотнаго чтеца заподозрили въ прочтеніи не находящагося въ книгѣ слова. Позвали на помощь сосѣда-грамотея, который, къ огорченію присутствующихъ, подтвердилъ вѣрность прочитаннаго. Вся эта сцена до мельчайшихъ подробностей простодушно и откровенно была передана учительницѣ въ ближайшее воскресенье самимъ чтецомъ. Такіе мелочные на первый взглядъ факты заставляютъ, однако, задуматься надъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ дорожить такимъ уваженіемъ къ книгѣ, такимъ нравственно-возвышающимъ вліяніемъ ея. А сохранится-ли оно? Успѣютъ-ли проникнуть въ деревню лучшія произведенія нашихъ писателей и охранить читателей отъ той массы циничныхъ пустяковъ, порнографическихъ романовъ, которые въ различныхъ дешевыхъ журналахъ и другихъ изданіяхъ безпрепятственно притекаютъ въ деревню, въ то время, какъ

---

*) Пишущей эти строки не разъ приходилось слышать восторженные отзывы объ этой книгѣ отъ взрослыхъ крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ, приписывавшихъ ей, быть можетъ, преувеличенное значеніе въ ходѣ и направленіи своего нравственнаго развитія.

та-же деревня лишена возможности, въ силу существующихъ ограниченій, получать изъ школы и сельской народной библіотеки здоровую и разнообразную пищу для удовлетворенія своей все возрастающей потребности въ чтеніи.

Разсказы «*Волкъ*», «*На Шалыгѣ*» являются живымъ воспроизведеніемъ дѣтской жизни и безъ малѣйшаго притязанія на поучительность несомнѣнно произведутъ на малолѣтнихъ читателей самое желательное воздѣйствіе. Для взрослыхъ читателей слѣдуетъ отмѣтить разсказы. «*Михрютка*», «*Два друга*», «*Случайный гость*» съ болѣе сложной психологической подкладкой, затрогивающіе серьезно и глубоко неразрѣшенный еще въ жизни большинства вопросъ: кто-же мой ближній? и какъ исполнить заповѣдь—возлюбить его, какъ самого себя?

Недостатокъ въ оригинальномъ беллетристическомъ матеріалѣ заставилъ редакцію прибѣгнуть къ составленію сборниковъ изъ отрывковъ и произведеній различныхъ писателей. Мысль, на которой построенъ планъ этихъ сборниковъ, составленныхъ Д. И. Тихомировымъ, заслуживаетъ самаго горячаго одобренія. Въ 4-хъ первыхъ сборникахъ подъ общимъ заглавіемъ «*Житейское—въ семьѣ*» на художественныхъ образахъ, созданныхъ нашими писателями (Григоровичемъ, Никитинымъ, Плещеевымъ, Тургеневымъ и др.) выясняются такія важныя основныя представленія, какъ—*семья*, *мать*, *дѣти*, *сиротство*, *горе и радость въ семьѣ*, *трудовая жизнь семьи*. Пестрая, мутная, неумолимо суровая житейская обстановка современной жизни искажаетъ и загрязняетъ нерѣдко эти представленія до полной неузнаваемости, а потому нельзя не оцѣнить подбора такого воспитательнаго матеріала. Тѣмъ-же характеромъ отличаются и слѣдующіе пять сборниковъ «*Житейское—между своими и чужими*», выводящіе читателя изъ тѣснаго круга родной семьи въ безгранично обширный міръ общечеловѣческихъ интересовъ и идеаловъ. Источникомъ для нихъ послужила не только русская, но и всеобщая литература. Для взрослыхъ читателей могутъ быть особенно рекомендованы сборникъ четвертый и пятый.

Отдѣлъ книгъ для народа по исторіи достаточно богатъ, а потому нельзя сѣтовать на «Читальню Народной Школы», давшую въ этомъ году только три, но весьма содержательныхъ историческихъ очерка, каковы—«*О вѣрѣ нашихъ предковъ*», «*Какъ изобрѣли книгопечатаніе*», «*Какъ появились книги на Руси*», знакомящіе съ бытовой обстановкой минувшей жизни и кровною связью далекаго прошлаго съ настоящимъ. Автора очерка «*Какъ появились книги на Руси*» слѣдуетъ упрекнуть за то, что онъ до-нельзя умалилъ значеніе сообщаемаго,

не позаботившись о простотѣ изложенія. Какъ важно помнить пишущимъ для народа, что степень интереса и сила впечатлѣній, вызываемыхъ въ слушателѣ или читателѣ, находятся въ прямой зависимости отъ соблюденія вышеуказаннаго условія. Къ числу культурно-историческихъ очерковъ слѣдуетъ отнести и беллетристическій разсказъ о томъ, какъ французскій крестьянинъ развелъ картофель. Неудовлетворительное экономическое положеніе крестьянъ, увеличивающаяся конкурренція на всѣхъ рынкахъ труда съ каждымъ годомъ въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ людей пробуждаетъ сознаніе необходимости иныхъ, улучшенныхъ способовъ обработки земли и эксплуатаціи природныхъ богатствъ, указываетъ на неотложную нообходимость лучшаго употребленія человѣческаго труда и рабочаго времени. Книгъ, въ доступной формѣ трактующихъ объ этихъ важныхъ вопросахъ, у насъ нѣтъ совсѣмъ, а спросъ на нихъ растетъ непрерывно въ наиболѣе развитой части читателей изъ народной среды. Книга «*Зачѣмъ и какъ сберегать рабочее время*», несмотря на нѣкоторую сухость и блѣдность, является весьма цѣннымъ вкладомъ въ отдѣлѣ книгъ практическихъ свѣдѣній. Лучшія страницы книги тѣ, въ которыхъ говорится о значеніи коллективнаго труда и общихъ денежныхъ средствъ — «складчины» для пріобрѣтенія машинъ и осуществленія такихъ предпріятій, которыя не подъ силу отдѣльнымъ личностямъ. Такимъ-же цѣннымъ источникомъ свѣдѣній нужно признать и книгу «*Наше царство*», въ краткомъ, сжатомъ изложеніи знакомящую съ величиной Россіи, ея населеніемъ, естественными богатствами и родами промышленности. Интересный очеркъ этотъ является не законченнымъ, такъ какъ, знакомя читателя съ тѣмъ, что̀ и въ какомъ количествѣ добывается въ Россіи, онъ не говоритъ о томъ, достаточно-ли добываемаго для экономическаго благосостоянія всего населенія, не даетъ указаній на то, какъ ведется народное хозяйство въ другихъ странахъ. Для этого пришлось-бы обратиться къ цыфровымъ даннымъ, чего отнюдь не слѣдуетъ избѣгать. По личному опыту намъ приходилось много разъ убѣждаться при занятіяхъ съ взрослыми учениками воскресной школы, что цыфры въ иныхъ случаяхъ говорятъ убѣдительнѣе всякихъ другихъ доводовъ: разсужденія о значеніи улучшенныхъ способовъ пользованія землей, о значеніи борьбы съ силами природы, враждебными труду человѣка, слушаются молча со вниманіемъ, а цыфровыя данныя о количествѣ хлѣба, получаемаго съ десятины у насъ и на Западѣ, о количествѣ скота, истребляемаго ежегодно волками и т. п., вызываютъ шумное оживленіе,

восклицанія, вопросы, придаютъ новую убѣдительность ранѣе сказанному и прочно закрѣпляютъ его въ памяти.

Отдѣлъ зоологіи въ «Читальнѣ Народной Школы» за 1890 г. богаче и лучше, чѣмъ въ предшествующіе годы; книги щедрѣе иллюстрированы хорошими рисунками. Таковы: «*Верблюдъ*», «*Наши ядовитыя змѣи*» А. Никольскаго, «*Кукушка*» Д. Кайгородова, «*Разсказы объ умѣ животныхъ*» И. Ѳеоктистова (замѣтимъ при этомъ, что въ сборникѣ фактовъ, характеризующихъ душевную жизнь животныхъ, давно чувствовался недостатокъ). Къ отдѣлу естествознанія слѣдуетъ причислить и сборники «*Осенью*» и «*Зимой*», въ которые вошло много очерковъ жизни русской природы, составленныхъ по талантливымъ описаніямъ покойнаго М. Богданова.

Къ сожалѣнію, совсѣмъ обездоленными оказались отдѣлы географическій и біографическій: единственнымъ представителемъ перваго является брошюра «*Наше царство*», о которой мы уже говорили выше, а втораго очеркъ жизни «*Св. Трифона Кольскаго*» Е. Некрасовой, прекрасно характеризующій подвижническую жизнь просвѣтителя лопарей и радѣтеля о нуждахъ далекаго непривѣтнаго края... Будемъ надѣяться, что въ текущемъ году редакція обратитъ особое вниманіе на пополненіе этихъ отдѣловъ.

Почти отсутствующимъ оказался и чрезвычайно важный въ «Читальнѣ Народной Школы» отдѣлъ свѣдѣній о различныхъ явленіяхъ современной жизни и о полезныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Къ нему можетъ быть отнесена лишь книжка, содержащая очерки: «*Пріютъ для дѣтей рабочихъ*» и «*Община сестеръ Маріи Помощницы*» М. Бекетовой. Дѣятельность Годэна и учрежденнаго имъ товарищества такъ интересна и поучительна, что не слѣдовало упоминать о ней лишь мимоходомъ для того, чтобы остановиться на одномъ изъ наименѣе характерныхъ учрежденій его фабрики. Тема эта заслуживаетъ самаго подробнаго и обстоятельнаго изложенія.

Книги «Читальни Народной Школы» въ числѣ 2—4 выпускаются ежемѣсячно въ одной общей обложкѣ, которая служитъ для обычныхъ редакціонныхъ объявленій, а также почтовымъ ящикомъ для сношеній редакціи съ подписчиками. Въ 1890 г. на обложкахъ были помѣщены: *Правила о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и порядкѣ надзора за ними* *), *сообщеніе о любительскомъ спектаклѣ для народа въ деревнѣ Смоленской губ.*, *письма*, въ отвѣтъ на просьбу редакціи объ отзывахъ, указаніяхъ отъ лицъ, наблюдающихъ за чте-

---

*) Перепечатано изъ «Правит. Вѣстника», 1890 г., № 126.

ніемъ книгъ «Читальни Народной Школы» въ деревнѣ и близко знакомыхъ съ потребностями читателей. Редакція выражаетъ надежду, что «тѣсное общеніе съ такими лицами облегчитъ ей трудную работу и укажетъ путь къ созданію полезнаго періодическаго изданія для нашей народной школы». Въ двухъ напечатанныхъ редакціей отвѣтахъ высказываются совершенно противоположные взгляды. Г. Тарутинъ настоятельно требуетъ кореннаго преобразованія «Читальни Народной Школы», которая должна стать, по его мнѣнію, изданіемъ для народа, а не для дѣтей. Онъ даетъ подробную мотивированную программу для будущаго серьезнаго народнаго журнала. Учитель Забѣловъ горячо отстаиваетъ интересы малолѣтнихъ читателей, стоитъ за дѣтскій элементъ въ содержаніи «Читальни Народной Школы», указывая на бѣдность въ хорошихъ книгахъ школьныхъ библіотекъ.

Къ мнѣнію послѣдняго присоединяемся и мы. Что-же касается до народнаго журнала, то не въ программѣ дѣло, такъ какъ содержаніе ея давно выяснилось для лицъ, думавшихъ объ этомъ предметѣ, а въ умѣньи и *возможности* выполнить намѣченную программу.

Періодическая пресса для народа имѣетъ уже у насъ свою исторію. Она могла-бы праздновать 50-лѣтній юбилей, такъ какъ народные журналы стали издаваться у насъ съ 40-хъ годовъ. Интересная статья Е. С. Некрасовой «Журналы для народа» («Русская Мысль», февраль и мартъ 1891 г.) даетъ много цѣнныхъ данныхъ объ этой отрасли просвѣтительной дѣятельности русской интеллигенціи. Выходитъ, что до извѣстной степени намъ приходится завидовать 40-мъ и 60-мъ годамъ, которые имѣли «Сельское Чтеніе» кн. Одоевскаго и Заблоцкаго и «Солдатскую Бесѣду» Погосскаго. Въ наше время потребность въ такомъ изданіи гораздо сильнѣе, а потому нужно надѣяться, что 90-ые годы создадутъ его.

«Читальня Народной Школы» вступила уже въ четвертый годъ существованія. Редакція ея неизмѣнно заботится о правильномъ ростѣ и развитіи взятаго ею на себя важнаго дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что число подписчиковъ «Читальни Народной Школы» будетъ съ каждымъ годомъ возрастать. Такимъ образомъ остается пожелать одного— талантливыхъ искренно и горячо преданныхъ дѣлу сотрудниковъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать, что было-бы большой ошибкой считать книжечки «Читальни Народной Школы» пригодными лишь для читателей-крестьянъ: онѣ вполнѣ умѣстны и въ дѣтской библіотекѣ интеллигентной семьи, и въ библіотекѣ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

А. Калмыкова.

Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Сочиненіе д-ра Фердинанда Лагранжа. Перев. д-ра мед. Е. М. Дементьева. Изд. журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящее время вопросъ о физическомъ образованіи дѣтей и юношества во всей почти Европѣ переживаетъ періодъ реформъ. Теперь уже всѣ сознали ту истину, что до сихъ поръ воспитаніе молодыхъ поколѣній страдало громаднымъ недостаткомъ, весьма пагубно отражавшимся на здоровьи учащагося юношества, а именно полнымъ невниманіемъ къ физическому развитію. Этотъ пробѣлъ въ области воспитанія повлекъ за собою сильное раскаяніе и желаніе поскорѣе поправить ошибку, и такимъ образомъ явилось на сцену противоположное увлеченіе—увлеченіе физическими упражненіями. Но при этомъ, вмѣсто научныхъ основаній для физическаго образованія, пришлось въ началѣ воспользоваться методами, казавшимися наиболѣе удобными и отличавшимися чисто эмпирическимъ характеромъ, вслѣдствіе чего физическія упражненія оказались въ извѣстномъ смыслѣ даже прямо вредными. Можетъ быть, и теперь не настало еще время для рѣшенія вопросовъ о физическомъ образованіи со всей полнотой научнаго анализа, необходимаго при рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ. Но много уже сдѣлано попытокъ отнестись къ вопросу строго научно. Руководящіе принципы физическаго воспитанія теперь уже, можно сказать, намѣчены; въ научныхъ трудахъ многихъ авторовъ сказывается уже больше единомыслія по поводу самыхъ существенныхъ вопросовъ, и всѣ руководители физическаго образованія не могутъ сказать въ настоящее время, что они идутъ только ощупью. Главные пути уже намѣчены. Къ числу сочиненій, намѣчающихъ эти руководящіе принципы физическаго образованія, принадлежитъ недавно вышедшая въ русскомъ переводѣ книга лауреата французской академіи наукъ, Фердинанда Лагранжа подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. «Книга эта—какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи—есть продолженіе «физіологіи мышечныхъ упражненій» *); она представляетъ какъ-бы практическое ея примѣненіе. Въ предшествовавшемъ трудѣ нашей задачей было выяснить физіологическія послѣдствія мышечныхъ упражненій; въ настоящемъ-же мы стараемся провести различіе между тѣми изъ послѣдствій, которыя согласуются съ гигіеной, и тѣми, которыя противорѣчатъ ея законамъ».

Книгу эту можно смѣло рекомендовать родителямъ, воспитателямъ и всѣмъ вообще сочувствующимъ правильной постановкѣ физическаго

*) Physiologie des exercices du corps. 1890.

образованія молодежи. Она написана бойко, увлекательно, красиво и въ то-же время съ глубокимъ знаніемъ теоріи и практики этого дѣла.

Увлекая читателя, она въ то-же время не дѣлаетъ его односторοннимъ приверженцемъ какой-либо системы, такъ какъ авторъ даетъ критическую оцѣнку каждой изъ разсматриваемыхъ имъ системъ. Увлекательно и въ высшей степени популярно изложенная, она касается фактовъ научныхъ, отъ яснаго пониманія которыхъ зависитъ практическое осуществленіе идеаловъ физическаго воспитанія. Только идя этимъ путемъ, можно отрѣшиться отъ предразсудковъ и увлеченій эмпиризма. Но, заключая въ себѣ научныя достоинства, книга не грѣшитъ также излишнею отвлеченностью. Напротивъ того, авторъ ея извѣстенъ, какъ глубокій знатокъ и практикъ въ вопросахъ физическихъ упражненій, производившій свои наблюденія надъ живымъ матеріаломъ, изучавшій явленія физическаго развитія «не въ тиши кабинета или въ лабораторіи, но въ гимнастическихъ и фехтовальныхъ залахъ, въ наблюденіяхъ надъ гребцами, при восхожденіи по крутымъ тропинкамъ горъ». Это видно изъ каждой строки его сочиненія, богатаго примѣрами обыденной жизни.

Авторъ разбилъ свою книгу на слѣдующія пять частей: 1) Система упражненій; 2) Наставленія относительно упражненій; 3) Примѣненіе и мѣры предосторожности; 4) Физическая и нравственная сторона; 5) Педагогическія условія.

Намъ нѣтъ надобности придерживаться этихъ подраздѣленій. Главный недостатокъ книги заключается въ отсутствіи послѣдовательности въ изложеніи, вслѣдствіе чего авторъ то забѣгаетъ впередъ, то повторяетъ по нѣскольку разъ одно и то-же, и изложеніе отличается нѣсколько фельетоннымъ характеромъ.

Переходя къ изложенію содержанія разсматриваемаго сочиненія, мы видимъ, что авторъ его прежде всего указываетъ на ту неправильность въ постановкѣ физическаго образованія, вслѣдствіе которой физическимъ упражненіямъ приданъ характеръ упражненій атлетическихъ, тогда какъ они должны быть *гигіеническими*. Онъ справедливо требуетъ разграниченія этихъ двухъ понятій, называя атлетическою такую гимнастику, главная задача которой заключается въ развитіи мышечной силы организма, а *гигіеническою* такого рода гимнастику, назначеніе которой заключается въ поддержкѣ и укрѣпленіи здоровья. Такое разграниченіе, безъ сомнѣнія, крайне важно и обусловливается самою сущностью дѣла. Человѣкъ можетъ быть очень силенъ, совсѣмъ не обладая крѣпкимъ здоровьемъ. Если измѣрять силу мышцъ многихъ людей динамометромъ, то между ихъ силой и состояніемъ ихъ здоровья

можетъ не оказаться никакой пропорціональности; такъ, можетъ случиться, что у людей, пользующихся прекраснымъ здоровьемъ, мышечная сила значительно слабѣе развита, чѣмъ у многихъ положительно больныхъ людей; многіе діабетики, лица, страдающія бугорчаткой и ракомъ, нерѣдко отличаются такой мышечной силой, которая гораздо выше средней.

Дѣло въ томъ, что мышечная сила часто «есть мѣстный результатъ упражненій, результатъ концентраціи питательныхъ процессовъ въ работающей части тѣла, тогда какъ жизненная сила, составляющая здоровье, есть общій результатъ упражненій», повліявшихъ на дыханіе, на кровообращеніе, на питаніе—словомъ, на всѣ отправленія тѣла въ благопріятномъ смыслѣ. Разница между атлетическимъ упражненіемъ и гигіеническимъ выясняется лучше всего на слѣдующемъ примѣрѣ. Поднятіе на трапеціи есть атлетическое упражненіе, требующее участія извѣстныхъ ручныхъ мышцъ; при повторныхъ поднятіяхъ можно довести работающія мышцы до изнеможенія, не добившись сколько-нибудь замѣтнаго вліянія этого упражненія на дыханіе и сердцебіеніе; работа здѣсь сильно концентрирована на извѣстной группѣ мышцъ. Если-же взять для сравненія вполнѣ естественное упражненіе, напр., упражненіе въ бѣгѣ, то прежде, чѣмъ работающія мышцы доведены будутъ до усталости, сдѣлается замѣтнымъ усиленіе дыханія и сердцебіенія—это ясные признаки того, что работа мышцъ отразилась и на отдаленныхъ органахъ; она, очевидно, не была настолько концентрированной, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Примѣръ этотъ показываетъ, что одни упражненія сказываются исключительно на мышцахъ, другія въ особенности вліяютъ на важные внутренніе органы. Чѣмъ большее число мышцъ принимаетъ участіе въ работѣ, тѣмъ менѣе значительна работа каждой отдѣльной мышцы; за то результаты этой работы для организма будутъ болѣе благопріятны, такъ какъ подобная работа въ состояніи значительно усилить дѣятельность сердца и легкихъ, чѣмъ въ гораздо большей степени вліяетъ на весь организмъ. Цѣль гигіены должна заключаться въ томъ, чтобы благопріятные результаты упражненія распространялись, по возможности, *одинаково на весь организмъ*; исключительное-же развитіе отдѣльныхъ мышечныхъ группъ не можетъ составлять задачу *гигіеническихъ упражненій*.

Гимнастика на аппаратахъ представляетъ собою типъ методовъ, клонящихся къ развитію мышечной силы, и такъ какъ даетъ послѣдствія упражненій мѣстныя, а не общія, то и принадлежитъ къ числу атлетическихъ, а не гигіеническихъ методовъ развитія силъ. «Она какъ-бы разлагаетъ тѣло на рядъ отдѣльныхъ областей мышцъ, изъ

*

которыхъ каждая получаетъ свою долю упражненій. Нѣкоторые снаряды упражняютъ спеціально сгибателей, таковы лѣстница, «гладкая веревка»; нѣкоторые-же другіе, каковы «параллельные брусья», заставляютъ работать больше всего разгибателей».

Въ гимнастикѣ на аппаратахъ, такимъ образомъ, рѣзко выраженъ *атлетическій* характеръ упражненій, т.-е. вся работа сосредоточивается то на одной, то на другой мышечной группѣ, и никогда не обобщается на всѣ мышцы сразу. Такъ называемыя *вольныя движенія* носятъ тотъ-же характеръ: сначала работаютъ, напр., сгибатели рукъ, потомъ ногъ, затѣмъ сгибается туловище, дѣйствуютъ группы мышцъ отводящихъ, приводящихъ и т. д. Поэтому и вольныя движенія, какъ «концентрирующія» работу, могутъ быть отнесены къ упражненіямъ атлетическимъ, въ особенности, если для увеличенія расхода силъ отдѣльныя движенія производятся съ гальтерами или другими тяжестями. Развивая произвольно тѣ или другія мышцы, мы надѣляемъ различныя области нашего тѣла атлетическими свойствами и можемъ въ дѣйствительности добиться большаго наростанія мышечной силы въ немъ. Даже сложеніе тѣла измѣняется подъ вліяніемъ методическихъ упражненій; но сложеніе это искусственное и сила, пріобрѣтенная посредствомъ упражненія, по мнѣнію Лагранжа, гораздо скорѣе исчезаетъ, чѣмъ прирожденная; поэтому, чтобы физическія измѣненія, пріобрѣтенныя упражненіями, остались постоянными, необходимо продолжать упражненіе до послѣдней границы зрѣлаго возраста. Только при этомъ условіи можно видоизмѣнить субъектъ настолько глубоко, чтобы дѣйствительно измѣнилось его тѣлосложеніе.

Гигіена физическихъ упражненій преслѣдуетъ другія задачи. Вся разница въ цѣли, которою задаются атлетическія и гигіеническія упражненія. Цѣль первыхъ—необыкновенное развитіе силы всей мышечной системы, или только опредѣленныхъ мышечныхъ группъ: боксеру нужны крѣпкія руки и плечи, вольтижеру крѣпкія ноги и т. д. Цѣль-же гигіеническихъ упражненій: здоровье, которое, съ точки зрѣнія гигіены, важнѣе ловкости и мышечной силы, и «такъ какъ—говоритъ Лагранжъ—здоровье состоитъ въ совершенномъ равновѣсіи важныхъ жизненныхъ функцій, то гигіеническая цѣль упражненія состоитъ въ поддержаніи равновѣсія этихъ отправленій, ибо онѣ нарушаются, какъ только является недостатокъ упражненія». Преслѣдуя гармоническое развитіе всего организма, гигіенистъ больше всего заботится о томъ, чтобы полезная для организма работа, по возможности, обобщалась, т.-е. чтобы при выполненіи ея участвовало воз-

можно большее число мышцъ и, главнымъ образомъ, чтобы привлекались къ энергической дѣятельности важные внутренніе органы: сердце и легкія, отъ методическаго постепеннаго и послѣдовательнаго упражненія которыхъ больше всего зависитъ физическое благосостояніе организма, называемое здоровьемъ. При гигіеническихъ упражненіяхъ, слѣдовательно, имѣется въ виду подвергнуть всякое мышечное волокно лишь умѣренному напряженію; изъ суммы такихъ умѣренныхъ напряженій всѣхъ или большинства мышцъ тѣла складывается та работа, которая должна имѣть особенно благодѣтельныя «общія послѣдствія». Къ такимъ чисто-гигіеническимъ упражненіямъ принадлежатъ, напр., бѣгъ и прыганіе. Въ этихъ двухъ упражненіяхъ участвуютъ не только мышцы нижнихъ конечностей, но также многія мышцы туловища; они обобщаютъ работу, усиливаютъ кровообращеніе и дыханіе, нагрѣваютъ тѣло настолько, что, по замѣчанію Лагранжа, пять минутъ бѣга въ этомъ смыслѣ производятъ большій эффектъ, чѣмъ $^{3}/_{4}$ часа гимнастики на аппаратахъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ очень часто атлетическимъ упражненіямъ отдаютъ предпочтеніе предъ гигіеническими въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣднія болѣе всего необходимы, т.-е. при физическомъ образованіи дѣтей.

«Чаще всего — говоритъ Лагранжъ — примѣняютъ атлетическую гимнастику къ слабымъ субъектамъ, жизненныя функціи которыхъ идутъ очень вяло и у которыхъ нужно было-бы просто лишь усилить дѣятельность органовъ. У нихъ стараются выработать сильныя мышцы, съ которыми имъ нечего дѣлать, по крайней мѣрѣ, въ молодые годы, тогда какъ имъ были-бы необходимы болѣе объемистыя легкія, болѣе сильное сердце, болѣе энергичный желудокъ и, главнымъ образомъ, кровь, болѣе богатая кислородомъ. Однимъ словомъ, забываютъ, что здоровье есть результатъ, въ которомъ мышечная сила только одна изъ производныхъ. Мышечная сила организма къ тому-же не есть результатъ исключительно атлетическихъ упражненій; тѣхъ-же результатовъ можно добиться и путемъ гигіеническихъ упражненій, при чемъ результаты эти могутъ быть гораздо болѣе прочными».

Лагранжъ различаетъ еще двѣ категоріи упражненій: искусственныя и естественныя. Атлетическія упражненія онъ называетъ искусственными, и старается доказать, что гигіеническія упражненія самыя естественныя.

Искусственными упражненіями можно назвать такія движенія, къ которымъ у человѣка нѣтъ естественныхъ побужденій; это есть болѣе или менѣе остроумная комбинація движеній, представляющихъ необходимость преодолѣть извѣстныя трудности. Эти упражненія тре-

буютъ отъ человѣка всегда извѣстной выучки, большихъ мышечныхъ усилій и потому, подъ вліяніемъ ихъ, люди дѣлаются выдающимися по силѣ, ловкости, подвижности, словомъ, становятся атлетами и самый методъ, вырабатывающій, съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ атлетическимъ. Если сравнить съ атлетическими упражненіями другія, къ которымъ человѣкъ стремится совершенно инстинктивно, чувствуя такую-же настоятельную потребность къ простымъ движеніямъ, какъ къ питью и къ пищѣ, то самая существенная разница между первымъ видомъ упражненій и вторымъ будетъ заключаться въ слѣдующемъ: при естественныхъ упражненіяхъ человѣкъ прибѣгаетъ только къ тѣмъ движеніямъ, къ которымъ имѣетъ естественную склонность, при чемъ, при выполненіи этихъ движеній, онъ не только не старается затруднить себѣ работу, а подыскиваетъ способы, облегчающіе ихъ выполненіе. Потому-то эти упражненія по преимуществу легки, и всякій въ нихъ можетъ принять участіе съ перваго-же раза. Съ этой точки зрѣнія всѣ упражненія на аппаратахъ—упражненія искусственныя, такъ какъ упражняющійся отыскиваетъ способы, усложняющіе его движенія: онъ перекувырнется, напр., на трапеціи съ наивозможно большею медленностью, хотя по опыту знаетъ, что быстрота въ движеніи облегчитъ ему эту работу. Бѣгъ есть образецъ естественныхъ упражненій и, анализируя способъ бѣга избранныхъ бѣгуновъ, можно убѣдиться, что они выбираютъ всегда способы, облегчающіе это упражненіе и увеличивающіе результатъ полезной работы. Всякій новичекъ, взлѣзая на мачту, пускаетъ въ ходъ и руки, и ноги; гимнастъ поднимется вверхъ посредствомъ однѣхъ только рукъ, чѣмъ значительно увеличитъ, конечно, трудность предстоящей работы. Какъ искусственныя, такъ и естественныя упражненія полезны; но не въ полезности дѣло, а дѣло въ томъ, что послѣднія, какъ чисто гигіеническія, необходимы, первыя-же представляютъ лишь роскошь, ни чѣмъ не оправдываемую, когда вопросъ идетъ о физическомъ образованіи дѣтей, для которыхъ атлетическая гимнастика не только не нужна, но даже прямо вредна. Эту мысль Лагранжъ блестяще доказываетъ въ своемъ сочиненіи. Важнѣйшій недостатокъ искусственныхъ методовъ физическаго образованія состоитъ въ томъ, что упражненія, ими рекомендуемыя, непримѣнимы ко всѣмъ дѣтямъ. «Они подвергаютъ дѣтей—говоритъ Лагранжъ—извѣстной сортировкѣ: берутъ болѣе сильныхъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ атлетовъ, и отбрасываютъ болѣе слабыхъ, т.-е. огромное большинство, предоставляя ихъ всѣмъ физическимъ и нравственнымъ бѣдствіямъ, вытекающимъ изъ недостатка упражненій».

Чтобы судить о пригодности гимнастическаго обученія для дѣтей и юношей, обучающихся въ лицеяхъ Франціи, Лагранжъ приводитъ нѣкоторыя цыфровыя данныя, бросающія свѣтъ на преуспѣваніе гимнастики въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ выбираетъ такіе лицеи, гдѣ это дѣло поставлено хорошо, гдѣ преподаютъ учителя, преданные своему дѣлу, и тѣмъ не менѣе изъ ста дѣтей, въ возрастѣ отъ 11—12 лѣтъ, 70 человѣкъ (70%) не въ состояніи правильно выполнить поднятіе на рукахъ на неподвижныхъ барахъ—упражненіе средней силы, которое требуется на всякомъ урокѣ отъ всѣхъ учениковъ. Слѣдовательно, 70 дѣтей изъ ста, по словамъ Лагранжа, не стоятъ на уровнѣ того обученія, которое имъ даютъ. Почти столь-же мало успѣховъ въ гимнастикѣ обнаруживаютъ и болѣе взрослые ученики лицеевъ въ возрастѣ 16—17 лѣтъ. Обобщая эти статистическія данныя, Лагранжъ приходитъ къ заключенію, что больше 1/2 дѣтей, кончающихъ коллегіи, не усвоиваютъ себѣ того физическаго воспитанія, которое давалось имъ въ школѣ въ среднемъ, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе 7 лѣтъ, и потому должны быть отнесены къ числу «пустоцвѣтовъ» физическаго образованія,—«пустоцвѣтовъ къ тому-же еще и ненавидящихъ физическія упражненія, такъ какъ ошибочно имъ дали ихъ въ неинтересной и трудной формѣ». Такимъ образомъ, дѣтямъ со средней силой гимнастика, по меньшей мѣрѣ, не приноситъ никакой пользы, отбивая у нихъ только всякую охоту къ физическимъ упражненіямъ, и только дѣти, наиболѣе одаренныя физически, которыя больше всего могли-бы обходиться безъ гимнастики, находятъ удовольствіе и преуспѣваютъ въ ней. Видъ упражненій, наиболѣе заслуживающій названія естественнаго упражненія, по Лагранжу, есть *игра*. «Игра—говоритъ авторъ—есть подведенныя подъ болѣе или менѣе методическія правила инстинктивныя движенія изъ числа тѣхъ, что можетъ дѣлать каждое живое существо, разъ оно чувствуетъ потребность въ упражненіи». *Игры* никогда не представляютъ ребенку такихъ затрудненій, какъ гимнастика; онѣ не требуютъ ни слишкомъ напряженныхъ усилій, ни слишкомъ локализированныхъ мышечныхъ упражненій. «Даже самыя сложныя игры требуютъ всегда лишь комбинаціи простыхъ движеній и естественныхъ положеній тѣла; тогда какъ въ гимнастикѣ на аппаратахъ надо поднимать тѣло на рукахъ, подниматься на кистяхъ рукъ, кувыркаться вокругъ баръ и т. п.». Для всего этого необходима выучка для большинства дѣтей, слишкомъ обременительная и продолжительная. Другое дѣло—игры: всякій изъ дѣтей способенъ съ перваго раза принять въ нихъ участіе и извлечь пользу для здоровья. «При естественныхъ упражненіяхъ пустоцвѣтовъ нѣтъ», говоритъ Лагранжъ.

Чтобы играть, ребенку нѣтъ надобности играть отлично. Если онъ играетъ плохо, онъ потеряетъ партію, но гигіеническая польза игры все-таки остается при немъ. Въ бѣгѣ въ запуски послѣдній прибѣжавшій не получитъ славы побѣдителя, но съ гигіенической точки зрѣнія онъ извлечетъ изъ него ту-же пользу, потому что совершитъ ту-же мышечную работу.

Авторъ справедливо указываетъ на важное значеніе гимнастики легкихъ въ гигіенѣ дѣтскаго возраста и требуетъ, чтобы, при выборѣ формы физическихъ упражненій для дѣтей и молодыхъ людей, оказывалось преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые заставляютъ энергически работать легкія и тѣмъ способствуютъ развитію этого важнаго органа. Какое другое упражненіе можетъ способствовать въ большей степени развитію легкихъ, чѣмъ методическое, напримѣръ, упражненіе въ бѣгѣ? Во время бѣга ребенокъ столько-же работаетъ легкими, сколько и ногами. Упражненіе рукъ для усиленія дыханія и соотвѣтствующія гимнастическія упражненія на аппаратахъ далеко не такъ дѣйствительны въ этомъ отношеніи.

Крайне настойчиво и убѣдительно проводитъ Лагранжъ въ своемъ сочиненіи требованіе, чтобы всѣ физическія упражненія юношества совершались на чистомъ воздухѣ, если можно, подъ открытымъ небомъ. Нападая на боязнь простуды, какъ на главный аргументъ въ пользу комнатной гимнастики, авторъ доказываетъ всю несостоятельность этихъ опасеній; допуская, что, при извѣстной небрежности, упражненія подъ открытымъ небомъ могутъ быть причиной простуды, онъ ставитъ эту опасность несравненно ниже той, которая неразлучно связана съ упражненіями въ замкнутыхъ пространствахъ. Не безъ основанія авторъ придаетъ серьезное значеніе также эстетической точкѣ зрѣнія: «Изученіе вліянія упражненія на форму скелета—говоритъ онъ—заставляетъ придти къ заключенію, что въ дѣйствительности гораздо болѣе эстетиченъ тотъ методъ физическихъ упражненій, который избѣгаетъ вліянія работы, чѣмъ тотъ, который ихъ ищетъ. Если человѣческій скелетъ представляетъ измѣненіе, позволяющее распознать, какому упражненію, или какой работѣ предавался человѣкъ, то это измѣненіе есть «обезображеніе», уродованіе тѣла. Профессіональный рабочій носитъ на себѣ печать своей профессіи; съ эстетической-же точки зрѣнія это есть нарушеніе гармоніи первоначальнаго типа, т.-е. уродство».

Очень частыя упражненія въ лазаніи поведутъ у ребенка къ образованію нѣкоторыхъ особенностей, напоминающихъ тѣлосложеніе обезьяны. Дугообразная спина, чрезмѣрно поднятыя плечи, развив-

шіяся подъ вліяніемъ такихъ упражненій, доведенныхъ, можетъ быть, до излишества, напоминаютъ своеобразное сложеніе тѣла лазающихъ животныхъ. Тѣлосложеніе обезьяны, по мнѣнію Лагранжа, только каррикатура сложенія гимнаста, который началъ гимнастику на аппаратахъ въ слишкомъ молодомъ возрастѣ и чрезмѣрно ею занимался. Гармоническое развитіе всѣхъ органовъ съ гигіенической точки зрѣнія гораздо выгоднѣе, чѣмъ чрезмѣрное развитіе однихъ предъ другими. Оно не только не противорѣчитъ эстетической точкѣ зрѣнія, но, какъ видно изъ предыдущаго, совершенно съ нею совпадаетъ. «Физическія упражненія даютъ человѣку печать изящества, но результатъ этотъ, по справедливому замѣчанію Лагранжа, получается не отъ измѣненія формы костей, на которыя способна атлетическая гимнастика, слишкомъ усердно и рано примѣняемая, а отъ увеличенія мышечной энергіи и усовершенствованія въ плавности, ловкости и цѣлесообразности движеній». У человѣка, предающагося цѣлесообразнымъ физическимъ упражненіямъ, тѣло слѣдуетъ только нормальному ходу своего развитія, по унаслѣдованному типу. Нормальная гимнастика ни въ какомъ случаѣ не должна ставить себѣ задачею исправлять формы тѣла—это дѣло ортопедіи; точно также, если дѣло идетъ о субъектахъ съ правильнымъ тѣлосложеніемъ, нужно избѣгать такихъ упражненій, которыя могутъ измѣнять форму тѣла, хотя-бы ради нѣкотораго выигрыша въ силѣ и ловкости нѣкоторыхъ мышечныхъ группъ. Фехтованіе, напримѣръ, можетъ быть вредно для юноши до 20 лѣтъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока скелетъ его окончательно не сформировался, такъ какъ эти упражненія, при неокрѣпшемъ еще скелетѣ, перегибаютъ позвоночный столбъ въ сторону руки, держащей рапиру, понижаютъ работающее плечо и этимъ нарушаютъ симметрію тѣла. Акробатическая гимнастика, сопровождаемая движеніями наиболѣе трудными, производитъ въ неокрѣпшемъ еще скелетѣ ребенка постоянныя измѣненія, напоминающія школьныя искривленія, и потому должна быть совершенно вытѣснена изъ школы.

Въ четвертой части труда Лагранжа, озаглавленнаго: «Физическая и нравственная сторона», трактуется о гигіеническомъ значеніи удовольствія, испытываемаго отъ упражненій, и о воспитательномъ значеніи физическихъ упражненій, въ особенности общественныхъ игръ. Авторъ прежде всего возстаетъ противъ извѣстнаго ригоризма многихъ воспитателей, которые, сознавая полезность какихъ-нибудь физическихъ упражненій, совершенно не справляются съ тѣмъ, чувствуетъ-ли ребенокъ къ нимъ склонность, занимается-ли онъ ими съ увлеченіемъ или нѣтъ. И когда имъ указываютъ на отвращеніе мно

гихъ дѣтей къ упражненіямъ, они разсуждаютъ такъ: «Пусть гимнастика будетъ обязательной, какъ ученье. Разъ упражненіе признано гигіенической необходимостью, его слѣдуетъ примѣнять съ непоколебимою строгостью, независимо отъ того, нравится-ли оно или нѣтъ». Лагранжъ видитъ большой недостатокъ въ современномъ физическомъ образованіи, заключающійся въ томъ, что изъ него изгнанъ безусловно важный гигіеническій элементъ—удовольствіе. На цѣломъ рядѣ физіологическихъ примѣровъ авторъ доказываетъ, что безъ естественныхъ возбудителей никакой органъ не въ состояніи правильно работать. Работа мышцъ находится подъ властью и контролемъ нашего мозга; между дѣятельностью этого послѣдняго органа и мышечной системой должна существовать постоянная гармонія, иначе возможны рѣзкія нарушенія здоровья. Какъ пища, принятая желудкомъ безъ всякаго аппетита, можетъ нарушить правильность пищеваренія, такъ и физическія упражненія, совершаемыя безъ естественнаго влеченія къ нимъ, не только не полезны, но вредны. Для пищеваренія нуженъ аппетитъ, для физическихъ упражненій—влеченіе къ нимъ, удовольствіе. Лагранжъ не видитъ даже признака удовольствія въ обыкновенной комнатной гимнастикѣ и въ упражненіяхъ по командѣ; такъ называетъ онъ вольныя движенія. «Если вы видите въ ребенкѣ только машину, то для того, чтобы заставить послѣдовательно дѣйствовать всѣ ея пружины, нѣтъ ничего лучше этихъ «вольныхъ движеній», благодаря которымъ по очереди упражняются всѣ мышцы. Но организмъ состоитъ не изъ однѣхъ мышцъ, и упражненіе, чтобы быть полнымъ, нуждается въ увлеченіи, въ весельи; ваша-же гимнастика порождаетъ только скуку и отвращеніе». Удовольствіе въ упражненіи есть положительная необходимость во всякомъ возрастѣ, а въ особенности для ребенка. Какъ ни законно естественное влеченіе дѣтей къ физическимъ упражненіямъ, доставляющимъ массу шумныхъ удовольствій, у большинства воспитателей и даже у нѣжныхъ родителей ясно проявляется стремленіе подавить это влеченіе излишней дисциплиной и потомъ они удивляются, когда, не смотря на поглощаемые дѣтьми мясные соки и пептоны, не смотря на упражненія въ гимнастической и въ фехтовальной залахъ, дѣти безъ видимой причины хирѣютъ и скучаютъ. Анализируя это состояніе ребенка, который, несмотря на удовлетвореніе всѣхъ, повидимому, гигіеническихъ потребностей, все-таки развивается плохо, Лагранжъ восклицаетъ: «Машинѣ нуженъ не уголь, но только дуновеніе, чтобы разжечь огонь; а это дуновеніе есть радость и увлеченіе. Вашъ ребенокъ скучаетъ, говорю я, и въ этомъ вся его болѣзнь. Ослабьте хоть немного чрезмѣрную

заботливость, излишнюю осторожность, которая заставляетъ васъ держать его постоянно при себѣ и при учителяхъ. Позвольте ему попытаться поиграть съ дѣтьми, бѣгающими въ скверѣ, въ крайности даже съ уличными мальчишками, шалящими на площади. Дайте ему войти во вкусъ этихъ забавъ, менѣе правильныхъ, чѣмъ упражненія въ фехтовальной залѣ и на гимнастикѣ, но за то увеселительныхъ, и черезъ нѣсколько времени вы увидите въ немъ полное превращеніе. Вы дали ребенку лекарства, которыя ему были вовсе не нужны; вы ему даете упражненіе—это хорошо; вы даете ему еще и чистый воздухъ—еще лучше; но это еще не все: ему необходимо еще и удовольствіе. А удовольствіе, которое ему нужно, не спокойная забава, въ видѣ книжки съ картинками или красивой игрушки, которую боятся сломать, но то нѣсколько животное веселье, которое сильно бьетъ по нервнымъ центрамъ и заставляетъ ихъ освобождать токи нервной силы, способной переполнить всѣ органы и затопить всѣ мышцы. Это то веселье, при которомъ глаза блестятъ, лицо горитъ, дыханіе усиливается и являются сильные жесты. Это веселье всего тѣла—alacritas римлянъ».

Кромѣ чисто гигіеническаго элемента, физическое образованіе должно заключать въ себѣ еще многое другое. Физическая сторона воспитанія тѣсно связана съ нравственной: изъ сочетанія того и другаго образуется типъ людей, приспособленныхъ къ жизненной борьбѣ. Физическое упражненіе должно быть также школой мужества. Лагранжъ различаетъ активное мужество и пассивное. *Активное мужество* есть извѣстное проявленіе воли человѣка, есть стремленіе преодолѣть во что-бы-то ни стало препятствія, даже не прямо стоящія на дорогѣ. Оно требуетъ болѣе или менѣе сильнаго развитія воли и свойственно поэтому юношѣ, но не ребенку, у котораго воля очень слаба, за то чуствительность ко всему очень сильно выражена. Другой видъ мужества, который можно было назвать «твердостью», есть скорѣе пассивное мужество, такъ какъ оно заключается въ подавленіи извѣстной чувствительности и въ частности въ способности пренебрегать болѣзненными ощущеніями. Если возможно путемъ воспитанія развить мужество въ человѣкѣ, то слѣдуетъ начать это воспитаніе съ ослабленія проявленій излишней чувствительности. У дѣтей, изнѣженныхъ чрезмѣрною заботливостью родителей и воспитателей, обыкновенно чувствительность всего организма очень сильно развита; они не только очень сильно реагируютъ на самое незначительное раздраженіе, но, страшась малоизвѣстныхъ сильныхъ ощущеній, малодушно отступаютъ предъ всякимъ затрудненіемъ, которое могутъ легко пре-

одолѣть. Они боятся самаго ничтожнаго раздраженія кожи, вызывающаго болевыя ощущенія, и не рѣшаются на самый незначительный физическій подвигъ. «Такой ребенокъ—говоритъ Лагранжъ—однимъ прыжкомъ перескочитъ широкую аллею сада, но не рѣшится перепрыгнуть вдвое болѣе узкаго, но полнаго водою рва». А когда дѣло будетъ идти о самозащитѣ противъ слабѣйшаго даже врага, онъ скорѣе будетъ звать на помощь, чѣмъ самъ по своему раздѣлается съ нимъ. Бываютъ примѣры, что люди, не боящіеся за свою жизнь, по вульгарному выраженію, дрожатъ за свою шкуру, т.-е. по-просту боятся удара и всякаго грубаго прикосновенія къ ихъ тѣлу. Это дѣлаетъ самаго сильнаго духомъ человѣка трусомъ. На этомъ основаніи стремленіе излишнимъ образомъ щадить чувствительность дѣтей Лагранжъ считаетъ большой ошибкой въ воспитаніи, рекомендуетъ съ раннихъ лѣтъ воспитывать въ ребенкѣ нѣкоторое пренебреженіе къ болевымъ ощущеніямъ и полагаетъ, что многія дѣтскія игры, сопряженныя съ толкотней, легкими ударами въ родѣ удара твердаго мяча и паденіями должны служить прекраснымъ средствомъ для воспитанія пассивнаго мужества, и извѣстныя маленькія непріятности во время игры должны считаться скорѣе преимуществами игры, чѣмъ ея недостатками. Когда одно и то-же ощущеніе часто повторяется—впечатлительность къ нему притупляется. Слѣдовательно, путемъ повторныхъ ощущеній можно ослабить излишнюю чувствительность нервной системы у ребенка. Но не въ этомъ только заключается вся школа мужества: въ ней заключается и активный элементъ. Когда, напр., юноша или даже ребенокъ вступаетъ въ единоборство или въ атлетическую игру, которая можетъ причинить нѣкоторое страданіе, напр., ушибъ, то мужественная рѣшимость вступить въ эту борьбу будетъ уже побѣдой воли надъ страхомъ болѣзненнаго ощущенія. Слѣдовательно, игры, по мнѣнію Лагранжа, и особенно атлетическія, представляютъ драгоцѣннѣйшее гигіеническое средство противъ двухъ пороковъ нашего времени: чрезмѣрной впечатлительности и ослабленія воли.

Первыя четыре части своего сочиненія Лагранжъ посвятилъ наставленіямъ относительно физическихъ упражненій, въ послѣдней-же пятой части, озаглавленной «Педагогическія условія», онъ говоритъ о примѣненіи этихъ упражненій на практикѣ. «Если смотрѣть на вопросъ о физическомъ воспитаніи—говоритъ авторъ—какъ на подлежащую разрѣшенію задачу, а она не изъ легкихъ, то наставленія относительно упражненій будутъ представлять положенія, практическое-же примѣненіе будетъ ея рѣшеніемъ. Если вопросъ о наставленіяхъ отно-

сительно физическихъ упражненій, принадлежа къ числу гигіеническихъ вопросовъ, находится всецѣло въ компетенціи врача и гигіениста, то вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ упражненій, затрагиваютъ другихъ спеціалистовъ. Таковы вопросы бюджета и педагогическіе. Если врачъ, говоритъ Лагранжъ, не можетъ имѣть притязаній на разрѣшеніе указанной задачи, то онъ долженъ ясно поставить положенія, и въ спискѣ жертвъ, къ которымъ вынуждаютъ преобразованія, указать на наиболѣе важныя и необходимыя, наиболѣе настоятельныя и на тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть отложены до будущаго.

Лагранжъ дѣлаетъ справедливый упрекъ современнымъ способамъ физическихъ упражненій дѣтей и юношества. Они выбраны, говоритъ онъ, по удобству ихъ примѣненія, а не по гигіеническимъ достоинствамъ. «Въ нашей школѣ для примѣненія къ дѣтямъ физическихъ упражненій недостаетъ двухъ вещей: времени и мѣста. Вотъ и начались поиски такихъ способовъ гимнастики, которые могли-бы примѣняться на небольшомъ пространствѣ и давать дѣтямъ большое количество мышечной работы въ очень короткое время; выискались аппараты, концентрирующіе движенія, и создалась «гимнастика на аппаратахъ», дающая возможность производить большое количество работы въ очень короткое время, почти не сходя съ мѣста. Благодаря ей, на крошечномъ дворѣ можно собирать огромное количество дѣтей, чтобы разъ или два въ недѣлю упражнять ихъ въ движеніяхъ, требующихъ большихъ мышечныхъ усилій. Развѣ этого требуетъ разумная гигіена ребенка? Что сказали-бы о такомъ способѣ питанія, когда вся пища, необходимая на нѣсколько дней, поглощалась-бы въ одинъ присѣстъ!»

Чрезвычайно характерная особенность дѣтскаго возраста есть та, что ребенокъ чувствуетъ необходимость въ частыхъ перерывахъ упражненія. У него есть быстрота, но нѣтъ «неутомимости». Ребенокъ, свободно игравшій въ теченіе двухъ часовъ, въ дѣйствительности имѣлъ въ мелкихъ перерывахъ часъ отдыха. Слѣдовательно, говоритъ авторъ, каждому сеансу упражненія должно быть отведено много времени, потому что изъ него приходится удѣлить на промежутки отдыха, которые должны прерывать работу всякую минуту. Поэтому-то рекреаціи для маленькихъ дѣтей и должны быть гораздо продолжительнѣе, чѣмъ для большихъ. Начиная лишь съ 14—15 лѣтъ, сеансы упражненія могутъ дѣлаться нѣсколько менѣе частыми. Начиная только съ этого возраста, можно думать о концентраціи работы и, предоставляя молодому человѣку атлетическія игры въ родѣ игры въ мячъ, бокса, борьбы или продолжительнаго бѣга, ограничить упраж-

ненія, напр., тремя сеансами въ недѣлю. Взрослый человѣкъ, по мнѣнію Лагранжа, могъ-бы удовлетворять требованіямъ гигіены, упражняясь еженедѣльно два раза и распредѣляя все количество необходимой работы такимъ образомъ, чтобы каждое упражненіе равнялось $^1/_2$ всего количества работы на 8 дней. Упражненія въ этихъ случаяхъ должны быть сильныя атлетическія. Количество работы слѣдуетъ согласовать съ возрастомъ и индивидуальными способностями.

Что касается выбора мѣста для физическихъ упражненій, то, по мнѣнію Лагранжа, ребенокъ нигдѣ, кромѣ школы, не найдетъ важнѣйшихъ элементовъ пригоднаго для него упражненія. Прежде всего ему нужны сверстники товарищи. Нѣтъ увлеченія въ игрѣ безъ товарищей одного возраста, безъ товарищей, подходящихъ къ нему по силѣ въ игрѣ. Родители, изъ боязни «дурнаго общества», заразныхъ болѣзней и т. п., предоставляютъ дѣтямъ играть въ одиночку; въ такой игрѣ не можетъ быть веселья,—она, слѣдовательно, антигигіенична! Если въ игрѣ съ маленькими принимаютъ участіе болѣе взрослыя дѣти—для первыхъ существуетъ новая опасность: они могутъ увлечься, теряютъ мѣру и не въ состояніи естественнымъ образомъ произвольно или инстинктивно регулировать свои силы. Что касается мѣста, на которомъ должны происходить гигіеническія упражненія тѣла, то для нихъ требуется много свободнаго пространства, открытаго воздуха. Это самое настоятельное гигіеническое требованіе и съ нимъ прежде всего нужно считаться. Современныя школы, въ большинствѣ случаевъ, не приспособлены къ этому требованію, поэтому Лагранжъ совѣтуетъ хотя-бы временно воспользоваться общественными площадями, скверами и садами для школьныхъ игръ и другихъ физическихъ упражненій. Если для военныхъ маневровъ въ чертѣ города находится мѣсто, говоритъ Лагранжъ, то тѣмъ болѣе должно найтись мѣсто, гдѣ молодое поколѣніе пріобрѣтаетъ силы и крѣпость. Чтобы игры могли совершаться въ чистой атмосферѣ даже во время непогоды, можетъ понадобиться сооруженіе гимнастическихъ павильоновъ и тому подобныхъ сооруженій. Препятствія экономическаго характера для выполненія подобныхъ реформъ въ физическомъ образованіи могутъ быть очень серьезныя. «Но—возражаетъ Лагранжъ на это—есть сбереженія, которыхъ мы не имѣемъ права дѣлать. Нѣтъ такихъ бѣдняковъ, которые не были-бы готовы пожертвовать деньгами, чтобы обезпечить заботу о своемъ больномъ сынѣ, хорошо зная, что въ ихъ домѣ возвращенное здоровье есть пріобрѣтеніе капитала. Развѣ обезпечить страну крѣпкимъ поколѣніемъ не значитъ обогатить ее? Существуютъ страшные расходы, которые принимаются безъ всякихъ колебаній,

потому что на нихъ смотрятъ, какъ на необходимые для безопасности страны, и всѣ преклоняются предъ разорительными ассигновками военнаго бюджета. Необъяснимое противорѣчіе! Тѣ самые люди, которые ничего не жалѣютъ на выдѣлку оружія, не могутъ рѣшиться на пустое, сравнительно, пожертвованіе, чтобы имѣть людей, способныхъ его носить»!

На разбираемую нами книгу нельзя смотрѣть, какъ на руководство по физическому образованію. Она есть прекраснѣйшее введеніе къ такому руководству. Всѣ условія для того, чтобы возбудить живой интересъ къ предмету — имѣются въ ней на-лицо. Идеи автора не новы; не онъ первый обратилъ вниманіе на игры и другія естественныя упражненія, какъ на наиболѣе отвѣчающія цѣлямъ нормальнаго физическаго образованія; но вся его заслуга въ томъ, что никто до сихъ поръ съ такою ясностью не формулировалъ гигіеническія требованія физическаго образованія, никто не сдѣлалъ ихъ доступными пониманію всякаго образованнаго человѣка и никто не согласовалъ въ той-же мѣрѣ требованія науки съ практическимъ ихъ примѣненіемъ. Живая рѣчь, образность слога, богатство содержанія и строгая научность— вотъ главныя достоинства книги.

Но, при всемъ уваженіи къ труду Лагранжа, нельзя не сдѣлать нѣсколько замѣчаній, относящихся къ содержанію книги. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза неопредѣленное отношеніе автора къ вопросу о такъ называемыхъ вольныхъ, порядковыхъ или массовыхъ движеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги Лагранжъ относится къ нимъ крайне скептично и даже какъ будто ихъ вовсе отвергаетъ, по крайней мѣрѣ для дѣтей, еще не достигшихъ 14-ти лѣтъ. Такія упражненія онъ называетъ скучными, возбуждающими лишь отвращеніе. Въ другомъ-же мѣстѣ полезность этихъ упражненій не отрицается, и Лагранжъ даже предлагаетъ ихъ чередовать съ играми. «Во время перерывовъ игры—говоритъ онъ—можно занять дѣтей на нѣсколько минутъ массовыми движеніями, во время которыхъ дѣти призываются къ представленію о дисциплинѣ и о правилѣ, уваженія къ которымъ мы отнюдь не хотимъ ихъ лишать (какъ будто въ играхъ дисциплина и правила имѣютъ меньшее значеніе) и, кромѣ того, его мышцы получатъ каждая свою долю правильнаго и хорошаго ритмированнаго упражненія, что очень полезно для воспитанія движеній».

Въ главѣ объ искусственныхъ упражненіяхъ онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Съ гигіенической точки зрѣнія эти вольныя движенія (массовыя движенія) превосходныя упражненія, такъ какъ за-

ставляютъ всякую часть тѣла работать пропорціонально силѣ ея мышцъ и не требуютъ вредныхъ положеній тѣла, никакого искусственнаго употребленія членовъ. Въ отношеніи примѣненія они очень практичны: даютъ возможность упражняться сразу большому числу учениковъ на ограниченномъ пространствѣ; слѣдовательно, и удобны, и гигіеничны, но не могутъ служить средствомъ развлеченія, а потому смертельно скучны, и дѣти стараются отъ нихъ отдѣлаться. Вмѣсто развлеченія, ребенокъ находитъ въ гимнастикѣ ученье въ добавокъ ко множеству другихъ уроковъ и предпочитаетъ дѣлать подобіе усилій вмѣсто того, чтобы упражняться въ дѣйствительности».

Здѣсь приведено почти все то, что думаетъ авторъ по вопросу объ упражненіи дѣтей въ порядковыхъ и массовыхъ движеніяхъ. Онъ, очевидно, относится къ нимъ съ большою осторожностью, считая главнымъ ихъ недостаткомъ отсутствіе элемента удовольствія. Намъ кажется, что этотъ единственный недостатокъ порядковыхъ упражненій не можетъ служить основаніемъ для полнаго изгнанія ихъ изъ школы. Несомнѣнно игры и другія физическія упражненія изъ категоріи естественныхъ и увеселительныхъ должны занять первое мѣсто въ физическомъ образованіи дѣтей. Но нельзя не видѣть въ массовыхъ движеніяхъ еще одной чрезвычайно важной въ образовательномъ отношеніи черты, которая совершенно упущена авторомъ изъ виду. Въ главѣ гигіена мозга Лагранжъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ описываетъ существующую связь между мозгомъ и мышечной системой. Онъ говоритъ: «Внѣ дѣйствія мозга нѣтъ сознательныхъ мышечныхъ актовъ». Какія-же мышечныя движенія могутъ быть болѣе сознательными, какъ тѣ, на которыхъ сосредоточивается вниманіе упражняющихся? Какой мышечный актъ можетъ быть болѣе сознательнымъ, чѣмъ тотъ, который предлагаютъ выполнить по слову съ замѣчательной точностью? Нѣтъ другихъ упражненій, гдѣ-бы такъ обнаруживалась связь органа мысли съ послушной ему мышечной системой, какъ именно въ этихъ упражненіяхъ. Вниманіе для ума то-же, что усиліе для мышцы, и тамъ, гдѣ вниманіе обращено на работающія мышцы, тамъ больше всего сказывается совмѣстное дѣйствіе этихъ важныхъ органовъ. Слѣдовательно, сосредоточивать вниманіе на мышечныхъ движеніяхъ значитъ упражнять единовременно и мозгъ, и мышцы. Работа, правда, утомительная, такъ какъ чѣмъ больше точности требуютъ движенія, чѣмъ они должны быть ловчѣе, тѣмъ больше утомляется мозгъ. Дѣти не любятъ порядковыхъ движеній только потому, что, упражняясь въ нихъ, они испытываютъ мозговое утомленіе. Если такія упражненія прерываютъ умственныя занятія въ школѣ,

они не освѣжаютъ ученика; напротивъ, утомляютъ его мозгъ еще больше. Лагранжъ самъ сознаетъ это и потому предпочитаетъ играми прерывать занятія учениковъ, относя ихъ къ упражненіямъ, менѣе возбуждающимъ мозгъ. Въ игрѣ, говоритъ онъ, преобладаетъ увлеченіе. Увлеченіе-же есть матеріальное выраженіе склонности къ упражненію всего организма. Въ этомъ увлеченіи участвуютъ какъ-бы всего больше мышцы, такъ какъ чѣмъ больше въ нихъ энергіи, тѣмъ сильнѣе увлеченіе во всѣхъ другихъ физическихъ упражненіяхъ, ребенокъ можетъ проявить больше старанія, чѣмъ увлеченія. Это не одно и то-же. Старается нашъ мозгъ, а мышцы ему подчиняются. Если слабый, напримѣръ, ребенокъ, вслѣдствіе нежеланія отстать отъ сверстниковъ, слишкомъ старается въ своихъ физическихъ упражненіяхъ, онъ къ мышечному утомленію присоединяетъ переутомленіе мозга физической работой. Въ играхъ больше увлеченія, чѣмъ старанія; поэтому онѣ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ примѣненія въ школахъ, гдѣ и безъ того умственныя занятія обременяютъ ребенка. Но это еще не значитъ, чтобы изъ боязни умственнаго переутомленія физическими упражненіями мы были въ правѣ совершенно отказаться отъ тѣхъ физическихъ упражненій, которыя особенно развиваютъ вниманіе, сосредоточивая ихъ на органахъ, которые самою природою предназначены быть въ полномъ подчиненіи у мозга. Мозгъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ въ произвольной и сознательной дѣятельности человѣка, и стараться ограничить его вліяніе въ этой сферѣ—значитъ допустить большой пробѣлъ въ физическомъ и умственномъ образованіи человѣка.

На этомъ основаніи порядковыя движенія не только неизлишни, а, напротивъ, составляютъ такую-же необходимость для полнаго и всесторонняго образованія человѣка, какъ и игры. Чѣмъ старше дѣти, тѣмъ необходимѣе для нихъ эти упражненія. Ихъ преимущества состоятъ въ томъ, что дѣти пріучаются сосредоточивать свое вниманіе на своихъ движеніяхъ, научаются изолировать отдѣльныя движенія, сравниваютъ ихъ между собою, словомъ, научаются сознательно управлять своими движеніями и преодолѣвать препятствія сознательно, а не инстинктивно только, какъ это бываетъ иногда во время игры, борьбы и проч. естественныхъ упражненіяхъ.

Такимъ образомъ авторомъ не принята во вниманіе образовательная сторона цѣлой группы физическихъ упражненій, на нашъ взглядъ составляющая важный элементъ въ общемъ образованіи человѣка. Весь вопросъ въ примѣненіи этихъ упражненій. Дѣтямъ трудно внушить любовь къ нимъ, ихъ цѣлесообразности они не понимаютъ, а

потому эти движенія имъ скоро пріѣдаются и не достигаютъ желаемаго результата. Какъ сдѣлать эти упражненія если не увлекательными, то хоть занимательными — это вопросъ чрезвычайно важный, рѣшеніе котораго очень трудно.

Не можемъ не отмѣтить еще одного увлеченія автора. Въ главѣ объ утомленіи онъ рисуетъ такими мрачными красками переутомленіе у юношей, вслѣдствіе упражненій на аппаратахъ, что всѣ эти описанія невольно кажутся нѣсколько преувеличенными. Такъ, напр., онъ описываетъ тяжелую форму такого переутомленія у юношей, называя ее «тифомъ костей»; болѣзнь эта, по словамъ автора, нерѣдко ведетъ къ смерти и случается довольно часто. Между тѣмъ тѣ факты, которые авторъ приводитъ въ защиту этого мнѣнія, не особенно убѣдительны и допускаютъ другое истолкованіе.

Но въ общемъ книга Лагранжа заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны педагоговъ и такъ увлекательно написана, что можетъ побудить послѣднихъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ физической природы дѣтей и юношей. Ею одною нельзя удовлетвориться; но нельзя не высказаться въ томъ смыслѣ, что эта полезная книга достойна общаго сочувствія по отношенію къ идеямъ, въ ней проводимымъ, и можно пожелать только того, чтобы она нашла распространеніе среди лицъ, занимающихся дѣломъ воспитанія и руководящихъ физическимъ образованіемъ дѣтей и юношества. Въ школьной библіотекѣ ей, несомнѣнно, должно быть отведено весьма почетное мѣсто.

В. Гориневскій.

Проф. А. И. Кирпичниковъ. Педагогическіе очерки (1867—1888). Москва, 1890 г.

Книжка профессора Кирпичникова состоитъ изъ ряда статей по вопросамъ средняго образованія. Эти статьи, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, написаны около 20 лѣтъ тому назадъ и въ свое время были напечатаны. Хотя наша средняя школа того времени отличалась отъ нынѣшней «и программой и до извѣстной степени строемъ своей жизни», но авторъ нашелъ однако-же небезполезнымъ перепечатать свои «очерки» теперь, такъ какъ основныя задачи школы остались тѣ-же самыя, равно какъ и ея отличительныя черты въ сравненіи со школой нѣмецкой или англійской. Авторъ самъ находитъ въ статьяхъ своихъ «иное незрѣлымъ и одностороннимъ», но не рѣшился на измѣненія, потому что съ тѣхъ поръ не имѣлъ возможности провѣрить свои взгляды на практикѣ, безъ которой, по его мнѣнію,

педагогическія «размышленія» не могутъ имѣть значенія, по крайней мѣрѣ, для преподавателей. Такой взглядъ на дѣло объясняется содержаніемъ шести первыхъ очерковъ, посвященныхъ не общимъ вопросамъ воспитанія, не принципамъ педагогіи, а ея практической, прикладной сторонѣ—рѣшенію частныхъ вопросовъ гимназическаго образованія, на что̀ указываютъ и самыя заглавія этихъ статей: I. «О домашнемъ надзорѣ»; II. «Внѣклассное чтеніе»; III. «О разборѣ образцовъ иностранной литературы въ нашихъ гимназіяхъ»; IV. «Обученіе орѳографіи»; очерки V и VI—о посѣщеніи авторомъ заграничныхъ учебныхъ заведеній (классической гимназіи Фридриха-Вильгельма въ Кёльнѣ, лицея Данта во Флоренціи и института Терезіанума въ Вѣнѣ), по самой сущности предмета, не нуждаются въ исправленіяхъ. Къ перечисленнымъ, давно написаннымъ статьямъ г. Кирпичниковъ присоединилъ свою актовую рѣчь: «Диккенсъ, какъ педагогъ» (1880),—«въ качествѣ свода своихъ педагогическихъ вѣрованій»,—и не появлявшуюся еще въ печати статью: «О женскомъ образованіи».

Нельзя не выразить сочувствія взглядамъ почтеннаго автора, когда онъ предлагаетъ нѣкоторыя, хотя и несущественныя, улучшенія въ области нашего средняго образованія. Такъ, напр., онъ совѣтуетъ не подавлять самодѣятельности учениковъ постояннымъ руководительствомъ со стороны гувернеровъ (статья I), пріучать ихъ къ толковому чтенію книгъ, и съ этою цѣлью рекомендуетъ, между прочимъ, возобновленіе при гимназіяхъ нѣкогда почти повсемѣстно распространенныхъ литературныхъ чтеній (II), введеніе чтенія и разбора классическихъ произведеній иностранной литературы на урокахъ словесности (III) и излагаетъ планъ обученія орѳографіи, обращая особенное вниманіе на диктантъ и подробный разборъ его въ классѣ (IV).

Къ сожалѣнію, нѣсколько одностороннее направленіе большинства его статей, обусловленное признаніемъ нормальности statu quo, въ его существенныхъ чертахъ (въ родѣ, напр., балльной системы), имѣетъ результатомъ то, что совѣты автора, имѣющіе въ виду исправленія частныхъ недостатковъ, не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. Впрочемъ, принимая во вниманіе выше сдѣланную оговорку, не будемъ останавливаться на частностяхъ, а скажемъ лишь нѣсколько словъ объ «основныхъ педагогическихъ вѣрованіяхъ» автора.

Проф. Кирпичниковъ принадлежитъ къ числу педагоговъ-словесниковъ. Онъ—сторонникъ гуманистической основы образованія, и видитъ лучшій способъ всесторонняго развитія учащихся въ классической системѣ: «это—говоритъ онъ—единственная до сихъ поръ, выработанная

система общаго образованія» (168); нужно только проводить ее «разумно и послѣдовательно», не сводя всего классицизма къ изученію синтаксическихъ и этимологическихъ правилъ, когда, по выраженію Диккенса, всѣ фантазіи поэтовъ и уроки мудрецовъ являются въ глазахъ учащихся коллекціею грамматическихъ примѣровъ, не имѣющею ни малѣйшаго примѣненія къ жизни. За «реализмомъ», за изученіемъ естественныхъ наукъ проф. Кирпичниковъ не признаетъ общеобразовательнаго значенія, даже отожествляя реальное образованіе со спеціальнымъ, узко-практическимъ (49). Ребенокъ, незнакомый съ произведеніями словесности, въ родѣ сказокъ, и читающій только «полезныя» книги, представляется ему «не умѣющимъ рѣзвиться и играть, собирающимъ капиталъ изъ карманныхъ денегъ и занимающимся торговыми оборотами между товарищами» (24—25).

Будучи убѣжденъ, что общее развитіе дается только древними языками, отечественнымъ и математикою, авторъ рекомендуетъ ввести, по крайней мѣрѣ, четырехклассный курсъ латыни и въ женскія гимназіи (166 и слѣд.). Вообще, онъ настаиваетъ на необходимости особенно для русскихъ дѣвушекъ, «которыя не могутъ довольствоваться ни скромною долею нѣмецкой Hausfrau, ни кокетствомъ француженки», такого-же образованія, какое получаютъ мальчики и юноши въ классическихъ гимназіяхъ. Женскія гимназіи должны приготовлять дѣвушекъ къ слушанію университетскихъ курсовъ. Поэтому, по мнѣнію автора «Педагогическихъ очерковъ», не мѣсто въ гимназіяхъ дѣвушкамъ изъ неинтеллигентной среды, которыя не могутъ разсчитывать на окончаніе полнаго гимназическаго курса и на дальнѣйшую жизнь умственнымъ трудомъ, несмотря на то, что «изъ бѣднаго класса больше выходитъ дѣтей здоровыхъ и сильныхъ какъ физически, такъ и умственно, и что при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій больше вѣроятности, что ребенокъ изъ бѣднаго класса легче снесетъ всѣ трудности ученія». Какъ на противодѣйствіе наплыву такихъ ученицъ въ гимназіи, авторъ указываетъ на устройство хорошихъ ремесленныхъ школъ.

Вообще «Педагогическіе очерки» проф. Кирпичникова, возбуждая, но не всегда удовлетворительно разрѣшая спорные вопросы нашего средняго образованія, тѣмъ не менѣе читаются съ большимъ интересомъ, такъ какъ, независимо отъ точки зрѣнія автора, они касаются многихъ жизненныхъ и еще далеко не разрѣшенныхъ вопросовъ нашей школы.

М. С.

Н. Некрасовъ. Сборникъ упражненій въ толковомъ и грамотномъ изложеніи мыслей. Практическое руководство по русскому языку для учениковъ начальныхъ училищъ и для домашняго обученія. Ц. 20 к. Спб. 1890.

Какъ извѣстно, книжнымъ магазиномъ Фену и К° изданы десять картинъ «Изъ русской жизни и природы». Въ особыхъ брошюрахъ, г. Кореневымъ даны указанія, «какъ вести бесѣды по картинамъ и какіе слѣдуетъ при этомъ давать дѣтямъ вопросы». Г. Некрасовъ, такъ сказать, примыкаетъ къ этимъ изданіямъ и, съ своей стороны, дѣлаетъ такія поясненія въ «руководящихъ замѣткахъ»: «Составленный мною «Сборникъ упражненій» предназначается для дѣтей, только что окончившихъ дѣло съ (?) азбукой—научившихся читать и писать отдѣльныя слова. Онъ, вмѣстѣ съ стѣнными картинами для нагляднаго обученія, представляетъ собою попытку дать подходящій матеріалъ къ развитію у дѣтей наблюдательности, мышленія, дара слова и умѣнія толково и грамотно излагать свои мысли на бумагѣ, что до сихъ поръ составляетъ самое больное мѣсто въ первоначальномъ обученіи»... «Занимаясь по «Сборнику упражненій», дѣти, вмѣстѣ съ развитіемъ наблюдательности, мышленія и дара слова, упражняются также въ чтеніи и самостоятельномъ исполненіи разнообразныхъ письменныхъ работъ въ слѣдующей постепенности: 1) пишутъ отдѣльныя слова—названія предметовъ, изображенныхъ на картинахъ; 2) составляютъ и пишутъ отдѣльныя предложенія, сначала—легчайшія—краткія и распространенныя безъ предлоговъ, а потомъ болѣе распространенныя и съ предлогами; 3) по частнымъ вопросомъ соединяютъ отдѣльныя предложенія въ простѣйшія статьи—описанія картинъ, употребляя при этомъ только одинъ знакъ препинанія—точку; 4) по вопросамъ болѣе общимъ и пользуясь всѣми знаками препинанія, излагаютъ содержаніе прочитанныхъ статей; 5) описываютъ по плану домашнихъ животныхъ, знакомыхъ дикихъ звѣрей, птицъ, рыбъ, растенія, времена года и т. п.; 6) излагаютъ содержаніе прочитанныхъ разсказовъ, басенъ и стихотвореній совершенно самостоятельно—безъ вопросовъ и безъ плана; 7) знакомятся съ образцами писемъ и пробуютъ силы въ составленіи характеристики и письмѣ сочиненій на заданныя темы». Все это, въ методическомъ отношеніи, очень не ново, конечно. Но нельзя не сказать, что сборникъ составленъ и изданъ *прилично*, какъ по внутреннему своему содержанію, такъ и по внѣшности, включая сюда и довольно отчетливые рисунки.

А. Н.

Другъ школы. Первая книга послѣ азбуки. М. 1890 г. Ц. 20 к. Въ предисловіи, написанномъ вообще въ какомъ-то приподнятомъ тонѣ, съ рѣзкостью сужденій, сказано: «Стихи приведены для упражненія въ чтеніи, а не для заучиванія наизусть на дому, такъ какъ заучиваніе наизусть вредно». Но доводовъ анонимный авторъ никакихъ не приводитъ; утвержденіе это такъ и остается голословнымъ. «Басни—говорится далѣе—я здѣсь привожу только тѣ, которыя имѣютъ характеръ сказокъ, такъ какъ басни, вообще, не созданы для дѣтей». Въ книгѣ находимъ басни: «Прохожіе и собаки» и «Лебедь, щука и ракъ». Но опять не объясняется, почему именно имъ присущъ этотъ «характеръ сказокъ». «Оглавленіе для этой книги—продолжаетъ авторъ—я считаю лишнимъ, такъ какъ это безполезно увеличиваетъ цѣну книги, знать-же дѣтямъ имена авторовъ также безполезно». Въ первомъ отдѣлѣ даны по преимуществу сказки, изъ нихъ очень многія помѣщены уже въ «Родномъ Словѣ», у Толстого и др. Въ отдѣлѣ «для объяснительнаго чтенія»—всего 40 статеекъ. Въ иныхъ, дѣйствительно, сообщаются, въ простыхъ выраженіяхъ, нѣкоторыя свѣдѣнія—полезныя и какъ-бы новыя сравнительно съ тѣми, что чаще даются другими книжками для сельскихъ школъ. Большинство-же №№ составлено по тому образцу, котораго, къ сожалѣнію, придерживаются очень многіе авторы-педагоги. Подъ видомъ такъ-называемыхъ «дѣловыхъ» статеекъ малолѣтнимъ читателямъ излагаются какія-то общія мѣста и безсодержательныя фразы съ «научными» терминами. Изъ «стихотвореній» болѣе удачные №№ встрѣчаемъ и въ другихъ книгахъ для чтенія. Кромѣ того, помѣщено не мало крошечныхъ отрывковъ изъ Некрасова и даже, видимо, *по Некрасову* и др.; при этомъ довольно настойчиво выдержанъ тонъ—нѣсколько сантиментально-народничающій, въ ущербъ собственно литературной и эстетической сторонѣ дѣла. Въ заключеніе, къ автору—человѣку очевидно искреннему—можно было-бы обратиться съ такими словами: «Охотно вѣримъ, что вы не только авторъ «*Друга* школы», но и настоящій преданный другъ дѣтей и класса, вѣрный служитель серьезнаго педагогическаго дѣла. Ваша дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія, скажемъ, оставитъ свои слѣды въ самой жизни. Но зачѣмъ-же непремѣнно торопиться печатаніемъ, когда авторъ въ сущности ничего не имѣетъ сообщить новаго? Такими книгами мы теперь богаты».

А. Н.

Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ.

Przegląd Pedagogiczny. Czasopismo poświęcone wychowaniu szkolnemu i domowemu. Wychodzi 1 i 16 każdego miesiąca. Warszawa. Redaktor Jan Władysław Dawid. Rocznie r. s. 6, т.-е. Педагогическое Обозрѣніе. Журналъ, посвященный воспитанію школьному и домашнему. Выходитъ 1 и 16 каждаго мѣсяца. Въ годъ 6 р. с. 1890 г., вып. 1—18.

Съ начала 1890 года веденіе журнала перешло въ другія руки, и новая редакція заявила о своихъ намѣреніяхъ вступительной статьей слѣдующаго содержанія:

Редакція намѣрена придать журналу характеръ главнымъ образомъ практическій, принаровить его возможно ближе къ дѣйствительнымъ потребностямъ польскихъ воспитателей и польской жизни. Теоріи и фактамъ чужой педагогической жизни будетъ удѣляться немного вниманія. Главныя усилія будутъ обращены на сообщеніе и уясненія читателямъ указаній и совѣтовъ въ практикѣ воспитанія и дидактики. Такія-же старанія будутъ употреблены на то, чтобъ слѣдить за состояніемъ общественнаго мнѣнія въ вопросахъ воспитанія и въ семьѣ, и въ школѣ. Редакція проситъ всѣхъ своихъ читателей—матерей, воспитателей, учителей—присылать свои запросы, замѣтки, наблюденія обо всемъ, что̀ ни случается въ ихъ воспитательной работѣ и что̀, по ихъ мнѣнію, требовало-бы подробнѣйшаго разъясненія въ журналѣ. Ни одно такое сообщеніе не останется безъ отвѣта въ той или иной формѣ. Для того, чтобъ лучше удовлетворять потребностямъ своихъ читателей, редакціи нужно знать отъ родителей и воспитателей о возрастѣ дѣтей, находящихся подъ ихъ попеченіемъ, отъ преподавателей—чему и гдѣ они учатъ.

Въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ школъ съ польскимъ преподавательскимъ языкомъ не существуетъ, и нѣкоторые поляки пред-

почитаютъ поэтому воспитывать дѣтей своихъ, особенно дочерей, дома или даже посылаютъ ихъ въ Краковъ и т. д. Но поступать такъ могутъ немногіе, большинство-же родителей средняго состоянія старается отдавать своихъ дѣтей въ среднеучебныя заведенія какъ можно позже, и дома пополнять то, чего русская школа не даетъ въ достаточномъ, по ихъ мнѣнію, объемѣ, т.-е. знаній въ польскомъ языкѣ, словесности, географіи и исторіи. А «Пшеглондъ» желаетъ стоять въ непосредственной связи съ фактами польской педагогической жизни, каковые въ предѣлахъ Россіи имѣютъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ семьѣ и лишь отчасти—въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ коихъ большинство женскія. Кромѣ того заграничные польскіе педагогическіе журналы занимаются почти исключительно школой, напримѣръ, львовскій Muzeum. Отсюда ясно, на что должно быть устремлено преимущественное вниманіе «Пшеглонда». И дѣйствительно, «Пшеглондъ» разъясняетъ и говоритъ большею частью о вопросахъ домашняго и начальнаго воспитанія и образованія въ польской семьѣ. Школой—и больше частной—«Пшеглондъ» занимается въ тѣхъ случаяхъ предпочтительно, когда на нее почему-либо обращено вниманіе польскаго общества. Въ текущемъ году это происходило по поводу съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію; а также по поводу толковъ о переработкѣ программы среднеучебныхъ заведеній, жалобъ на недостаточно практическое направленіе школы и, какъ всегда, во время экзаменовъ. «Пшеглондъ» отмѣчалъ также нѣкоторые факты въ развитіи европейской школы, такіе, напримѣръ, какъ парижскій congrès libre et international de l'éducation въ сентябрѣ 1889 г., или указъ императора Вильгельма на имя инспектора военно-учебныхъ заведеній. Сочувствіе «Пшеглонда» на сторонѣ улучшеній въ школьномъ дѣлѣ, приспособленія школы къ нуждамъ трудовой жизни, но онъ возстаетъ противъ чрезмѣрныхъ увлеченій въ эту сторону. Онъ высказывается за распространеніе профессіональнаго образованія и познаній о природѣ, въ спорѣ о классицизмѣ принялъ сторону умѣренныхъ его защитниковъ, далѣе указывалъ на важность и необходимость внимательнаго отношенія къ физическому развитію учащихся, ратовалъ противъ экзаменной системы, даже перевелъ по этому поводу пѣсню Томаса Гуда объ экзаменахъ (вып. 12).

Но, какъ мы уже говорили, предметъ преимущественныхъ заботъ «Пшеглонда»—это уясненіе самаго дѣла, практики домашняго воспитанія и образованія, и даже вопросы, одинаково важные для семьи и для школы, разбираются «Пшеглондомъ» большею частью въ томъ-же отношеніи, напримѣръ, какъ справиться съ упорствомъ ребенка (вып. 3). Старанія

редакціи направлены къ тому, чтобы сдѣлать свое изданіе, такъ сказать, справочной, настольной книгой матери въ польской семьѣ, далѣе, чтобы, съ одной стороны, убѣдить родителей начинать ученіе непремѣнно на польскомъ языкѣ, съ другой—дать польскимъ воспитателямъ спеціалистамъ и не спеціалистамъ, вообще всякому, кто ни захотѣлъ-бы заняться этимъ, полную возможность вести образованіе по польски, какъ можно легче и какъ можно дольше, имѣя подъ руками всѣ необходимыя указанія и пособія. «Пшеглондъ» возстаетъ противъ иностранокъ боннъ, доказываетъ, что обученіе дѣтей говоренію на чужихъ языкахъ въ возрастѣ отъ 3—7 лѣтъ вредно отзывается на ихъ развитіи и затрудняетъ ихъ дальнѣйшіе успѣхи въ родномъ языкѣ, помѣщаетъ статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся правильности и чистоты польскаго языка, открываетъ отдѣлъ, какъ учиться педагогіи, печатаетъ образцовые уроки по начальному курсу исторіи, географіи, новыхъ языковъ, ариѳметики, естество-, и предметовѣдѣнія, по польскому языку, обѣщаетъ дать metodyczny kurs nauk, т.-е. рядъ учебниковъ по тѣмъ-же предметамъ а также по Закону Божію и рисованію, съ необходимыми указаніями и объясненіями такого рода, что каждая мать, каждый воспитатель, какъ-бы мало онъ ни былъ образованъ, будетъ въ состояніи вести дѣло согласно съ основаніями разумной методики и т. д.

Главный интересъ «Пшеглонда» выражается, однако, не въ этомъ, а въ стремленіи къ ближайшему общенію съ подписчиками, т.-е. съ обществомъ, конечно, въ той его части, которая такъ или иначе заинтересована дѣломъ воспитанія, въ стремленіи даже привлечь ихъ къ непосредственному участію, сотрудничеству съ редакціей. Съ приглашеніемъ въ этомъ смыслѣ редакція выступила съ перваго-же выпуска, потомъ не разъ повторяла свои приглашенія и открыла нѣсколько особыхъ отдѣловъ, именно Kwestyonariusz—вопросникъ, Poradnik Wychowawczy—совѣтчикъ по воспитанію, Polemika, Pośrednictwo w pracy—посредничество въ работѣ, Odpowiedzi Redakcyi—отвѣты редакціи. Въ разбираемыхъ нами выпускахъ на разрѣшеніе читателей предложены два вопроса. Первый—вліяетъ-ли изученіе отдѣльнаго предмета на общее развитіе и насколько? Вопросъ не заинтересовалъ читателей, отвѣтовъ получилось немного, а «Пшеглондъ» не считалъ нужнымъ поднимать его вновь.

Съ гораздо большимъ вниманіемъ отнеслись и читатели, и сама редакція ко второму вопросу—что говорятъ за и противъ ранняго наученія чужимъ языкамъ и какъ надо поступать въ этомъ отношеніи? Этотъ общій вопросъ расчленяется на цѣлый рядъ частныхъ. Отъ родителей требуется указаніе побудительныхъ причинъ, на основаніи

которыхъ они считаютъ необходимымъ начинать учить своихъ 3—6-лѣтнихъ дѣтей говоренію иногда сразу на двухъ иностранныхъ языкахъ. Не приноситъ-ли это вреда физическому развитію дѣтей? Не терпитъ-ли при этомъ говореніе по-польски? Не дѣлаются-ли такія дѣти менѣе способными, менѣе понятливыми, напримѣръ, при объяснительномъ чтеніи? Не становится-ли дитя, уже привыкшее говорить по-польски, менѣе живымъ, способнымъ и т. п., когда его начинаютъ учить чужому языку? Далѣе, съ меньшимъ-ли трудомъ дается чужой языкъ ребенку въ возрастѣ 7—8 лѣтъ, уже вполнѣ овладѣвшему своимъ роднымъ, и вообще есть-ли такой возрастъ, перейдя который, юноша уже теряетъ способность къ усвоенію чужихъ языковъ? Какое вліяніе на школьные успѣхи въ этихъ предметахъ оказываетъ предварительное домашнее практическое ознакомленіе съ ними? Часто-ли и почему мальчики, поступивъ въ школу, совершенно забываютъ то, чему выучились дома? Наконецъ, помогаетъ-ли эта домашняя подготовка впослѣдствіи, уже по окончаніи средней школы, при вторичномъ изученіи языка? По мнѣнію «Пшеглонда», надо начинать обученіе чужимъ языкамъ не ранѣе, какъ съ семи лѣтъ при помощи бонны-польки, знающей эти языки, и посвящать на нихъ часъ или два въ день, не больше, и о такихъ тонкостяхъ, какъ выговоръ, не заботиться. Рѣшенію вопроса и обсужденію отвѣтовъ «Пшеглондъ» отводитъ сравнительно не мало мѣста (вып. 12—16 и 18) и вообще видно, что этотъ вопросъ живо интересуетъ нѣкоторую часть образованнаго польскаго общества. Редакція съ удовольствіемъ приводитъ мнѣнія и наблюденія, подтверждающія ея собственныя, а противныя подвергаетъ строгому разбору. Предлагать читателямъ вопросы—такой способъ общенія съ подписчиками за послѣднее время очень распространился, и разныя причины побуждаютъ редакторовъ, а чаще издателей, прибѣгать къ нему. «Пшеглондъ» руководствуется слѣдующими соображеніями: это можетъ способствовать болѣе внимательному отношенію читателей къ дѣлу воспитанія, даже заохотить нѣкоторыхъ заняться имъ поосновательнѣе; наблюденія читателей могутъ быть полезны при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ еще вопросовъ, въ особенности такихъ, правильное рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій; наконецъ, отвѣты дадутъ ясное представленіе о воззрѣніяхъ, болѣе или менѣе распространенныхъ въ обществѣ.

Въ отдѣлѣ совѣтовъ по воспитанію редакція предложила (вып. 2) обращающимся къ ней читателямъ объяснять, какъ надо поступать въ случаяхъ воспитательной практики, приводящихъ ихъ въ сомнѣніе. Предложеніе принято сочувственно. Въ 2—18 вып. помѣщено 17 об-

ращеній со стороны матерей (преимущественно) и домашнихъ учителей и воспитателей: отъ матерей—8, отъ учителей и воспитателей—3; объ остальныхъ нельзя рѣшить, отъ кого они исходятъ, но большею частью, вѣроятно, также отъ матерей. Всѣ, за исключеніемъ развѣ одного (вып. 3), что дѣлать съ разсѣяннымъ, апатическимъ и т. д. ребенкомъ, относятся къ дѣтямъ, воспитывающимся дома и притомъ не старше 12 лѣтъ. По опредѣленіи ихъ въ школу, случаевъ къ колебаніямъ и сомнѣнію для родителей представляется гораздо меньше. Многіе спрашиваютъ, не пора-ли приступать къ систематическому ученію—4 вопроса—требуютъ указаній по гигіенѣ, которою «Пшеглондъ» вообще охотно и довольно много занимается, (тоже 4 вопроса). Столько-же разъ спрашивали о способахъ обращенія съ капризными или неспособными въ томъ или иномъ отношеніи дѣтьми. По методикѣ одинъ вопросъ. Остальные возбуждены сомнѣніями въ томъ, какъ отвѣчать на вопросы дѣтей, чѣмъ, кромѣ чтенія, занять 12-лѣтнюю барышню въ деревнѣ и зимой, желательно-ли вліяніе деревни и народа на ребенка, какъ относиться къ проявленіямъ жестокости у ребенка? Остановимся на послѣднихъ вопросахъ. Барышнѣ «Пшеглондъ» совѣтуетъ заняться какой-нибудь полезной домашней работой, напримѣръ, шитьемъ, кухней и т. п.; еще лучше, если она соберетъ 2 — 3 рабочихъ или ребятъ и будетъ учить ихъ чтенію, кройкѣ и т. п., разсказывать имъ и т. п. Маменькѣ, испугавшейся огрубляющаго вліянія крестьянъ на ея сына, «Пшеглондъ» отвѣчаетъ: «мы очень-бы желали, чтобы всѣ наши дѣти могли проводить лѣто среди природы и народа; непосредственное общеніе съ природой роднаго края, близкое соприкосновеніе съ крестьянами, съ ихъ рѣчью, обычаями, работами приноситъ неоцѣнимую и почти ничѣмъ незамѣнимую пользу какъ физическому, такъ и умственному и нравственному развитію ребенка; онъ получаетъ множество впечатлѣній и представленій, которыхъ ему не дастъ ни одна школьная наука, безъ которыхъ эта наука останется болѣе или менѣе неполною; онъ во время научится цѣнить и понимать то, что навсегда должно остаться предметомъ его привязанности. А огрубѣлость устранить не трудно. И потому, «кому только обстоятельства позволяютъ, пускай выѣзжаетъ съ дѣтьми въ деревню, пускай позволяетъ имъ играть съ крестьянскими ребятишками и заходить въ крестьянскія избы, пусть позволитъ имъ набраться немножко неправильныхъ выраженій, даже не слишкомъ хорошихъ манеръ». Въ 7-мъ выпускѣ какая-то воспитательница разсказываетъ, какъ ея 9-лѣтній Стась, слабый и трусливый мальчикъ, съ наслажденіемъ билъ и топталъ мышей; всѣ хвалили Стася, одна воспитательница находила, что та-

кихъ поступковъ поощрять отнюдь не слѣдуетъ, и за рѣшеніемъ спора обратилась къ «Пшеглонду», который, конечно, принялъ ея сторону; но любопытно-бы знать, какъ отнеслись къ мнѣнію «Пшеглонда» родители Стася?

Что касается до отдѣла полемики, то отъ читателей зависитъ, принимать или не принимать въ немъ участіе. Мы отмѣтимъ статьи по поводу учебника Богуславскаго (Historya Polski. Kraków. 1889), въ которой читатели не участвовали. Дѣло въ томъ, что Богуславскій последователь Бобжинскаго, а Бобжинскій внесъ въ польскую историческую литературу нѣкоторые взгляды, по мнѣнію его многочисленныхъ (особенно въ началѣ) противниковъ, чуть не еретическіе—онъ говоритъ, что въ паденіи Польши не мало виноваты и сами поляки. Принадлежность къ этому направленію поставлена въ вину Богуславскому.

Извѣстно, что посредничество между родителями и домашними наставниками находится почти всецѣло въ рукахъ разныхъ конторъ, ничего общаго съ интересами воспитанія и образованія не имѣющихъ, «Пшеглондъ» считаетъ такое положеніе дѣла нежелательнымъ. Посредничество должно находиться исключительно въ рукахъ педагоговъ. Только педагоги, которые знаютъ свое дѣло и сознаютъ важность своего призванія, способны устроить правильныя отношенія между родителями и наставниками и правильно судить о степени подготовленности ищущихъ воспитательства. Въ видахъ этихъ «Пшеглондъ» открылъ у себя нѣчто въ родѣ конторы, часть свѣдѣній о дѣятельности которой можно почерпнуть изъ отдѣла: посредничество въ работѣ. Мы говоримъ часть, потому что «Пшеглондъ» не имѣетъ права печатать заявленій лицъ, не обладающихъ русскими законными свидѣтельствами на право преподаванія, но просьбы нѣкоторыхъ изъ нихъ обѣщаетъ имѣть въ виду, отчего мы и не можемъ сказать, сколько именно учителей обращалось за посредничествомъ «Пшеглонда», можемъ сказать только: всѣ заявленія печатались по нѣскольку разъ, а заявленіе кандидата филологіи берлинскаго университета мы прочли 13 разъ (2—16 вып.). Требованій со стороны родителей и школъ поступило 32 (2—18 вып.). Повидимому, начинаніе «Пшеглонда» прививается. Современемъ, «Пшеглондъ», вѣроятно, сообщитъ подробности. Всѣ заявленія и со стороны родителей, и со стороны наставниковъ помѣщаются безвозмездно.

Свои педагогическіе идеалы «Пшеглондъ» проводитъ также при помощи беллетристики. Съ 9-го выпуска онъ печатаетъ небольшой, не лишенный нѣкоторыхъ достоинствъ разсказъ А. Дыгасинскаго Wycho-

wanie chlopca z przed lat trzydziesti, т.-е., воспитаніе мальчика 30 лѣтъ тому назадъ. Въ видѣ приложенія дается учебникъ физики и учебникъ предметовѣдѣнія.

Итакъ, стремленіе «Пшеглонда» быть, по возможности, справочнымъ органомъ въ практикѣ воспитанія и образованія, преимущественно домашняго и начальнаго. Средства къ достиженію этого—ознакомленіе съ воспитательными нуждами польской семьи чрезъ непосредственное общеніе съ нею. Окраска—національно-польская и умѣренно-прогрессивная. **М. К—ій.**

Церковно-приходская школа. 1890 г. іюнь—декабрь.

Поборникамъ церковно-приходской школы, какъ таковой, въ ея нѣкоторой обособленности отъ общаго хода развитія элементарнаго образованія въ Россіи, совершенно естественно стремиться къ созданію спеціальныхъ разсадниковъ для педагогическихъ силъ, предназначенныхъ дѣйствовать въ многочисленныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайный интересъ представляетъ помѣщенная въ осеннихъ книжкахъ «Церковно-приходской школы», безъ имени автора, статья «О подготовкѣ учителей церковно-приходскихъ школъ». Первая изъ этихъ статей (августъ) посвящена обзору предполагаемыхъ и предлагаемыхъ мѣропріятій по этому предмету и соотвѣтственно этому имѣетъ подзаголовкомъ: «Въ области проектовъ»; вторая (сентябрь) говоритъ уже о томъ, что на самомъ дѣлѣ предпринято въ данномъ направленіи. Нужно еще прибавить, что авторъ статьи, въ началѣ своего изложенія, ссылаясь на «практику церковно-приходской школы», констатируетъ фактъ невозможности «скомплектовать нужное количество учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ, число кототорыхъ годъ отъ году увеличивается, изъ одной среды священниковъ и кандидатовъ на священника» (августъ, стр. 7). Поборники церковно-приходской школы прежде всего обратились къ нашимъ монастырямъ, какъ древнимъ источникамъ просвѣщенія на Руси. На нихъ указалъ профессоръ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій, выступившій съ подробно разработаннымъ проектомъ *монастырскихъ учительскихъ семинарій* (Труды Кіевской духовной академіи. 1883, январь). Обращая вниманіе на то, что, при нѣкоторыхъ монастыряхъ уже существуютъ начальныя училища, профессоръ Малышевскій усиленно рекомендуетъ монастырямъ дальнѣйшее развитіе заботъ о народномъ просвѣщеніи, путемъ учрежденія въ стѣнахъ своихъ учительскихъ семинарій съ контингентомъ учащихся изъ среды послушниковъ, «лучшихъ по религіозно-нравственному настроенію, по своему

сравнительному развитію и образованію, по своему знакомству съ церковнымъ уставомъ и, наконецъ, по умѣнью пѣть и читать въ церкви» (9). Идею профессора Малышевскаго поддержалъ затѣмъ священникъ кіевской епархіи Бровковскій («Кіевскія епархіальныя вѣдомости», 1885 года, № 18) и вызвалъ сочувственный отзывъ въ издаваемомъ при Святѣйшемъ Сvнодѣ «Церковномъ Вѣстникѣ», который прямо замѣтилъ, что «въ виду дѣятельности духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, его усилій и встрѣчаемыхъ имъ на этомъ пути матеріальныхъ затрудненій, совершенно естественно желать, чтобы на помощь ему въ этомъ дѣлѣ пришли, по крайней мѣрѣ, тѣ монастыри, которые имѣютъ не только безбѣдныя средства для своего существованія, но и излишки» (1885 г., № 40).

Что касаетси «дѣйствительности», то осуществившимся дѣломъ является Нижегородская епархіальная церковно-учительская школа, открытая въ 1887 году при ближайшемъ нравственномъ и матеріальномъ содѣйствіи преосвященнаго Модеста, тогдашняго епископа нижегородскаго, а нынѣ волынскаго («Церковно-приходская школа», сентябрь). Школа эта имѣетъ цѣлью «дать учащимся необходимое образованіе для достойнаго прохожденія церковныхъ должностей діакона и псаломщика и въ то-же время доставить имъ надлежащія свѣдѣнія для успѣшнаго веденія дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ» (88). Курсъ обученія въ школѣ двухъ-годичный. Штатъ учащихся 60 человѣкъ. Образовательная подготовка опредѣляется размѣромъ курса духовныхъ училищъ, но безъ древнихъ языковъ. Въ школѣ изучаются: церковный уставъ съ объясненіемъ богослуженія, церковное пѣніе, церковно-славянскій языкъ, дидактика общая и частная, священная исторія, катехизисъ, отечественный языкъ, ариѳметика, церковная исторія и очеркъ возникновенія и распространенія раскола.

Другимъ разсадникомъ учащихъ для церковно-приходскихъ школъ является, какъ сообщаютъ разбираемыя статьи, учрежденная С.-Петербургскимъ братствомъ Пресвятыя Богородицы 22 октября 1889 года «Свято-Владимірская женская учительская школа при С.-Петербургскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ», съ интернатомъ на 40 дѣвицъ, преимущественно крестьянокъ. Руководительницами школы назначены двѣ воспитанницы Маріинскаго института, прослушавшія женскіе педагогическіе курсы, и одна окончившая курсъ въ С.-Петербургской учительской семинаріи; имъ помогаютъ монахини, обучающія рукодѣлію, иконописи и церковному пѣнію. Законъ Божій преподаетъ монастырскій протоіерей Михаилъ Буткевичъ, одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ всего дѣла. Его-же заботами устраивается при школѣ обширный

садъ, съ плодовымъ питомникомъ, предназначаемый для ознакомленія учащихся съ пріемами садоводства, плодоводства и огородничества.

Этотъ послѣдній вопросъ о школьныхъ садахъ и связанный съ ними вопросъ о школьныхъ надѣлахъ встрѣчаетъ видимое сочувствіе на страницахъ «Церковно-приходской школы» въ не меньшей мѣрѣ, чѣмъ и въ другихъ педагогическихъ журналахъ. Въ ноябрьской книжкѣ «Церковно-приходской школы» мы находимъ статью г. Шимановскаго: «Школьные питомники, какъ доходная статья». Статья, не совсѣмъ правильно озаглавленная, интересна по своему фактическому содержанію. Г. Шимановскій работаетъ съ 1886 года въ селѣ Малые Степанцы (болѣе точнаго обозначенія въ статьѣ не имѣется) въ школѣ, учрежденной мѣстнымъ землевладѣльцемъ, г. Адельгеймомъ. Г. Шимановскій, со своимъ помощникомъ, собственнымъ примѣромъ увлекли своихъ учениковъ воздѣлывать маленькій, прилегавшій къ школѣ, клочекъ земли, загражденный развалившимся погребомъ. Земля эта на слѣдующій-же годъ обратилась въ засѣянный питомникъ, который въ настоящее время располагаетъ 4.000 слишкомъ деревьевъ, такъ что для нихъ приходится искать мѣста внѣ предѣловъ школьной земли. Въ настоящее время г. Шимановскій организуетъ среди бывшихъ учениковъ школы товарищество, задавшееся цѣлью обратить близьлежашее двухъ-десятинное кладбище въ фруктовый садъ.

Начинанія такого рода въ высокой мѣрѣ симпатичны не ради «доходной статьи», обѣщающей обезпеченіе школѣ, но прежде всего по своимъ воспитательнымъ результатамъ, сказывающимся непосредственно не только на учащихся, но и на учащихъ. Сельскій учитель долженъ быть первымъ труженикомъ на селѣ, и это понимаетъ авторъ другой статьи, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Церковно-приходской школы»: «Чѣмъ могутъ заниматься учителя начальныхъ народныхъ школъ въ лѣтнее каникулярное время», г. Шаревичъ, который скорбитъ о томъ, что «большинству народныхъ учителей приходится въ продолженіи пяти мѣсяцевъ оставаться безъ опредѣленнаго дѣла» (277). Въ интересахъ разумнаго наполненія досуга сельскаго учителя, г. Шаревичъ, какъ и многіе другіе авторы, писавшіе по этому предмету, указываетъ на необходимость «надѣленія народныхъ школъ землей», первоначально въ такихъ размѣрахъ, «чтобы можно было развести образцовый садикъ и огородъ, а гдѣ благопріятствуютъ условія, и пасѣку» (279).

Е. Гаршинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Новое общество для популяризаціи естественныхъ наукъ (въ Берлинѣ).

Въ наше время все чаще и чаще заявляется требованіе, чтобы наука сдѣлалась доступной возможно большему числу людей. Къ числу замѣчательныхъ и оригинальныхъ попытокъ въ этомъ направленіи относится возникшее въ 1888 г. въ Берлинѣ учрежденіе общества «Уранія», поставившаго себѣ задачей «распространеніе любви къ познанію природы» (§ 3 устава). Исторія и организація этого общества очень интересны и поучительны.

За послѣднее десятилѣтіе наплывъ посѣтителей въ Берлинской королевской обсерваторіи увеличился *) настолько, что сталъ стѣснительнымъ и тягостнымъ для этого чисто научнаго учрежденія. Единственнымъ средствомъ отвлечь публику отъ королевской обсерваторіи и въ то-же время не отказывать ей въ удовлетвореніи вполнѣ законной любознательности было устроить спеціальную обсерваторію для популяризаціи астрономическихъ знаній. Такая мысль явилась, какъ кажется, одновременно у директора Берлинской королевской обсерваторіи проф. Фёрстера и у извѣстнаго популяризатора астрономіи д-ра М. В. Мейера. Однако, несмотря на несомнѣнно существующую сильную потребность въ такомъ учрежденіи, устройство одной обсерваторіи представлялось невозможнымъ, такъ какъ нельзя было разсчитывать на то, что издержки на ея постройку и содержаніе будутъ окупаться. Поэтому д-ръ Мейеръ предложилъ соединить съ обсерваторіей «научный театръ», т.-е. публичныя лекціи по естествознанію, сопровождаемыя вѣрными дѣйствительности декораціями, изображающими тѣ или другія явленія природы. Въ окончательный планъ новаго учрежденія—«Ураніи» вошло еще, кромѣ того, устройство: 1) возможно полнаго физическаго кабинета, 2) коллекціи микроскопическихъ препаратовъ и 3) постоянной выставки научныхъ инструментовъ и пособій **).

---

*) Напомнимъ, что въ Берлинѣ въ настоящее время около $1^1/_2$ милліона жителей.

**) Научный обзоръ всѣхъ отдѣленій «Ураніи» будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ «Русской Школы». *Ред.*

Такъ какъ прусское правительство отъ финансоваго участія въ этомъ предпріятіи отказалось, то иниціаторамъ его пришлось искать частныхъ лицъ, которыя согласились-бы дать средства на осуществленіе ихъ плана. Нужно было учредить общество для этой цѣли и—что для нашего времени и для всего дѣла весьма характерно—образовалось не ученое и не благотворительное общество, а акціонерная компанія. Въ ней приняли участіе разные негоціанты, банкиры, фабриканты, чиновники, профессора. Первоначально капиталъ общества составлялъ 200.000 марокъ, но потомъ онъ былъ увеличенъ до 400.000 *).

Весной 1889 г. было открыто учрежденіе «Уранія». Прекрасно устроенное, увѣнчанное куполомъ зданіе, находящееся въ выставочномъ паркѣ близъ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій Берлина (Lehrter Bahnhof), состоитъ изъ трехъ частей. Въ одной помѣщается обсерваторія съ самымъ большимъ въ Берлинѣ рефракторамъ и «проекціоннымъ заломъ», гдѣ посѣтители могутъ, по прекраснымъ фотографическимъ изображеніямъ, ознакомиться съ тѣми небесными объектами, непосредственному созерцанію которыхъ такъ часто мѣшаетъ капризная погода. Другая часть зданія занята физическимъ и микроскопическимъ кабинетомъ и постоянной выставкой научныхъ инструментовъ; тутъ посѣтитель знакомится съ разнообразными физическими приборами, наглядно показывающими ему дѣйствія физическихъ силъ. При каждомъ приборѣ лежитъ картонная дощечка, на которой написано какъ слѣдуетъ употреблять данный приборъ и какой эффектъ долженъ при этомъ получиться. Такъ, переходя отъ одного прибора къ другому, посѣтитель, самъ продѣлывая тѣ или другіе опыты, знакомится съ современными чудесами въ области электричества и свѣта. При устройствѣ физическаго кабинета особенное вниманіе было обращено на примѣненія физическихъ силъ къ потребностямъ человѣческой жизни. Дальше, рядъ микроскоповъ открываетъ посѣтителю тайны строенія растительныхъ и животныхъ тканей, враждебныхъ человѣку микробовъ, а также тайны фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. Помѣщающаяся въ томъ-же залѣ постоянная выставка научныхъ инструментовъ и пособій устроена съ цѣлью облегчить публикѣ ихъ пріобрѣтеніе; ученые представители «Ураніи» любезно даютъ свои совѣты всякому, желающему обзавестись научными пособіями, и безвозмездно подвергаютъ ихъ предварительному испытанію и провѣркѣ. Третья часть «Ураніи» представляетъ «научный театръ». Тутъ читаются публичныя лекціи, во время которыхъ на сценѣ передъ слушателями проходятъ часто весьма эффектныя картины, иллюстрирующія слова лектора. Пишущему эти строки пришлось быть на одной изъ такихъ лекцій, предметомъ которой было солнечное затмѣніе, и онъ можетъ только сказать, что со сценической стороны, т.-е. со стороны наглядности и картинности декорацій, эта лекція была превосходна; значительно слабѣе, къ сожалѣнію, было то, что исходило изъ устъ самого лектора. Но, разумѣется, на основаніи одного впечатлѣнія мы не рѣшимся судить объ общемъ характерѣ лекцій, читаемыхъ въ

*) Отмѣтимъ еще одну характерную черту: дивидендъ акціонеровъ, по уставу, не можетъ превышать 5%.

«Ураніи», тѣмъ болѣе что подобные недостатки могутъ быть современемъ легко устранены.

Неудивительно, что послѣ того, какъ только состоялось учредительное собраніе общества «Уранія», представители берлинскихъ школъ собрались для обсужденія вопроса, въ какой формѣ вступить имъ въ наиболѣе оживленныя сношенія и связи съ новымъ, чрезвычайно важнымъ въ образовательномъ отношеніи, учрежденіемъ. Послѣ открытія «Ураніи» намъ неоднократно приходилось читать (напр., въ «Deutsche Schulzeitung») о посѣщеніи ея группами учениковъ берлинскихъ школъ подъ руководствомъ ихъ наставниковъ. Входная плата, взимаемая за обозрѣніе научныхъ достопримѣчательностей «Ураніи»—50 пфенниговъ (по курсу около 22 коп.); за публичныя-же лекціи взимается особая плата. Общее управленіе «Ураніей» принадлежитъ упомянутому уже нами популярному писателю по астрономіи—д-ру М. В. Мейеру; завѣдываніе физическимъ отдѣленіемъ поручено профессору д-ру Гольдштейну, микроскопическимъ—извѣстному далеко за предѣлами Германіи физіологу, профессору В. Прейеру. Общество, согласно § 3, п. 2 своего устава, издаетъ популярный иллюстрированный журналъ по естествознанію «Небо и земля» («Himmel und Erde»), въ которомъ участвуютъ многіе выдающіеся ученые Германіи и другихъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ—наши соотечественники (проф. Бѣликовъ, генералъ Тилло, приватъ-доцентъ Петербургскаго университета І. А. Клейберъ).

Было-бы излишне распространяться объ образовательномъ значеніи такихъ учрежденій, какъ берлинская «Уранія», и можно только пожелать, чтобы и у насъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, было возможно возникновеніе обществъ, подобныхъ берлинской «Ураніи». **П. С.**

Школы въ Болгаріи (факты и цыфры).

Мы уже познакомили читателей «Русской Школы» съ главнѣйшими числовыми данными, касающимися положенія болгарскихъ школъ внѣ Болгаріи, въ предѣлахъ Турціи, именно въ Македоніи и Одринскомъ (Адріанопольскомъ) вилайетѣ *); теперь дѣлаемъ то-же относительно училищъ самой Болгаріи, причемъ подъ словомъ Болгарія разумѣемъ и княжество, и Восточную Румелію, иначе Сѣверную и Южную Болгарію. Приводимыя цыфры извлечены большею частью изъ школьнаго правительственнаго отчета за 1888—1889 учебный годъ, отпечатаннаго въ Софіи въ 1889 году.

По отчету населеніе Болгаріи достигало	3.154.375
» » дѣтей школьнаго возраста, т.-е. 6—12-лѣтнихъ.	537.724
» » изъ нихъ посѣщало школы.	172.183
» » что составляетъ почти	32%

На недостатокъ школъ населеніе Болгаріи жаловаться не можетъ; по словамъ г. Татищева («Новое Время» № 5230), число ихъ равно 3.844 съ 5.000 учащихъ, т.-е. одна школа приходится на 140 дѣтей школьнаго

---

*) См. «Русская Школа». Сентябрь 1890 г. Педаг. хроника.

возраста, тогда какъ въ Чехіи,— странѣ, стоящей, по развитію, гораздо выше Болгаріи, по даннымъ того-же учебнаго года *) одна школа приходится на 203 дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу, и причину такого низкаго числа учащихся слѣдуетъ искать въ томъ, что народъ не привыкъ еще къ мысли о необходимости посылать своихъ дѣтей въ школы. Это особенно сказывается въ западной части Болгаріи и относительно дѣвочекъ.

Въ 1888—1889 г. мальчиковъ, обязанныхъ посѣщать школы насчитывалось	275.754
А на самомъ дѣлѣ училось	129.977
Или.	47,14%
Дѣвочекъ-же школьнаго возраста числилось . . .	261.970
Но ходило въ школы лишь	42.206
Или.	16,11%

т.-е. мальчиковъ училось въ три раза больше, чѣмъ дѣвочекъ. А въ среднеучебныхъ заведеніяхъ ихъ перевѣсъ еще рѣзче: 4.683 мальчика и 986 дѣвочекъ. Въ Кюстендильскомъ округѣ (на юго-западѣ, граничитъ съ Македоніей) на 1.000 жителей приходилось 1,96 учащаяся дѣвочка, а всѣхъ посѣщающихъ училища 27,68. Въ Шуменскомъ (Шуменъ—Шумла)— на ту же тысячу 97,01 школьниковъ обоего пола и 37.40 дѣвочекъ—вообще отъ запада по направленію къ востоку по Шуменскій округъ число учащихся все повышается. Румелійскіе округа занимаютъ въ этомъ отношеніи середину; тамъ изъ 1.000 обывателей ходитъ въ школу 54,59 чел.

По языку начальныя школы Болгаріи дѣлятся на

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Итого.
Болгарскія.	94.008	19.000	113.008
Турецкія	31.243	21.019	52.262
Греческія	2.440	1.016	3.456
Еврейскія	1.337	517	1.854
Армянскія.	436	310	746
Румынскія.	96	26	122
Въ нѣкоторыхъ католическихъ и протестантскихъ школахъ ученіе идетъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ	417	318	735
Итого . . .	129.977	42.206	172.183

Обращаемъ вниманіе на соотношеніе числа мальчиковъ и дѣвочекъ въ болгарскихъ и турецкихъ училищахъ: въ послѣднихъ учится больше дѣвочекъ, чѣмъ въ болгарскихъ.

Городскихъ школъ въ обѣихъ Болгаріяхъ 108, и почти всѣ онѣ содержатся на городской счетъ; правительство даетъ средства на содержаніе только шести. Городская школа имѣетъ три класса. Среднеучебныя заведенія тамъ, гдѣ они есть, соединены обыкновенно съ городскими, и городскія въ этомъ случаѣ замѣняютъ имъ первые три класса, а далѣе полное среднеучебное заведеніе состоитъ изъ 4-хъ классовъ и можетъ имѣть два

*) Дѣтей 6—12-лѣтняго возраста 1.042.968, начальныхъ школъ 5.141.

*

отдѣленія: классическое и реальное. Такихъ среднеучебныхъ заведеній въ Болгаріи только два: въ Софіи и Пловдивѣ (Филиппополь), прочія реальныя—въ Габровѣ, Трновѣ, Руссѣ (Рущукъ), Виддинѣ—семиклассныя, въ Варнѣ и Сливнѣ—пятиклассныя. Итого въ Болгаріи два классическихъ среднеучебныхъ заведенія и восемь реальныхъ. Женскихъ гимназій, служащихъ главнымъ образомъ для приготовленія учительницъ—пять, въ Софіи, Пловдивѣ, Трновѣ, Варнѣ и Старой Загорѣ. Учительскихъ школъ—въ Казанлыкѣ, Кюстендилѣ, Силистріи и Ломъ-Паланкѣ—четыре, духовныхъ православныхъ двѣ, одна при трновской реалкѣ, другая въ Самоковѣ. Курсъ въ нихъ двухлѣтній.

Кромѣ того, 1 торговое училище въ Систовѣ.
» » 1 художественно-ремесленное въ Княжевѣ, близъ Софіи.
» » 2 сельско-хозяйственныхъ въ Рущукѣ и въ Садовѣ, близъ Пловдива.

Всѣхъ учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ 4.683 ученика и 986 ученицъ, учащихъ 286, а всѣхъ заведеній, считая тутъ военную и фельдшерскую школы, воспитанники которыхъ не всчитаны въ только-что приведенныя цыфры, 27.

Въ 1888 г. положено основаніе университету (више училище). Въ Софіи открыты историко-филологическій и естественно-математическій курсы, и на нихъ записалось 70 слушателей. Среди преподавателей нѣтъ ни одного не славянина. Значительное число молодыхъ болгаръ получаетъ высшее и даже среднее образованіе заграницей, частью насчетъ правительства, которое отпускаетъ на это свыше 200.000 левовъ (франковъ) ежегодно, частью на собственныя средства. Правительственныхъ стипендіатовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, Германіи, Австріи, Франціи, Бельгіи и Италіи считается около 120. Въ 1889—1890 учебномъ году въ Вѣнскомъ университетѣ слушало лекціи 23 уроженца Болгаріи.

Больше всего учебныхъ заведеній сосредоточено, конечно, въ столицѣ.

		Годъ основанія.	Число учениковъ.	Число преподавателей.	Изучаются языки.
Въ Софіи:	1) Высшее училище *). . .	1888	124	10	
	2) Классическая и реальная гимназія. Раздѣленіе съ IV класа	1879	529	43	Болгарскій, *русскій*, старославянскій, французскій, или нѣмецкій, латинскій, греческій.
	3) Женская гимназія, 6 классовъ	1879	224	14	Болгарскій, *русскій*, французскій.
	4) Военная школа 3 класса: I-й—VI и VII гимназіи, II и III—военные . . .	1878	400	—	Болгарскій, *русскій*, французскій.
	5) Военно-фельдшерская съ 2 отдѣленіями: медицинскимъ и ветеринарнымъ	—	60	9	

*) Эти цыфры изъ Guide-Mignon, Annuaire de Bulgarie 1890—1891. Sophia.

	Годъ основанія.	Число учениковъ.	Число преподавателей.	Изучаются языки.
Отъ Софіи въ 9 килом. въ Княжевѣ ремесленная. Выставка работъ въ Софіи около 1-го августа	1880	127	10	
Въ Софіи начальныя частныя училища:				
1) Французское католическое мужское, 3 класса. Курсъ 6-ти-лѣтній. . .	1885	140	—	Языкъ преподаванія французскій.
2) Католическое женское, 5 классовъ	1879	220	8	Французскій обязательно, нѣмецкій по желанію.
3) Нѣмецкое протестантское, 3 класса. Для мальчиковъ и дѣвочекъ . .	1887	39	4	
4) Еврейское мужское, 4 класса	1879	750	12	Еврейскій, болгарскій, французскій.
5) Еврейское мужское, 4 класса	1890	300	5	
6) Еврейское женское, 4 класса	1884	250	5	Еврейскій, болгарскій, французскій.

Завѣдующіе еврейскими училищами назначаются и оплачиваются Alliance Israelite.

Объ остальныхъ начальныхъ училищахъ Софіи свѣдѣній мы не имѣемъ.

Въ Софіи-же музей древностей и національное книгохранилище, насчитывающее до 15.000 томовъ и болѣе 300 древнихъ рукописей греческихъ, славянскихъ и восточныхъ. Послѣднія изъ собранія извѣстнаго паши Пасванъ оглы. На пріобрѣтеніе новыхъ книгъ ежегодно отпускается около 30.000 левовъ.

Изъ повременныхъ болгарскихъ изданій, посвященныхъ дѣлу воспитанія, намъ извѣстны:

1) «Литературно-Научно Списание на Казанлъшкото Учителско Дружество».

2) «Домашенъ Учитель», прекратился въ прошломъ (1890) году.

3) «Вѣстникъ на Учителского Дружество».

4) «Венецъ».

Всѣ они помѣщаютъ, болѣе или менѣе, часто статьи беллетристическаго содержанія. Встрѣчаются переводы съ русскаго, напримѣръ, Антропологіята и Педагогиката, отъ проф. П. Лесгафтъ. VIII и IX. 1890, В. на У. Др., Виелица (мятель) отъ А. С. Пушкина, прѣвелъ д-ръ К. К. Кръстевъ. II. 1890, Лит.-Н. Сп., но гораздо рѣже, чѣмъ въ болгарскихъ литературныхъ временникахъ. Министерство издаетъ «Сборникъ на Народното Умотвореніе».

Въ Болгаріи, какъ читатель можетъ замѣтить изъ названій педагогическихъ журналовъ, существуетъ нѣсколько педагогическихъ обществъ, но свѣдѣній о нихъ мы не могли добыть. Общество св. Климента, основанное въ Софіи въ 1888 г., имѣетъ цѣлью распространеніе полезныхъ знаній въ народѣ и для этого издаетъ журналъ, имѣющій около 2.000 подписчиковъ.

М. Кр...ій.

«1-й годичный отчетъ II-й московской частной женской воскресной безплатной школы, что въ Постниковскомъ пассажѣ» Москва, 1890 года.

За послѣдніе годы замѣчается весьма пріятное явленіе: сравнительно часто приходится слышать объ открытіи то въ одномъ, то въ другомъ городѣ *безплатныхъ воскресныхъ школъ*, и преимущественно женскихъ. Нужно-ли говорить, что въ такихъ школахъ чувствуется громадная потребность. Дѣти низшихъ слоевъ городскаго населенія, мастеровые и прислуга, не говоря уже о томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ средствъ получить какое-либо образованіе, будучи постоянно заняты работою, за недосугомъ не могутъ посѣщать школы. Только по воскресеньямъ свободна эта часть жителей города, и вотъ въ эти-то дни школа оказываетъ неоцѣненную услугу: въ ней обучаются тѣ лица, которыя безъ *воскресной безплатной* школы вовсе не имѣли-бы возможности получить образованіе. Въ виду этого, присланный намъ «1-й годичный отчетъ II-й московской женской воскресной безплатной школы» заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ него видно, что въ теченіе цѣлаго года въ школѣ перебывало 327 учащихся, изъ которыхъ большая часть взрослыя женщины и дѣвушки отъ 15 до 43-хъ-лѣтняго возраста, и лишь небольшую часть составляютъ дѣвочки школьнаго возраста, отъ 10 до 13 лѣтъ, а именно: до 12 лѣтъ включительно посѣщало 11,5%, отъ 13 до 16 лѣтъ 30%, отъ 16 до 21 года 39%, отъ до 30 лѣтъ 17% и свыше 30 лѣтъ 2,5%. По сословіямъ посѣщавшія распредѣлялись такъ: крестьянокъ 59%, мѣщанокъ 39%, дворянокъ и духовнаго званія 2%. Уже это процентное отношеніе показываетъ, что школою пользуются именно тѣ сословія, которыя болѣе всего въ ней нуждаются и менѣе другихъ сословій имѣютъ возможность удовлетворить потребность въ образованіи; занятія посѣщавшихъ еще болѣе подтверждаютъ это; такъ, изъ общаго числа перебывавшихъ въ школѣ швеи составляютъ 53%, бахромщицы, перчаточницы, корсетницы 27%, прислуга 4%, прачки 3%, приказчицы 2,5% и лица безъ опредѣленныхъ занятій 10,5%. Занятія въ школѣ происходили въ теченіе 49 воскресныхъ дней отъ 10 часовъ утра до 3 пополудни съ 5-тиминутными отдыхами послѣ каждаго урока. Обучали Закону Божію, грамотѣ, счету, письму; а съ тѣми, которыя поступали уже грамотными, занимались русскимъ языкомъ, ариѳметикою и объяснительнымъ чтеніемъ по исторіи и географіи; кромѣ того, введено хоровое пѣніе. Помимо безплатнаго обученія, ученицы пользовались безплатно всѣми книгами и учебными пособіями. Къ сожалѣнію, тѣснота помѣщенія была причиною отказовъ значительному числу желавшихъ учиться. И это не можетъ быть не поставлено въ вину городскому управленію нашей первопрестольной столицы, которое такъ неохотно поддерживаетъ столь полезное учрежденіе, какъ воскресная школа, не можетъ пріискать болѣе обширнаго помѣщенія! Мы уже не говоримъ о томъ, что Москва явилась далеко не первою въ дѣлѣ открытія воскресныхъ школъ, что въ ней только годъ какъ существуютъ всего нѣсколько воскресныхъ школъ на такое громадное населеніе. Въ концѣзамѣтки не можемъ не пожелать успѣха тѣмъ благо-

роднымъ дѣятелямъ, которые, безъ всякаго вознагражденія (что въ наше время рѣдкость), посвящаютъ силы свои на просвѣщеніе темныхъ классовъ городскаго населенія. **И. Б—ій.**

Въ Московскомъ комитетѣ грамотности.

Московскій комитетъ грамотности, состоящій при Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, обновившись въ концѣ прошлаго года приливомъ новыхъ членовъ, преимущественно молодыхъ и свѣжихъ силъ, воодушевленныхъ горячимъ желаніемъ служить благому дѣлу распространенія грамотности среди народа, за послѣднее время значительно расширилъ свою дѣятельность. Въ каждомъ засѣданіи вносятся все новыя, почти всегда полныя интереса, предложенія членовъ.

Засѣданіе комитета 2-го апрѣля нынѣшняго года является особенно интереснымъ. Въ началѣ засѣданія, по прочтеніи секретаремъ журнала предыдущаго засѣданія, собраніе выслушало и утвердило журналъ двухъ, происходившихъ въ мартѣ мѣсяцѣ, собраній библіотечной коммиссіи, на обязанности которой лежитъ составленіе нормальныхъ каталоговъ для народныхъ библіотекъ. Для удобства и всесторонняго разсмотрѣнія всего, что предлагается для чтенія народу, библіотечная коммиссія подраздѣляется на нѣсколько группъ, причемъ каждая группа вѣдаетъ книги одного какого-либо извѣстнаго содержанія; такъ, существуютъ группы: духовно-нравственныхъ книгъ, литературныхъ, историческихъ и др. Затѣмъ были продолжены пренія, начатыя еще въ одно изъ предшествовавшихъ засѣданій комитета по вопросу о разсылкѣ по школамъ книгъ противосектантскаго направленія. (Предложеніе это было внесено членомъ комитета, г. Семенковичемъ). Формулируя всѣ пренія по этому вопросу, собраніе пришло къ слѣдующему заключенію. Книги противосектантскаго направленія, нося полемическій характеръ, непригодны въ дѣлѣ первоначальнаго образованія; пробуждающемуся сознанію ученика слѣдуетъ предлагать только истины безспорныя, положительныя, особенно по вопросамъ христіанскаго вѣроученія; далѣе, комитетъ грамотности, не обладая еще значительными средствами для безплатной разсылки книгъ по школамъ, былъ-бы принужденъ дѣлать разсылку противосектантскихъ книгъ въ ущербъ книгамъ вообще духовно-нравственнаго содержанія. Вслѣдствіе этого собраніемъ предложеніе г. Семенковича было отклонено.

Затѣмъ, предсѣдателемъ было сообщено о желаніи нѣкоторыхъ членовъ открыть отдѣленіе комитета въ городѣ Курскѣ. По уставу комитета, члены его (въ числѣ не менѣе трехъ) могутъ основывать отдѣленія комитета въ провинціи. Для этого нужно составить предварительную программу дѣйствій и представить ее на утвержденіе общаго собранія. Провинціальныя отдѣленія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сообразуются съ общимъ уставомъ комитета. По прочтеніи программы курскаго отдѣленія, собраніе одобрило ее и постановило препроводить въ совѣтъ сельскохо-зяйственнаго общества для утвержденія. Вновь открываемое курское отдѣленіе (первое) обязано въ январѣ каждаго года представлять въ комитетъ подробный отчетъ о своей годичной дѣятельности. Членъ комитета, художникъ Струковъ, внесъ въ собраніе предложеніе

объ образованіи особой коммиссіи, которая занялась-бы разработкой вопроса о способахъ введенія въ курсъ народныхъ школъ преподаванія черченія и рисованія. Художественное развитіе вкуса и навыка въ самостоятельномъ черченіи и рисованіи, помимо важнаго значенія въ смыслѣ общаго развитія, помимо, такъ сказать, принципіальной стороны, имѣетъ еще и громадное практическое значеніе, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ кустарный промыселъ: безъ развитія художественнаго вкуса кустари не могутъ конкуррировать съ однородными заграничными произведеніями. По мысли докладчика, новая коммиссія, если-бы таковую собраніе постановило образовать изъ своихъ членовъ, помимо теоретической разработки вопроса, могла-бы рекомендовать лицамъ и учрежденіямъ (земствамъ), завѣдующимъ постановкой преподаванія въ народныхъ школахъ, ввести вышеозначенные предметы въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія въ народной школѣ, посвятивъ имъ не менѣе трехъ часовъ занятій въ недѣлю. Въ виду-же того, что большинство народныхъ учителей окажется незнакомымъ съ преподаваніемъ этихъ предметовъ, докладчикъ полагалъ-бы вводить ихъ сначала только въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителями состоятъ лица, получившія спеціальное педагогическое образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, и, слѣдовательно, знакомыя съ этимъ дѣломъ. Для прочаго-же учительскаго персонала земства могли-бы, въ теченіе лѣтнихъ каникулъ, устраивать временные курсы рисованія и черченія. Въ заключеніе докладчикъ представилъ собранію первоначальное руководство по черченію и рисованію, имъ самимъ составленное и пригодное, по его мнѣнію, для народныхъ училищъ. Выслушавъ докладъ, собраніе постановило передать этотъ вопросъ въ техническую группу библіотечной коммиссіи, поручивъ ей представить къ слѣдующему засѣданію свое мнѣніе.

Наиболѣе горячій интересъ былъ возбужденъ заявленіемъ четырехъ членовъ комитета (Чупрова, Анцыфирова, Шульгина и Рутзена) по вопросу о воскресныхъ школахъ. Въ обществѣ за послѣднее время замѣчается сильное стремленіе къ открытію воскресныхъ школъ; изъ разныхъ концовъ Россіи постоянно приходятъ извѣстія объ открытіи новыхъ школъ этого рода; въ Москвѣ въ настоящее время существуютъ пять школъ съ 700 учащихся; въ скоромъ времени предполагается открытіе еще нѣсколькихъ школъ. Дѣло это у насъ, можно сказать, еще новое, не установившееся. У насъ еще нѣтъ опыта (за исключеніемъ 2—3 школъ), на основаніи котораго можно было-бы выработать нормальные способы преподаванія и вообще раціональную постановку дѣла въ этихъ школахъ, гдѣ разнохарактерный составъ учащихся часто ставитъ въ тупикъ лицъ, завѣдующихъ этимъ дѣломъ. Цѣль комитета, говорится въ заявленіи, и цѣль воскресныхъ школъ есть одна общая цѣль—способствовать распространенію грамотности. Вслѣдствіе этого докладчики предлагаютъ комитету придти на помощь этому пробудившемуся стремленію общества, озаботясь поддержкой уже существующихъ школъ и открытіемъ новыхъ. Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно. Въ этомъ же засѣданіи была составлена особая временная коммиссія по вопросу о воскресныхъ школахъ, которой и было предложено къ слѣдующему засѣданію выработать планъ своихъ дѣйствій.

Далѣе, собраніемъ было разрѣшено нѣсколько текущихъ дѣлъ и произведены выборы новыхъ членовъ комитета, послѣ чего, за позднимъ временемъ, засѣданіе было объявлено закрытымъ.

Н. Т—въ.

Въ С.-Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 12-го марта 1891 г.

Доклады: 1) Е. А. Чебышевой-Дмитріевой о тифлисской женской воскресной школѣ и 2) Н. М. Ядринцева о сельскихъ школахъ въ Сибири.

Предсѣдатель открылъ засѣданіе заявленіемъ о кончинѣ двухъ членовъ комитета: П. Г. Рѣдкина (члена Государственнаго Совѣта, бывшаго ректора С.-Петербургскаго университета и педагога-писателя) и М. Ѳ. Марковича и, вкратцѣ охарактеризовавъ ихъ отношенія къ комитету, предложилъ собранію почтить вставаніемъ память усопшихъ. Затѣмъ предсѣдатель въ числѣ другихъ текущихъ сообщеній довелъ до свѣдѣнія комитета о вновь поступившихъ пожертвованіяхъ: 1) Нѣсколько *студентовъ* С.-Петербургскаго университета изъ принимавшихъ участіе въ *переписи 15-го декабря 1890 г.* пожертвовали часть полученнаго ими за этотъ трудъ гонорара въ количествѣ 14 рублей *на безплатную разсылку книгъ.* 2) Г-жа Шуйская и г. Либенъ 10 экземпляровъ изданнаго ими «Краткаго курса русской исторіи».

Въ члены комитета избрана В. С. Соловьева. Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію и обсужденію докладовъ Е. А. Чебышевой-Дмитріевой и Н. М. Ядринцева.

Е. А. Чебышева-Дмитріева, въ немногихъ словахъ указавъ на кратковременное процвѣтаніе воскресныхъ школъ въ Россіи въ началѣ 60-хъ годовъ и послѣдовавшее за тѣмъ почти полное исчезновеніе ихъ и сославшись на примѣръ Франціи въ доказательство важнаго значенія воскресныхъ школъ для народнаго образованія, перешла къ исторіи и характеристикѣ первой частной женской воскресной школы въ Тифлисѣ *). Школа основана въ 1885 г. кружкомъ молодыхъ дѣвушекъ. Душой кружка, основательницей и руководительницей школы является О. В. Кайданова, имѣвшая случай близко познакомиться съ дѣятельностью харьковской женской воскресной школы, учрежденной Х. Д. Алчевской. Въ моментъ открытія матеріальныя средства школы были крайне ограничены, надежды на успѣхъ весьма сомнительны. Первымъ помѣщеніемъ для нея служила частная квартира, затѣмъ она пересилилась въ зданіе лютеранской школы, а съ 1889 г. она помѣщается въ городскомъ училищѣ при учительскомъ институтѣ, съ правомъ пользоваться учебными пособіями названнаго училища. Двери тифлисской школы были открыты для женщинъ всѣхъ возрастовъ безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, но не сразу удалось ей завоевать себѣ популярность и симпатіи населенія: тому мѣшали равнодушіе и предубѣжденіе къ школѣ вообще и къ обученію женщинъ въ частности, преобладаніе армяно-грузинскаго, не говорящаго по-русски, населенія, масса сектантовъ (молоканъ и др.).

Теперь въ школѣ перебывало уже болѣе 400 учащихся, изъ которыхъ значительная часть посѣщала ее не одинъ годъ, и съ каждымъ годомъ

*) Докладъ составленъ по ежегоднымъ отчетамъ школы за время ея шестилѣтняго существованія.

число учащихся увеличивается. Отчетъ 1889 — 1890 г. представляетъ слѣдующія интересныя статистическія данныя. Школу посѣщало 180 учениць, распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: 1) *по возрасту:* до 12 лѣтъ 33, до 15 лѣтъ 76, взрослыхъ отъ 15—20 лѣтъ 60, отъ 20—40 лѣтъ 11; изъ всего числа взрослыхъ (71) замужнихъ было 18; 2) *по національностямъ:* русскихъ 163, евреекъ 8, нѣмокъ, грузинокъ и др. 9; 3) *по вѣроисповѣданіямъ:* православныхъ 69, сектантокъ 98, евреекъ 8, католичекъ и лютеранокъ 5; 4) по познаніямъ: обучающихся грамотѣ 32, грамотныхъ въ большей или меньшей степени 132, окончившихъ начальную школу 16. Такимъ образомъ взрослыя учащіяся, наиболѣе цѣнный элементъ въ каждой воскресной школѣ, составляютъ теперь въ тифлисской школѣ уже около 40%. По учебной организаціи своей она принадлежитъ къ единственному *пока* выработанному жизнью цѣлесообразному типу воскресной школы, въ основу котораго положено дѣленіе учащихся на возможно большее число группъ, сообразно подготовкѣ и силамъ учащихся. Кромѣ воскресныхъ занятій (отъ 11 до 3½ часовъ) существуютъ дополнительныя занятія на недѣлѣ, ведутся по мѣрѣ возможности чтенія съ волшебнымъ фонаремъ *); важнымъ подспорьемъ является и заботливо пополняемая школьная библіотека: учительницы руководятъ выборомъ книгъ, слѣдятъ за впечатлѣніями, собираютъ отзывы о прочитанномъ.

Персоналъ преподающихъ исключительно женскій. Въ первый годъ существованія школы онъ состоялъ изъ пяти лицъ, въ 1890 г. изъ 26. Три учительницы работаютъ въ школѣ уже седьмой годъ.

Ростъ школы, преодолѣніе препятствій, лежавшихъ въ условіяхъ мѣстной жизни, о которыхъ было сказано выше, служатъ лучшимъ доказательствомъ умѣнья, самоотверженности, съ какими ведется дѣло. Курсъ воскресныхъ школъ, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ курсу одноклассннаго начальнаго училища. Но какому тщательному выбору долженъ быть подвергнутъ учебный матеріалъ и самые методы преподаванія, чтобы сообщить изъ него наиболѣе существенное въ 36 учебныхъ дней или 140 учебныхъ часовъ въ годъ, притомъ не дѣтямъ, а взрослымъ, приходящимъ въ школу съ серьезными запросами семейной и трудовой жизни. Ежегодные отчеты школы заключаютъ достаточно указаній на то, какъ преслѣдуется и достигается эта трудная задача учительницами тифлисской школы. Въ особенности интересна въ этомъ отношеніи программа занятій 36-ти педагогическихъ засѣданій, состоявшихся въ прошломъ учебномъ году: обсуждалась масса болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ, касающихся организаціи школы и того матеріала, который въ новомъ дѣлѣ является часто неожиданно и настоятельно требуетъ обсужденія; разбирались учебники, программы, конспекты, выслушивались пробные уроки. Наиболѣе важной особенностью разработки всего этого педагогическаго матеріала является стремленіе привести его въ самую тѣсную связь съ жизнью, съ потребностями учащихся. А это можетъ быть достигнуто

*) Отчеты школы сообщаютъ интересныя подробности о томъ, какъ усердно посѣщаются эти чтенія не только учащимися, но и ихъ родными, какъ сильно оставляемое ими впечатлѣніе.

только сближенiемъ съ учащимися, полнымъ знакомствомъ со всѣми условiями ихъ жизни.

И въ этой области уже сдѣлано не мало, насколько объ этомъ можно судить по характеристикамъ учениць (взрослыхъ и малолѣтнихъ), внесенныхъ въ отчеты изъ дневниковъ и записокъ учительниць. Докладъ Е. А. Чебышевой-Дмитрiевой былъ прослушанъ съ живѣйшимъ интересомъ. По прочтенiи его было высказано нѣсколько замѣчанiй. Д. Э. Кетрицъ указалъ на быстрое увеличенiе числа воскресныхъ школъ въ послѣднiе годы и на важную услугу, оказанную дѣлу литературой, сообщенiями о существующихъ школахъ, практическими указанiями, подобными тѣмъ, какiя заключаются въ статьяхъ Я. В. Абрамова.

Послѣ короткаго перерыва перешли къ слушанiю доклада Н. М. Ядринцева «О сельскихъ школахъ въ Сибири». Докладчикъ указалъ прежде всего, насколько важно и необходимо было-бы подкрѣпленiе знанiемъ и грамотностью русскаго человѣка на далекой восточной окраинѣ, гдѣ онъ отдѣленъ отъ остальнаго мiра огромными разстоянiями, обреченъ на борьбу съ дѣвственной природой, поставленъ лицомъ къ лицу съ инородческимъ элементомъ. Отъ его знанiй и умственнаго развитiя зависитъ его стойкость въ борьбѣ съ неблагопрiятными внѣшними условiями и возможность для него въ полной мѣрѣ воспользоваться произведенiями богатой природы. Русскiе люди и всего болѣе крестьяне, являвшiеся въ Сибирь въ XVI, XVII и даже еще въ XVIII вѣкѣ, далеко не были вооружены надлежащими знанiями и образовательными средствами. Отсюда—явленiе одичанiя, *объинородчиванiя* русскихъ насельниковъ. Такимъ образомъ, они не повышали уровня культуры страны, а сами опускались до него... Грамотность и просвѣщенiе, по словамъ докладчика, чрезвычайно медленно проникали въ Сибирь. До конца первой половины прошлаго столѣтiя во всей Сибири существовала одна школа при тобольскомъ митрополичьемъ дворѣ, куда отправлялись всѣ желавшiе учиться грамотѣ. Въ Томскѣ, со времени его основанiя въ 1604 году, въ теченiе 140 лѣтъ не существовало ни одного училища. Безграмотность не была рѣдкостью даже среди сибирскаго духовенства, какъ видно изъ актовъ одного монастыря. Только въ 1789 г. въ Томскѣ было открыто народное училище; самыми крупными учебными заведенiями края въ XVIII вѣкѣ были семинарiи, тобольская и иркутская. Въ 1806 году открыты были двѣ гимназiи. Въ 1816 году, по настоянiю директора иркутской гимназiи Словцова (извѣстнаго историка Сибири), положено было основанiе народному образованiю учрежденiемъ 18 начальныхъ школъ. Эти начинанiя не нашли, однако, поддержки и сочувствiя у мѣстной администрацiи. Въ генералъ-губернаторство М. М. Сперанскаго вопросъ о народномъ образованiи былъ снова выдвинутъ, но по оставленiи имъ Сибири до 50-хъ годовъ дѣло развивалось очень туго. Новый толчекъ получило оно съ 60-хъ годовъ: пробужденiе общественной жизни въ Россiи, выдвинувшее массу новыхъ вопросовъ, и общее одушевленiе не могло не отразиться и на далекой окраинѣ. Новое городовое положенiе помогло развитiю народнаго образованiя въ городахъ. Интересны цыфры, приведенныя докладчикомъ и показывающiя ростъ народнаго образованiя въ Сибири съ 60-хъ годовъ. Въ Томской губернiи въ 1860 году было 22 училища, подвѣдомственныхъ дирекцiи народныхъ

училищъ, въ 1873—уже 108. Въ 1860 году въ сельскихъ приходскихъ училищахъ учащихся считалось 430 чел., въ 1873 году ихъ было 2.707 мужскаго пола и 547 женскаго. Въ двадцатилѣтній періодъ (1860—1880) количество учебныхъ заведеній въ Томской губерніи увеличилось почти въ 9 разъ, а число учащихся въ 6 разъ. Такой-же прогрессъ замѣтенъ и въ другихъ губерніяхъ Сибири. Къ 1-му января 1886 года всѣхъ учебныхъ заведеній въ Западной и Восточной Сибири было 1.446 съ 49.118 учащимися (на населеніе въ 5.223.298 человѣкъ, т.-е. одно учебное заведеніе на 3.616 человѣкъ, одинъ учащійся на 106 человѣкъ). Но слѣдуетъ замѣтить, что школы очень неравномѣрно распредѣлены между городами и селами. 45,5% учащихся и 21,2% школъ приходится на города; въ послѣднихъ одно учебное заведеніе приходится на 1.341 челов., въ селахъ—на 3.345. Въ общемъ образованіе въ округахъ въ 7 разъ слабѣе, чѣмъ въ городахъ (а женское образованіе — даже въ 19 разъ!). Въ городахъ одинъ учащійся иногда приходится на 25 челов. (Томскъ), въ округахъ—на 500, 1.644, 3.900 человѣкъ. Въ Томской губерніи одна школа (по отчету 1886 г.) приходится на 3.931 жен., въ Алтайскомъ горномъ округѣ—на 13.000 жен., въ Якутской области—на 20.000 жен.! (отчетъ за 1887 г.)... Сельскія школы въ Сибири основывались преимущественно по предложенію губернскаго и земскаго начальства; приговоры объ основаніи и содержаніи волостныхъ школъ составлялись очень неохотно, почему, по словамъ одного оффиціальнаго отчета, ихъ существованіе нельзя считать прочнымъ. Административно-хозяйственное положеніе школъ, за отсутствіемъ въ Сибири земскихъ учрежденій—очень неопредѣленное. Въ Восточной Сибири онѣ находятся въ вѣдѣніи «земской» (въ дореформенномъ смыслѣ) полиціи, въ Западной — наблюденіе надъ ними предоставлено *чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ;* за недостаткомъ инспекторовъ народныхъ училищъ, учебная инспекція мѣстами возложена на смотрителей уѣздныхъ училищъ, которымъ иногда приходится объѣзжать цѣлыя тысячи верстъ (кузнецкій смотритель имѣетъ районъ разъѣздовъ въ 260.000 кв. верстъ, при содержаніи всего въ 710 рублей и 260 руб. разъѣздныхъ и канцелярскихъ денегъ). Положеніе сибирскихъ сельскихъ школъ, по общимъ отзывамъ — неудовлетворительное. Кромѣ того, волостными школами крестьяне отдаленныхъ селеній не могутъ пользоваться и потому весьма тяготятся участіемъ въ содержаніи ихъ. Недалеко еще было время, когда въ школу приходилось собирать учениковъ при помощи воздѣйствія земскихъ властей. да еще до сихъ поръ кое-гдѣ сохранился обычай платить жалованье ученикамъ или ихъ родителямъ за посѣщеніе школы. Недовольство школой сказывается въ массѣ приговоровъ сельскихъ обществъ о нежеланіи ихъ нести расходы на волостную школу. Рядомъ съ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали развиваться домашнія школы съ учителями — отставными солдатами, дьячками, ссыльными. Обученіе вездѣ поставлено очень неудовлетворительно: дѣти выучиваются только «ремесленной грамотѣ». Одинъ изслѣдователь Восточной Сибири (кажется, г. Астыревъ) разсказываетъ, что ему не пришлось встрѣчать книгъ у мѣстныхъ крестьянъ. Докладчикъ указалъ, что причиной пренебреженія и антипатіи сибирскаго крестьянина къ школѣ является не его «сытое довольство», какъ говорятъ нѣкоторые, а прежде всего

тотъ начальственно-полицейскій способъ, которымъ насаждались школы, и другія вышеуказанныя условія. Все это создало предубѣжденіе къ школѣ, съ которымъ теперь приходится считаться. Одинъ изслѣдователь говоритъ, что преобразованіе школьнаго дѣла должно быть начато съ измѣненія системы обложенія: часть общаго сбора должна поступать въ центральное учрежденіе, вѣдающее нужды населенія вообще и народное образованіе въ частности. Онъ сознается, однако, что подобная реформа немыслима въ Сибири безъ введенія земскихъ учрежденій... Въ доказательство, что сибирскому крестьянину вполнѣ доступно пониманіе пользы образованія, докладчикъ привелъ примѣръ курагинскаго и березовскаго училищъ въ Минусинскомъ округѣ, открытыхъ по иниціативѣ и на средства крестьянъ. При курагинскомъ училищѣ есть ученическая библіотека, устраиваются чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Оба названныя училища считаются образцовыми. Докладчикъ убѣжденъ, что стремленіе къ образованію все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду сибирскаго крестьянства, никогда не знавшаго крѣпостнаго права и находящагося въ гораздо лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ крестьянство Европейской Россіи. Въ настоящее время, сказалъ докладчикъ, пора придти на помощь сельской школѣ въ Сибири. Поэтому, по его мнѣнію, было-бы весьма желательно открытіе въ Сибири отдѣленій С.-Петербургскаго комитета грамотности, или учрежденіе самостоятельнаго общества распространенія грамотности въ Сибири, преимущественно среди сельскаго населенія.

При обсужденіи доклада, предсѣдатель комитета Я. Т. Михайловскій указалъ, что комитетъ грамотности, по уставу своему, не имѣетъ права открывать отдѣленій и выразилъ мнѣніе, что, вмѣсто созданія новыхъ обществъ и учрежденій, лучше и проще было-бы многочисленнымъ сибирскимъ городскимъ обществамъ попеченія о начальномъ образованіи расширить свою дѣятельность и распространить ее на округа. А. М. Калмыкова указала, что, дѣлаясь членами Петербургскаго комитета грамотности, сибиряки могутъ служить и своей родинѣ, такъ какъ разсылкой книгъ и всякими справками комитетъ приходитъ на помощь всѣмъ, обращающимся къ нему. Кромѣ того, важна та духовная связь, которая можетъ установиться такимъ путемъ. Н. М. Ядринцевъ, отвѣчая на возраженія, подчеркнулъ, что, говоря о поддержкѣ со стороны комитета грамотности, онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ нравственную, а не матеріальную помощь.

А. К.

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея

9-го марта 1891 г.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Острогорскій.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) *И. В. Маляревскій* прочелъ свой докладъ: «о признакахъ математическихъ дарованій у дѣтей». Докладъ этотъ вызванъ былъ рефератомъ Е. Ѳ. Литви-

новой *), при обсужденіи котораго собраніе заинтересовалось вопросомъ о данныхъ для опредѣленія способности къ математикѣ.

По мнѣнію г. докладчика, этихъ данныхъ слѣдуетъ искать въ исторіи развитія математики, въ указаніяхъ на то, какіе именно народы разработывали ее, въ біографіяхъ извѣстныхъ математиковъ, а также въ положительныхъ и отрицательныхъ антропологическихъ признакахъ въ природѣ учащихся.

Математика есть наука о величинахъ вообще; ея аналитическій методъ совершенно независимъ, ясенъ и точенъ: сначала господствуетъ въ ней чистый анализъ, а затѣмъ анализъ прикладной, который отъ изслѣдованія вещей, существующихъ въ природѣ (теоріи тепла, свѣта, электричества, небесная механика), доходитъ до анализа неизвѣстной причины (анализъ вѣроятностей). Академикъ Буняковскій утверждалъ, что основы алгебры чисто метафизическія. Большинство истинныхъ математиковъ являются людьми, удаленными отъ міра, чуждыми того, что не связано съ математикою: такимъ человѣкомъ, напримѣръ, былъ знаменитый Амперъ, который подъ конецъ своей жизни и погрузился въ метафизику.

Потребность въ математическихъ познаніяхъ, потребность въ счетѣ существовала еще въ самыя первобытныя времена; первоначальными орудіями счета сдѣлались пальцы и камни; самыя числа и ихъ комбинаціи не только служили для удовлетворенія любознательности, но являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и средствами для развлеченія. Приложенія были чужды первоначальному періоду развитія математики. Въ области математическихъ приложеній первымъ несомнѣннымъ представителемъ является Архимедъ; всѣ другіе древніе математики или только собирали труды предшественниковъ, или же были просто миѳическими личностями. Изъ всѣхъ древнихъ народовъ самыми способными къ математикѣ были греки: они не получили математическихъ знаній въ наслѣдіе ни отъ Индіи, ни отъ Египта, а сами пріобрѣли ихъ, благодаря своей впечатлительной, богатой природѣ, благодаря тому, что у нихъ наука, жизнь и поэзія шли рука объ руку, не сторонились другъ отъ друга: ариѳметика давала имъ темы для пѣсенъ.

Преемниками грековъ были арабы, но между ними мы не встрѣчаемъ великихъ ученыхъ. Самый извѣстный изъ нихъ, Авероэсъ былъ послѣдователемъ Аристотеля, и врядъ-ли можно предположить, что арабы поняли реальныя основанія механики и другихъ прикладныхъ наукъ. Въ XIII вѣкѣ впервые были внесены въ Европу Роджеромъ Бэкономъ эти реальныя основанія новой науки, т.-е. опытъ и математическій анализъ.

Затѣмъ г. докладчикъ сдѣлалъ рядъ ссылокъ на факты изъ жизни двадцати пяти извѣстныхъ математиковъ. Укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что главными особенностями выдающихся математиковъ являются: 1) необыкновенныя *дарованія* и *талантливость:* такъ, Паскаль на 12-мъ году дѣлаетъ открытіе въ области теоріи звука, а на 16-мъ въ области коническихъ сѣченій; Кондорсе на 15-мъ году отъ роду сталъ учиться математикѣ и въ 10 мѣсяцевъ блестяще овладѣлъ ею; Монжъ изобрѣлъ пожарный насосъ на 14 году отъ роду; десятилѣтній Карно, присутствуя въ театрѣ, когда на сценѣ расположились войска, замѣтилъ, что артиллерія расположена неправильно: это и было началомъ новой тактики, которая замѣнила

*) «Русская Школа», январь 1891 г., отчетъ о засѣданіи 11 декабря 1890 г.

тактику Вобана; 2) *твердость* и *упорство* въ трудѣ: такъ, Тихо де-Браге изучалъ математику тайкомъ, урывками; Кеплеръ повторялъ свои вычисленія до 70 разъ; Фурье, увлеченный математикою, изучалъ ее по ночамъ, при свѣтѣ каминныхъ огарковъ; 3) *многосторонность* знаній и развитія: Коперникъ зналъ древніе языки, философію, медицину и живопись; Паскаль—древніе языки и изящную литературу; Гюйгенсъ—латинскій и греческій языки, географію и музыку; Лейбницъ до 25 лѣтъ былъ юристомъ и философомъ; Уаттъ изучалъ ботанику, народную поэзію, химію, медицину и выучился нѣмецкому и итальянскому языкамъ. Вообще природа богато надѣлила и тѣхъ, кто поздно началъ изучать математику, какъ, напр., Лейбница и Эйлера, который сначала готовился быть пасторомъ, и даже недоносковъ и людей болѣзненныхъ: такъ, напр., Кеплеръ родился преждевременно, былъ слабымъ ребенкомъ, перенесъ оспу и на 13-мъ году другую тяжкую болѣзнь; Ньютонъ, тоже преждевременно родившійся, отличался большою невнимательностью, но послѣ полученнаго въ школѣ удара кулакомъ въ животъ рѣзко измѣнился и опередилъ по успѣхамъ своего обидчика.

Въ виду того, что даже и органическая слабость не мѣшаетъ научнымъ успѣхамъ, является вопросъ: могутъ-ли быть люди, неспособные къ математикѣ, не существуетъ-ли процесса вырожденія математическихъ способностей, такъ какъ несомнѣнно, что нѣкоторыя личности обнаруживаютъ тѣ или другіе нравственные дефекты?

Для рѣшенія этого вопроса еще нѣтъ твердыхъ краніометрическихъ признаковъ; но малое разстояніе (меньше $3^1/_2$ сантиметровъ) между внутренними углами глазъ свидѣтельствуетъ, что у даннаго субъекта нѣтъ математическихъ дарованій. Если-же математика не по натурѣ субъекта, то нехорошо и обучать ей. Развитію математики содѣйствовали люди многосторонніе; слѣдовательно, особыхъ математическихъ дарованій не существуетъ, а есть только сильные умы.

Г. докладчикъ поставилъ на обсужденіе слѣдующіе тезисы:

1. Успѣхи въ изученіи математики обусловливаются двумя факторами: 1) математическими дарованіями и 2) расположеніемъ къ изученію этой науки.

2. Отсутствіе математическихъ дарованій не можетъ служить признакомъ неспособности къ изученію другихъ предметовъ.

3. Изученіе математики требуетъ ума зрѣлаго, и при обученіи въ дѣтскомъ возрастѣ надо отдавать предпочтеніе языкамъ.

4. Для развитія въ дѣтяхъ расположенія къ математикѣ, надо вводить въ ихъ занятія математическія игры.

5) Основаніе и развитіе математики принадлежитъ только европейскимъ народамъ.

Послѣ десятиминутнаго перерыва приступили къ преніямъ по поводу предложеннаго доклада.

Г. *Воленсъ*, поблагодаривъ г. докладчика за починъ, сдѣланный имъ въ такомъ важномъ вопросѣ, замѣтилъ, что въ доказательство своихъ выводовъ г. докладчикъ приводилъ факты изъ жизни какъ математиковъ, такъ и натуралистовъ; примѣрами служили или математическіе геніи (г. докладчикъ указалъ только на четырехъ второстепенныхъ математиковъ), или люди, занимавшіеся главнымъ образомъ естественными науками. Если Буняковскій и говорилъ, что математика основывается на метафизикѣ, то надо имѣть въ виду,

что это говорилось въ 40-хъ годахъ, когда подъ словомъ *метафизика* разумѣлась философія. Для выводовъ по предлагаемому вопросу въ особенности важенъ примѣръ Паскаля, который въ шестилѣтнемъ возрастѣ безъ помощи учителя научился геометріи; но есть и противоположные факты: нашъ Остроградскій считался неспособнымъ къ математикѣ; Чебышевъ въ университетѣ не получилъ золотой медали, а получилъ ее второстепенный математикъ. Для изученія математики не нужно особыхъ дарованій, да и трудно узнать, существуютъ-ли математическія дарованія. Математика обязательна для всѣхъ учащихся въ низшихъ и среднихъ школахъ, и для изученія ея въ этихъ школахъ не требуется особыхъ способностей. Еще древніе смотрѣли на математику, какъ на практическую логику, да оно такъ и есть: стоитъ только попроще посмотрѣть на дѣло. Если учитель математики не ремесленникъ, а воспитатель, то онъ будетъ заботиться не заглушить, а развить эту практическую логику въ дѣтяхъ. Иногда душевно-больные обнаруживаютъ особыя математическія способности и по излѣченіи утрачиваютъ ихъ, какъ свидѣтельствуетъ докторъ Мержеевскій; такъ что приходится лѣчить отъ излишняго развитія такой способности: человѣкъ не долженъ быть одностороненъ, и школа не должна дѣйствовать въ одностороннемъ направленіи, а слѣдовательно, не должна особенно культивировать математическія способности, а только развивать ихъ. Математика важна своимъ методомъ изслѣдованія вещей, методомъ, который развивающимъ образомъ дѣйствуетъ на умъ и въ высшей степени полезенъ и для практической жизни. Потому-то и нѣтъ надобности отыскивать внѣшніе признаки математическихъ способностей: всякій можетъ научиться математикѣ, и потому всѣ должны обучаться ей.

Мнѣніе свое о существованіи особыхъ математическихъ способностей г. докладчикъ подтвердилъ еще разъ ссылкою на европейскіе научные авторитеты и на примѣры Куллона, обладавшаго замѣчательнымъ анализомъ, и Вольта, у котораго замѣчается отсутствіе математическаго анализа и который инстинктивно доходилъ до открытія истины. Умаленіе математическихъ способностей проявляется въ вырожденіи черепа: если у восьмилѣтняго ребенка разстояніе между внутренними углами глазъ меньше $3^1/_2$ сантиметровъ, то это служитъ признакомъ вырожденія вообще и въ особенности вырожденія способностей къ математикѣ: такое разстояніе необходимо для правильнаго питанія мозга, а математическое мышленіе требуетъ большаго напряженія.

Г. *Воленсъ* замѣтилъ, что нельзя доказать, чтобы для успѣшности занятій математикою необходимо было разстояніе въ $3^1/_2$ сантиметра, а что, исходя изъ такого положенія, можно придти къ печальнымъ ошибкамъ, отказавшись отъ обученія математикѣ дѣтей, не удовлетворяющихъ этому условію. По его мнѣнію, не доказано и то положеніе, что математическое мышленіе требуетъ особаго напряженія. Вольта и Куллонъ—одинаково геніальны; но второй изъ нихъ владѣлъ математическимъ методомъ, а первый не владѣлъ имъ. Геніи воспитываются сами, а школа должна воспитывать обыкновенныхъ смертныхъ.

Г. *Страннолюбскій* замѣтилъ, что вопросъ о неспособности дѣтей къ математикѣ обыкновенно выдвигается на первый планъ потому, что при рѣшеніи математическихъ вопросовъ ошибки замѣтнѣе; при изученіи другихъ предметовъ можно повторить чужія слова и прикрыть ими личное непониманіе вопроса, или-же можно придти къ правильному выводу, не сознавая пути, которымъ пришелъ къ нему. Успѣхи въ обученіи математикѣ увеличились-бы, если-

бы уничтожено было существующее стремленіе ко множеству выкладокъ, стремленіе къ механизму счета: способность счета, взятая сама по себѣ, можетъ быть просто патологическимъ состояніемъ.

По мнѣнію г. *Маляревскаго*, способность идіотовъ къ счету объясняется тѣмъ, что есть такой участокъ мозга, специфическій органъ счисленія, который и функціонируетъ въ этомъ направленіи; если-же такой участокъ мозга пораженъ, то человѣкъ становится неспособнымъ къ счету.

По поводу этого г. *Литвинскій* замѣтилъ, что Брока установилъ локализацію рѣчи, но что до сихъ поръ еще не было сдѣлано открытія особыхъ мозговыхъ клѣточекъ для чиселъ. Между паціентами доктора Мержеевскаго былъ прикащикъ, который, заболѣвъ психически, началъ производить очень большія вычисленія; у него проявилась громадная память на изученіе стиховъ. Рибо въ своихъ «Болѣзняхъ памяти» указываетъ и на факты потери памяти чиселъ.

По мнѣнію доктора *Виреніуса*, теорія локализаціи очень хороша своею простотою, но не всѣ еще согласились съ этою теоріею: такъ, напримѣръ, Герингъ опредѣляетъ память, какъ свойство организованной матеріи. Память можно направить и на языки, и на математику; она ко всему относится одинаково, но почему направляется она въ ту или другую сторону—неизвѣстно.

По мнѣнію г. *Маляревскаго*, дарованія человѣка обусловливаются внутренними побужденіями и зависятъ отъ того, чѣмъ именно въ дѣтствѣ больше занимался человѣкъ.

В. Г.

Послѣднія засѣданія «Родительскаго кружка».

Подъ именемъ «Родительскаго кружка» существуетъ въ Петербургѣ кружокъ, состоящій изъ педагоговъ, врачей, воспитателей, родителей, главнымъ образомъ—матерей, а затѣмъ и вообще лицъ, интересующихся первоначальнымъ, *семейнымъ* воспитаніемъ дѣтей и наблюденіями надъ развитіемъ ихъ въ первые годы жизни. Въ началѣ, лѣтъ семь тому назадъ, Кружокъ этотъ былъ очень не великъ и собирался въ частной квартирѣ, но съ нынѣшняго года число членовъ его значительно возрасло, засѣданія сдѣланы открытыми для всѣхъ, желающихъ посѣщать ихъ, и происходятъ, два раза въ мѣсяцъ, по субботамъ, въ помѣщеніи Педагогическаго музея, при которомъ Кружокъ и возникъ первоначально. Цѣль Кружка—доставленіе членамъ возможности обмѣниваться своими мыслями и наблюденіями относительно своихъ дѣтей, обсуждать различные затруднительные случаи, встрѣтившіеся при воспитаніи ребенка или уходѣ за нимъ, оцѣнивать различные при этомъ пріемы и вообще возможно полнѣе уяснять себѣ вопросы семейнаго воспитанія, преимущественно въ до-школьный возрастъ дѣтей, дѣлиться своими наблюденіями относительно всесторонняго развитія ихъ, начиная съ перваго года ихъ жизни, дабы такимъ путемъ опредѣлить главнѣйшія условія ихъ воспитанія и средства къ тому. Соотвѣтственно поставленной цѣли, въ собраніяхъ «Родительскаго кружка» читаются выдержки изъ дневниковъ родителей, рефераты по тѣмъ или другимъ вопросамъ семейнаго воспитанія, а затѣмъ ведутся пренія по этимъ

рефератамъ, дѣлаются сообщенія о педагогическихъ сочиненіяхъ или дѣтскихъ книгахъ, могущихъ интересовать, въ указанномъ направленіи, родителей, демонстрируются и оцѣниваются, съ точки зрѣнія педагогической пригодности, новыя игрушки, дабы члены Кружка были менѣе затруднены въ выборѣ при пріобрѣтеніи ихъ въ игрушечныхъ магазинахъ.

Судя по отчетамъ, помѣщаемымъ о засѣданіяхъ «Родительскаго кружка» въ газетахъ, а также, съ нынѣшняго года, въ педагогическомъ журналѣ «Женское Образованіе», систематическаго направленія въ дѣятельности Кружка, повидимому, не имѣется. Онъ останавливается болѣе или менѣе продолжительное время на томъ или иномъ вопросѣ, возбужденномъ почему-либо тѣмъ или другимъ изъ его членовъ, но не приводитъ, однако, добытыя путемъ обсужденія этого вопроса данныя и результаты въ связь съ тѣми, которые уже были выработаны прежде по вопросу, сродному съ даннымъ, болѣе или менѣе тѣсно связанному съ нимъ. Каждый вопросъ или фактъ обсуждается сепаратно, и выводы, къ которымъ привели пренія, остаются также сепаратными.

Такое отсутствіе систематичности должно, по нашему мнѣнію, считать недостаткомъ въ организаціи Кружка,—недостаткомъ, значительно умаляющимъ ту пользу, которая, конечно, всегда получается отъ всякаго рода собраній, дающихъ участникамъ ихъ возможность обмѣниваться взглядами, дѣлиться мыслями и наблюденіями. При компетентномъ, умѣломъ руководительствѣ, члены Кружка могли-бы на каждый сезонъ избирать извѣстный кругъ вопросовъ, тотъ или иной отдѣлъ изъ области семейнаго воспитанія, и затѣмъ, распредѣливъ эти вопросы между членами, въ рядѣ рефератовъ и преній по нимъ выяснить ихъ себѣ въ общемъ и въ деталяхъ. При такомъ упорядоченномъ веденіи дѣла Кружкомъ, какъ и всякимъ педагогическимъ обществомъ, скорѣе и цѣлесообразнѣе пополнялись-бы пробѣлы въ педагогическихъ свѣдѣніяхъ членовъ и посѣтителей, и самый Кружокъ восполнялъ-бы ощутительный существующій у насъ недостатокъ въ правильно организованныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью сообщать педагогическое образованіе. Рефераты, сообщенія, наблюденія, демонстрированія и т. п. случайныя, выдвигаемыя какими-либо обстоятельствами или настоятельнымъ желаніемъ того или другаго изъ членовъ подѣлиться своими взглядами, сомнѣніями, наблюденіями и т. п., могли-бы идти своимъ чередомъ, но въ общемъ дѣятельность Кружка, въ каждый данный сезонъ, слѣдуя извѣстной системѣ, представляла-бы собою цѣльный, законченный кругъ. Такимъ образомъ, Кружокъ постоянно имѣлъ-бы въ своемъ распоряженіи темы для бесѣдъ, и эти послѣднія отличались-бы бо́льшею полнотою и обстоятельностью. Болѣе или менѣе подробно составленные протоколы засѣданій можно было-бы, отъ времени до времени, издавать, ибо содержаніе ихъ имѣло-бы общій интересъ и служило-бы полезнымъ, поучительнымъ матеріаломъ для чтенія какъ для вновь поступающихъ членовъ, желающихъ узнать, что̀ именно уже сдѣлано въ Кружкѣ, такъ и для публики, въ особенности для молодыхъ матерей семействъ и для дѣвицъ, готовящихъ себя къ воспитательной дѣятельности. Членамъ Кружка не приходилось-бы нуждаться въ рефератахъ, не приходилось-бы слушать рефераты или присутствовать при демонстраціяхъ, которые, можетъ быть, и интересны сами по себѣ, но вовсе не подходятъ къ задачѣ Кружка и только

отвлекаютъ его отъ осуществленія его прямыхъ цѣлей. Равнымъ образомъ, Кружокъ избавился-бы отъ необходимости выслушивать рефераты, въ которыхъ нѣтъ ничего такого, о чемъ ранѣе уже не было-бы сказано полнѣе и лучше въ средѣ самаго Кружка и уже занесеннаго въ его протоколы, которые, такимъ образомъ, служили-бы справочною книгою для всѣхъ, желающихъ сдѣлать въ Кружкѣ какое-либо сообщеніе. Излишнія повторенія уже извѣстнаго были-бы устранены изъ засѣданій Кружка, и послѣднія были-бы всегда полны интереса и поучительности для своихъ членовъ и посѣтителей. Указаннымъ веденіемъ дѣла, на нашъ взглядъ, скорѣе, полнѣе и цѣлесообразнѣе осуществлялось-бы стремленіе Кружка достигнуть твердыхъ, опредѣленныхъ результатовъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ семейнаго воспитанія и психологіи ребенка.

Въ настоящее время Кружокъ, повидимому, продолжаетъ по прежнему разрабатывать вопросы, которые лишь случайно были возбуждены въ немъ, и не приводитъ добытые результаты въ органическую связь между собою. Такъ, въ прошломъ учебномъ году онъ много занимался вопросами о дѣтскомъ страхѣ и дѣтскихъ капризахъ, а въ нынѣшнемъ—вопросомъ о развитіи у дѣтей памяти. Случай ранняго и сильнаго развитія въ ребенкѣ, имѣющемъ около трехъ лѣтъ отъ роду, способности запоминанія вызвалъ въ матери опасеніе, какъ-бы такое развитіе не сказалось вредными послѣдствіями позже, не ослабило-бы памяти и ума, а потому естественно возникъ вопросъ, не нужно-ли сдерживать черезчуръ быстрое развитіе памяти и какъ вообще ея развивать? Богатство впечатлѣній—первое условіе для развитія хорошей памяти; въ деревнѣ память у дѣтей изощряется лучше, потому что здѣсь они получаютъ массу живыхъ впечатлѣній и наблюденій. Такъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ одинъ изъ врачей, членъ Кружка. По нашему мнѣнію, слѣдовало-бы добавить, что обиліе и разнообразіе, разнохарактерность впечатлѣній скорѣе могутъ повести къ ослабленію памяти, ибо, быстро смѣняясь одно другимъ, эти впечатлѣнія будутъ вытѣснять другъ друга, а не закрѣпляться въ памяти. Развитію памяти содѣйствуетъ повторяемость впечатлѣній; если въ деревнѣ память дѣйствительно изощряется лучше, то это именно потому, что наблюдаемое, при всемъ своемъ богатствѣ, представляетъ, однако, собою опредѣленный кругъ явленій, періодически повторяющихся и наслояющихся въ памяти лишь постепенно, а потому и укрѣпляющихся въ памяти и, въ свою очередь, укрѣпляющихъ ее, но лишь по отношенію къ воспріятію и удерживанію явленій именно извѣстнаго, даннаго порядка, а не вообще. Человѣка съ всеобъемлющею памятью нѣтъ, но есть люди съ замѣчательно развитою памятливостью явленій и фактовъ многихъ категорій.

Въ началѣ нынѣшняго-же года въ Кружкѣ были сдѣланы сообщенія объ эгоизмѣ у дѣтей, о дѣтскомъ вниманіи, а также по вопросу о подаркахъ дѣтямъ. Чувства эгоистическія и альтруистическія лежатъ въ основѣ природы дитяти, но первыя проявляются ранѣе, а потому скорѣе бросаются въ глаза наблюдателю: при благопріятствующихъ условіяхъ, первые развиваются въ ущербъ послѣднимъ; слѣдовательно, должно пользоваться всякими проблесками благожелательныхъ чувствъ, которыя, подъ вліяніемъ опыта, собственныхъ страданій ребенка, являются уже на третьемъ году его жизни; эти проявленія и должно укрѣплять въ немъ. У дѣтей еще

нѣтъ нравственныхъ понятій и убѣжденій; эгоизмъ и альтрюизмъ дѣтей имѣютъ, такимъ образомъ, не этическій, а психологическій характеръ, обусловливаемый также отчасти физической организацiей ребенка, его здоровьемъ; какъ слабыя, такъ и очень сильныя дѣти одинаково расположены скорѣе къ эгоизму, а потому требуютъ большаго къ себѣ въ этомъ отношеніи вниманія; винить дѣтей за ихъ эгоистическія наклонности во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ; нужно стараться развивать въ нихъ чувствованія благожелательныя, поощряя ихъ проявленія.—Вниманіе рано развивается у дѣтей; они любятъ повторенія, и этимъ должно пользоваться для пріученія ихъ къ вниманію, т.-е. слѣдуетъ вводить новое постепенно, постоянно связывая его съ старымъ, избѣгая отрывочности. Но не надо насиловать вниманія, не давая ему успѣть сосредоточиться; множество новыхъ впечатлѣній ведетъ къ разсѣянности. Вопросъ о развитіи вниманія имѣетъ тѣсную связь съ вопросомъ о развитіи памяти у дѣтей; но этого члены Кружка, повидимому, не замѣтили, ибо, какъ мы уже сказали, рефераты въ немъ, къ сожалѣнію, имѣютъ случайный характеръ.

Послѣднія засѣданія Кружка происходили 19-го и 30-го марта. По прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, въ собраніи Кружка отъ 19-го марта продолжались пренія по реферату г-на Литвинскаго, а затѣмъ былъ заслушанъ рефератъ г-на Каптерева.

Основная мысль реферата г. Литвинскаго состоитъ въ томъ, что первоначальное обученіе дѣтей не должно быть начинаемо слишкомъ рано. Повидимому, референтъ имѣлъ въ виду дѣтей въ городскихъ и, притомъ, въ зажиточныхъ семьяхъ, желающихъ, чтобы ихъ дѣти учились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Начинать обученіе такихъ дѣтей въ семьѣ референтъ считаетъ возможнымъ лишь съ восьми-лѣтняго возраста мальчиковъ и съ семи-лѣтняго дѣвочекъ, такъ какъ послѣднія учатся вообще менѣе продолжительный срокъ и такъ какъ у нихъ, по причинамъ физиологическимъ, одинъ годъ ученія долженъ-бы былъ выпадать. Каждый разъ, впрочемъ, родителямъ слѣдовало-бы посовѣтоваться съ врачемъ относительно времени начала обученія каждаго даннаго ребенка. Раннее обученіе причиняетъ дѣтямъ вредъ,—поселяетъ скуку, дѣлаетъ ихъ вялыми, апатичными, разстраиваетъ здоровье и притупляетъ умственныя способности. Данныя школьной статистики, собранныя за 1880 годъ Центральнымъ Статистическимъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, показываютъ, что большинство учащихся въ старшихъ классахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ изъ тѣхъ дѣтей, которые поступали въ школу—дѣвочки 11—12 лѣтъ, а мальчики 12—13 лѣтъ. Личныя наблюденія референта, ведомыя имъ записи, которыя онъ основательно совѣтуетъ вести всѣмъ учителямъ, подтверждаютъ этотъ фактъ. Такимъ образомъ, позднее начало обученія обезпечиваетъ лучшій успѣхъ его въ школѣ, способствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненію энергіи по выходѣ изъ нея. Возможно, конечно, что ученикъ, начавшій учиться въ раннемъ возрастѣ, учится въ школѣ хорошо, но за то большинство такихъ учащихся по окончаніи школьнаго ученія вовсе перестаютъ интересоваться наукою, становятся апатичными и мало способными къ практической дѣятельности. Успѣвающими и въ наукѣ, и въ жизни, людьми дѣятельными большею частью являются не тѣ, которые были лучшими учениками въ школѣ,

или рано поступали въ нее, но считавшіеся въ ней малоуспѣвающими, или же поступившіе въ нее въ болѣе позднемъ возрастѣ, нежели это общепринято. Время, заполняемое нынѣ ученіемъ, въ раннемъ возрастѣ, референтъ совѣтуетъ посвящать бесѣдамъ съ дѣтьми объ окружающемъ, отвѣчая на ихъ вопросы и побуждая ихъ къ таковымъ искусственно. Конечно, дѣти будутъ засыпать вопросами объ окружающемъ, для большинства ихъ не потребуется даже искусственнаго къ тому возбужденія со стороны родителей и воспитателей; но тутъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ имѣть въ виду два возможныхъ обстоятельства: 1) или такого рода бесѣды объ окружающемъ примутъ характеръ безцѣльной болтовни, и такимъ образомъ въ дѣтяхъ будетъ развитъ навыкъ къ разсѣянности, болтливости, или-же 2) родители и воспитатели, будучи не подготовлены для болѣе или менѣе умѣлаго веденія такихъ бесѣдъ, будутъ вынуждены отдѣлываться ничего незначущими, общими фразами, изъ чего понятливый ребенокъ можетъ догадаться, что его отецъ или мать *не знаютъ*, что отвѣтить ему, а такимъ образомъ будетъ подрываться родительскій или воспитательскій авторитетъ. На эту сторону реферата г. Литвинскаго въ Кружкѣ совсѣмъ не было обращено вниманія.

Происходившіе въ томъ-же засѣданіи Кружка пренія по поводу реферата г-жи Половцевой—о подаркахъ дѣтямъ—состояли въ выясненіи тезиса, что желательно ограничить эти подарки со стороны постороннихъ лицъ; что подарки могутъ дѣлать только родители, воспитатели и вообще лица, очень близкія къ ребенку, а потому болѣе знакомыя съ его потребностями, и притомъ подарки не должны портить вкусъ ребенка. Даримыя ребенку игрушки должны способствовать его умственному, физическому и нравственному развитію. Обращеніе дѣтей съ игрушками не лишено воспитательнаго значенія, развивая въ нихъ инстинкты бережливости. Подарки-же постороннихъ развиваютъ въ дѣтяхъ любовь къ подачкамъ, порождаютъ эгоизмъ и такимъ образомъ развиваютъ инстинкты къ легкой наживѣ впослѣдствіи. Все это сводится къ тому простому выводу, что и въ подаркахъ дѣтямъ должно соблюдать осмотрительность. Это, конечно, истина; слѣдовало-бы только добавить, что если игрушки составляютъ интимный міръ ребенка, то не должно вторгаться въ него насильно даже людямъ близкимъ. Лучшими игрушками будутъ тѣ, которыя изготовлены или выбраны самимъ ребенкомъ и играя которыми онъ можетъ комбинировать ихъ по своей фантазіи или при помощи видимыхъ имъ образцовъ; таковы, напримѣръ, игрушки, представляющія собою строительный матеріалъ—кубики, кирпичики, глина и т. п.

Въ томъ-же засѣданіи 19-го марта былъ прочитанъ г. Каптеревымъ рефератъ о причинахъ лѣни, а 30-го марта происходили по этому реферату пренія. Составленъ онъ на основаніи данныхъ, имѣющихся у Гончарова, въ его романѣ «Обломовъ». Какъ общественный типъ, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, Обломовъ давно уже разсмотрѣнъ въ нашей литературѣ, въ извѣстномъ превосходномъ соціально-критическомъ этюдѣ «Что такое обломовщина» покойнаго Н. А. Добролюбова. По взгляду г. Каптерева, Илья Обломовъ можетъ служить конкретнымъ образцомъ въ отношеніи указанія причинъ возникновенія и развитія лѣни въ ребенкѣ, отъ природы живомъ и дѣятельномъ. Лѣнь референтъ опре-

дѣляетъ какъ отсутствіе склонности къ работѣ и отсутствіе самой работы. Референтомъ были прочтены обширныя выдержки изъ «Обломова», въ которыхъ описывается дѣтство и воспитаніе героя романа. Отрывки эти были разбиты на слѣдующія рубрики: 1) мѣстность родины Обломова—ровная, однообразная, 2) населеніе—тихое, спокойное, 3) родители и семья—невѣжественные, суевѣрные, обжорливые, привыкшіе пользоваться чужимъ трудомъ; вся обстановка семейной жизни развивала въ ребенкѣ лишь преобладаніе растительныхъ процессовъ надъ всѣми другими, наконецъ, 4) школа, въ которой заучивалось множество отдѣльныхъ, безсвязныхъ фактовъ, сообщалось лишь мертвенное знаніе. Сумма всѣхъ этихъ условій создала типъ Обломова—съ бездѣятельнымъ характеромъ, вялымъ умомъ, съ отсутствіемъ всякихъ умственныхъ, культурныхъ интересовъ. Обширные отрывки изъ произведенія нашего безподобнаго художника-мозаиста были выслушаны присутствовавшими съ большимъ интересомъ. Затѣмъ референтъ пересказалъ вкратцѣ, своими словами, то, что только-что прочелъ изъ Гончарова, и заявилъ, что онъ усмотрѣлъ въ изображеніи авторомъ Обломова одинъ *пропускъ*, а именно, по мнѣнію референта, авторъ не указываетъ на органическія свойства человѣка, на врожденное предрасположеніе къ недѣятельности, не указываетъ на вліяніе наслѣдственности въ развитіи лѣни у Ильи Обломова. Въ романѣ Гончарова, какъ въ произведеніи высоко-художественномъ, дѣйствительно, нѣтъ такого рода терминовъ, ибо наличность ихъ превратила-бы его въ quasi-научный трактатъ, но въ романѣ имѣется прекрасное описаніе жизни родителей, изъ котораго можно заключить и о возможности наслѣдственнаго предрасположенія къ лѣни въ ихъ дѣтищѣ, такъ какъ по древу судятъ и о плодахъ его. Референтъ утверждалъ, чего, впрочемъ, никто и не будетъ отрицать, что лѣнь коренится въ природѣ человѣка. Если пищеварительный аппаратъ преобладаетъ надъ мускулатурой и нервной системой, то данный субъектъ будетъ непремѣнно лѣнивъ. Такимъ образомъ, референтъ признавалъ, что лѣнь имѣетъ корни въ самой организаціи даннаго субъекта, есть явленіе органическое. Но затѣмъ онъ привелъ множество примѣровъ, выхваченныхъ изъ этнографіи и путешествій, преимущественно изъ быта дикарей, въ пользу того взгляда, что жизнь обусловливается природою страны, именно обиліемъ готоваго матеріала для пищи, и, наконецъ, обратилъ вниманіе еще и на то обстоятельство, что чѣмъ народъ менѣе культуренъ, тѣмъ болѣе среди его лѣнивыхъ.

Въ концѣ-концовъ, дебатировавшіе, изъ которыхъ одни стояли за одну причину возникновенія лѣни, другія—за другую, третьи—за третью, повидимому, помирились на мысли совокупить, какъ причины лѣни, три условія: 1) наслѣдственность, 2) вліяніе внѣшней природы и 3) вліяніе среды. Наиболѣе важный, въ педагогическомъ отношеніи, вопросъ о видахъ и формахъ лѣни остался почти незатронутымъ. Было только высказано мнѣніе, что слабость воли и вообще патологическое состояніе учащихся, пониженную дѣятельность ихъ, являющуюся нерѣдко результатомъ переутомленія, не слѣдуетъ смѣшивать съ лѣнью и что педагоги должны обращать на это вниманіе. Слѣдовало-бы, намъ кажется, замѣтить къ этому еще и то, что нерѣдко одною изъ причинъ лѣни у нѣкоторыхъ изъ учащихся является даровитость ихъ натуры, легко, безъ труда схваты-

вающей преподаваемое, въ особенности по тѣмъ предметамъ, занятіе которыми не требуетъ усидчивости, а потому эти учащіеся и позволяютъ себѣ уклоняться отъ учебныхъ занятій и вообще отъ обязательнаго труда. Шаблонность преподаванія скорѣе всего можетъ отвратить ученика съ такой даровитой натурой отъ школьнаго ученія.

Въ заключеніе засѣданія Кружка отъ 30 марта, г. Литвинскимъ были демонстрированы телефонъ и грамофонъ, изобрѣтеніе Берлинера, представляющій собою дальнѣйшее развитіе фонографа въ томъ отношеніи, что изобрѣтателемъ найденъ способъ воспроизводить фонограмы механически, въ тысячѣ экземпляровъ. Демонстрированіе такого рода прибора было вызвано, вѣроятно, отсутствіемъ рефератовъ, соотвѣтствующихъ цѣлямъ «Родительскаго кружка», которыя, въ общемъ, нельзя не признать весьма симпатичными. К. М.

Годичное общее собраніе Фрёбелевскаго общества.

20-го марта, въ одной изъ залъ Петровскаго коммерческаго училища, состоялось общее собраніе членовъ С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго, для содѣйствія первоначальному воспитанію, общества. Изъ отчета, представленнаго собранію, мы видимъ, что дѣятельность Общества въ истекшемъ году сосредоточивалась главнымъ образомъ на фрёбелевскихъ курсахъ. Эти двухъ-годичные курсы, устроенные съ цѣлью подготовленія воспитательницъ для дѣтей до-школьнаго возраста, въ 1889—1890 учебномъ году имѣли 27 слушательницъ—17 на старшемъ курсѣ и 12 на младшемъ. Принятое до сихъ поръ распредѣленіе лекцій одновременно по двумъ курсамъ признано неудобнымъ. Въ отчетномъ году лекціи поэтому читались каждому курсу отдѣльно. При этомъ первый курсъ посвященъ занятіямъ *теоретическимъ*, второй—*практическимъ*. Слушательницы практическаго курса наблюдали за развитіемъ дѣтей и упражнялись въ составленіи ихъ характеристики. Чтобы доставить всѣмъ желающимъ возможность ознакомиться съ методикой воспитанія, Общество признало возможнымъ принимать на курсы и не имѣющихъ диплома домашнихъ учительницъ. По предмету изданія книгъ общество устраивало ежегодный конкурсъ на соисканіе преміи за лучшій разсказъ для маленькихъ дѣтей. Въ прошломъ году было представлено на конкурсъ 193 рукописи, но ни одна изъ нихъ не была признана достойной преміи. Что касается денежныхъ дѣлъ Общества, то приходъ его къ 1-му декабря 1890 г. составлялъ 3.631 р., въ томъ числѣ: плата за слушаніе лекцій дала 1.770 р., отъ продажи книгъ получено 1.133 р., а отъ лотереи 1.000 р. Расходы равнялись 3.365 р., въ томъ числѣ расходы на содержаніе курсовъ составляли 2.691 р. 70 к.

По прочтеніи отчета, Е. М. Гаршинъ прочелъ рефератъ: «О безпризорныхъ дѣтяхъ и о дѣтскихъ садахъ для нихъ». Въ преніяхъ, вызванныхъ этимъ докладомъ, приняли участіе П. Ѳ. Каптеревъ и С. С. Старынкевичъ, какъ представительница «Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ». На этомъ засѣданіи выяснилась возможность положить

начало совмѣстнымъ дѣйствіямъ благотворительныхъ учрежденій въ дѣлѣ устройства народныхъ дѣтскихъ садовъ для дѣтей неимущихъ родителей, и постановлено образовать соединенную коммиссію изъ среды членовъ «Фрёбелевское Общества» и «Общества попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ» для дальнѣйшей разработки этого вопроса.

Въ томъ-же засѣданіи произведены были выборы членовъ совѣта. Избранными оказались: П. К. Раухфусъ (предсѣдательница совѣта), О. С. Клокова (казначей), Л. Н. Ватсонъ, Е. М. Гаршинъ, П. Ѳ. Каптеревъ, П. А. Литвинскій, г-жа Шаффе, г-жа Энденъ; кандидатами въ члены совѣта г-жа Бовина и г. Гориневскій.

Письма въ редакцію.

I.

М. г., г. редакторъ.

Въ № 2-мъ журнала «Русская Школа» за текущій годъ помѣщена статья г-жи Е. Литвиновой «Памяти княгини Александры Алексѣевны Оболенской», въ которой сказано, между прочимъ: «Незадолго до своей смерти, потерявъ всякую надежду на улучшеніе своего здоровья, княгиня Александра Алексѣевна передала гимназію своей дочери; она сдѣлала это спокойно, вполнѣ увѣренная въ томъ, что дочь ея будетъ продолжать ея дѣло, сохраняя уже установившіяся въ учебномъ заведеніи традиціи. Сверхъ того, она хорошо знала, что, прослуживъ двадцать лѣтъ столь важному дѣлу, ея гимназія не можетъ измѣнить своего характера безъ опасности для самаго своего существованія»...

Что именно разумѣется въ приведенномъ мѣстѣ статьи подъ *измѣненіемъ характера* гимназіи, основанной княгиней Оболенскою, остается не совсѣмъ яснымъ. Но во всякомъ случаѣ изъ этого мѣста можно вывести то заключеніе, будто какое-то измѣненіе характера угрожаетъ гимназіи, и будто теперешней начальницѣ гимназіи приходится бороться съ какими-то вліяніями, стремящимися къ такому измѣненію. Поэтому, какъ лицо, призванное руководить гимназіею въ качествѣ предсѣдателя ея педагогическаго совѣта, я считаю своимъ долгомъ заявить, что никакихъ такихъ вліяній не существуетъ. Гимназія, какъ и въ прежнее время, руководствуется положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ 1870 г., въ которомъ указанъ ея учебно-воспитательный строй и которому она обязана подчиняться. Въ предѣлахъ этого положенія педагогическій совѣтъ гимназіи заботится о правильномъ веденіи въ ней дѣла *безъ всякой односторонней тенденціи*, которой въ гимназіи никогда не было и прежде. Такимъ образомъ, поводъ, вызвавшій выписанное мною изъ статьи г-жи Литвиновой замѣчаніе, представляется для меня совершенно непонятнымъ.

Примите увѣреніе въ совершенной моей преданности.

Н. Дебольскій,

предсѣдатель педагогическаго совѣта
женской гимназіи княгини Оболенской.

26 марта 1891 г.

II.

Открытое письмо къ преподавателямъ естественныхъ наукъ.

Милостивый государь!

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ декабрѣ мѣсяцѣ настоящаго года состоится въ Москвѣ IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Есть основаніе предполагать, что на этотъ съѣздъ, какъ и на предыдущіе, пріѣдутъ многіе преподаватели естественной исторіи. Несомнѣнно, что тѣ преподаватели естественной исторіи, которые пріѣдутъ на съѣздъ, интересуются не только научными вопросами, но и педагогическими.

Въ виду послѣдняго обстоятельства, состоящая при Учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній коммиссія преподавателей естественной исторіи принимаетъ мѣры къ устройству во время съѣзда педагогическихъ собраній преподавателей естественной исторіи для обсужденія вопросовъ, относящихся къ преподаванію этого предмета въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По ходатайству коммиссіи, Учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній изъявилъ согласіе устроить во время съѣзда нѣсколько публичныхъ засѣданій для заслушанія и обсужденія докладовъ по вопросамъ преподаванія естественной исторіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чтобы собранія эти были болѣе плодотворными, коммиссія признала необходимымъ заранѣе извѣстить гг. преподавателей о предстоящихъ во время съѣзда педагогическихъ собраніяхъ преподавателей естественной исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія обращается къ вамъ, милостивый государь, съ просьбой—не пожелаете-ли вы взять на себя трудъ приготовить докладъ, хотя-бы по одному изъ слѣдующихъ вопросовъ:

1. Необходима-ли реформа преподаванія естественной исторіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и если необходима, то въ чемъ она должна состоять?

2. Какой долженъ быть методъ преподаванія естественной исторіи въ низшихъ школахъ (городскія училища)?

3. Какой долженъ быть методъ преподаванія естественной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?

4. Задача преподаванія біологическихъ наукъ въ низшихъ школахъ?

5. Организація преподаванія біологическихъ наукъ въ низшихъ школахъ (выборъ, распредѣленіе и обработка учебнаго матеріала)?

6. Задача преподаванія біологическихъ наукъ въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ?

7. Организація преподаванія біологическихъ наукъ въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ (выборъ, распредѣленіе и обработка учебнаго матеріала)?

8. Задача и организація преподаванія минералогіи въ низшихъ школахъ?

9. Задача и организація преподаванія минералогіи въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ?

10. Задача и организація преподаванія естественной исторіи въ сельско-хозяйственныхъ школахъ (низшихъ и среднихъ)?

11. Задача и организація преподаванія естественной исторіи въ учительскихъ семинаріяхъ?

12. Задача и организація преподаванія естественной исторіи въ учительскихъ институтахъ?

13. Задача и организація преподаванія естественнной исторіи въ реальныхъ училищахъ?

14. Задача и организація преподаванія естественной исторіи въ кадетскихъ корпусахъ?

15. Задача и организація преподаванія естественной исторіи въ низшихъ и среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ?

16. Школьный садъ, его задача и организація?

17. Акваріумъ и террарiумъ, ихъ задача и организація?

18. Зоологическій, ботаническій и минералогическій кабинеты (натуральные объекты, модели, картины и другіе пособія); ихъ задача и организація?

19. Естественно-историческія экскурсіи, ихъ задача и организація?

20. Образовательное и воспитательное значеніе составленія учениками естественно-историческихъ коллекцій?

21. Естественная исторія есть-ли необходимый учебный предметъ въ современной общеобразовательной школѣ?

22. Естественно-историческая библіотека для учителей: a) сочиненія по исторіи методики, b) научныя сочиненія, служащія для справокъ и для самообразованія учителя, c) сочиненія по собиранію естественно-историческихъ объектовъ, по препарированію животныхъ и вообще по собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій; сочиненія для опредѣленія растеній, животныхъ и минераловъ.

23. Естественно-историческая библіотека для учениковъ.

Для улучшенія преподаванія естественной исторіи весьма полезно, даже необходимо, знакомство съ современнымъ состояніемъ преподаванія естественной исторіи; почему желательны доклады, въ которыхъ гг. преподаватели сообщили-бы о методахъ преподаванія, которымъ они слѣдуютъ, объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, которыми они пользуются. Весьма желательно, чтобы въ собраніе преподавателей были доставлены ученическія работы (коллекціи, модели, рисунки и проч.), а также естественно-историческія коллекціи, модели и другія учебныя пособія, составленныя самими преподавателями.

По поводу намѣченныхъ для докладовъ вопросовъ коммиссіи считаетъ необходимымъ пояснить, что предложенные ею вопросы для докладовъ не должны стѣснять васъ, милостивый государь; коммиссія приметъ съ признательностью доклады и по другимъ вопросамъ, относящимся къ преподаванію естественной исторіи. Если вы, милостивый государь, пожелаете принять участіе въ собраніяхъ преподавателей внесеніемъ доклада, потрудитесь о предметѣ вашего доклада увѣдомить коммиссію заблаговременно, такъ какъ необходимо значительно раньше открытія съѣзда знать: a) о чемъ и кѣмъ будутъ сдѣланы доклады, b) о количествѣ докладовъ.

Въ виду ограниченнаго количества времени, какое предполагается посвятить на прочтеніе доклада (20 минутъ), доклады должны быть изложены сжато. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что доклады будутъ допущены

къ прочтенію въ собраніи преподавателей только по разсмотрѣніи ихъ особою, для этой цѣли составленною, коммиссіей изъ преподавателей естественной исторіи и по разрѣшеніи совѣта Учебнаго отдѣла.

Предѣльный срокъ для доставленія въ коммиссію докладовъ—сентябрь мѣсяцъ.

Относительно различнаго рода льготъ для гг. членовъ IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей будутъ своевременно сдѣлано бюро IX съѣзда извѣщеніе чрезъ газеты; въ настоящее время коммиссія не имѣетъ никакихъ свѣдѣній по вопросу о льготахъ.

За разрѣшеніемъ вопросовъ, какіе можетъ возбудить у васъ, милостивый государь, настоящее извѣщеніе, коммиссія проситъ обращаться къ ней, адресуя свои запросы на имя предсѣдателя коммиссіи, преподавателя Московскаго учительскаго института Михаила Петровича Вараввы, Москва, Учительскій институтъ; на его-же имя коммиссія проситъ гг. преподавателей присылать и свои доклады.

Предсѣдатель коммиссіи

М. Варавва.

Москва, 12 января
1891 года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ

съ 1-го января по 1-е февраля 1891 г. *).

I. Педагогика, дидактика, школьная гигіена и гимнастика.

Адольфъ, А. Истинное образованіе и классицизмъ. Рѣчь, произнесенная 9-го сентября 1890 г. на годичномъ актѣ московской 3-й гимназіи. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 23 стр., 500 экз.

Бунаковъ, Н. Школьный годъ. Распредѣленіе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ начальной народной школѣ, съ трехгодичнымъ курсомъ и съ 3-мя отдѣленіями, при одномъ учителѣ. Изд. 2-е Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. В. Безобразова и К° и Е. Евдокимова. 8 д., 64 стр., 1.200 экз. Ц. 25 к.

Василевскій, С. Бесѣда о прямомъ призваніи и назначеніи воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній къ служенію церкви божіей. (Говорена назадъ тому 25 лѣтъ). Казань. 1890. Тип. И. Перова. 16 д., 31 стр.

Забѣлинъ, А. Вѣковые опыты нашихъ воспитательныхъ домовъ. Спб. 1891. Тип. кн. В. Мещерскаго. 8 д., 93 стр., 100 экз.

Платоновъ, І., протоіерей. Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію въ начальной школѣ. Изд. 3-е. Черниговъ. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., III + 146 стр. Ц. 40 к., съ перес. 55 к.

Тольскій, Н., проф. О вліяніи школы на здоровье ея воспитанниковъ. (Изъ рѣчи и отчета Имп. Московскаго университета, 1891). Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 47 стр., 100 экз.

Трифановскій, Д. С., д-ръ. Наша общеобразовательная школа, ея недостатки и необходимость и возможность для Россіи положить въ основаніе ея новыя начала. Москва. 1891. Тип. Т. Гагенъ. 8 д., 58 стр., 350 экз.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Гнѣвушевъ, М. Историческая записка о состояніи, находящагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства въ теченіи перваго двадцатипятилѣтія его существованія, 1861—1886. Кіевъ. 1890. Тип. А. Давиденко. 8 д., 77 стр.

Годичный актъ въ кіевской духовной академіи 15-го октября 1889. Кіевъ. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 8 д., 50 + 39 стр.

Годичное засѣданіе Высочайше учрежденнаго комитета для устройства въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, 2-го декабря 1890 г. Москва. 1891. Тип. «Русская». 8 д., 122 стр., 650 экз.

---

*) Духовныя провинціальныя изданія относятся къ предшествующимъ мѣсяцамъ.

Десятилѣтіе (1879—1889 г.) общества вспомоществованія недостаточнымъ учащимся тифлисской 2-й мужской гимназіи. (Историческая записка). Тифлисъ. 1891. Тип. А. Михельсона. 8 д., 69 стр., 100 экз.

Императорскій Казанскій университетъ. Обозрѣніе преподаванія въ осеннемъ полугодіи 1891 года. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д., 7 + 13 + 6 + 24 стр. и 4 таблицы, 250 экз.

Историческій очеркъ 25-ти-лѣтняго существованія Николаевскаго пріюта солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ, съ 6-го декабря 1865 г. по 6-е декабря 1890 г. Варшава. 1890. Тип. упр. жандарм. округа. 8 д., 34 стр., 100 экз.

Лебедевъ, А., прот. Руководительныя правила для уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта, наблюдателей за церковно-приходскими школами и школами грамотности и завѣдывающихъ сими школами законоучителей и учителей. Изд. 2-е. Островъ. Тип. А. Степановой. 8 д., 108 стр., 1.500 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ на весеннее полугодіе 1891 г. Одесса. 1891. Тип. экономическая. 8 д., 48 стр. и 3 таблицы, 120 экз.

Отчетъ о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости, произведенныхъ въ 1889 году въ гимназіяхъ московскаго учебнаго округа. М. 1890. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 208 стр., 100 экз.

Отчетъ о состояніи тифлисской 1-й гимназіи къ 1-му января 1890 г. Тифлисъ. 1890. Тип. И. Мартиросіанца. 8 д., III + 146 + 17 + 45 + 10 + 51 + 30 + 39 стр., 400 экз.

Отчетъ по учрежденіямъ дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, въ С.-Петербургѣ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, за 1889—1890 уч. годъ. Спб. 1890. Тип. Шредера. 8 д., 26 стр., 350 экз.

Отчетъ кіевскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и учрежденнаго при немъ музыкальнаго училища за 1889—1890 г. Кіевъ. 1890. Тип. К. Милевскаго. 8 д., 71 стр., 150 экз.

Отчетъ музыкально-драматическаго училища московскаго филармоническаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича Старшаго покровительствомъ, за 1889—90 учебн. годъ. М. 1890. Тип. «Русскія Вѣдом.». 8 д., 40 стр., 200 экз.

Ивану Петровичу Корнилову на память о днѣ 22-го сентября 1890 г. Спб. 1890. Тип. М-ва Путей Сообщ. (А. Бенке). 8 д., 88 стр., 200 экз.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты по казанской епархіи за 1888—89 учебн. годъ. (Прил. къ «Извѣстіямъ по казанской епархіи» 1890 г.). Казань. 1890. Тип. университетская. 8 д. 84 стр.

Переписка о чувашскихъ изданіяхъ переводческой коммисіи. Казань. 1890. Тип. В. Ключникова. 8 д., XVI + 204 стр.

Памятная книжка виленской дирекціи народныхъ училищъ за 1890—91 учебн. годъ. Вильна. 1891. Тип. И. Блюмовича. 8 д., 43 стр., 300 экз.

Памятная книжка виленскаго учебнаго округа за 1890—91 учебный годъ. Изд. управленія виленск. учебнаго округа. (Приложеніе къ № 12 Циркуляра по виленск. учебн. округу за 1890 г.). Вильна. 1891. Тип. А. Сыркина. 8 д., 156 стр.

Правила и программы для поступленія въ училище св. Елены, состоящее подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Спб. 1891. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 30 стр., 200 экз. Ц. 25 к.

Правила, требованія и программы испытаній въ коммисіи физико-математической, по отдѣленію математическихъ наукъ. (Утвержденныя г. Министромъ Нар. Просвѣщенія 10-го декабря 1890 г.). Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., 35 стр., 1.200 экз.

Правила и программы для поступленія вольно-опредѣляющимися и въ юнкерскія училища. Изд. 2-е. В. Березовскаго. Спб. 1891. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 41 стр., 2.000 экз. Ц. 20 к.

Правила, требованія и программы испытаній въ коммисіи физико-математической. По отдѣленію естественныхъ наукъ. Утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го декабря 1890 года. Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., 83 стр., 1.200 экз.

— въ коммисіи юридической. Утвержд. г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го декабря 1890 г. Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., 32 стр., 2.000 экз.

Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго университета 12 января 1891 года. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., III + 238 стр., 12.000 экз.

Свѣдѣнія о состояніи въ С.-Петербургской губерніи народныхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство, за учебный 1889—1890 г. (Годъ 25-й). Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д., 9 стр. и 1 таблица, 600 экз.

Скабаллановичъ, Е. Историческая записка о варшавскомъ духовномъ училищѣ. Сост. ко дню 50-лѣтняго юбилея училища. Варшава. 1890. Тип. варш. уч. округа. 8 д., II+147 стр.

Учебные планы и программы предметовъ учебнаго курса ремесленныхъ училищъ. (Утверждены Министромъ Нар. Просв. 19-го дек. 1890 года).

Чижевскій, І., протоіерей. Инструкція церковнымъ старостамъ (Высочайше утвержденная 12-го іюня 1890 г.) и послѣдовавшія со дня изданія первой 17-го апрѣля 1808 года постановленія и распоряженія, относящіяся къ обязанностямъ ихъ. Съ приложеніемъ положеній: «О приходскихъ попечительствахъ» и «Церковныхъ братствахъ». Изд. неоффиціальное. Харьковъ. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., V+137+II стр. Ц. 1 р.

Шимановскій, Вс. Пасѣка при народной школѣ. Кіевъ. 1889. Тип. С. Кульженко. 8 д., 82+V стр. Ц. 50 к.

Ѳирсовъ, Н. А. Памяти Петра Дмитріевича Шестакова. Мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-вост. Россіи въ частности. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д,, 20 стр, 210 экз. Ц. 25 к.

III. Законъ Божій.

Важнѣйшія молитвы съ ихъ толкованіями и краткія свѣдѣнія объ ученіи и богослуженіи православной церкви. Спб. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 16 д., 160 стр., 24.000 экз.

Соколовъ, Д., прот. Священная исторія Ветхаго Завѣта въ объемѣ курса семинарій и духовныхъ училищъ. Изд. 8-е. Спб. Тип. А. Катанскаго. 8 д., 8½ печ. листовъ, 20.000 экз.

Соловьевъ, І., діаконъ. Полный учебникъ по Закону Божію: разсказы изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, объясненіе молитвъ, десяти заповѣдей, всенощнаго бдѣнія, литургіи и святыхъ таинствъ православной церкви. Сост. въ вопросахъ и отвѣтахъ, по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ, съ приложеніемъ самой программы. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 110 стр., 1.200 экз.

Ѳоменко, Кл., протоіерей. Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по Закону Божію. Оренбургъ. 1890. Тип. И. Ефимовскаго-Мировицкаго. 8 д., 32 стр.

IV. Русская грамота, русскій языкъ и словесность.

Аугенбергъ, И., и **Соостэ**, М. Азбука для обученія письму и чтенію. Изд. 3-е, съ рисунками. Либава. 1890. Тип. М. Петерсона. 8 д., 32 стр., 16.000 экз.

Барановъ, А. Русскій букварь, съ матеріаломъ для первоначальнаго чтенія, заучиванія наизусть и письменныхъ упражненій. Учебное руководство, составленное примѣнительно къ программамъ, утвержденнымъ Святѣйшимъ Синодомъ для церковно-приходскихъ школъ. Изд. 5-е Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 48 стр., 30.000 экз. Ц. 12 к.

Богдановъ, В. Русская хрестоматія, преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Въ 3 частяхъ. Часть II. (Два выпуска). (Съ русско-нѣмецкимъ словаремъ). Для 3-го и 4-го классовъ гимназій, реальныхъ и друг. училищъ. Изд. 2-е, испр. и значит. дополненное, книжн. маг. Эггерсъ и К°. Спб. 1891. Тип. И. Гольдберга. 8 д., XII+403+64 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Бунаковъ, Н. Руководство для занятій въ народной школѣ по книгѣ для чтенія «Въ школѣ и дома». Ч. 1-я и 2-я, съ темами, планами и примѣрами постепенныхъ письменныхъ упражненій для наученія самостоятельно излагать свои мысли. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 72 стр., 2.000 экз. Ц. 30 к.

Витте-де, Е. Книга для чтенія въ начальной школѣ. Годъ 2-й. Даль, Крыловъ, изъ народнаго творчества и Филаретъ московскій (письма къ роднымъ). Съ пособіемъ для преподавателей. (Отдѣльной книжкой). Ковна.

1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., 174+2 нен. стр., 612 экз. Ц. 20 к.

— Приложеніе къ книгѣ для чтенія въ начальной школѣ. Пособіе преподавателямъ. Годъ 2-й. Ковна. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., 103+II стр., 612 экз. Ц. 25 к.

Ельницкій, К. Сборникъ поэтическихъ произведеній, выражающихъ: I религіозныя мысли и чувства, II нравственныя проявленія, III любовь къ родинѣ и патріотическія чувствованія и проч. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 86+II стр., 1.245 экз. Ц 45 к.

— Мысли и чувства, выраженныя въ поэтическихъ произведеніяхъ. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 80 стр., 1.245 экз. Ц. 40 к.

Ерминъ, Н., и **Волотовскій**, А. Новая книга для класснаго и домашняго чтенія, примѣненная къ потребностямъ народныхъ школъ, въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Курсъ 3-го года обученія въ народной школѣ. Изд. 5-е. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 158+2 нен. стр., 10.000 экз. Ц. 50 к.

Ильминскій, Н. Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ (когда она преподается послѣ русской грамоты), съ примѣрами для чтенія изъ св. Писанія и изъ молитвъ и съ объясненіями для народныхъ учителей. Книжка 1-я для учениковъ. Изд. 5-е, безъ измѣненій. Казань. 1890. Тип. В. Ключникова. 8 д., 128 стр. Ц. 20 к.

Левитскій, Ф. Методическія указанія относительно преподаванія по книгѣ: «Курсъ русскаго языка для грузинскихъ начальныхъ школъ». Кутаисъ. 1890. Тип. губ. 8 д., 30 стр., 480 экз.

Лубенецъ, Т. Руководство къ русско-славянскому букварю. Книга для учащихъ. Изд. 4-е, исправл. и значит. дополненное, съ приложеніемъ подвижной азбуки. Кіевъ. 1890. Тип. А. Иванова. 8 д., 60 стр. Ц. 30 к.

Методическія указанія относительно преподаванія русскаго языка и словесности въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Съ прил. темъ для сочиненій и задачъ для устныхъ упражненій учащихся. (Отд. оттискъ изъ «Русск. Фил. Вѣстн.»). Варшава. 1891. Тип. М. Земкевичъ. 8д., 31 стр., 100 экз.

Новый самоучитель русскаго языка, заключающій въ себѣ: упражненія въ чтеніи, правила мудрости христіанской, молитвы, сvмволъ вѣры, заповѣди, краткую священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, стихотворенія для выучиванія дѣтямъ наизусть, басни, начертанія цыфръ и таблицу умноженія. Изд. книгопр. А. Прѣснова. Москва. 1891. Тип. И. Байкова. 16 д., 72 стр., 48.000 экз.

Радонежскій, А. Солнышко. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ. Изд. 4-е, исправл. и доп. Съ рисунками. Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д., 156 стр., 10.200 экз. Ц. 50 коп.

Россійская азбука, заключающая въ себѣ: упражненія въ чтеніи, молитвы, сvмволъ вѣры, заповѣди и таблицу умноженія. Изд. книгопр. А. Прѣснова. 16 д., 36 стр., 96.000 экз.

Савенко, Ѳ. Г. Объяснительное чтеніе, хрестоматія для первоначальныхъ занятій русскимъ языкомъ. Всѣхъ статей 314. Изд. 5-е книжн. маг. «Начальная школа» Е. Тихомирова. М. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., V+IV+295 стр., 5.000 экз. Ц. 60 к.

Тихомировъ, Д. Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Часть 1-я. Изд. 7-е. Москва. Тип. Волчанинова. 8 д., 192 стр., 20.000 экз.

Толстой, Л. Н., гр. Четвертая русская книга для чтенія. Изд. 15-е. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 76 стр., 2.000 экз. Ц. 16 к.

Ушинскій, К. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изд. 23-е (окончательно испр. и дополненное, съ 105 рисунк. въ текстѣ), въ 2-хъ частяхъ. Часть 2-я. Спб. 1891. Тип. Н. Лебедева, В. Балашева и товар. «Обществ. Польза». 8 д., 296+94+V стр., 15.000 экз.

Фрейфельдтъ, Д. Л., и **Лавровъ**, Н. О. Наглядное обученіе русскому языку для употребленія въ приготовительныхъ и младшихъ классахъ среднихъ учебн. завед. дерптскаго учебнаго округа. Отдѣлъ 1-й: человѣкъ и домашнія животныя. Изд. 2-е. Ф. Клуге. Ревель. 1890. Тип. насл. Линдфорса. 8 д., 3 нен.+110 стр., 2.500 экз.

Хворовъ, С. Ѳ. Элементарный курсъ практической русской грамматики съ задачами, упражненіями и образцами различныхъ разборовъ и работъ, для

младшихъ классовъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и домашняго обученія. Этимологія и синтаксисъ простаго предложенія. Курсъ концентрическій. Сост. по руководству Я. К. Грота. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 125 стр., 5.000 экз. Ц. 35 к.

V. Древніе языки.

Аппельротъ, В. Краткій синтаксисъ греческаго языка. Изд. книжн. магазина А. Ланга. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 64 стр. 1.200 экз.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Ксенофонтъ. Анабасисъ. Книга 1. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 47 рисунками и картою М. Азіи. Объяснилъ Л. Георгіевскій. Изд. 2-е. Царское Село. 1891. Тип. В. Безобразова и К° въ Спб. 8 д., 40+84 стр., 10.000 экз.

— Гай Юлій Цезарь. Записки о галльской войнѣ. Книга I. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 32 рисунками, 2 планами сраженій и картой Галліи. Объяснилъ С. Манштейнъ. Царское Село. 1891. Тип. В. Безобразова и К° и В. Вацлика въ Спб. 8 д., 36+78 стр., 4.000 экз.

— II. Овидій Назонъ. Избранныя стихотворенія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 56 рисунками и картою звѣзднаго неба. Объяснилъ проф. И. Нетушилъ. Царское Село. 1891. Тип. В. Вацлика въ Спб. 8 д., 82+152 стр., 5.000 экз.

Корнелій Непотъ. Избранныя біографіи. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 43 рисунками и географическою картою. Объяснилъ Л. Георгіевскій. Царское Село. 1891. Тип. В. Безобразова. и К°., Спб. 8 д., 37+86 стр. 6.000 экз.

Левенштейнъ, Я. Memorabilia Xenophontis. Воспоминаніе Ксенофонта о Сократѣ. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., XXIV+87+64 стр., 2.400 экз. Ц. 75 к.

Любомудровъ, С. Латинская хрестоматія. Часть I. Этимологическая. Для I-го кл. и перваго полугодія II-го кл. гимназіи. Изд. книжн. магазина А. Ланга. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., XII+84+18+35 стр., 1.200 экз.

VI. Математика и естествознаніе.

Бычковъ, Ѳ. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изд. 12-е (исправленное). Спб. 1891. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., VI+592 стр., 15.000 экз. Ц. 1 р. 35 к.

Воленсъ, В. Руководство къ ариѳметикѣ. Изд. 16-е. Спб. 1891. Тип. И. Скороходова. 8 д., 203 стр., 6.000 экз. Ц. 60 к.

Вороновъ, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ. Часть I (цѣлыя числа). Изд. 8-е. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. В. Безобразова. и К°. 8 д., II+80 стр., 5.000 экз. Ц. 30 коп.

Гердъ, А. Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Съ 91 рисунк. въ текстѣ. Изд. 7-е. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 135 стр., 3.000 экз. Ц. 80 к.

Евтушевскій, В. А. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Ч. 2-я. Дроби. Изд. 17-е. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д. II+140+31 стр. 30.100 экз. Ц. 40 к,

Лубенецъ, Т. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта. Изд. 9-е. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 205 стр., 10.100 экз. Ц. 40 к.

Мостовскій, А. Краткій курсъ естественной исторіи для начальныхъ училищъ. Съ изображеніемъ человѣческ. расъ, животныхъ и растеній на 10-ти таблицахъ. Рига 1891. Тип. Шнакенбурга. 8 д., VI+150 стр., 1.000 экз.

Павловъ, Н. Опытъ систематическаго сборника задачъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Числа любой величины. Казань. 1891. Тип. универс. 8 д., 106 стр., 1.200 экз. Ц. 30 к.

Руководство ученія о проекціяхъ. Теорія и задачникъ для реальныхъ училищъ. Дерптъ. 1891. Изд. и тип. Т. Лакмана. 8 д., 48 стр., 500 экз.

Тиховскій, А. Краткій курсъ анатоміи и физіологіи растеній, составленный для городскихъ училищъ. Съ 51 рисункомъ въ текстѣ. Симбирскъ. 1891. Тип. А. Токарева. 8 д., 61 стр., 300 экз. Ц. 40 к.

VII. Географія.

Воронецкій, А. Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Въ

3-хъ частяхъ. Ч. 1-я: общій обзоръ земнаго шара. Изд. 3-е Д. Полубояринова. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 138 стр., 2.100 экз. Ц. 1 р. 35 к.

Географія. Азіятскія владѣнія Россіи. Съ приложеніемъ 2-хъ картъ. Составилъ А. Ч. Вильна. 1891. Тип. А. Сыркина. 8 д., 50 стр., 2.000 экз. Ц. 35 к.

Плетневъ, П. Учебникъ всеобщей географіи, составленный примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д.. 158+2 нен. стр., 1.245 экз. Ц. 60 к.

VIII. Новые языки.

Bouhon, E. Recueil classique français à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique. Poésie. (Классическій французскій сборникъ для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ и мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Э. Бугонъ. Поэзія). Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., V+137 стр., 1.200 экз. Ц. 50 коп.

Забѣлина, Е. П. Руководство для изученія новыхъ иностранныхъ языковъ, по методу Берлитца составленное и дополненное. Часть 1-я. Французскій языкъ. Изд. кн. маг. В. Думнова. М. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 2 нен. + 85 стр., 1.200 экз. Ц. 75 к.

Месковскій, А. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. Сост. для русскихъ по новѣйшей американской системѣ Р. С. Розенталя. Вып. 5-й. Спб. 1891. Тип. А. Пожаровой, 8 д., стр. съ 121 по 152, 2.150 экз. Ц. 30 к.

Мозеръ, П. Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ трехъ частей. Часть III. Изд. 3-е, исправленное учебнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., X+188+35 стр., 3.000 экз. Ц. 70 к.

Мозеръ, П. Руководство къ практическому изученію французскаго языка по связнымъ статьямъ, избраннымъ изъ лучшихъ русскихъ авторовъ, для среднихъ и старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. М. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VIII + 102 + 96 стр., 3.600 экз. Ц. 80 коп.

Рѣдкинъ, А. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Сост. по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 5-й. Спб. Тип. академіи наукъ. 8 д. Стр. съ 113 по 142, 3.035 экз.

IX. Чистописаніе, рисованіе и предметы профессіональнаго образованія.

Гербачъ, В. Образцы дѣловыхъ бумагъ и писемъ, встрѣчающихся въ крестьянскомъ обиходѣ, какъ пособіе при обученіи письму въ начальныхъ училищахъ. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 16 стр., 2.045 экз. Ц. 15 к.

Давыдовъ, М. П. Садоводство и огородничество. Практическое общепонятное руководство для сельскихъ жителей: учителей, духовенства, учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ и другихъ школъ. Изд. книгопр. А. Дубровина. Казань. 1891. Тип. универс. 8 д., 37 стр., 1.200 экз. Ц. 20 к.

Езерскій, Ѳ. Образцы книгъ и формъ торговаго счетоводства по русской тройной системѣ для практическихъ упражненій изучающимъ счетоводство. Изд. Ѳ. Езерскаго. Спб. Тип. Счетоводъ. 4 д., 60 нен. стр., 480 экз.

Рошковская, С. Систематическое вышиваніе по методу Фрёбеля, занятіе и развлеченіе для дѣтей дома и въ фрёбелевскихъ заведеніяхъ. Варшава. Тип. К. Ковалевскаго. 2 д., 4 таблицы, 600 экз.

Рѣдковская, О. Руководство для преподаванія элементарнаго рисованія. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. академіи наукъ. 8 д., 27 стр., 2.025 экз. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Архангельская, М. В. Преподобный Сергій и Троицко-Сергіева Лавра (разсказы изъ русскаго быта). Москва. 1891. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 32 стр., 3.300 экз. Ц. 5 к.

Балакиревъ. Собраніе анекдотовъ о немъ. Москва. 1890. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Бахметева, А. Н. Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руко-

водству четiихъ-миней. Январь, февраль, мартъ, апрѣль. Изд. 12-е, книгопр. А. Ступина, съ 13 рисунками. Москва. Тип. Гатцука. 8 д., 658 стр., 9.600 экз.

— Май, iюнь, iюль, августъ. Изд. 12-е книгопр. А. Ступина, съ 13 рисунками. Москва. Тип. Гатцука. 8 д., 736 стр., 9.600 экз.

— Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Изд. 12-е книгопр. А. Ступина, съ 13 рисунками. Москва. Тип. Гатцука. 8 д., 632 стр., 9.600 экз.

Б—въ, И. Родные звуки. Сборникъ стихотворенiй писателей-самоучекъ. Вып. 2-й. Москва. 1891. Тип. А. Снегиревой. 8 д., 61+II стр., 500 экз. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Бесѣды съ малолѣтними преступниками. Казань. Тип. Ключникова. 16 д., 96 стр., 2.400 экз.

Благоговѣйныя чувства души, стремящейся къ Богу, или духовные псалмы, собранные, въ назиданiе христiанъ, отъ разныхъ богоугодной жизни старцевъ, затворниковъ и пустынножителей, Кiево-Печерской лавры iеромонахомъ, блаженныя памяти Владимiромъ Мусатовымъ. Изд. 8-е, 4 д., X+58 стр., 10.014 экз.

Богатый въ пиру, а бѣдный въ мiру. Разсказъ изъ крестьянскаго быта. Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Богдановичъ, И. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Изд. 3-е. (Дешевая библiотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 96 стр., 25.000 экз. Ц. 15 к.

Богдановичъ, С., свящ. Бесѣда православнаго миссiонера со штундистами о почитанiи св. иконъ. 8 д., 37 стр., 1.000 экз.

Бородинъ, Д. Н. Какъ закрыть кабакъ по закону (Докладъ въ собранiи с.-петербургскаго общества трезвости). (Отд. оттискъ изъ журнала «Благовѣстъ»). Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 8 стр., 100 экз.

Брянчаниновъ, И., епископъ. О кончинѣ мiра. Три поученiя. Изд. 3-е. Спб. Тип. дома призрѣнiя малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 40 стр., 3.600 экз.

Бѣлый и черный. Разсказъ Подъ ред. журнала «Русское Богатство». Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Венiаминъ, епископъ черниговскiй и нѣжинскiй. Бесѣда на евангельскую притчу о домохозяинѣ и работникахъ въ виноградникѣ. Черниговъ. 1890. Тип. губ. правл. 8 д., 10 стр.

— Слово о любви къ Богу. Черниговъ, 1890. Тип. губ. правл. 8. д., 12 стр.

— Слово о служенiи различныхъ сословiй общему благу государства. Черниговъ. 1890. Тип. губернск. правленiя. 8 д., 9 стр.

— Слово о страсти корыстолюбiя. Черниговъ. 1890. Тип. губернск. правленiя. 8 д., 11 стр.

Вернъ, Ж. Полное собранiе сочиненiй. Томъ II. Вып. В. Вокругъ луны. Романъ для юношества. Съ 44 рисунками Э. Баяра и А. де-Невилля. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д, 8 стр., 25.000 экз.

Виноградовъ, Н. Притчи Господа нашего Iисуса Христа. Отдѣлъ 2-й. Спб. 8 д., 60 стр. 250 экз.

Вишневскiй, С. М., д-ръ. Книжка для простаго народа. О сохраненiи здоровья. Какъ устроить домъ и разные пристрои къ нему, чтобы жить въ немъ было здорово? Какъ работать и какъ отдыхать, чтобы работы и занятiя были полезны. Какъ лѣчить болѣзни и оказывать помощь людямъ. Часть 3-я. Съ 2 рисунками. Изд. 2-е исправленное книгопр. А. Дубровина. Казань. 1891. Тип. унив. 8 д., 144 стр., 3.600 экз. Ц. 15 к.

Волгинъ, В. Мертвецъ безъ гроба. Повѣсть. М. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

— Чародѣй и рыцарь. Волшебная повѣсть. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Вразумленiе заблудшимъ и исповѣдь обратившагося отъ заблужденiя. Изд. 5-е. Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Одесса. 1890. Тип. Е. Фесенко. 8 д., 47 стр.

Гаршинъ, Вс. Сигналъ. Разсказъ. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 18 стр., 12.000 экз.

Гоголь, Н. Носъ. Народное изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 16 д., 40 стр., 10 000 экз. Ц. 10 к.

Гофманъ, Ф. Врачи (Der Pachthof). Повѣсть для юношества. Съ 4 картинами. Изд. книгопр. Т. Кузина. Спб. 1891. Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 16 д., 95 стр., 5.000 экз.

Гуринъ, Г. И., ветер. врачъ. Стельная корова. Какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленiи. Изд. моск. губернской земской управы. Москва.

1891. Тип. «Разсвѣтъ». 8 д., 28 стр., 11.000 экз. Ц. 5 к.

Двѣнадцать братьевъ лебедей, или царевна золотая звѣзда. Сказка. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ боевой жизни (Изъ записокъ артиллериста). Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 48 стр., 3.000 экз.

Дестунисъ, С. Житія святыхъ за апрѣль мѣсяцъ. Спб. Тип. дома призрѣнія мал. бѣдныхъ. 8 д., 148 стр., 4.000 экз.

Дмитріевъ, К. Въ какой мѣстности какихъ овецъ выгоднѣе держать. Изъ 20-ти-лѣтней практики агронома-арендатора (Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство). Изд. книжн. маг. «Начальная школа» Е. Тихомировой. М. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 36 стр., 3.600 экз. Ц. 8 к.

— Выборъ посѣвныхъ сѣмянъ, обсѣмененіе почвъ, уборка хлѣбовъ и вымолотъ ихъ. Изд книжн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 20 стр., 3.600 экз. Ц. 5 к.

— Полевое хозяйство съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, картофеля и свеклы. Изд. книжн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 17 стр., 3.600 экз. Ц. 5 к.

Доброе слово къ пчеловодамъ. Спб. 1891. Тип. В. Демакова. 8 д., 15 стр., 900 экз.

Домашній другъ. (Домашній лѣчебникъ. Домашній столъ. Разные совѣты). Спб. 1891. Тип. В. Комарова. 8 д., 226+III стр., 5.000 экз.

Духовно-нравственныя чтенія во Владимірской читальнѣ гор. Казани. Вып. 5-й. О трудѣ и отдыхѣ. Архимандрита Никанора. Казань. 1890. Тип. Н. Ильяшенко. 8 д., 32 стр. Ц. 15 к.

Евстигнѣевъ, Миша. Не жениться—горе, а жениться—вдвое! Шутка въ 3-хъ картинахъ, съ эпилогомъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Елагинъ, П. Н. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Съ 80 рисунками птицъ и принадлежностей птицеводнаго хозяйства и съ чертежами птичниковъ. Изд. А. Девріена. Спб. 1891. Тип. В. Киршбаума. 8 д., VI+310 стр., 3.100 экз. Ц. 2 р.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Конфуцій, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ К. М. Карягина. Съ портретомъ Конфуція, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ Польза» и Ю. Эрлиха. 8 д., 77 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— И. А. Крыловъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ С. М. Бриліанта. Съ портретомъ Крылова, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Общественная Польза». 8 д., 85 стр., 8.100 экз. Ц. 25 коп.

— А. Мицкевичъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. А. Мякотина. Съ портретомъ Мицкевича, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Общественная Польза» и А. Траншеля. 8 д., 93 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Патріархъ Никонъ, его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. А. Быкова. Съ портретомъ Никона, гравиров Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 111 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Лессингъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. М. Филиппова. Съ портретомъ Лессинга, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза» и «Новости». 8 д., 97 стр., 8.000 экз Ц. 25 к.

Засодимскій, П. В. Черные вороны и весь вѣкъ для другихъ. Два разсказа. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій. Указаніе пути въ царствіе небесное. Бесѣда. Изд. 25-е. Москва. 1890. 8 д., 60 стр.

Ивинъ, И. Житіе, страданіе и чудеса святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. Тип. Байкова. 8 д., 96 стр., 6.000 экз.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. V. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., стр. съ 161 по 208 и 2 таблицы, 2.130 экз.

Кончевскій, Н. Вода въ воздухѣ. Съ рисунками. Изд. ред. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Общ. Польза». 8 д., 39 стр., 2.000 экз.

Кругловъ, А. Геніальный поморъ. Біографическій очеркъ. (Съ портр. М. В. Ломоносова). Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8 д., 29 стр., 3.000 экз. Ц. 20 к.

Лабулэ. Паша-пастухъ. Восточная сказка. Передѣлка съ французскаго. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Съ портретомъ его и біографическимъ очеркомъ. Въ одномъ томѣ. Рублевое изданіе. Спб. 1891. Изд. и тип. Глазунова. 8 д., XVI+460 стр., 50.000 экз.

Лопатискій, Н. И., свящ. Разсказы для сельскаго возсоединеннаго отъ уніи народа. Сѣдлецъ. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., 245 стр. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Мазановъ, П., прот. Чудо милости Божіей при крушеніи Императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 года. Изд. 2-е. Полтава. Тип. Л. Фритберга. 8 д., 25 стр., 600 экз.

Марко богатый и Василій безсчастный. Народная сказка. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Марлинскій, А. (Бестужевъ, А. А.). Мореходъ Никитинъ. Романъ и Ольга. Замокъ Эйзенъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 144 стр., 7.200 экз.

— Наѣзды. Повѣсть 1613 года. Измѣнникъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 180 стр., 7.200 экз.

Марченко. Бой-баба. Повѣсть. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1890. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 153 стр., 1 200 экз.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Поэма въ IV частяхъ. Полный переводъ. Н. М. Бородина. Изд. книгопрод. И. Морозова. Москва. 1891. Тип. Ф. Іогансона. 8 д., 336 стр., 6.000 экз. Ц. 2 р.

Наумовичъ, І., протоіерей. Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни. Изд. 3-е. П. Прянишникова. М. 1891. Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 8 д., 159 стр., 3.000 экз. Ц. 30 к.

Негеевичъ, Д. Свѣтъ. (Русскій букварь.—Молитвословъ.—Разсказы изъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.—Сборникъ статей для чтенія, пересказа, заучиванія наизусть, списыванія съ книги и письменнаго переложенія.—Мѣсяцесловъ). Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Я. Либермана. 8 д., 158+II стр., 1.245 экз. Ц. 45 коп.

Некрасова, Е. Первый русскій ученый, архангельскій мужикъ — Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 53 стр., 12.000 экз.

Нигофъ, Н. А. За океаномъ. Очерки и разсказы изъ американской жизни. Москва. 1890. Тип. «Разсвѣтъ». 8 д., 32 стр., 2.400 экз. Ц. 15 к.

Обѣтованія Богоматери благоговѣйнымъ насельникамъ св. горы Аѳона. Съ привѣтствіями и прошеніями къ ней и къ преподобнымъ аѳонскимъ. Собраны изъ славянскихъ и греческихъ книгъ. Изд. 7-е Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 24 стр., 10.000 экз.

Озеровъ, В. А. Сочиненія. Эдипъ въ Аѳинахъ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ хорами. Дмитрій Донской. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изд. 2-е (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 155 стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

Паломникъ, или необходимое руководство для лицъ, посѣщающихъ св. гору Аѳонъ. Изд. аѳонскаго св. Андреевскаго скита. Одесса. Тип. Е. Фесенко. 8 д., II+126 стр., и 1 карта.

Пастеръ, Л. Бѣшенство. Переводъ Н. В. Панчулидзевой и М. О. Церельмана. Изд. саратовскаго уѣзднаго земскаго санитарнаго совѣта. Саратовъ. 1891. Тип. губерн. земства. 8 д., 2 нен.+20 стр.

Перси, Дж. Коралловый рифъ. Разсказъ съ англійскаго С. Снесоревой. Изд. 2-е. Ѳ. Траншеля. Съ хромолитограф. рисунками. Спб. 1890. Тип. А. Траншеля. 8 д., 222 + II стр., 2.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Платонъ, митрополитъ кіевскій. Бесѣда о томъ, что означаетъ и къ чему побуждаетъ россіянъ крушеніе Царскаго поѣзда, бывшее на харьково-азовской желѣзной дорогѣ 17-го октября 1888 года, при которомъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ III и все Августѣйшее Семейство Его подвергались величайшей опасности. 8 д., 14 стр., 900 экз.

— Христосъ Воскресе! Слова на Пасху. 8 д., 43 стр., 1.975 экз.

Плачь кающагося грѣшника. Покаянныя молитвенныя размышленія на каждый день седмицы инока Фикара, подвизавшагося во св. горѣ Аѳонской. Изд. 5-е Аѳонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 16 д., 99 стр. 3.000 экз.

Преданіе, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти у разбойниковъ.

Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Присяжный. Передѣлка изъ Чарльза Вайта (Ученіе свѣтъ). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 32 стр., 12.000 экз.

Проказы купеческой жены и приказчика и веселые разсказы про прежнія были. М. 1890. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Про лису. Сборникъ сказокъ, басенъ и статей (Правда). Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 54 стр., 12.000 экз.

Про обезьяну — мартышку и про медвѣдя—Мишку. Сборникъ сказокъ, басенъ и статей (Правда № 7). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 53 стр., 10.000 экз.

Противъ пьянства. Извлеченіе изъ сочиненій св. Тихона, епископа воронежскаго и елецкаго, 2 д., 1 стр., 2.500 экз.

Разговоръ православнаго и пашковца о св. Писаніи и преданіяхъ церковныхъ. Спб. Тип. А. Катанскаго. 16 д., 32 стр., 5.000 экз.

Раздѣлъ. Разсказъ крестьянина. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Размышленія христіанина, посвященныя ангелу-хранителю на каждый день въ продолженіи мѣсяца. Изд. 6-е Спб. Тип. товар. «Обществ. Польза». 16 д., 287 стр. 7.450 экз.

Рего, Эд. Бесѣды крестьянина Никиты Павлова о зимнемъ кормленіи рогатаго скота. Сост. для грамотныхъ поселянъ. Изд. 2-е. Спб. 1891. Изд. и тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 82 стр., 1.200 экз.

Рыжій графъ. Составлено по разсказу П. В. Засодимскаго. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°., 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ или мальчикъ съ мизинчикъ. Сказка. Москва. 1890. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Сергіевъ, І. И., прот. Полное собраніе сочиненій. Томъ 1-й. Кронштадтъ. Тип. «Кронштадтскаго Вѣстника». 8 д., 524 стр., 3.000 экз.

Слѣпой Вартимей. Изд. 8-е. Спб. Тип. А. Якобсона. 16 д., 56 стр., 5.000 экз.

Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Еруслане Лазаревичѣ, о его храбрости и о невообразимой красотѣ царевны Анастасіи Вахрамѣевны. Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 96 стр., 12.000 экз.

Сказка о славномъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр. 12.000 экз.

Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Еруслане Лазаревичѣ и о прекрасной супругѣ его Анастасіи Вахрамѣевнѣ. Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Соловецкая обитель. Спб. Тип. А. Катанскаго. 8 д., 36 стр., 6.000 экз.

Станюковичъ, К. Между своими, или смерть на кораблѣ. Болѣзни и смерть отъ дурнаго воздуха. Изд. В. И. (Правда). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 53 стр., 12.000 экз.

Тихвинскій, Ѳ. Вертоградарь духовный. Внѣбогослужебныя собесѣдованія о евангельскихъ блаженствахъ и христіанской жизни по житіямъ святыхъ. Тула. 1889. Тип. Н. Соколова. 8 д., 103 стр.

— Повѣсть о томъ, сколь пагубно иногда бываетъ бѣдному сдѣлаться богатымъ (Изъ Пролога). Сост. для простаго народа. Изд. редакціи «Тул. Епарх. Вѣдомостей». Тула. 1890. Тип. Н. Соколова. 8 д., 26 стр.

Тищенко, Ѳ. Семенъ-сирота и его жена. Деревенская быль (Для взрослыхъ). Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 107 стр., 7.200 экз.

Толычева, Т. Сказаніе о томъ, какъ была основана Троицко-Сергіева лавра, и о томъ, какъ она увеличивалась и отражала силу вражію. Изд. 5-е Александро-Маріинскаго дома призрѣнія. Москва. Тип. Лисснера и Романа. 16 д., 32 стр., 1.200 экз.

Троицкій, И., миссіонеръ. Обличеніе заблужденій штундизма. Опытъ подробнаго разбора лжеученія сектантовъ-штундистовъ. Кіевъ. 1890. Тип. А. Иванова. 8 д., XIV+250 стр. Ц. 1 р. 20 к. съ пересылк.

Удалой татарскій наѣздникъ Япанча (Бекъ-Муратъ), или взятіе Казани въ царствованіе Іоанна IV Грознаго. Историческая повѣсть. Въ 2-хъ частяхъ. Подъ ред. С. К—ва. Москва. 1890. Тип. Д. Бунчъ-Бруевича. 16 д., 288 стр., 6.000 экз.

Феофанъ Прокоповичъ. Разсужденіе о нетлѣніи мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, въ кіевскихъ пещерахъ нетлѣнно почивающихъ. Изд. 6-е, 8 д., 40 стр., 3.000 экз.

Царица духовъ и фей. Волшебная сказка. Москва. 1890. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Цшокке. Дѣлатели золота. Народная повѣсть. Изд. 7-е Москва. 1891. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 172 стр., 3.600 экз. Ц. 25 к.

Эртель, В. Завоеваніе Алжира. Разсказъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 4-мя политипажами. Изд. А. Гарбель и К° (Дѣтская библіотека). Москва. 1891. Тип. М. Мартынова и К°. 16 д., 123 стр., 1.200 экз. Ц. 30 к.

Юрьева. Заколдованныя страны. Свѣтлое солнышко. Дѣтскіе нравственные разсказики, повѣстушки и исторійки, заимствованные изъ источниковъ лучшей дѣтской литературы. Москва. 1891. Тип. Н. Мейнгарда. 8 д., 220 стр., 1.900 экз.

Юрьева, А. Новая повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы. Въ 3-хъ частяхъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 108 стр., 7.200 экз.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ"

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

Особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сvнодѣ и Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** допущенъ въ учебныя заведенія вѣдомствъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ отъ 8 до 10 листовъ печатнаго текста, со многими рисунками.

Вступая въ XI годъ своего существованія (IV годъ подъ новой редакціей), журналъ **„Дѣтскій Отдыхъ"** надѣется, что онъ достаточно выяснилъ свое направленіе. Стараясь дать своимъ читателямъ занимательное и разнообразное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знанія, онъ главнымъ образомъ преслѣдовалъ одну цѣль: познакомить ихъ насколько возможно полнѣе съ родиной. Для этого въ журналѣ былъ открытъ отдѣлъ **„Русскіе люди и Русскій край"**, въ который вошли біографіи тѣхъ русскихъ дѣятелей, жизнь которыхъ можетъ служить нравственнымъ примѣромъ труда и энергіи для юношества. Очерки отечественной исторіи, большія повѣсти, дающія этнографическія и географическія свѣдѣнія о нашей родинѣ, занимали въ журналѣ видное мѣсто.

Въ будущемъ 1891 году въ журналѣ приметъ дѣятельное участіе извѣстный педагогъ **В. П. Острогорскій** и изъявили согласіе участвовать всѣ прежніе сотрудники журнала: **Н. П. Аксаковъ, А. А. Бахтіаровъ, Н. П. Боголюбовъ, П. В. Безобразовъ, П. Вольногорскій, А. Н. Догановичъ, В. Е. Ермиловъ, В. П. Желиховская, А. В. Кругловъ, М. В. Киселева, Н. В. Красноселовъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Ольга N, Н. Н. Островская, Л. И. Пальминъ, Л. В. Постникова, Н. И. Позняковъ, А. П. Смирновъ, Евгенія Туръ, М. Юрьева, И. В. Юркевичъ, А. В. Щепкина** и многіе другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ........ **6** руб.
» » » на полгода..... **3** » **50** коп.
Безъ дост. въ Москвѣ (контора Н. Печковской) .. **5** » **50** »

Господъ иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала: Москва, Афанасьевскій пер., домъ Ганенфельдъ.

Редакторы-издательницы { **Е. Сарачева.** / **Е. Напалкова.**

3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный общедоступный журналъ

ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

„ПРИРОДА И ЛЮДИ".

Подписной годъ съ 1 ноября 1890 года по 1 ноября 1891 года.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА, содержащихъ историческіе романы и разсказы изъ жизни свѣтилъ науки, знаменитыхъ путешественниковъ и изобрѣтателей; романы, повѣсти и разсказы, описывающіе путешествія и приключенія на сушѣ и на морѣ; статьи по всѣмъ отраслямъ географіи и этнографіи: описанія путешествій, живописные очерки и картины чудесъ природы, этнографическіе очерки и сцены и пр.; общедоступныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія; свѣдѣнія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ и успѣхахъ естествознанія; полезные совѣты и рецепты, научныя развлеченія и занятія и пр.

══ Каждый № состоитъ изъ 16 стр. журнальнаго формата и заключаетъ въ себѣ 7—8 большихъ статей и 8—12 рисунковъ. ══

Въ наступающемъ году будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія капитальныя вещи:

1) «Вокругъ солнца» (Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго въ межпланетномъ пространствѣ); 2) «Въ когтяхъ лихоимца»—историч. романъ Е. Ѳ. Шрекника; 3) «Тайна мага» — романъ А. Лори; 4) «Въ тайгѣ» — большой разсказъ д-ра А. В. Елисѣева; 5) «Въ Новый Свѣтъ»—(дневникъ русскаго эмигранта) большой разсказъ В. Ю. Дружинина; 6) «По Волгѣ»—большой разсказъ А. Кузнецова и В. Семенова; 7) Инородцы Сибири — рядъ этнографическихъ очерковъ В. Ельницкаго; 8) «Стеклянный городъ»—романъ А. Броуна; 9) «Въ Дебряхъ Африки»—подлинный разсказъ Г. Стэнли о его послѣднемъ путешествіи; разсказы и очерки Л. Симоновой, П. Пашино, А. Максимова, В. Чуйко, А. Бахтіарова, А. Сахаровой, А. Никольскаго и мн. др.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, изящно отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, иллюстрированныхъ книжекъ. Заглавія ихъ: 1) «Руководство къ гальванопластикѣ», 2) «Химія безъ лабораторіи», 3) «Ремесленникъ-любитель», 4) «Комнатное плодоводство», 5) «Электротехникъ-любитель», 6) «Календарь флоры», 7) «Фотографъ-любитель», 8) «Ракъ и его ловля», 9) «Собиратель грибовъ», 10) «Прѣсноводный акваріумъ», 11) «Пѣвчія птицы», 12) «Фокусникъ-физикъ».

Подписная цѣна на годъ, со всѣми приложеніями, съ перес. и дост. 4 рубля.

Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** руб., къ 1 апрѣля **1** руб., къ 1 іюля **1** руб. На другихъ условіяхъ разсрочка не допускается. Не выславшимъ взносовъ въ указанные сроки высылка журнала останавливается съ этихъ сроковъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

Редакторъ С. Груздевъ. Издатель П. Сойкинъ.